

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2019

К 40-летию дипотношений
КНР и США

Закон КНР об индивидуальном
подходном налоге

Перспективы экономики КНДР

Сотрудничество российских
и китайских кинематографистов

Молодые востоковеды о проблемах
Восточной Азии

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2019

Март — Апрель

Научный и общественно-политический журнал,
выходит шесть раз в год на русском и четыре
раза в год на английском языках
Издается с марта 1972 года

Выпускается под руководством
Отделения глобальных проблем
и международных отношений
Российской академии наук

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков (доктор экономических наук, проф.)

Редакционная коллегия

О.Н. Борох, к.э.н., А.В. Виноградов, д.полит.н.,
А.Д. Воскресенский, д.полит.н., проф., А.С. Давыдов, к.и.н.
(зам. главного редактора), В.Г. Дацышен, д.и.н., проф.,
А.З. Жебин, к.полит.н., В.П. Зимонин, д.и.н., проф., А.Н. Карнеев,
к.и.н., В.О. Кистанов, д.и.н., Я.В. Лексютина, д.полит.н.,
А.В. Ломанов, д.и.н., проф. РАН, С.Г. Лузянин, д.и.н., проф.,
В.М. Мазырин, д.э.н., О.И. Мальцева (ответственный
секретарь), Н.Л. Мамаева, д.и.н., П.А. Минакир, академик
РАН, Л.В. Новоселова, д.э.н., А.В. Островский, д.э.н., проф.,
В.Е. Петровский, д.полит.н., Н.А. Самойлов, д.и.н.,
С.С. Суслина, д.э.н.

Иностранные члены редколлегии

А. Ачария, проф., директор Института китайских исследований
(Нью-Дели, Индия), М. Бастид-Брюгер, проф., Национальный
центр исследований по общественным наукам (Париж, Франция),
У Эньюань, проф., Академия общественных наук Китая (Пекин,
КНР), Ху Аньган, проф., Университет Цинхуа (Пекин, КНР), Чжу
Сяньпин, проф., Цзилиньский университет (Чанчунь, КНР).

Редакция

К.В. Асмолов зав. *отделом Кореи*
Е.В. Белилина
зав. *отделом внешней политики*
А.Н. Карнеев
зав. *отделом истории и*
внутренней политики
А.Н. Коробова
зав. *отделом культуры*
А.С. Крушинский
зав. *отделом экономики*
В.В. Кузьминков
зав. *отделом Японии*
Л.С. Лаврова *экспедитор*
Е.А. Лапшина зав. *редакцией*
Г.П. Манчха редактор
Д.Б. Славинский *оператор ЭВМ*
А.Б. Старостина
зав. *отделом идеологии и*
философии

Содержание

ПОЛИТИКА

- К.В. Асмолов.* Взаимоотношения в китайско-корейском «треугольнике»..... 4
Б.М. Кондорский. Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути»..... 21

К 40-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КНР И США

- Ю.А. Дубинин.* К истории установления современных американо-китайских отношений..... 29
А.С. Давыдов. Идеология и прагматизм в налаживании и укреплении китайско-американских связей 35
А.В. Волошина. Китай в «тихоокеанском повороте» США 43
В.Е. Петровский. Американо-китайские торговые войны: экономика или геополитика? 51
Я.В. Лексютина. «Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства 59
С.М. Труш. Д. Трамп и Китай: промежуточные итоги 67

ЭКОНОМИКА

- А.В. Островский.* Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге..... 73
А.В. Шурубович. Экономические отношения Белоруссии и Китая: состояние, тенденции, проблемы 80
Л.В. Захарова. Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации..... 91
Я.В. Мищенко. Торгово-экономическое сотрудничество Японии и стран АСЕАН: двусторонние и многосторонние форматы 104

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Н.И. Бедарева.* Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений 114

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ИДВ РАН

- Вьетнамо-китайские отношения: трудный поиск согласия..... 126

ИСТОРИЯ

- Г.Н. Романова.* «Открытие» Китая капиталистическим миром и начало процесса модернизации страны (вторая половина XIX в.) 136
Е.В. Яковкин. «Убит под Номонханом»: создание культа героя как пример антисоветской пропаганды в среде российской дальневосточной эмиграции (1939–1945 гг.)..... 144

КУЛЬТУРА

<i>О.И. Завьялова. Путунхуа: от «языка чиновников» к языку среднего класса</i>	151
<i>А.С. Исаев. Сотрудничество Китая с СССР и Россией в области кинематографии (1949–2019 гг.)</i>	156
<i>А.И. Донченко. Значение традиционной китайской каллиграфии и в современном обществе</i>	167

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Л.В. Захарова, К.А. Чирков, Ю.В. Кулинецов, А.Ч. Мокрецкий. «Восточная Азия в меняющемся мире». VI Международная научная конференция молодых востоковедов</i>	173
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>А.Е. Лукьянов, Л.В. Стеженская. Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си</i>	180
<i>Н.Н. Коледенкова. Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики</i>	183
Contents	187
Summary	189

Политика

Взаимоотношения в китайско-корейском «треугольнике»

© 2019

К.В. Асмолов

В статье рассматривается политика КНР в отношении КНДР и РК в 2018 г. Анализируя китайско-северокорейские отношения, демонстрирующие высокий уровень контактов как в политической, так и в экономической сферах, автор делает вывод, что в случае дальнейшего усиления противостояния Пекина и Вашингтона Китай будет сокращать взаимодействие с РК и США по вопросам денуклеаризации и ослаблять санкционное давление на КНДР, которая, в свою очередь, за счет условного «сближения» с Америкой будет стремиться обеспечить себе свободу маневра. Что касается отношений КНР и РК, по мнению автора, серьезного прогресса в разрешении текущих проблем пока нет.

Ключевые слова: КНР, КНДР, РК, китайско-корейские отношения, международная безопасность, денуклеаризация Корейского полуострова.

DOI: 10.31857/S013128120004633-7

КНР — КНДР: политическое сотрудничество

После шестого ядерного испытания 3 сентября 2017 г. отношения КНДР с КНР охладились — ядерный салют был устроен как раз накануне XIX съезда КПК¹. Вслед за этим Пекин поддержал санкционное давление США, и осенью 2017 г. китайские политики начали говорить о необходимости «побить Север, пусть и не до смерти». В западной прессе появилось множество статей о том, что традиционной дружбе конец, и в Пекине готовы сдать Пхеньян, надо только правильно определить цену².

«Олимпийское потепление» Севера и Юга в Пекине приветствовали, но поначалу сдержанно и осторожно. В «Хуанцю шибао» появились статьи, приветствовавшие процесс разрядки напряженности, но отмечавшие, что «китайский народ должен сохранять спокойствие и не думать, что Китай вытесняют». Отмечалось также, что кроме ядерного вопроса у КНР и КНДР нет иных разногласий³. Поддержание дружественных отношений между Китаем и Северной Кореей отвечает интересам обеих сторон, и для КНДР трудно и опасно справляться в одиночку с Сеулом, Вашингтоном и Токио. Таким

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН и Международного учебно-научного центра корееведческих исследований ИСАА МГУ. E-mail: asmolov@ifes-ras.ru.

образом, КНДР напомнили, что излишнее сближение опасно, и КНР должна оставаться ее главным союзником.

А после того, как президент Трамп подписал Taiwan Travel Act, среди ответных мер со стороны китайских ястребов предлагалось уменьшить сотрудничество с США по корейской и иранской проблемам⁴.

Ким Чен Ын не упустил шанс улучшить отношения на новом фоне и 25–28 марта 2018 г. совершил неофициальный визит в Китай по приглашению Си Цзиньпина, в ходе которого оба лидера неоднократно подчеркивали, что «традиционная дружба между Китаем и КНДР... является драгоценным богатством обеих сторон». Подчеркивался стратегический и неизменный характер дружеских отношений двух стран и то, что их дружба не будет зависеть от международной обстановки⁵. Это ознаменовало разворот в отношениях Китая и Северной Кореи, хотя соблюдение санкционного режима ООН никуда не делось.

Сейчас отношения КНР и КНДР находятся на подъеме, причем Ким демонстрирует должный уровень пиетета. Когда 13 апреля 2018 г. для участия в фестивале искусств «Апрельская весна», приуроченном к годовщине со дня рождения Ким Ир Сена, Пхеньян посетила китайская делегация во главе с Сун Тао, Ким Чен Ын тепло принял Суна и пообещал «активно продвигать и развивать отношения с Китаем на новый этап развития»⁶.

23 апреля 2018 г. Ким посетил посольство Китая в Пхеньяне, чтобы выразить соболезнования по поводу гибели китайских туристов в результате ДТП в провинции Северная Хванхэ.

2 мая Пхеньян посетил глава МИД КНР Ван И⁷, и хотя официальное заявление по итогам встречи не принималось⁸, СМИ Южной Кореи утверждали, что Ким «выразил готовность объединить усилия с Китаем ради того, чтобы северокорейско-китайские отношения вышли на новый этап», а Ван напомнил о поддержке Пекином стремления к тому, чтобы «состояние войны на Корейском полуострове» было прекращено.

7–8 мая Ким Чен Ын посетил Далянь, где встретился с Си Цзиньпином и заявил, что у Севера не будет потребности в наличии ядерного оружия, а денуклеаризация станет достижимой, если другие стороны откажутся от враждебной политики и угроз в отношении КНДР⁹. Отметим, что Председатель Си предпочел встречу с Кимом присутствию на тройственном саммите с главами Японии и РК, куда вместо него отправился премьер Ли Кэцян.

19 июня 2018 г. председатель Госсовета КНДР снова прибыл в Пекин для встречи с Си. О сути переговоров известно немного¹⁰, но предполагается, что Ким, по инициативе которого прошел визит, проинформировал Си о ходе саммита с Трампом. Как сообщило ЦТАК, «состоялся полезный обмен мнениями по ряду вопросов, представляющих взаимный интерес, включая перспективу решения денуклеаризации Корейского полуострова».

Си Цзиньпин заявил о неизменной поддержке Пхеньяна — «вне зависимости от изменений в международной обстановке и ситуации в регионе» и отметил, что «он активно поддерживает позицию и решимость корейской стороны осуществить денуклеаризацию Корейского полуострова, а Китай будет и впредь играть свою конструктивную роль»¹¹.

Обращает на себя внимание следующий элемент диалога: Си отметил, что «с мартовского визита председателя Ким Чен Ына в Китай китайско-северокорейские отношения вошли в стадию нового развития, важные совместные соглашения, достигнутые двумя сторонами, выполняются одно за другим». Ким же сказал, что «в историческом маршруте для отстранения социализма и открытия нового будущего Корейского полуострова и региона будет тесно сотрудничать с китайскими товарищами в *одном штабе* (неясно, что за структура имелась в виду. — А.К.) и выполнять ответственную роль для защиты подлинного мира». Из этого можно сделать вывод о наличии ряда соглашений между Си и Кимом, которые регламентируют двусторонние отношения.

26 июля 2018 г. замминистра иностранных дел Китая и спецпредставитель Пекина по делам Корейского полуострова Кун Сюанью посетил Пхеньян, где обсудил вопро-

сы двустороннего сотрудничества с заместителем министра иностранных дел КНДР Ли Гиль Соном¹².

9 сентября в КНДР прошли торжественные мероприятия, посвященные 70-летию основания страны, и хотя, вопреки слухам, Си Цзиньпин на них не приехал, КНР представлял председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей КНР Ли Чжаньшу. На трибуне Ли и Ким не просто стояли рядом, а демонстративно взялись за руки — жест, призванный подчеркнуть поддержку Пекина и одобрение им пхеньянского курса на снижение напряженности.

4 октября 2018 г. Китай посетила заместитель министра иностранных дел Северной Кореи Чхве Сон Хи, отвечающая за переговоры Севера с Соединёнными Штатами по денуклеаризации¹³. 5 октября состоялась ее встреча с Кун Сюанью, после чего Чхве Сон Хи отправилась в Москву, где 8 октября прошли двусторонние консультации дипломатов, а 9 октября — трехсторонние с участием представителей КНДР, России и Китая.

В совместном коммюнике стороны подчеркнули безальтернативность мирного политико-дипломатического урегулирования всего комплекса проблем Корейского полуострова: отметили, что данный процесс, первоочередной задачей которого является установление взаимного доверия, должен носить поэтапный и синхронный характер и сопровождаться встречными шагами вовлеченных государств; подтвердили общую позицию против односторонних санкций и намерение своевременно приступить в Совете Безопасности ООН к пересмотру санкционных мер в отношении КНДР.

6 декабря 2018 г.в Пекин прибыла делегация КНДР во главе с министром иностранных дел Ли Ён Хо, который на встрече с министром Ван И заявил, что приверженность Пхеньяна денуклеаризации остается неизменной¹⁴. Ван заявил, что Китай хочет, чтобы Северная Корея поддерживала диалог с США для «сбалансированного решения» нерешенных вопросов, и дал понять, что правительство Китая поддерживает укрепление отношений между Югом и Севером и их стремление к сотрудничеству и примирению.

7 декабря Ли Ён Хо встретился с Председателем КНР, который подтвердил, что развитие отношений китайско-корейской дружбы — незыблемый курс партии и правительства, и указал, что Пхеньян и Вашингтон должны развивать переговорный процесс по вопросам мира, принимая во внимание «обоснованные опасения» сторон¹⁵.

7–10 января 2019 г. Ким Чен Ын в четвертый раз посетил Пекин. Обсуждались вопросы активизации двустороннего сотрудничества и координации позиций в преддверии второго американо-северокорейского саммита¹⁶.

Когда на фоне завышенных американских требований КНДР стала показывать зубы, отношение «Хуанцю шибао» было сочувственно-понимающим¹⁷. За последние месяцы Пхеньян принял ряд мер по снижению напряженности на полуострове, но Сеул и Вашингтон не предприняли никаких практических действий по сокращению напряженности или смягчению санкций против Пхеньяна. Неудивительно, что Пхеньяну в конце концов надоели требования односторонних уступок: Северная Корея не будет говорить «да» на каждую просьбу США.

Пхеньян между Пекином и Вашингтоном

Хотя на Сингапурский саммит 12 июня 2018 г. Ким прилетел на арендованном в Китае правительственном VIP-самолете, ряд китайских экспертов выказал беспокойство по поводу того, что саммит мог иметь последствия, направленные против КНР. Опирались они, в основном, на собственные ощущения и то, что Ким и Трамп в течение долгого времени общались тет-а-тет, якобы замышляя «что-то не то». Например, Ким мог предложить Трампу северокорейский нейтралитет в ситуации, если отношения США и КНР будут и далее обостряться.

Ряд южнокорейских экспертов также отмечали, что северокорейско-китайские отношения пронизаны атмосферой недоверия. И демонстративное сближение сторон — скорее стратегически обоснованный шаг, связанный с опасением того, что Север начнет слишком сдвигаться в сторону противников Пекина и диалог с Вашингтоном и Сеулом может выйти из-под его контроля.

В этом контексте поведение Китая прогнозируется южнокорейцами исходя из двух вопросов: что для Китая важнее — отношения с США или ядерный статус КНДР, и будет ли полезна Пекину безъядерная КНДР, которая «уплывает» в сторону Америки, — лучше ли такое будущее, чем статус-кво?

Представляется, однако, что Ким Чен Ын не столько «уходит от Китая», сколько «надувает щеки»: в общении с американцами преувеличивает свою близость к Китаю, в общении с китайцами — возможность ухода к Америке, чтобы обеспечить себе пространство для маневра и лавирование между Пекином и Вашингтоном, рассчитывая, что каждая из сторон будет готова предложить нечто полезное в обмен на то, чтобы Пхеньян «не ушел к другому».

Пока в целом это удается: когда Трамп описывает причины торможения переговоров, он винит в этом не Кима, а китайские козни. 9 июля 2018 г. в своем Twitter он писал: «Я уверен, что Ким Чен Ын с уважением отнесется к условиям подписанного нами договора и, что немаловажно, к нашему рукопожатию. Мы договорились о денуклеаризации Северной Кореи. С другой стороны, Китай может оказывать негативное влияние из-за нашей позиции по китайской торговле. Надеюсь, это не так!»¹⁸.

В докладе Комиссии по обзору экономики и безопасности США — КНР (U.S. — China Economic and Security Review Commission) говорится, что хотя Китай поддерживает дипломатические отношения КНДР с США и Южной Кореей, его основное внимание нацелено на предотвращение войны и нестабильности в регионе, а не на денуклеаризацию¹⁹. Таким образом, если ядерные и ракетные программы Северной Кореи являются второстепенной целью Пекина, то главная, очевидно, — ослабление альянса США и Южной Кореи. Китай стремится достичь этих целей и будет добиваться сначала заключения мирного договора, чтобы официально положить конец Корейской войне, а затем — приостановления совместных военных учений США и Южной Кореи и сокращения американских войск на ее территории.

Со своей стороны, МИД КНР 25 августа 2018 г. отверг обвинения США в том, что Пекин тормозит процесс денуклеаризации КНДР. «Заявление США противоречит основным фактам и представляется безответственным. Мы серьезно обеспокоены этим»²⁰.

И хотя правительство КНР нельзя обвинять в прямом саботаже санкционного режима, на фоне торговой войны США и Китая и перспектив очередного тайваньского кризиса в Пекине фактически отказались от сотрудничества с Вашингтоном по северокорейскому вопросу и начали активно поддерживать Пхеньян.

В первую очередь это касается стремления официально ослабить нынешний санкционный режим, благо КНДР соблюдает мораторий на ядерные испытания, не проводит пуски ракет и разрушила ряд соответствующих объектов инфраструктуры. Параллельно идет развитие экономических связей там, где нет прямых санкционных запретов.

Так, 20 июня 2018 г. в ходе встречи с южнокорейскими журналистами представитель МИД КНР Лу Кан отметил, что смягчение санкционного давления на КНДР должно осуществляться по мере решения северокорейской ядерной проблемы. 29 июня он же заявил, что санкции не являются самоцелью, указав на необходимость дипломатического решения ситуации²¹. А 20 июля КНР и Россия заблокировали инициативу США, предполагающую запрет на поставки в КНДР продуктов нефтепереработки²².

1 ноября 2018 г. представитель Китая при ООН Ма Чжаосюй приветствовал межкорейский диалог, а также контакты между КНДР и США, целью которых является решение проблем Корейского полуострова. Он указал, что в резолюции Совбеза ООН

есть пункты о возможности смягчения санкционного давления на КНДР и напомнил общую позицию Китая и России: денуклеаризация и смягчение санкций должны осуществляться параллельно²³.

Наконец, 2 января 2019 г. Лу Кан заявил, что Пекин готов оказывать содействие процессу ядерного разоружения Корейского полуострова и нормализации отношений между Пхеньяном и Вашингтоном, отметив при этом, что на полуострове наблюдаются важные позитивные изменения, а обмен мнениями, укрепление взаимного доверия будут способствовать его денуклеаризации и урегулированию существующих противоречий политическими методами²⁴.

Впрочем, поддерживая мир, КНР готовится к разным вариантам. Как сообщил 20 августа 2018 г. «Голос Америки», весной и летом в приграничных районах КНР несколько раз проводились учения, на которых отрабатывалась реакция на начало конфликта на полуострове, вплоть до пересечения Бохайского залива ночью большими контингентами войск.

Цитируя секретный доклад Пентагона о китайской военной политике и его раздел о КНДР, «Голос» утверждал, что в случае возникновения кризиса или конфликта на полуострове НОАК может получить самые разные приказы — от обеспечения безопасности китайско-северокорейской границы в целях предотвращения потока беженцев до вторжения в Северную Корею. Отмечалось, что такое вторжение возможно благодаря формулировкам китайско-северокорейского договора о взаимной помощи и сотрудничестве, подписанного в июле 1961 г.²⁵

КНР — КНДР: экономические контакты

2018 год начался под знаком активного соблюдения санкций. С 6 января 2018 г. Китай объявил о полном прекращении экспорта в КНДР железа, стали и ограничении поставок сырой нефти и нефтепродуктов, промышленного оборудования и других наименований товаров. Прекратился ввоз ряда зерновых, сельскохозяйственной продукции, глинозема, строительного камня, древесины, электротехнического оборудования, судов²⁶. К февралю 2018 г. были закрыты, как утверждают, почти все северокорейские рестораны в КНР, а приграничное сотрудничество практически сведено к нулю²⁷.

В рамках Резолюции Совета Безопасности ООН 2375 (сентябрь 2017 г.) Китай ввел 9 апреля 2018 г. запрет на экспорт в Северную Корею 32 наименований товаров двойного назначения, которые могли использоваться для создания оружия массового уничтожения: промышленное оборудование, программное обеспечение и технологии, включая ускорители заряженных частиц и центрифуги²⁸.

14 ноября южнокорейский телеканал KBS со ссылкой на анонимный источник в Шэньяне сообщил, что правительство КНР выпустило указание не проводить финансовые операции с КНДР до тех пор, пока с нее не снимут санкции²⁹.

Однако по мере развития межкорейской разрядки и роста напряженности в отношениях между США и КНР ситуация стала меняться. Так, по сообщению южнокорейской консервативной газеты «Чосон Ильбо», после третьего визита северокорейского лидера Китай возобновил поставки в Северную Корею удобрений и продовольствия и удвоил поставки сырой нефти по трубопроводам из Дандунга³⁰.

По данным той же газеты, на Север под предлогом гуманитарной помощи ушло от 200 тыс. до 300 тыс. тонн удобрений, — примерно столько же, сколько Китай отправил в 2013 г., до обострения ситуации. Что касается нефти, то для того, чтобы трубопровод не засорился, минимально возможный ее поток должен составлять 30–40 тыс. тонн летом и около 80 тыс. тонн зимой, однако в последнее время Китай увеличил его «до зимнего уровня». При этом в ноябре 2017 г. Китай практически полностью прекра-

щал поставки нефтепродуктов в КНДР³¹, оставляя минимальный объем нефти по трубопроводу, чтобы тот продолжал работу.

Упоминалось также, что на мосту, соединяющем северокорейскую провинцию Хамгён и китайскую провинцию Цзилинь, были замечены большие грузовики, перевозящие железную руду производства КНДР. Хотя экспорт железной руды был запрещен СБ ООН.

А по сообщению «Радио Свободная Азия»³², КНР в нарушение санкций передала Северной Корее два генератора, способных вырабатывать 100 тыс. кВт энергии. Чтобы избежать внимания, генераторы были будто бы перевезены морем и установлены на Пхеньянской ТЭЦ. Учитывая, что потребность жителей Пхеньяна в электроэнергии ежедневно составляет 500 тыс. кВт, это серьезная прибавка, позволяющая решить проблему нехватки электричества в столице. В дополнение к этому, после второй встречи Си и Кима Китай обеспечивает Северную Корею электричеством с ГЭС на пограничной реке Амноккан.

По некоторым данным, в июле 2018 г. КНР поставила в промышленную зону к северу от Пхеньяна крупный угольный газификатор компании Yangmei Chemical Industry Machinery Co. Ltd, рассчитанный на выработку 40 тыс. куб. м синтетического газа в час³³. По словам Дэвида фон Хиппеля, эксперта по энергетическому сектору Северной Кореи, только этого объема было бы достаточно для производства синтетического топлива, эквивалентного примерно 10% ежегодного импорта Северной Кореей нефти в последние годы³⁴.

В связи с активизацией двусторонних отношений КНДР и КНР намеревались ввести дополнительные воздушные маршруты между Пхеньяном и крупными китайскими городами³⁵.

Согласно упомянутому докладу Комиссии по обзору экономики и безопасности, Китай начал ослаблять применение санкций в отношении Северной Кореи. В документе утверждалось, что северокорейские рабочие вернулись на рабочие места в Северо-Восточном Китае, а экономическая активность и туризм в приграничных городах возросли³⁶.

По сообщениям радио «Свободная Азия», ключевые северокорейские санкционные экспортные товары — руда, минералы и морепродукты — регулярно попадают на китайские рынки³⁷, причем в приграничных регионах все морепродукты имеют северокорейское происхождение. Товары переправляются через границу либо контрабандой, либо перегружаются с одного судна на другое в Желтом море, а китайские деловые партнеры платят за них юанями или рисом. В связи с этим Китай намерен использовать более современные сканеры для досмотра трансграничных грузовиков, чтобы лучше бороться с контрабандой³⁸, поскольку с апреля 2017 г., когда США ввели более жесткие санкции, проверки стали тщательнее.

СМИ Южной Кореи отмечали, что северокорейские бизнесмены развили бурную деятельность в Китае, проводя консультации с властями КНР и готовя почву для активизации двустороннего сотрудничества, поскольку, по утверждению Ким Чен Ына, в 2019 г. санкции против КНДР будут отменены, и надо заранее готовить проекты сотрудничества и инвестиций³⁹. Среди потенциальных сфер китайского инвестирования — электроэнергетика (строительство небольших электростанций, производство солнечных батарей, компактных генераторов и т.п.), производство текстиля, фермы для разведения рыбы и выращивания морепродуктов, а также сталелитейная промышленность и производство различных изделий из металла, особенно труб или строительной арматуры.

7 ноября 2018 г. телерадиокомпания KBS удалось получить информацию о том, что в КНДР ведется активная подготовка к «открытию» ее экономики. Как сообщил представитель Центральной партийной школы при ЦК КПК на встрече с представителями Ассоциации обменов между РК и КНР в XXI веке, в КНДР создано «бюро реформ и открытости», и Северная Корея обратилась к Китаю с просьбой об оказании поддержки в его работе⁴⁰.

В ответ на постоянные обвинения в том, что принадлежащие Китаю либо эксплуатируемые им грузовые суда нарушают санкции ООН⁴¹, 25 февраля 2018 г. МИД КНР был вынужден выступить со специальным заявлением, в котором говорилось: «Китайское правительство всесторонне и строго выполняет резолюции Совета Безопасности по КНДР, а также свои международные обязательства, и никогда не позволяет любому китайскому гражданину или компании участвовать в деятельности в нарушение резолюций СБ ООН»⁴².

Несмотря на активизацию контактов между Пекином и Пхеньяном, по данным южнокорейских СМИ, экспорт КНДР на китайский рынок резко сократился и за период с января по ноябрь 2018 г. составил 191,75 млн долл., т.е. на 88,6% меньше, чем за тот же период 2017 г. В тот же период поставки китайских товаров в КНДР сократились на 33%. Дефицит торгового баланса КНДР по отношению к Китаю составил 1,8 млрд долл.⁴³

По информации ТАСС, объем торговли между КНР и КНДР с января по август 2018 г. составил 1,51 млрд долл.⁴⁴, тогда как в 2017 г. он составлял 3,7 млрд долл.

«Голос Америки» 4 мая 2018 г. сообщал, что в марте северокорейский экспорт в Китай увеличился примерно на 3 млн долл. по сравнению с февралем. Импорт также вырос на 40 млн долл. — видимо потому, что Китай возобновил поставки в КНДР нефтепродуктов, включая топливо для автомобилей и самолетов⁴⁵.

КНР — РК: политическое сотрудничество

В октябре 2017 г. Пекин и Сеул договорились начать нормализацию двусторонних отношений: в рамках неформальных санкций, связанных с размещением в РК американской ПРО ТНААД, Китай принял широкие меры давления на Южную Корею «по всем фронтам»⁴⁶. РК дала КНР гарантии не вовлекаться в трехстороннее военное сотрудничество с Японией и не размещать компоненты ПРО ТНААД сверх тех, что уже есть. Сотрудничество подкрепили декабрьский визит Мун Чжэ Ина в КНР и двусторонний саммит⁴⁷.

11 января 2018 г. Мун Чжэ Ин предложил Си Цзиньпину принять участие в церемонии закрытия зимней Олимпиады в Пхёнчхане, но вместо Си КНР прислала делегацию во главе с членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК Хань Чжэнем⁴⁸.

30 марта Мун Чжэ Ин встретился с членом Госсовета Китая Ян Цзечи, который прибыл в Сеул в качестве спецпредставителя Председателя КНР⁴⁹. Ян познакомил южнокорейскую сторону с результатами китайско-северокорейского саммита и заявил, что Китай «уделяет большое внимание вопросам, интересующим Мун Чжэ Ина» (окончательная ликвидация неформальных санкций, в первую очередь — запрет на использование услуг отелей и беспощлиных магазинов корпорации Lotte, на земле которой размещалась американская станция ПРО).

7 мая в Сеуле после более чем двухлетнего перерыва, обусловленного ухудшением отношений двух стран, прошло совещание представителей РК и Китая по вопросам оборонной политики⁵⁰.

9 мая 2018 г. в ходе состоявшейся в Токио встречи Мун Чжэ Ина с премьером Госсовета КНР Ли Кэцяном РК и Китай договорились продолжать сотрудничество в реализации Пханмунчжомской декларации, включая объявление об окончании Корейской войны и подписание мирного договора. Стороны обсудили также взаимодействие по ряду гуманитарных вопросов, в числе которых сохранение в Китае исторических памятников, связанных с движением за независимость Кореи от японского колониального ига⁵¹.

7 августа в Пекине состоялась встреча спецпредставителя МИД РК по вопросам мира и безопасности на Корейском полуострове Ли До Хуна и его визави Кун Сюанью, после которой южнокорейский представитель заявил, что она прошла продуктивно и позиции РК и Китая по урегулированию ядерной проблемы КНДР полностью совпадают, однако говорить о каких-либо результатах пока рано⁵².

Что касается интересующего Пекин вопроса об участии Китая в завершении Корейской войны, то Сеул придерживается позиции, согласно которой Китай может участвовать в заключении мирного договора, но в принципе две Кореи и США могут заключить его сами⁵³. Как заявил 31 июля представитель администрации президента РК, важен не сам факт участия Китая в урегулировании конфликта, а то, насколько эффективно продвигается работа в данном направлении⁵⁴.

Не был обойден стороной и вопрос о ПРО США. 20 июня 2018 г. в ходе встречи с южнокорейскими журналистами представитель МИД КНР озвучил позицию Пекина о необходимости одновременных уступок всех заинтересованных сторон и подчеркнул, что США должны вывести свой военный контингент из РК и отменить решение о размещении в стране ракетных комплексов ТНААД⁵⁵.

4 августа в ходе встречи с министром иностранных дел РК Кан Гён Хва, состоявшейся в Сингапуре в рамках региональных мероприятий АСЕАН, министр иностранных дел Китая Ван И снова призвал Сеул решить вопрос с ТНААД⁵⁶.

17 ноября 2018 г. в Папуа-Новой Гвинее на полях 26-го саммита АТЭС состоялась четвертая по счету встреча Мун Чжэ Ина и Си Цзиньпина⁵⁷, которая была относительно короткой и свелась к заявлениям об активизации усилий по денуклеаризации Корейского полуострова. Предполагалось, что в закрытой части саммита стороны сосредоточились на обсуждении условий смягчения международных санкций против КНДР и активизации мер по денуклеаризации⁵⁸.

14 декабря Министерство иностранных дел Республики Корея объявило о намерении внести изменения в организационную структуру ведомства путем создания отдельного департамента, который будет заниматься Китаем. Это отражает рост важности КНР для Южной Кореи: ранее «персональный» департамент в МИД РК имели только США⁵⁹.

20 декабря представители министерств обороны РК и Китая провели в Пекине рабочие переговоры по вопросам активизации сотрудничества и обменов на уровне начальников управлений международного сотрудничества оборонных ведомств. Стороны договорились приложить усилия для полного восстановления обменов и сотрудничества в оборонной области⁶⁰.

4 января 2019 г. на мероприятии в посольстве Китая в Сеуле, посвященном наступлению Нового года, посол КНР в РК Цю Гохун подчеркнул, что Китай является участником разрешения проблем Корейского полуострова, отметив, что мир и стабильность на Корейском полуострове одинаково выгодны для РК и Китая, которые занимают очень схожие позиции в этом вопросе⁶¹.

КНР — РК: экономические контакты

Важным аспектом современных отношений КНР и РК является восстановление экономических связей, пострадавших из-за разногласий по размещению в РК американских комплексов ПРО ТНААД. Следует помнить, что РК является третьим по величине торговым партнером КНР, а Китай — первым для РК.

На конец декабря 2017 г. в КНР сохранялся запрет на чартерные рейсы и круизы в РК, на туристические объявления в Интернете и на использование услуг компаний, связанных с корпорацией Lotte⁶².

2 февраля 2018 г. вице-премьер РК, министр планирования и финансов Ким Дон Ён и глава Национальной комиссии по развитию и реформам КНР Хэ Лифэн договорились о взаимодействии в промышленной и инвестиционной сферах, сотрудничестве в проведении национальной политики, совместном выходе на рынки третьих стран и создании экспериментальной зоны свободной двусторонней торговли в трех северных провинциях Китая — Цзилине, Ляонине и Хэйлуцзяне⁶³. Однако призыв решить ряд проблем, с которыми столкнулись южнокорейские компании в Китае (остановка строитель-

ства парка развлечений Lotte World, трудности с работой сети магазинов Lotte Mart, проблемы с продажей магазинов Lotte и ограничения на групповые поездки китайских туристов в РК), остался без ответа.

20 апреля 2018 г. в Пекине началось 22-е заседание совместного китайско-южнокорейского экономического комитета⁶⁴, где обещания больших проектов сочетались с выслушиванием корейских просьб относительно Lotte. К тому времени убытки южнокорейской туристической отрасли составили около 7,5 млрд долл.⁶⁵, а компания Lotte потеряла 2 млрд долл. Немудрено, что в мае 2018 г. Lotte Group приняла решение о продаже 50-ти крупных универмагов Lotte Mart в Шанхае местной торговой корпорации. Сумма сделки составила около 270 млн долл.⁶⁶ Ранее это было сделано в Пекине, и Lotte Group, вышедшая на китайский рынок в 2007 г., практически полностью уходит из этой страны.

29 мая в Сеуле состоялось первое заседание южнокорейско-китайского совета по вопросам энергетики. В мероприятии, проходившем за закрытыми дверями, делегации обсудили возможности сотрудничества в реализации проектов, связанных с природным газом, электроэнергией, новыми возобновляемыми источниками энергии. Южнокорейские представители предложили завершить работу по составлению текста трехстороннего соглашения о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере сжиженного природного газа и совместной работе над повышением прозрачности и гибкости его рынка, учитывая, что Китай и РК занимают 2-е и 3-е места в мире по объемам импорта СПГ.

29 июня в рамках «Первого диалога предпринимателей и бывших высокопоставленных госслужащих РК и КНР» премьер Госсовета Китая Ли Кэцян на встрече с высокопоставленными представителями южнокорейских компаний заявил, что на фоне усиления протекционизма РК и Китая должны совместно защищать принципы свободной торговли⁶⁷. Тем не менее присутствие Samsung Electronics на китайском рынке смартфонов стремительно сокращается. В третьем квартале 2018 г. компания продала в КНР 1,2 млн смартфонов⁶⁸, в то время как показатель китайских производителей Vivo и Oppo превысил 20 млн единиц, а продажи Huawei, Honor и Apple превысили 10 млн единиц у каждого производителя. Таким образом, южнокорейский производитель занял лишь 8-е место.

21–23 августа представители Министерства сухопутных территорий и транспорта РК приняли участие в четвертой выставке China Smarter Cities International Expo 2018, проведя семинары и встречи с местными специалистами и бизнесменами в области технологий «умных городов». На выставке работал южнокорейский павильон⁶⁹.

12–14 ноября 2018 г. южнокорейскую провинцию Кёнгидо по приглашению ее губернатора Ли Чжэ Мёна посетила делегация китайской провинции Ляонин во главе с вице-губернатором по внешним связям Чэнь Люпином. Цель визита — привлечение южнокорейских инвестиций, поскольку провинция Ляонин продвигает проекты строительства Дандунской специальной экономической зоны, а также железной дороги с участием двух Корей, проект развития дорожного сообщения в рамках долгосрочной макроэкономической программы Китая «Один пояс, один путь»⁷⁰.

6–7 декабря в Пекине впервые за последние восемь месяцев прошел 14-й раунд переговоров по трехстороннему соглашению о свободной торговле РК, Китая и Японии на уровне заместителей министров. Стороны обсудили прогресс в разрешении спорных моментов в связи с открытием ряда рыночных секторов и пытались урегулировать вопросы, связанные с инвестициями⁷¹.

В 2017 г. под влиянием санкционных мер Китая количество китайских туристов в Южную Корею сократилось на 48,3%, составив 4,17 млн человек⁷². В начале мая 2018 г. правительство КНР разрешило продажу групповых туров в РК в Чунцине, Пекине, Шаньдуне и Ухане. Однако они не должны включать пребывание в отелях Lotte, а также «отоваривание» туристов в беспроходных магазинах Lotte. Запрет на чартерные рейсы и круизные маршруты тоже пока не снят⁷³.

23 августа 2018 г. правительство КНР разрешило продажи групповых туров в РК в провинциях Восточного Китая, выгодного для Южной Кореи с точки зрения туристического бизнеса. До запрета туристы из Восточного Китая составляли треть всего потока китайских туристов⁷⁴.

В результате в представленном 16 ноября докладе Министерства юстиции РК говорилось, что в октябре количество въехавших в страну китайцев составило 497 048 человек, на 34,6% больше по сравнению с тем же периодом 2017 г.⁷⁵

В целом в 2018 г. уровень товарооборота между РК и КНР восстановился до объемов, существовавших до того, как Пекин ввел санкции против Сеула в ответ на размещение в РК ПРО ТНААД. По состоянию на ноябрь его объем вырос на 13,7% в годовом исчислении, составив 247,3 млрд долл. Южнокорейский экспорт в Китай вырос на 17,2%, составив 50,3 млрд долл. Это значительно превышает общий рост экспорта, составивший 6,2%⁷⁶.

С января по май 2018 г. южнокорейский экспорт сельскохозяйственных продуктов в Китай вырос на 7,9% в годовом исчислении, составив 388 млн долл.⁷⁷ В первой половине 2018 г. на Китай пришлось 26,7% южнокорейского экспорта (для сравнения — доля США, ЕС и Японии составляет 26,3%), а с учетом Гонконга показатель Китая увеличивается до 34,4%. При этом общий рост экспорта составил лишь 6,5%. Увеличение поставок в КНР связано с активизацией сотрудничества в сферах полупроводников — на Китай пришлось 41,7% всего южнокорейского экспорта данных товаров⁷⁸.

КНР — РК: камни преткновения

Особо выделяются несколько проблем, которые периодически всплывают в отношениях двух стран. На первом месте — вопросы демаркации морских границ, где пересекаются исключительные экономические зоны КНР и РК.

Сеул и Пекин ведут спор за право обладания рифом Иодо в Восточно-Китайском море. Он находится под контролем РК «в пределах южнокорейской зоны экономических интересов», однако Китай заявляет, что Иодо входит в состав его эксклюзивной экономической зоны. РК предлагает провести границу на равном удалении от берегов двух стран. Китай выступает за определение морских границ пропорционально длине береговой линии и другим параметрам⁷⁹.

5 июля 2018 г. состоялся четвертый раунд южнокорейско-китайских переговоров по данному вопросу. После их окончания представитель МИД РК сообщил, что сторонам удалось расширить взаимопонимание и обговорить направления дальнейшего обсуждения. Была достигнута договоренность о проведении второго раунда переговоров на уровне заместителей министров.

«Российская газета» отмечает «войну буев» в спорных водах, где исключительные экономические зоны (ИЭЗ) Китая и Кореи «накладываются» друг на друга. В нескольких таких местах китайцы выставили шесть крупных сигнальных буев, стремясь подчеркнуть свой контроль. В ответ Южная Корея также установила свои разграничительные буи еще большего размера, а в ответ китайский корабль стал преследовать южнокорейскую баржу, осуществившую их установку⁸⁰.

В этих же районах случается большинство залетов китайских ВВС в зону опознавания противовоздушной обороны РК (KADIZ). Такие инциденты случались 29 января, 27 февраля⁸¹, 28 апреля, 27 июля⁸², 29 августа⁸³, 29 октября⁸⁴ и 27 декабря⁸⁵ 2018 г.

Да, идентификационная зона ПВО отнюдь не тождественна воздушному пространству страны, однако с точки зрения РК, для вхождения в ее пределы необходимо уведомить об этом за 24 часа⁸⁶, и всякий раз при подобном залете Сеул поднимает на пехват истребители, а потом вызывает в МИД военного атташе посольства КНР в РК.

Следующей спорной проблемой является проблема микропыли, из-за которой смог в Сеуле начинает напоминать смог в Пекине. Хотя китайская сторона этого не признает, ученые РК считают, что у них есть доказательства того, что из Китая в РК попадает 30–50% микропыли, фиксируемой внутри страны. Анализ данных за 2013 г. показал, что 46% микропыли в РК возникают на территории страны, 41% имеют китайское происхождение, а остальные 13% — северокорейское⁸⁷.

19 марта 2018 г. мэры Сеула и Пекина подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в сфере экологии. В соответствии с документом, стороны создадут «горячую линию» по вопросу микропыли⁸⁸.

30 марта президент РК Мун Чжэ Ин подчеркнул серьезность проблемы микропыли на встрече с членом Госсовета Китая Ян Цзечи и отметил, что южнокорейская общественность выступает за тесное сотрудничество двух стран в решении этого вопроса. Ян Цзечи, в свою очередь, указал на то, что в решении проблемы можно добиться хороших результатов через совместные усилия, как можно быстрее начав работу южнокорейско-китайского Центра сотрудничества по вопросу экологии. Договоренность о таком была достигнута по итогам двухстороннего саммита в декабре 2017 г., но после этого не принималось каких-либо конкретных мер по ее реализации⁸⁹.

24 июня 2018 г. в Сучжоу прошла 20-я встреча министров экологии РК, Китая и Японии, которые подписали четыре соглашения о сотрудничестве в решении экологических проблем⁹⁰. Однако из-за несогласия Китая они не смогли опубликовать результаты исследования путей воздушного переноса загрязняющих веществ. Тем не менее Китай пообещал активно сотрудничать: власти создали центр для решения этой проблемы, куда приглашены 1500 экспертов высокого уровня.

С 22 по 23 ноября в Сеуле прошло 21-е заседание экспертов РК, КНР и Японии по проблеме микропыли. В мероприятии принимали участие 30 представителей профильных учреждений трех стран, обменявшихся результатами исследований по теме улучшения качества атмосферы и обсуждавших вопросы дальнейших действий⁹¹.

27 ноября проблема микропыли решалась уже на уровне региональных властей РК и Китая. Цель мероприятия состояла в активизации действий, и участники договорились активно сотрудничать в решении проблемы загрязнения атмосферы и в противодействии климатическим изменениям⁹².

Еще одна постоянно «всплывающая» проблема — стычки между китайскими браконьерами и южнокорейскими силовиками. Так, 14 апреля 2018 г. спецподразделение морской полиции после двухчасовой погони задержало в Жёлтом море китайское рыболовное судно, на борту которого был обнаружен улов крабов и других морепродуктов в объеме около 3 тонн. При этом речь шла о более серьезном столкновении — «в процессе погони за пределы территории страны были выдворены еще восемь китайских рыболовных судов», которые, видимо, смогли уйти от преследования⁹³.

Проблемы такого рода обсуждались 24 апреля на заседании представителей по вопросам рыболовства. Южнокорейская сторона отметила, что браконьеры действуют в ночное время и при задержании ведут себя крайне агрессивно. Представители китайской стороны ответили, что принимают активные меры, размещая в наиболее беспокойных зонах корабли морской полиции, и призвали Сеул приложить усилия, чтобы избежать человеческих жертв во время задержания⁹⁴.

17 августа 2018 г. РК и Китай договорились о возобновлении совместного патрулирования приграничных акваторий для осуществления контроля за незаконным промыслом морских ресурсов. Такое патрулирование началось в 2014 г., но по причине гибели китайского рыбака (с 2016 г. морская полиция имеет право стрелять на поражение) сотрудничество было временно приостановлено. Также стороны договорились о передаче судов-нарушителей китайской стороне⁹⁵.

Последний серьезный инцидент имел место 4 сентября, когда южнокорейское спецподразделение по борьбе с браконьерами задержало в Жёлтом море судно водоизмещением 20 тонн за незаконное пересечение границы и несанкционированный вылов рыбы. При задержании экипаж установил по бортам металлические пики и попытался скрыться. На борту были обнаружены 300 кг крабов и другие морепродукты. Это была лишь часть операции, а в ходе погони из пограничного района были выдворены еще 17 китайских браконьерских лодок⁹⁶.

По данным Управления морской безопасности РК, в последние три года количество китайских рыболовных судов, ведущих незаконный промысел в южнокорейских водах, сократилось примерно на 70%. Управление объясняет это ужесточением мер в отношении браконьеров⁹⁷.

В ноябре 2018 г. РК и Китай провели совместное инспектирование рыболовных судов в районе морской границы, где согласно двустороннему соглашению 2001 г. суда обеих стран могут вести лов рыбы без предварительного разрешения. Работа в этом направлении впервые началась в 2014 г., но в последний раз совместная инспекция проводилась в сентябре 2016 г.⁹⁸

К сожалению, аналогичные проблемы начинаются не только в Жёлтом, но и в Японском море. 9 декабря морская полиция РК задержала там два судна, названия которых были закрасены черной краской, поверх которой написаны надписи на корейском языке. Это может указывать на то, что ранее они действовали в пределах водной территории КНДР. У задержанных было изъято 45 тонн кальмаров стоимостью 400 тыс. долл.⁹⁹

Существует и определенный уровень бытового неприятия. Так, когда на острове Чечжу на одном из магазинов владелец написал «Китайцам вход воспрещен», в Интернете разразилась ругань, масштаб и накал которой оказались очень велики. С 16 октября Китай без каких-либо объяснений заблокировал на своей территории доступ к онлайн-форумам и блогам на самом известном южнокорейском портале Naver¹⁰⁰.

Вклад в напряжение отношений может внести получение в РК 22 декабря 2018 г. статуса беженца бывшим торговцем людьми Ту Айжуном, который переправил на юг примерно 500 граждан КНДР¹⁰¹. Согласно судебным документам, в 2009 г. Ту был приговорен в Китае к условному тюремному заключению за торговлю людьми, и ему пришлось покинуть страну.

Подводя итоги

Как видно, политика Пекина остается равно ориентированной, и улучшение отношений с Севером не означает снижения сотрудничества с Югом.

Отношения КНР и КНДР демонстрируют высокий уровень контактов: более 10 обменов делегациями высокого уровня и 4 саммита. Скорее всего, эта тенденция сохранится и в 2019 г., когда обе страны отмстят 70-летие установления официальных дипломатических отношений. По мнению специалистов Азиатского института политических исследований, в этом контексте Председатель КНР наконец отправится в Пхеньян¹⁰².

Хотя Южная Корея в последнее время оттянула внимание на себя, говорить о маргинализации Пекина в северокорейских делах неверно¹⁰³. С другой стороны, не следует думать, что Ким послушно следует указаниям Си. Стоит ожидать также, что в случае дальнейшего усиления противостояния Пекина и Вашингтона Китай будет сокращать взаимодействие с РК и США по вопросам денуклеаризации и явно или тайно ослаблять санкционное давление на Север, стремясь контролировать скорость его сближения с Америкой. Отношения КНР и РК условно вернулись к тому уровню взаимодействия, который был до размещения в Южной Корее американской ПРО THAAD. Это не столько потешение, сколько выход «в ноль». Серьезного прогресса в разрешении текущих проблем пока нет.

1. China imposes gag on domestic media coverage of N. Korea. 16.10.2017.
URL: <https://english.kyodonews.net/news/2017/10/7d7c3d31a321-china-imposes-gag-on-domestic-media-coverage-of-n-korea.html> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Почему Китай не будет спасать КНДР. 8 февраля 2018. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Pochemu-Kitai-ne-budet-spasat-KNDR-19339> (дата обращения: 15.01.2019).
3. How China should respond to US-NK talks. 09.03.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1092615.shtml>; Nothing should come between China and North Korea. 18.03.2018.
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1093946.shtml> (дата обращения: 15.01.2019).
4. Taiwan Travel Act to jeopardize Taiwan's future. 10.01.2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1084181.shtml>; Taiwan Travel Act to meet countermeasures. Global Times. 2018/3/21.
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1094591.shtml> (дата обращения: 15.01.2019).
5. Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Beijing. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/28/c_137070598_2.htm (дата обращения: 15.01.2019).
6. Ким Чен Ын пообещал вывести отношения КНДР и КНР на новый уровень.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ad2c2d69a79478a5c5fa037?from=newsfeed> (дата обращения: 15.01.2019).
7. Глава МИД КНР Ван И посетит Пхеньян. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=52803 (дата обращения: 15.01.2019).
8. В Пхеньяне состоялась встреча лидера СК Ким Чен Ына и главы МИД Китая Ван И. 2018-05-04.
URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=52847 (дата обращения: 15.01.2019).
9. Xi Jinping, Kim Jong Un hold talks in Dalian. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-05/08/c_137164363.htm; Северокорейский лидер Ким Чен Ын посетил Китай 7-8 мая.
URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=52903 (дата обращения: 15.01.2019).
10. В Пекине состоялась встреча лидеров Китая и КНДР. 20.06.2018. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53443; В администрации президента РК могли знать о визите Ким Чен Ына в Пекин. 19.06.2018. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53440 (дата обращения: 15.01.2019).
11. Си Цзиньпин на встрече с Ким Чен Ыном заявил о твердой поддержке КНДР. 19.06.2018.
URL: <https://ria.ru/world/20180619/1522996368.html> (дата обращения: 15.01.2019).
12. Представитель Китая обсудил в Пхеньяне вопросы двустороннего сотрудничества. 26.07.2018.
URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53924 (дата обращения: 15.01.2019).
13. N. Korean vice foreign minister visits China ahead of Pompeo's Pyongyang trip.
URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181004006900315> (дата обращения: 15.01.2019).
14. North Korean minister reaffirms denuclearization commitment in Beijing talks.
URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20181207000646> (дата обращения: 15.01.2019).
15. Си Цзиньпин встретился с Ли Ён Хо. 08.12.2018. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55682 (дата обращения: 15.01.2019).
16. В Пекине состоялась встреча глав КНДР и Китая. 09.01.2019. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56041 (дата обращения: 15.01.2019).
17. Fragile peace prospects on Korean Peninsula. Global Times. 16.05.2018.
URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1102592.shtml> (дата обращения: 15.01.2019).
18. Трамп заподозрил Китай в подрыве сделки США и КНДР. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b4397559a7947b02002a8f3?from=newsfeed> (дата обращения: 15.01.2019).
19. China eases enforcement of sanctions on N. Korea: US report. URL: <http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20181115000085&fbclid=IwAR1qQkcGld1bW5yQZpXVCMOHSAqowKbdbVkfAYg-9VFXKB3zm5ZNI8fE7eQ> (дата обращения: 15.01.2019).
20. В МИД Китая отвергли обвинения США в помехах разоружению КНДР.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b81bd009a7947fac9f1c3b?from=newsfeed> (дата обращения: 15.01.2019).
21. Китай за смягчение антисеверокорейских санкций по мере решения ядерной проблемы Сепеа.
URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=53466&id=In (дата обращения: 15.01.2019).

22. Россия и КНР против запрета на поставки в КНДР нефтепродуктов. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53853 (дата обращения: 15.01.2019).
23. Постпред Китая при ООН приветствовал шаги по улучшению ситуации на Корейском полуострове. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55199 (дата обращения: 15.01.2019).
24. МИД КНР: Пекин готов содействовать примирению США и КНДР. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55969 (дата обращения: 15.01.2019).
25. Pentagon Assesses Chances of China's Military Intervention in Korea. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/08/20/2018082000837.html (дата обращения: 15.01.2019).
26. Китай ввел ограничения на торговлю с КНДР. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=51273&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
27. A trip to Yanji, as sanctions begin to bite. URL: <https://www.nknews.org/2018/02/a-trip-to-yanji-as-sanctions-begin-to-bite> (дата обращения: 15.01.2019).
28. Китай запретил экспорт в СК 32 наименований товаров двойного назначения. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=52507&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
29. Китай выпустил указание прекратить финансовые операции с КНДР. URL: <https://ria.ru/world/20181114/1532737934.html> (дата обращения: 15.01.2019).
30. China Doubles Oil Shipments to N.Korea After Kim's Visit. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2018/07/19/2018071901286.html (дата обращения: 15.01.2019).
31. Из «Белой книги по обороне» убрано упоминание о КНДР как о враге. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10080055 (дата обращения: 24.09.2018).
32. China Helps Ease North Korea Power Shortage Despite UN Sanctions. URL: <https://www.rfa.org/english/news/korea/power-07312018152744.html> (дата обращения: 15.01.2019).
33. How North Korea turns coal into gas, and what it might mean for sanctions. URL: <https://www.38north.org/articles/affiliates/north-korean-economy-watch/16700/> (дата обращения: 15.01.2019).
34. North Korea presents a chance to get creative with energy. URL: <https://www.atimes.com/article/north-korea-presents-a-chance-to-get-creative-with-energy/> (дата обращения: 15.01.2019).
35. СК и Китай активизируют сотрудничество в гражданской авиации. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=52925&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
36. China eases enforcement of sanctions on N. Korea: US report. URL: <http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20181115000085&fbclid=IwAR1qQkcGldIbW5yQZpXVCMOHSAqowKbdbVkfAYg-9VFXXB3zm5ZNI8fE7cQ> (дата обращения: 15.01.2019).
37. China to toughen N. Korea border control with 'state-of-the-art' scanners. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_261018.html (дата обращения: 15.01.2019).
38. China to toughen N. Korea border control with 'state-of-the-art' scanners. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/01/103_261018.html (дата обращения: 15.01.2019).
39. СМИ: Ким Чен Ын предсказал отмену санкций против КНДР в следующем году. URL: <https://rg.ru/2018/10/25/smi-kim-chen-yn-predskazal-otmenu-sankcij-protiv-kndr-vsleduiushchem-godu.html> (дата обращения: 15.01.2019).
40. КНДР готовится к экономическим реформам. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55263 (дата обращения: 15.01.2019).
41. WSJ рассказала о нарушающих северокорейские санкции кораблях. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a6114949a7947ac320c125d?from=main> (дата обращения: 15.01.2019).
42. Китай призвал США «не подрывать» сотрудничество санкциями. URL: <https://vz.ru/news/2018/2/25/909856.html> (дата обращения: 15.01.2019).
43. Северокорейский экспорт в Китай резко сократился. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55878 (дата обращения: 15.01.2019).
44. Reuters: КНДР потратила \$640 млн на предметы роскоши в обход санкций в 2017 году. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5703981> (дата обращения: 15.01.2019).
45. Объем северокорейско-китайской торговли вырос. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=52857¤t_page= (дата обращения: 15.01.2019).

46. Из «Белой книги по обороне» убрано упоминание о КНДР как о враге. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10085580 (дата обращения: 15.01.2019).
47. Асмолов К. К визиту президента РК Мун Чжэ Ина в Китай. URL: <https://ru.journal-nco.org/2017/12/20/k-vizitu-prezidenta-rk-mun-chzhe-ina-v-kitaj/> (дата обращения: 15.01.2019).
48. Генсек ООН примет участие в церемонии открытия зимней Олимпиады в Пхёнчхане. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=51414¤t_page= (дата обращения: 15.01.2019).
49. Мун Чжэ Ин встретился с членом Госсовета КНР Ян Цзэчи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=52399&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
50. РК и Китай возобновили контакты по вопросам безопасности. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=52886&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
51. РК и Китай будут вместе реализовывать Пханмунчжомскую декларацию. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=52917&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
52. Представители МИД РК и Китая обсудили вопрос заключения мира на Корейском полуострове. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54073 (дата обращения: 15.01.2019).
53. В документах саммита РК, КНР и Японии не будет упомянута «полная, подконтрольная и необратимая денуклеаризация». URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=52881&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
54. Сеул: Заключение мирного договора может рассматриваться в четырехстороннем формате. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53987 (дата обращения: 15.01.2019).
55. Китай за смягчение антисеверокорейских санкций по мере решения ядерной проблемы Севера. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=53466&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
56. Глава МИД Китая призвал Сеул решить вопрос ПРО THAAD. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54047 (дата обращения: 15.01.2019).
57. РК и Китай активизируют усилия по денуклеаризации Корейского полуострова. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55412 (дата обращения: 15.01.2019).
58. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55410 (дата обращения: 15.01.2019).
59. В МИД Южной Кореи появится отдельный департамент Китая. URL: <https://rg.ru/2018/12/14/v-mid-iuzhnoj-korei-roiavits>. (дата обращения: 15.01.2019).
60. РК и Китай обсудили вопросы сотрудничества в оборонной области. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55829 (дата обращения: 15.01.2019).
61. Посол КНР в РК Цю Гохун подчеркнул важность роли Китая в решении проблем Корейского полуострова. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56005 (дата обращения: 15.01.2019).
62. Провинция Шаньдун сняла запрет на групповые туры в РК. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=51201&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
63. РК и КНР улучшат условия работы деловых кругов. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=51657&id=Ec (дата обращения: 15.01.2019).
64. В Пекине началось заседание совместного экономического комитета. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=52665&id=Ec (дата обращения: 15.01.2019).
65. Китай снимает запрет на групповые туры в РК. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=52893&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
66. Lotte Group продолжает продавать активы в Китае. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=52941&id=Ec (дата обращения: 15.01.2019).
67. Ли Кэцян призвал РК к сотрудничеству в защите принципов свободной торговли. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=53586&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
68. Доля Samsung Electronics на китайском рынке смартфонов сокращается. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55422 (дата обращения: 15.01.2019).

69. Правительство РК примет участие в выставке China Smarter Cities International Expo 2018. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54242 (дата обращения: 15.01.2019).
70. Экономическая делегация Китая посетит РК. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55321 (дата обращения: 15.01.2019).
71. РК, Китай и Япония возобновили переговоры по соглашению о свободной торговле. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55648 (дата обращения: 15.01.2019).
72. В 2017 году количество туристов в РК сократилась на 22,7%. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=51482&id=Ec (дата обращения: 15.01.2019).
73. Китай снимает запрет на групповые туры в РК...
74. Пекин дал разрешение на продажу групповых туров в РК в Восточном Китае. URL: http://world.kbs.co.kr/service/contents_view.htm?lang=r&menu_cate=issues&id=&board_seq=345108&page=1&board_code= (дата обращения: 15.01.2019).
75. В РК восстанавливается поток туристов из КНР. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55402 (дата обращения: 15.01.2019).
76. РК восстановила прежний объем товарооборота с Китаем. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55824 (дата обращения: 15.01.2019).
77. РК наращивает экспорт сельхозпродуктов в КНР. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?lang=r&id=Ec&No=53446¤t_page= (дата обращения: 15.01.2019).
78. В южнокорейском экспорте растет доля Китая. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53887 (дата обращения: 15.01.2019).
79. РК и Китай вернулись к обсуждению демаркации морских границ. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=53678&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
80. Китай и Южная Корея развернули войну буев в Желтом море. URL: <https://rg.ru/2018/10/26/kitaj-i-iuzhnaia-koreia-razvernuli-vojni-buev-v-zheltom-more.html> (дата обращения: 15.01.2019).
81. Китайский самолет вторгся в опознавательную зону ПВО РК. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=52001&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
82. Военный самолет Китая вновь вторгся в опознавательную зону ПВО РК. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=53949 (дата обращения: 15.01.2019).
83. Китайский военный самолет вторгся в южнокорейскую зону опознавания ПВО. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54372 (дата обращения: 15.01.2019).
84. Китайский самолёт вновь нарушил зону опознавания южнокорейской ПВО. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55161 (дата обращения: 15.01.2019).
85. Военный самолет КНР вошел в зону опознавания южнокорейской ПВО. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55924 (дата обращения: 15.01.2019).
86. Китайские самолеты вторглись в опознавательную зону ПВО РК. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=51050&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
87. На Китай приходится значительная часть микрочипов в РК. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Sc_detail.htm?No=52265&id=Sc; 41% микрочипов в РК приходит из Китая. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=56095 (дата обращения: 15.01.2019).
88. Сеул и Пекин совместно решают проблему микрочипов. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Sc_detail.htm?No=52233&id=Sc (дата обращения: 15.01.2019).
89. Мун Чжэ Ин встретился с членом Госсовета КНР Ян Цзэчэ. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=52399&id=Po (дата обращения: 15.01.2019).
90. РК, КНР и Япония будут совместно решать проблему микрочипов. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=53522&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
91. РК, КНР и Япония обсуждают проблему загрязнения атмосферы. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55468 (дата обращения: 15.01.2019).
92. Региональные власти РК и Китая сотрудничают в решении проблемы загрязнения атмосферы. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55525 (дата обращения: 15.01.2019).

93. В Жёлтом море вновь задержаны китайские браконьеры. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=52589&id=In (дата обращения: 15.01.2019).
94. РК и Китай обсудили проблемы рыболовства. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_Ec_detail.htm?No=52721&id=Ec (дата обращения: 15.01.2019).
95. РК и Китай возобновят совместное патрулирование для борьбы с браконьерством. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54212 (дата обращения: 15.01.2019).
96. В Жёлтом море вновь задержаны китайские браконьеры. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=54456 (дата обращения: 15.01.2019).
97. Количество китайских браконьеров в водах РК резко сократилось. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55975 (дата обращения: 15.01.2019).
98. РК и Китай возобновляют совместное инспектирование рыболовных судов. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55438 (дата обращения: 15.01.2019).
99. Китайские браконьеры задержаны в Восточном море. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=55742 (дата обращения: 15.01.2019).
100. China Blocks Access to Korea's Naver Sites. URL: <http://english.chosun.com/m/svc/article.html?contid=2018102201044> (дата обращения: 15.01.2019).
101. S. Korea grants refugee status to Chinese broker for N. Korean defectors. URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/12/177_260800.html (дата обращения: 15.01.2019).
102. No significant progress in denuclearization expected in 2019: think tank. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20181219006200315?section=national/diplomacy> (дата обращения: 15.01.2019).
103. China's Potential Role as Security Guarantor for North Korea. URL: <https://www.38north.org/2018/10/fsu102418/?fbclid=IwAR0C13-2dunbhPIyWAVvVhxjh31JmuvnBt2AnAbrMwz№ 1QXwk2LR4va0u3g> (дата обращения: 15.01.2019).

Историко-экономические и политико-идеологические предпосылки китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути»

© 2019

Б.М. Кондорский

Для анализа реализуемой Китаем концепции Экономического пояса Шелкового пути использован системный, комплексный подход. Особое внимание уделено историческим предпосылкам. Используются основные положения теории революционного периода. Китай (так же, как и Россия) относится к странам третьей генерации, в рамках которой характер политико-экономического развития заметно отличается от такового в западных странах. Для этих стран характерно наличие рецидивов прошлого, особенно для Китая. В современном Китае это проявилось, в первую очередь, в ренессансе конфуцианства. Показана роль подобных явлений в формировании проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, внутренняя и внешняя политика современного Китая, «китайская мечта», геополитическое пространство, революционный период.

DOI: 10.31857/S013128120004634-8

Популярная в последние годы тема Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) требует системного подхода и имеет для руководства Китая жизненное значение.

Часть экспертов относится к проекту ЭПШП скептически, рассматривая его как мечту о будущем мироустройстве. Ряд стран связывает с ним надежды на улучшение своей транспортной инфраструктуры. Главное, что Китай выступает не только как организатор проекта, но и его основной финансовый спонсор, в основном через Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути. Проект планируется реализовать в течение 30 лет. По существу речь идет о создании единого евразийского пространства, в котором Китай будет играть системообразующую роль в развитии транспортно-логистической структуры¹.

По мнению главы Института развития Госсовета КНР Ли Вэй, данная концепция будет способствовать формированию нового мирового экономического порядка. При этом упор делается на сотрудничество, рыночную конкуренцию, свободу торговли². Си Цзиньпин, как представитель националистически настроенной части партийной элиты, вместо бесперспективной кооперации с США, сделал основную ставку на инициативу Пояса экономического развития Шелкового пути³.

Руководство КНР постоянно подчеркивает, что КПК, под руководством которой живет страна, выражает интересы всего народа⁴. Известный экономист Дж. Стадвелл считает это основным фактором успешного промышленного развития государства⁵. При этом «невооруженным глазом» видно, что партия в Китае является более естественным компонентом общества и государства, чем в свое время КПСС в Советском Союзе.

Можно критиковать Китай за отсутствие «классического рынка» и нарушения так называемых прав человека, но факты говорят сами за себя. С 2013 по 2016 г. среднегодовые темпы роста ВВП страны составили 7,2%, а вклад в рост мировой экономики превысил 30%. ВВП на душу населения составляет около 8 тыс. долл.⁶ Для сравнения: на Украине этот показатель сейчас едва превышает 2 тыс. долларов. К сожалению, в 1980-е — 1990-е годы Советский Союз, а затем Россия вследствие либерального менталитета тогдашнего руководства не восприняли опыт Китая в деле строительства «рыночного социализма»⁷. В то время как, начиная с Дэн Сяопина, все задачи в области экономики, политики, культуры и науки, которые ставила КПК, в Китае четко и неукоснительно выполнялись. Состоявшийся в октябре 2017 г. XIX съезд компартии наметил стратегический план развития страны на следующие пять лет. В основу национальной идеи заложено понятие мечты китайцев, связанной с возрождением «великой китайской нации»⁸.

Предложенная Си Цзиньпином «китайская мечта» объединяет в себе частично «мечты» Мао Цзэдуна о построении социализма, идею «активизации Китая» Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, а также концепцию «гармоничного общества» Ху Цзиньтао. «Китайская мечта» подразумевает, что только под руководством КПК китайский народ сможет построить более совершенное общество⁹.

На XIX съезде было подчеркнуто, что в современную эпоху КПК вместе с народом будет двигаться вперед к реализации «целей двух столетий». Первая — создать к 2020 г., то есть к 100-летию образования КПК, общество средней зажиточности, вторая — к середине нынешнего века, к 100-летию юбилею основания КНР, построить социалистическую современную мощную державу¹⁰.

Специфика революций «нового времени» заключается в том, что революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революционный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои внутренние законы. Конкретные революции — лишь проявление этих законов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий¹¹.

Все страны, в зависимости от времени начала (связанного в основном со спецификой предыдущего исторического развития) и характера протекания революционного периода, можно разделить на три основные группы. В странах первой генерации (СПГ) — Нидерландах, Англии, США, Франции РП начался ранее всего и в каждой из стран имел свою специфику. В большинстве европейских государств и Японии — странах второй генерации (СВГ) РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В России, Китае, Турции, Иране, балканских и латиноамериканских государствах РП ограничился рамками XX в.

В РП все политические режимы имеют некоторые черты диктатуры, особенно во время самих революций. Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры.

Страны третьей генерации (СТГ) имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства: капитализм отсутствовал, но уклад был капиталистический. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы. Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно дополнялось политическими оговорками.

Феодалной революции обычно предшествует период феодализации, когда появляются отдельные признаки феодализма, но еще нет феодалной системы. В Китае феодализация была характерна для более чем 400-летнего периода «великой смуты», когда

Север страны превратился в арену непрерывных гражданских войн и нашествия различных видов кочевников.

Сам феодализм как система в Китае появляется только в период династии Сун¹². В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался с «чистого листа», в Китае сохранилась более чем заметная преемственность с предшествующим периодом второй половины I тыс. до н. э. и начала I тыс. н.э. Современный Китай в определенной степени связан с системой, уходящей вглубь истории, по крайней мере, на две с половиной тысячи лет. Все это предполагает заметное проявление рецидивов прошлого в новейшей истории Китая.

В свое время большое влияние на идеологию Гоминьдана оказало конфуцианство¹³ как морально-этическое учение. На уровне этнического сознания каждого китайца того времени конфуцианская мораль была связана с ним самыми крепкими узами.

Попытку объяснить маоизм, его философию и идеологию на основе рецидивов прошлого предпринял в свое время Цзе Сюн¹⁴, усмотревший сходство между маоизмом и учением Ван Янмина (одного из основоположников неоконфуцианской школы). Формально Мао и КПК на всем этапе ее существования вели борьбу с традиционным сознанием, считая его опасным «конкурентом» коммунистической идеологии. Это подвигало руководство партии к жесткому контролю всех основных аспектов жизни людей и общественной деятельности в Китае¹⁵.

Эта борьба еще более усилилась в период «культурной революции». Однако и здесь проявили себя рецидивы традиционного сознания. Идеи Мао начали восприниматься как нечто сакральное. Традиционная сила изречений всегда вызывала в Китае благоговение. Сакрализация идеологии достигла таких масштабов, что политическое руководство страны было обеспокоено столь явным господством религиозной формы¹⁶.

Окончание РП знаменуется установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. В России РП пришелся, в основном, на годы советской власти. Соответственно сформировался «советский» базис политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. Это закон, от которого никуда не деться. Базис невозможно изменить волевым способом, не разрушив при этом государства. В России доморощенные либералы попытались в 1990-е годы построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики.

Именно соответствие базиса и надстройки играет в СТГ решающую роль.

В Китае данную закономерность политическое руководство в лице Дэн Сяопина интуитивно поняло еще в 80-е — 90-е годы XX века, что определило успешное развитие страны. Руководство КНР уделяет особое внимание идеологическому сопровождению проводимых реформ. Мировоззренческие аспекты в этом плане не только сохраняют, но и многократно усиливают свое значение¹⁷. Си Цзиньпин неоднократно обращал внимание на важность изучения диалектического материализма¹⁸.

Сейчас речь идет о построении социализма с китайской спецификой только к середине нынешнего столетия¹⁹. Таким образом, Китай, в отличие от Советского Союза, крайне осторожно подходит к оценке данного процесса. Согласно Си Цзиньпину, страна находится только на начальной стадии социализма²⁰. Прогноз о том, что модернизирующийся и богатейший Китай рано или поздно присоединится к так называемому демократическому большинству²¹ не выдерживает критики.

Си Цзиньпином предпринята попытка синтеза, соединяющего китайский марксизм, включая гносеологические подходы Мао Цзэдуна, и традиционное китайское наследие, исконно тяготеющее к гармонии. Идея гармонии «хэ» является генетическим принципом китайской цивилизации. По мнению Председателя КНР Си Цзиньпина, китайская нация стремится к проведению политики мира и развития потому, что китайская

культура поклоняется гармонии²². В данном случае используются термины, понятия, выражения, весьма далекие от классической политологии.

Вань Эсянь, вице-президент Китайского общества по изучению прав человека, считает, что современное понимание роли человека и его прав в Китае самым тесным образом связано со взглядами древних китайских мыслителей и прежде всего Конфуция²³, когда государство рассматривается как большая семья. В то же время, с точки зрения легизма, человек существует в государстве не как свободный субъект, а как подчиняющийся власти индивидуум²⁴. Кардинальные различия в понимании и восприятии многих социально-политических понятий между Китаем и Западом проявляются, в частности, в том, что конфуцианство и легизм следует рассматривать как две стороны, две составляющих одной и той же идеологической системы.

По существу Китай переживает сейчас своеобразный ренессанс конфуцианства²⁵. Принятая в 2001 г. «Программа строительства гражданской морали» сделала акцент на следующих моральных принципах: любовь к родине и исполнение закона, четкое следование правилам общежития, искренность и доверие в отношениях между людьми, сплочение и дружелюбие, трудолюбие, бережливость и самоотверженность, служение своему долгу. Все это входит в конфуцианский моральный кодекс²⁶.

Что касается внешней политики Китая, то руководство страны стремится придать ей «китайский облик», используя «специфические китайские пути защиты национальных интересов». Просматривается желание связать современную внешнюю политику с традиционной культурой. Симптоматичен призыв Си Цзиньпина к установлению «правильного взгляда на долг и выгоду в международных отношениях». Эта идея восходит к раннему конфуцианству, декларировавшему приоритет «долга-справедливости» над «пользой-выгодой»²⁷.

Развитием современного использования категорий традиционной китайской культуры стал провозглашенный в выступлении Си Цзиньпина на совещании по дипломатической работе в октябре 2013 г. «курс близости, искренности, взаимной выгоды и инклюзивности» (*цинь, чэн, хуэй, жуи*) в отношениях с соседями. Четыре иероглифа, обозначающие эту политику, обладают богатой смысловой палитрой, их трактовка связана с идейным наследием Древнего Китая²⁸.

Китай предпочел активный характер внешней политики, не следуя пассивной интеграции в мировую экономику, обернувшейся потерей экономической и политической самостоятельности для многих государств²⁹. Предоставленная мировой общественности Председателем КНР Си Цзиньпином в Астане 7 сентября 2013 г. стратегия под названием «Экономический пояс Шелкового пути» являет собой программу радикальной активизации внешнеполитической деятельности КНР³⁰.

Однако с концепцией ЭПШП не все так просто. Не говоря уже о громадных материальных затратах, необходимо учитывать многочисленные противоречия между странами, все более обостряющиеся в последние годы. Особенно после того как президентом США стал Трамп. Еще 2–3 года назад выходили многочисленные статьи по проблемам «нового Шелкового пути», проводились конференции. В последние два года в этом вопросе наблюдается относительное затишье.

Следует также иметь в виду, что активность Китая сочетается с крайне осторожным подходом к основным проблемам мировой политики и кризисным ситуациям. В свое время Дэн Сяопин завещал «держаться в тени, стараться ничем не проявлять себя и при этом делать что-то реальное». Трактовка данной формулы до сих пор является предметом оживленной дискуссии³¹.

Тщательный анализ стратегии ЭПШП оставляет двойственное чувство. Все планируемые мероприятия не совсем стыкуются с базовыми законами экономической и политической систем, выход за пределы которых приводит в «иллюзорное пространство»:

если участвуют все страны, которые планируется вовлечь в этот проект, получается неподъемная для Китая зона влияния.

Китайская экономика сумела эффективно приспособиться к процессу глобализации и установить с экономиками ведущих развитых стран отношения тесного сотрудничества, а также взаимозависимости и взаимодополняемости. Китайские политологи с гордостью признают, что главным призером глобализации стал именно Китай³². Но это «палка о двух концах». Глубоко втянувшись в глобализацию, Китай стал весьма зависим от ситуации в мировой экономике³³.

Китай проводит активную политику по созданию зон свободной торговли уже в 20 регионах мира, старается установить отношения экономической интеграции с основными субъектами этого пространства³⁴. В отношениях с партнерами Китай акцентирует принцип «совместного обсуждения, совместного строительства, совместного использования»³⁵. Практикуется льготное кредитование, оказание помощи бедным государствам, в первую очередь, на развитие транспортной инфраструктуры³⁶.

Наибольшее внимание в этом отношении Китай уделяет Азиатско-Тихоокеанскому региону, при этом сталкиваясь с рядом серьезных проблем. Наиболее напряженная обстановка, чреватая потенциальными конфликтами с соседями, наблюдается по поводу суверенитета над островами Южно-Китайского моря³⁷, хотя это не мешает двусторонней торговле³⁸. Тихий океан воспринимается национальным сознанием в духе традиционного китаецентристского видения мира³⁹. Пока Китай в этом регионе максимально старается решать спорные проблемы со своими соседями, включая Тайвань, мирным путем,⁴⁰ формировать благоприятный имидж страны⁴¹, завоевывать благосклонность местных элит. Пекин постоянно декларирует отсутствие каких-либо политических или идеологических условий, а также невмешательство во внутренние дела других стран.

В связи с этим вспоминаются грандиозные морские экспедиции в начальный период династии Мин, которые преследовали не торговые или политические цели, а носили престижный характер — «показать свой флаг»⁴². Интуиция подсказывает, что ЭПШП реально преследует, в первую очередь, именно эту цель.

Зону своего влияния в форме ЭПШП Китай в настоящее время формирует не столько по законам политического и экономического пространств, сколько по законам цивилизационного пространства. Совершенно противоположные методы используют США. Это видно на примере их попыток в свое время реализовать модель «нового Шелкового пути», тесно связанную с концепцией «Большой Центральной Азии»⁴³. При этом американцы безо всяких обиняков четко заявили, что основной их геополитической целью является отрыв центральноазиатских государств от России и Китая и перенаправление потоков нефти и газа в сторону Южной Азии⁴⁴.

Как говорилось выше, Китай без лишнего шума и политических условий формирует свою зону влияния. В этом отношении особый интерес представляет американский подход в лице Ф. Старра, руководителя Института Центральной Азии и Кавказа при Университете Дж. Хопкинса⁴⁵. Основная ставка сделана на Афганистан, который американцы пытались сделать «демократическим» только путем проведения псевдовыборов. При этом в отличие от Китая, СССР в свое время не предпринимал никаких заметных попыток формирования гражданской инфраструктуры. Основной целью американской концепции была попытка «пристегнуть» центральноазиатские государства к американскому Афганистану.

Основой ойкумена, начиная с периода древности, была развитая инфраструктура (особенно дорожная). Здесь уместно вспомнить ту же Римскую империю, державу Ахеменидов, Китай периода династии Хань. Если Китай сейчас в основном вкладывает деньги в развитие инфраструктуры в своей зоне влияния, то в послевоенный период не было ни одного случая, чтобы подобным образом поступали США. Разве что за исключением военных баз.

Китай только начинает реализовывать свою программу ЭПШП, но уже возникают серьезные проблемы. Аэропорт, открытый в Шри-Ланке в 2013 г., оказался убыточным так же, как неэффективный порт в пакистанском городе Гвадар⁴⁶. К тому же политическая и этническая разнородность провинции Белуджистан, где расположен этот порт и где Китай планирует инфраструктурные проекты более чем на 40 млрд долл., находится в весьма зыбком равновесии⁴⁷. Следует также упомянуть отказ от ранее подписанных соглашений по китайским инвестициям в инфраструктуру нового правительства Малайзии⁴⁸. Китай по существу разоряет местное производство, используя для осуществления совместных проектов китайские материалы, оборудование и рабочую силу.

Можно привести пример Украины, на которую Китай возлагал большие надежды. Планировалось арендовать около 3 млн га сельскохозяйственных угодий и вложить крупные инвестиционные средства в инфраструктуру, в первую очередь в Крыму. В КНР полагали, что Украина может стать опорным государством на западном фланге евразийского пространства⁴⁹.

Другим рецидивом прошлого является появление в Китае избыточного продукта. Именно избыточного, а не прибавочного, связанного с действием собственно законов экономической системы. Избыточный продукт был характерен для цивилизаций ранней древности с учетом урожайности зерновых культур, например в Древнем Египте. Как ни парадоксально, но для сохранения существовавших тогда социально-политических систем была необходима утилизация избыточного продукта, обычно в форме строительства громадных культовых сооружений (в частности, пирамид).

Для Китая характерны излишние производственные мощности почти во всех отраслях промышленности. На формирование основного капитала в Китае выделяется самая большая, по сравнению с другими странами мира, доля ВВП. Наблюдается непрерывный рост денежной массы, которая опережает рост ВВП. Угроза инфляции сдерживается активными мерами правительства⁵⁰. Валютные запасы КНР уже сейчас превышают 4 трлн долл.⁵¹ Китай достиг капиталозбыточной стадии экономического развития⁵². «Избыточный продукт» для Китая также представляет серьезную опасность. Поэтому планируемое использование громадных средств на реализацию ЭПШП можно рассматривать как своеобразную форму утилизации этого продукта.

Экспортно ориентированная экономика КНР функционирует в рамках геоэкономического пространства, сформированного в свое время Западом. В определенной степени она занимает в нем положение «инородного тела». Китай по существу уже исчерпал свой потенциал промышленного и торгового прироста Запада. И единственным выходом из этого тупика является создание Китаем, Россией, другими СТГ собственного пространства — экономического, политического, финансового.

Необходимо учитывать очень важную закономерность. Если возникает какое-либо явление, угрожающее безопасности социально-политической (экономической) системы и на него не обращают должного внимания, оно рано или поздно проходит «точку невозврата», увеличиваясь в объеме, автономизируясь и структурируясь. Появляется деструктивная система, которая развивается уже по своим внутренним законам и главное — имеет значительный регенерационный потенциал. Если вначале проблему можно решить «малой кровью», то после перехода «точки невозврата» — уже «большой». Однако имеет место и вторая «точка невозврата», после которой появившуюся угрозу нельзя устранить даже «большой кровью», и обычно это заканчивается разрушением существующей системы.

По такой схеме развивались события в Чечне, на Украине, на Ближнем Востоке. Что касается экономической сферы, то из мирового экономического кризиса 2008 г. не было сделано практически никаких выводов. Поэтому Запад неизбежно ожидает еще более глубокий кризис, который может закончиться частичным или полным его разрушением. И чем раньше Китай и другие СТГ смогут сформировать свое пространство, тем меньшие потери они понесут.

1. Карнов А. Будущий Китай: «смотреть на Запад, не мстить Японии, не дружить с Россией» // ИА REGNUM. 05.10.2016. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2189115.htm>.
2. Островский А.В. Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути» как путь к международному сотрудничеству // Азия и Африка сегодня. 2016. № 2. С. 12.
3. Карнов А. Указ. соч.
4. Буров В. Борьба с коррупцией в Китае // Азия и Африка сегодня. 2017. № 6. С. 12.
5. Стадвелл Д. Азиатская модель управления. Удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 363.
6. Ли Хуэй. Навстречу «Китайской мечте» // Азия и Африка сегодня. 2018. № 1. С. 4.
7. Шабалин В. Упущенный шанс // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 20–21.
8. Галенович Ю. «Великое возрождение и «морская цивилизация» Китая // Свободная мысль. 2013. № 3. С. 101–112; Ли Хуэй. Указ. соч. С. 3.
9. Киктенко В.А. «Китайская мечта» как теория нового этапа модернизации КНР. URL: sinologist.com.ua/wp-content/uploads/2016/06/Киктенко.pdf.
10. Делч Т. XIX съезд КПК: значение для Китая и его внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2018. № 5. С. 12; Ли Хуэй. Указ. соч. С. 3.
11. Подробнее см.: Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134–150; Он же. Влияние исторического развития Китая на характер протекания революционного периода // Россия — Китай: история и культура: IX международная научно-практическая конференция. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2016. С. 156–168; Он же. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации (к столетию Русской революции) // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 668–688; Он же. Характер развития капитализма в России и Китае с позиций теории революционного периода // Экономическая история. 2017. № 4. С. 87–102.
12. Кондорский Б.М. Феодалная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 40.
13. Мартынов Д.Е. Конфуцианские утопические элементы в официальной идеологии Китая в условиях модернизации страны (1927–1949) // Известия Челябинского научного центра. 2007. Вып 1(35). С. 169–172.
14. Hsiung J.C. Ideology and Practice: The Evolution of Chinese Communism. N.Y.: Praeger Publis, 1970.
15. Solomon R. Communications Patterns and the Chinese Revolution // The China Quarterly. 1967. V. 32. P. 108.
16. Желуховцев А.Н. Роль традиций в формировании стереотипов, мышления и поведения в современном Китае (культивирование религиозных форм массового сознания в идеологической политике маоизма) // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука. 1972. С. 354–358.
17. Титаренко М.Л. Китай и Россия в современном мире. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 38.
18. Титаренко М., Ломанов А. Становление Китая как великой державы. Политические и культурные аспекты стратегии // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 23.
19. Титаренко М. О феномене китайского социализма // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 2. С. 3–4.
20. Там же. С. 9.
21. Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: Алгоритм, 2012. С. 18.
22. Титаренко М., Ломанов А. Указ. соч. С. 24–25.
23. Буров В.Г. В Китае возрождается культ Конфуция // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4. С. 8–14.
24. Цык А. Права человека: взгляд из Китая // Азия и Африка сегодня. 2017. № 10. С. 52.
25. Буров В.Г. Указ. соч.
26. Кондрашова Л.И. Китай на пути к национальной модели демократии // Китай: поиск гармонии. М.: ИД «Форум», 2009. С. 171.
27. Ломанов А. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 14.
28. Титаренко М., Ломанов А. Указ. соч. С. 25.
29. Салицкий А.Н., Семенова Н.К. Расширение стратегических горизонтов Китая // Восток. 2016. № 4. С. 152.
30. Ларин А., Матвеев В. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 7.

31. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 17–21.
32. *Титаренко М., Ламанов А.* Указ. соч. С. 14.
33. *Портяков В.* Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 58.
34. *Гельбрас В.Г.* Геоэкономическая стратегия Китая (опыт реконструкции) // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 21.
35. *Ламанов А.* Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 14.
36. *Лексютин Я.* Экономическая дипломатия Китая в XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 29.
37. *Мозиас П.* Морская деятельность Китая: экономические и геополитические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 33–36.
38. *Портяков В.* О некоторых аспектах внешней политики Китайской Народной Республики в 2012 // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 3. С. 54.
39. *Мозиас П.* Указ. соч. С. 32.
40. *Каменнов П.* Вопросы военной политики Китая на XVIII съезде КПК // Проблемы дальнего Востока. 2013. № 2. С. 40–42.
41. *Лексютин Я.* «Добрососедская дипломатия» Китая в Восточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 14.
42. *Фицджеральд Ч.П.* История Китая. М.: Центрполиграф, 2005. С. 308.
43. *Морозов Ю.В.* Интеграционные проекты для Евразии: подходы Китая, России и США // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 3. С. 35–37.
44. *Тулепбергенова Г.* Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 1 (61). С. 86.
45. *Starr F.S.* Partnership for Central Asia // Foreign Affairs. 2005. July/August. URL: http://www.cfr.org/publication/8937/partnership_for_central_asia.html.
46. *Исаев М.* КНР добивается своих целей с помощью «долговых ловушек» // ИА REGNUM. 24 января 2017. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2230426.html>.
47. *Шпунт А.* «Шелковый шнурок» на шее: засады на пути Китая // ИА REGNUM. 16 сентября 2016. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2180686.html>.
48. *Запальскис А.* Почему и как Вашингтон убивает экономику Пакистана и при чем тут Китай // ИА REGNUM. 14 октября 2018. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2500234.html>.
49. *Кузнецов Д.* Украинский кризис 2013–2014 и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 13–24.
50. *Гельбрас В.Г.* Указ. соч. С. 16–17.
51. Там же. С. 24.
52. *Салицкий А.И., Семенова Н.К.* Россия и евроазиатский проект Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 7. С. 6.

К 40-летию установления дипломатических отношений между КНР и США

К истории установления современных американо- китайских отношений

© 2019

Ю.А. Дубинин

Отношения между США и Китаем на протяжении XX века несколько раз претерпели серьезные изменения. Они прошли путь от противодействия США японским агрессивным действиям в Китае с опорой на доктрину «открытых дверей» в 1930-е годы, через тесный военно-политический союз 1940-х годов, включая придание Китаю статуса великой державы и завершившись в начале 1950-х годов отказом от признания КНР и переходом к политике «сдерживания и изоляции». Тупик в отношениях между двумя странами разрешился в результате визита президента США Р. Никсона и подписания Шанхайского коммюнике в 1972 г.

Ключевые слова: США, КНР, американо-китайские отношения, Шанхайское коммюнике, Р. Никсон.

DOI: 10.31857/S013128120004635-9

Одной из самых сложных и запутанных историй взаимоотношений двух государств в XX веке являются отношения Китая и Соединённых Штатов Америки.

Интерес администрации в Вашингтоне к Китаю стал заметно возрастать в конце 30-х годов XX века по мере того, как нарастала военная активность Японии в Восточной Азии¹, угрожая интересам США в регионе. С 1940 г. Америка начала поставки Китаю военного имущества по ленд-лизу. В середине 1941 г. правительство США профинансировало создание в Китае добровольческой авиационной группы под командованием генерала Клэра Ли Шеннолта, однако до вступления Америки в войну «Летающие тигры» Шеннолта участия в боях не принимали.

Реальное военно-политическое взаимодействие между США и правительством Китайской Республики началось только после нападения императорской Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г. и вступления США во Вторую мировую войну. 9 декабря правительство Чан Кайши объявило войну «странам оси»: Германии и Италии, а 10

декабря — Японии (до этого времени война между Японией и Китаем шла без ее формального объявления).

26 декабря 1941 г. Китайская Республика, Великобритания и США вступают в союзнические отношения — подписывается договор о военном союзе и создается коалиционное командование во главе лордом Маунтбаттеном, заместитель которого, американский генерал Джозеф Стилвел, одновременно являлся начальником Генерального штаба китайской армии Чан Кайши. 1 января 1942 г. представители «Большой четверки» (США, Великобритании, СССР и Китайской Республики) подписывают в Вашингтоне первый официальный союзнический документ — «Декларацию Объединённых Наций». Президент США Франклин Рузвельт особо подчеркивал будущую роль Китая в послевоенном мире, когда он характеризовал роль стран «Большой четверки», называя их «четырьмя полицейскими» будущего мирового порядка.

Президент Китайской Республики Чан Кайши пользовался особым вниманием американского руководства. В 1942 г. он был провозглашен главнокомандующим союзными силами на китайском театре военных действий. Именно в этом качестве он участвовал в работе Каирской конференции союзников (США, Великобритании и Китайской Республики) 22–26 ноября 1943 г., в ходе которой состоялось несколько личных встреч Ф. Рузвельта с Чан Кайши и его супругой. Опубликованная 1 декабря 1943 г. Каирская декларация заявляла, что Япония будет изгнана со всех территорий, которые «она захватила при помощи силы и в результате своей алчности», а также торжественно провозглашала: «Три союзника, в согласии с теми из Объединённых наций, которые находятся в состоянии войны с Японией, будут продолжать вести серьезные и длительные операции, необходимые для того, чтобы обеспечить безоговорочную капитуляцию Японии»².

Капитуляция Японии ни в какой мере не означала окончания войны для Китая, где эта капитуляция лишь создавала необходимые условия для возобновления временно — на период японской агрессии против Китая — прекращенной гражданской войны между силами компартии Китая (КПК) и Гоминьдана. И в этой войне американские военные практически с самого начала приняли, хотя и не прямое, но самое непосредственное участие. Американская авиация уже осенью 1945 г. начала переброску китайских правительственных (гоминьдановских) вооруженных формирований для захвата позиций в основных городах провинций Северного Китая, где в сельской местности уже располагались войска, руководимые КПК. Тем самым создавались условия для разрастания гражданской войны в стране.

Поддерживая правительство Чан Кайши, американская администрация пыталась одновременно наладить взаимодействие с силами КПК. С целью обеспечения успешного посредничества между сражавшимися в Китае силами Вашингтон предпринял целый ряд политических инициатив, среди которых одной из важнейших являлась продолжавшаяся более года миссия генерала Джорджа Маршалла, бывшего руководителя Объединенного комитета начальников штабов США в годы Второй мировой войны. Подводя итог своей политики в Китае в годы войны, государственный департамент США выпустил в августе 1949 г. специальную Белую книгу³, в которой открыто обвинил правительство Чан Кайши в неэффективности и неспособности удержать власть в стране.

Официальная линия администрации Г. Трумэна по вопросам, связанным с Китаем, в конце 1949 — начале 1950 г. была достаточно сдержанной и нейтральной: США не признали провозглашенную 1 октября 1949 г. Китайскую Народную Республику, оказали содействие Чан Кайши в эвакуации остатков его сил на остров Тайвань, и в то же время высшие руководители американской администрации делали заявления о незаинтересованности Вашингтона в обострении отношений с новой властью в КНР.

Так, выступая на пресс-конференции в Белом доме 5 января 1950 г., Г. Трумэн заявлял о нежелании США вмешиваться в споры в Тайваньском проливе и об отсутствии необходимости в «оказании военной помощи китайским силам на Формозе»⁴, а спустя неделю государственный секретарь Д. Ачесон, выступая в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне⁵, подтвердил содержавшееся в директиве Совета национальной безопас-

ности США № NSC-48/2 мнение, что «стратегическое значение острова Формоза не вызывает необходимости в применении военной силы».

Подход администрации США к Китайской Народной Республике кардинально изменился в силу ряда событий как в самих Соединённых Штатах, так и в международных делах.

В США нарастали ультраправые тенденции, наиболее известным выразителем которых являлся республиканский сенатор от штата Висконсин Джозеф Маккарти, а основным лозунгом стал вопрос «Кто виновен в потере Китая?». Дж. Маккарти выдвигал обвинения в адрес высокопоставленных лиц, включая государственного секретаря Д. Ачесона; под сомнение была поставлена честность и преданность стране бывшего государственного секретаря и бывшего министра обороны Дж. Маршалла. Под флагами маккартизма в стране начали действовать комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. В рамках кампании по «очистке правительства от коммунистов» гонению подверглись многочисленные представители либеральной интеллигенции, профсоюзов, деятели науки и культуры.

В международных отношениях решающими факторами ужесточения политики Вашингтона в отношении КНР стали подписанный 14 февраля 1950 г. в результате визита в СССР делегации КНР во главе с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, а также начавшийся 25 июня того же года конфликт на Корейском полуострове.

27 июня 1950 г. президент Трумэн отдал распоряжение 7-му флоту США «воспрепятствовать любому нападению на Формозу», указав, что будущее острова будет решено после восстановления безопасности на Тихом океане и мирного урегулирования с Японией или по определению Организации Объединённых Наций. 2 декабря 1954 г. был подписан договор о взаимной обороне между США и Китайской Республикой на Тайване⁶. Гражданам США были запрещены поездки в КНР, также были запрещены денежные переводы в Китайскую Народную Республику⁷.

Эта политическая линия Вашингтона в отношении КНР получила название «политики сдерживания и изоляции». Она продолжалась практически без изменений почти вплоть до самого конца 1960-х годов, хотя и в ней можно выделить несколько значительных событий. К ним относятся не состоявшиеся контакты между председателем Госсовета и министром иностранных дел КНР Чжоу Эньлаем и госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом в ходе Женевской конференции 1954 г. по Корее и Индокитаю, два острых вооружённых кризиса в Тайваньском проливе в 1956 и в 1958 г., в сглаживании последнего из которых немаловажную роль сыграла советская дипломатия⁸.

Руководители внешней политики США, рассматривая идеологические позиции своих оппонентов, полагали, что из двух социалистических держав — СССР и КНР, Китай является более напористым, «агрессивным». Такое их противопоставление основывалось на том, что после XX съезда КПСС советское руководство выдвигало на первый план в своей международной политике принцип мирного сосуществования государств, принадлежавших к различным общественно-политическим системам, а упоминание важности глобального революционного процесса стало занимать в советской риторике менее заметное место. КПК, в отличие от КПСС, не только ставила революционный процесс в основу своего подхода к анализу международной ситуации (характерным в этом отношении являлось выступление Мао Цзэдуна на международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г.), но и в своей практической деятельности в тот период КНР вела себя весьма задиристо: помимо уже упомянутых острых вооружённых кризисов в Тайваньском проливе нельзя не отметить также два китайско-индийских пограничных конфликта 1959 и 1962 г. Кроме того, продолжалась активная поддержка со стороны КПК революционных движений в странах Юго-Восточной Азии, действовавших в соответствии с доктриной Мао Цзэдуна «Да здравствует победа народной войны». Активизация деятельности партизан Южного Вьетнама, приведшая к созданию в декабре 1960 г. Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, рассмат-

ривалась в Вашингтоне как прямая реализация политики Пекина по нанесению максимально возможного ущерба «американскому империализму». И этот негативный подход к Китаю как силе, стоящей за спиной врагов США во Вьетнаме, присутствовал в Америке на протяжении большей части 1960-х годов.

Отсутствие контактов между столь крупными державами, как США и КНР, в условиях их продолжавшегося жесткого противостояния не могло считаться нормальным состоянием дел, и с целью как-то разрешить эту проблему на Женевской конференции 1954 г. по Индокитаю стороны неохотно согласились с необходимостью поддерживать двусторонние контакты консульских представителей в Женеве. Со временем эти контакты были подняты на уровень послов двух стран и перенеслись преимущественно в Варшаву. Всего за период с 1955 по 1971 г. было проведено 136 подобных встреч. Регулярность встреч и обсуждаемая на них повестка дня каждый раз подлежали специальному согласованию; иногда встречи послов проходили одна за другой, иногда между их проведением проходили годы.

Сложность двусторонних дипломатических контактов состояла в том, что китайская сторона требовала в качестве предварительного условия в продвижении каких-либо переговоров ухода Соединённых Штатов с Тайваня, а американская сторона готова была обсуждать этот вопрос только при условиях отказа КНР от применения силы в отношении острова, о чем, по мнению Китая, вообще не могло идти речи. Американская сторона полагала, что Китай стремился «выдавить» США из Восточной Азии и прилегающих морей и утвердить там свое неоспоримое влияние. Со временем это представление превратилось в твердое убеждение, мешавшее каким-либо содержательным переговорам.

Как вспоминал посол КНР в Варшаве Ван Биннань, в течение многих лет принимавший участие во встречах с американскими представителями, «США в то время не могли изменить свою политику в отношении Китая. Мы непременно наткнулись на наиболее сложный вопрос — вопрос Тайваня, который вряд ли мог быть тогда разрешен и воспринимался наиболее эмоционально. Таким образом, вполне естественно, что наши переговоры ни к чему не приводили»⁹.

Развитие событий в 1960-х годах объективно затрудняло какие-либо возможности урегулирования, не говоря уже о нормализации отношений между США и КНР. После неудач политики «трех красных знамен» сторонники Мао Цзэдуна в Китае готовили и разворачивали «великую пролетарскую культурную революцию». В этих условиях важнейшими вопросами для китайского руководства являлись проблемы внутривнутриполитической борьбы. Что касается Соединённых Штатов, то в это же время страна все глубже втягивалась в войну во Вьетнаме. Эта проблема занимала все большее внимание политической элиты США и государственных структур страны. В Вашингтоне всерьез полагали, что существует возможность договориться с Москвой или с Пекином (или с обоими) о создании условий для почетного выхода США из вьетнамской авантюры.

Другим заметным фактором, заставлявшим Вашингтон искать внешнеполитическую передышку, стал рост военной мощи Советского Союза, добивавшегося достижения военно-стратегического паритета с США. Как представлялось американским внешнеполитическим кругам, необходимо было начинать поиск выхода из этого комплекса проблем, вызывавших осложнения в американской внешней политике.

Немаловажную роль в корректировке китайской политики США сыграли представители Центра советско-китайских исследований Гарвардского университета и других либеральных американских школ, добивавшиеся пересмотра стратегии в отношении КНР. Немаловажную роль в этом сыграл и тот факт, что среди них было немало пострадавших от маккартистских кампаний 1950-х годов. Весной 1966 г. в газете «Нью-Йорк Таймс» публикуется подписанное 198 американскими учеными «Заявление о китайской политике Соединённых Штатов», в котором администрацию призывают изменить ее в сторону нормализации отношений с КНР. Мнение научной общественности США получает продолжение в деятельности американских государственных структур: в том же 1966 г. Госдепартамент предлагает американским дипломатам в Варшаве выступить

с предложением о налаживании неформальных социальных контактов с представителями китайского посольства. В марте 1966 г. официальный представитель США заявил, что его «правительство хотело бы впредь обеспечить развитие отношений с Китайской Народной Республикой» — впервые после 1949 г. это название было произнесено устами официального представителя США.

Осенью 1967 г. Р. Никсон (еще не кандидат на пост президента США) опубликовал статью в журнале *Foreign Affairs*, озаглавленную «Азия после Вьетнама», в которой говорилось о необходимости «вовлечения Китая в мировое сообщество» и о том, что в американских интересах «открыть Китай», т.к. «мы просто не можем позволить себе навсегда оставить Китай вне семьи народов, чтобы он вынашивал свои фантазии, копил злобу и угрожал соседям. Эта планета слишком мала, чтобы один миллиард потенциально наиболее способных людей жил бы на ней в злобной изоляции»¹⁰.

Государственный секретарь США У. Роджерс, выступая 21 апреля 1969 г., заявил: «Никто не может говорить о будущем Тихоокеанского сообщества без упоминания Китая, материковый Китай обязан играть важную роль в Восточной Азии и тихоокеанских делах»¹¹.

На заседаниях Совета национальной безопасности США рассматривались вопросы «уменьшения напряжения» в отношении материкового Китая. По вопросам, относящимся к области торговли и поездок людей, было решено принять решение незамедлительно. Те вопросы, которые были взаимосвязаны с другими проблемами, — политика в отношении Тайваня, прилегающих островов, использование Тайваня как военной базы, принятие КНР в ООН и возможное дипломатическое признание со стороны США — следовало решать в долгосрочной перспективе. 21 июля 1969 г. было сделано первое заявление об отмене некоторых ограничений на торговлю и поездки граждан США в Китай. Гражданам США разрешалось ввозить изготовленные в Китае товары на сумму до ста долларов.

Одновременно с протягиваемой американскими властями КНР оливковой ветвью свои шаги в отношении Америки начала делать и китайская сторона.

Для Китая 1969 год знаменовался целой чередой событий внутренней и международной жизни, игравших для будущей китайской политики весьма важную роль. Прежде всего — это проведение IX съезда КПК, подводившего своего рода черту под итогами «великой пролетарской культурной революции» и утверждавшего новую расстановку сил в китайском руководстве. В дни съезда КПК происходили китайско-советские пограничные столкновения на реке Уссури, на долгие годы закрепившие антисоветскую политику руководства КНР. В преддверии 1969 г. китайское руководство направило победившей на ноябрьских выборах администрации Р. Никсона предложение о проведении (после продолжительного перерыва) очередной встречи послов двух стран в Варшаве.

Таким образом, круг замкнулся, и началась практическая работа по выстраиванию новой международной политики КНР на 1970-е годы.

На американском направлении эту политику обозначили такие явления, как «пинг-понговая дипломатия» 1970 г., секретный визит Г. Киссинджера в Пекин в 1971 г., подписание Шанхайского коммюнике в 1972 г. и дальнейшее углубление связей КНР с государствами Запада.

На первом этапе американо-китайских контактов основное значение имела не фиксация каких-либо соглашений, что было нелегко сделать с учетом многочисленных и многолетних негативных наслосний, а выработка общих подходов по важнейшим международным проблемам. Как отмечал позднее Г. Киссинджер, обе стороны «ощущали существование общей угрозы»¹². В подписанном в феврале 1972 г. Р. Никсоном и Чжоу Эньлаем Шанхайском коммюнике в первую очередь обращают на себя внимание два важных пункта.

Первый касался вопроса о борьбе с гегемонией в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Каждая из «высоких договаривающихся сторон» заявила, что не стремится к гегемонии в этом регионе и будет противодействовать попыткам любой третьей державы или

группы государств добиваться ее. Любой непредвзятый читатель поймет, что это был весьма прозрачный намек на готовность совместно противостоять политике СССР в АТР. Тезис Г. Киссинджера о том, что в треугольнике США — СССР — КНР отношения Соединённых Штатов с каждой из двух держав должны всегда быть более тесными, чем их отношения между собой¹³, превращался в основу выстраивавшихся между Вашингтоном и Пекином связей.

В другом говорилось об эволюции подхода США к вопросу о Тайване. Соединённые Штаты признали, что все китайцы, проживающие по обе стороны Тайваньского пролива (т.е. в КНР и на Тайване), признают, что существует только один Китай, и что Тайвань является частью Китая. США выразили заинтересованность в том, чтобы проблема Тайваня была разрешена самими китайцами мирным путем, и в перспективе обещали стремиться к выводу американских войск и американских военных сооружений с Тайваня по мере уменьшения напряженности в регионе¹⁴.

Как свидетельствует Г. Киссинджер, Р. Никсон рассказывал летевшему с ним в Китай послу США на Тайване Маккоуги, что тому придется много поработать с руководителями страны своего пребывания, объясняя им, что в перспективе США будут все больше переносить свое внимание на отношения с Пекином, а не с Тайбэем. «Мы будем делать это», — говорил Никсон, — «не потому, что мы любим их, а потому, что международная ситуация претерпевает такие резкие изменения»¹⁵.

1. Япония начала военные действия против Китая еще в 1931 г., захватив северо-восточные провинции страны и создав марионеточное государство Маньчжоу-го. Затем она распространила свою агрессию и на собственно Китай после инцидента у Лугоу-цяо 7 июля 1937 г.
2. United States Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic papers. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. II. The First Cairo Conference. Cairo Legation Records. Final Text of Communiqué. P. 448–449.
3. См.: United States Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. Department of State Publication 3573. Far Eastern Series 30.
4. URL: <https://china.usc.edu/harry-s-truman-%E2%80%9Cstatement-formosa%E2%80%9D-january-5-1950>.
5. См.: URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/1950-01-12.pdf>.
6. Действие договора распространялось только на территорию собственно Тайваня и Пескадорских островов и не включало территорию мелких островов в Тайваньском проливе, расположенных вблизи побережья КНР, но контролировавшихся вооруженными силами Гоминьдана.
7. URL: <http://www.usapolitika.ru/sderzhivanie-i-izolyaciya-knr-1.html>.
8. См.: Дубинин Ю.А. Тайваньский кризис 1958 г. // Научные труды МГИМО МИД СССР. Проблемы востоковедения. Сб. ст. Вып. 4. М.: МГИМО, 1973.
9. Цит. по: Киссинджер Г. О Китае / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: Астрель, 2013. С. 180.
10. Nixon R. Asia after Vietnam // Foreign Affairs. 1967. October.
11. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1976. Vol. 1: Foundations of Foreign Policy. Washington, 2002. P. 78.
12. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 179.
13. Там же. С. 312–318.
14. Joint Statement Following Discussions with Leaders of the People's Republic of China: Shanghai, February 27, 1972. FRUS 17, 815. Цит. по: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 297.
15. Conversation Between President Nixon and the Ambassador to the Republic of China (McConaughy): Washington, June 30, 1971, 12:18–12:35 p.m. FRUS 17, 349. Цит. по Киссинджер Г. Указ. соч. С. 288.

Идеология и прагматизм в налаживании и укреплении китайско-американских связей

© 2019

А.С. Давыдов

В статье представлен обзор основных этапов сближения КНР и США и налаживания отношений между двумя странами после многолетнего отчуждения и вражды. Предпринята попытка анализа соотношения прагматических и идеологических мотивировок в процессе этого сближения, завершившегося в 1979 году установлением дипломатических отношений Соединенных Штатов Америки с Китайской Народной Республикой. Охарактеризованы основные причины американско-китайских разногласий на современном этапе. Кратко анализируются перспективы будущего развития взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова: *США, Китай, прагматизм, идеология, дипломатические отношения, двусторонние связи, перспективы развития.*

DOI: 10.31857/S013128120004636-0

В КНР не устают повторять на всех уровнях, вплоть до самых высоких, что китайско-американские отношения не только важнейшие для Китая, но самые главные взаимоотношения в мире.

Сегодняшней молодежи и людям среднего возраста непросто осознать, что еще четыре с лишним десятилетия назад — срок по историческим меркам совсем незначительный — между двумя этими странами не только отсутствовали нормальные дипломатические связи, но они остро и яростно враждовали друг с другом.

А в пору той вражды еще труднее было представить себе, что через короткий временной промежуток коммунистический Китай, только вчера исторгавший в собственных СМИ гнев и ненависть к «кровавому оплоту империализма», перестанет осыпать США угрозами и оскорблениями, заявлять о «непримиримых идейно-политических расхождениях» с «бумажным тигром», а начнет искать американского расположения и благосклонности, демонстрируя виртуозное владение приемами прагматизма.

Впрочем, сам процесс постепенного смягчения напряженности, последовательного устранения препятствий с целью последующего восстановления и нормализации взаимоотношений двух крупных мировых держав — явление исключительно позитивное при условии, что от этого не пострадают другие страны.

Любопытную оценку развития китайско-американских отношений «в исторической перспективе» дал директор Института международных отношений университета «Хуацяо» профессор Линь Хуньюй¹, отметивший, что «качественные изменения» в отношениях КНР и США случались именно тогда, «когда сам Китай развивался и переживал изменения». Так, по его утверждению, «разбить лед» в отношениях с Америкой в 1972 г.

удалось благодаря тому, что «в 1969 г. Китай подал позитивный сигнал о желании улучшить китайско-американские отношения».

Что это был за «сигнал», догадаться нетрудно. В марте того года, полвека назад и ровно за 10 лет до установления дипотношений с США, тогдашние китайские руководители поступили коварно и преступно, учинив серию провокаций с засадой советским пограничникам на острове Даманский. Интересно, что за пять лет до этого, разоткровенничавшись с северокорейским лидером Ким Ир Сенем, Мао Цзэдун признавался, что не исключает войны с СССР, и Китай будет готовиться к ней.

Незадолго до провокаций, 25 января 1969 г. командование военного округа граничащей с территорией СССР провинции Хэйлуцзян представило в центр план вседневной военной кампании, который одобрил генштаб НОАК, отправивший в войска директиву о подготовке боевых действий. Таким образом, доведя отношения с Советским Союзом до военного противоборства, Китай «просигналил» США о готовности наладить с ними контакты.

Еще один «позитивный» сигнал о желании закрепить это взаимодействие, установив полноценные дипломатические отношения, КНР, по утверждению Линь Хунъюя, якобы подала Вашингтону в 1978 г. запуском «масштабной политики реформ и открытости», что неудивительно: для «масштабных реформ» понадобились масштабные вливания ресурсов и передовые технологии, которые можно было получить только в США.

Дополнительным сигналом Америке, о котором китайский эксперт, однако, предпочел умолчать, была развязанная Пекином почти одновременно с началом реформы война против своего недавнего союзника Вьетнама, незадолго до этого одержавшего победу над американскими агрессорами.

Хотя прагматизм и здоровый цинизм сами по себе не являются, на наш взгляд, предосудительными и порочными чертами проводимой государством внешней политики, обидно, недостоинно и недопустимо, когда они приводят к вероломному предательству прежних союзов и интересам и нарушению достигнутых договоренностей. Это и произошло при налаживании китайско-американских связей: персидя от враждебности к сближению с Вашингтоном, Пекин проделал обратную эволюцию в отношениях с Москвой.

В результате, отбросив лишние и уже ненужные более сантименты, Китай твердо встал на путь «баланса сил», знакомый еще с древних времен, когда в противостоянии с более сильными соперниками ему часто приходилось сталкивать их друг с другом. Выиграв от советско-американского противоборства, Пекин, который зарекался в дальнейшем от вступления с кем-либо в союзы и коалиции, невероятно усилился и окреп в экономическом и стратегическом плане, оттеснив нашу страну с позиции второй державы мира.

Что бы ни говорили некоторые политики, политологи или историки, им будет трудно аргументированно опровергнуть утверждение, что **американо-китайское сближение в начале 1970-х годов произошло на антисоветской почве**. К сложившейся тогда «треугольной» конфигурации во взаимоотношениях КНР, США и СССР лучше всего подошел бы известный афоризм У. Черчилля о том, что в политике не бывает постоянных друзей или врагов, а существуют лишь постоянные интересы.

Но возникают неизбежные вопросы. Так ли легко и просто шел процесс превращения двух великих мировых держав, еще недавно враждовавших на политико-идеологической и классовой почве, из недругов в «почти друзей»? И носил ли он чисто конъюнктурный характер или имел под собой некую практическую основу, покоящуюся на обоюдной заинтересованности в чем-то большем, нежели тривиальный сговор двух против третьего?

За семь десятилетий с момента образования КНР американо-китайские отношения прошли весьма сложный и тернистый путь. Претерпевая резкие изломы, переживая взлеты и падения, они отличались необычайной зигзагообразностью. Во многом это объяснялось тем, что в политике США в отношении КНР постоянно присутствовали как

идеологическая, так и геополитическая составляющие, порою диктовавшие американцам весьма разнонаправленные и далеко не всегда совместимые стратегические решения.

Это происходило потому, что соображения прагматизма, как правило, заставляли Вашингтон искать и добиваться взаимопонимания с идеологически чуждым ему руководством коммунистического Китая по поводу общности угроз американским и китайским интересам со стороны так называемых третьих сил. Идеологический аспект американского курса в отношении КНР, напротив, предусматривал комплекс мер, как мирных, так и насильственных, для отстранения компартии от власти и перевода развития Китая на рельсы либеральной рыночной экономики и демократии западного образца.

Такая противоречивость, базировавшаяся на эклектизме и политической конъюнктурности, постоянная необходимость для США добиваться при формировании своего китайского курса совмещения несовместимого объяснялись, с одной стороны, ростом авторитета, влияния и могущества Китая на мировой арене и превращением его в новых условиях в основного геополитического соперника Соединенных Штатов.

С другой стороны, это являлось отражением постоянно меняющегося соотношения сил и варьирования концептуальных подходов к КНР среди либералов и консерваторов в вашингтонских коридорах власти, а также особых интересов промышленно-финансовых, торгово-экономических, военных и других формирующих политику США кругов.

Не исключено, что определенную помощь в налаживании отношений между капиталистической Америкой и китайскими коммунистами оказал накопленный в 1940-е годы опыт взаимодействия с Мао Цзэдуном американской военной миссии «Дикси» в ходе антияпонской войны.

Что касается Китая, то там переход к осуществлению «особого курса» на международной арене, обозначивший разрыв союзнических связей с социалистическим сотрудничеством во главе с СССР, занял практически целое десятилетие и происходил одновременно с перераспределением соотношения сил в западном мире.

Взяв за основу возникшие на Западе в 1960-е годы противоречия, обусловленные попытками Франции Де Голля проводить самостоятельную политику ограждения Европы от слишком активного американского вмешательства и усилением экономической мощи и роли ФРГ в мире, китайские руководители сконструировали теорию «промежуточных зон», призванную оправдать сближение КНР с Западной Европой и Японией и противопоставить их двум «сверхдержавам» — СССР и США, боровшимся, как утверждалось, за «мировую гегемонию».

Расчет строился не только на провоцировании конфронтации между самими «сверхдержавами», но на активизации борьбы против них более бедных развивающихся стран. Следствием провала этих попыток стал отход от доктрины «антиамериканизма» и переход от стратегии «удара двумя кулаками» к смягчению отношений со Штатами и усилению противостояния с Советским Союзом.

В дальнейшем процесс налаживания отношений США и КНР в 1970-е годы не случайно развивался на фоне позитивных сдвигов в международной обстановке. Разрядка между Востоком и Западом осуществилась лишь тогда, когда США стали принимать во внимание реальное соотношение сил в мире, в том числе в Азии, особенно четко обозначившееся в ходе безуспешной для американцев вьетнамской войны. В этих условиях длительное неприятие КНР — одной из крупнейших азиатских и мировых держав — было совершенно ненормальным явлением и не соответствовало более интересам Америки. Отсутствие связей с континентальным Китаем не только затрудняло нормализацию отношений, но и решение с ним спорных проблем, создавая дополнительные сложности для политики США в АТР.

К тому же, по замыслу «главного архитектора» новой китайской политики Вашингтона Г. Киссинджера, сближение с КНР давало в руки американцам беспроигрыш-

ный козырь в противостоянии главному стратегическому сопернику — СССР, заставляя его быть более сговорчивым и уступчивым.

И действительно, когда во второй половине 1970-х годов в США стали брать верх настроения в пользу отхода от разрядки и возвращения к жесткой политике в отношении Советского Союза, выразившейся в ориентации на достижение военно-стратегического превосходства, американские противники разрядки обратились к «китайскому фактору».

С особой отчетливостью эта тенденция проявилась во время пребывания у власти в 1977–1981 гг. администрации демократов во главе с Дж. Картером. Ставший его советником по вопросам национальной безопасности ярый русофоб З. Бжезинский полагал, что в ущерб интересам СССР на международной арене необходимо максимально использовать все имеющиеся в распоряжении антисоветские резервы, включая «фактор Китая». При этом не возбранялись серьезные уступки со стороны США идеологически и политически враждебному Пекину, что способствовало в перспективе трансформации отношений Америки с Китаем в связи, близкие к союзническим.

По расчетам сторонников установления партнерства и союзничества с Пекином Китай годился для таких отношений потому, что:

- его руководство занимало непримиримую позицию по отношению к СССР и другим странам социалистического содружества;
- в силу тогдашней слабости своей экономики КНР не являлась серьезным конкурентом для США и других западных стран на мировом рынке;
- политика Китая в отношении ряда азиатских государств, в том числе Индии, Вьетнама, Кампучии, создавала обстановку политической нестабильности в регионе и позволяла Америке извлекать из этого определенные выгоды.

Подход Бжезинского к проблеме американско-китайских отношений разделяли представители Пентагона, «склонные рассматривать отношения с КНР в плоскости американско-советского стратегического соперничества»².

В мае 1977 г. президент Картер заявил, что считает американско-китайские отношения центральным элементом внешней политики США, а Китай — ключевой силой в глобальном масштабе. И уже в 1978 г. контакты двух стран вышли на заключительный этап установления дипломатических отношений. Главным направлением американских усилий в тот период стала активизация стратегического, военно-политического, экономического и научно-технического сотрудничества с КНР.

Соглашения об установлении дипотношений оказалось возможным достигнуть на основе взаимных компромиссов. США разорвали дипломатические отношения с тайваньским режимом, денонсировав с ним договор о взаимной обороне, согласились вывести с острова свой военный контингент, демонтировать военные сооружения и, в отличие от формулировок «шанхайского коммюнике», уступили требованиям КНР о разрыве политических и военных связей с Тайванем. Китай, со своей стороны, фактически признал за США право поддерживать с тайваньской администрацией неофициальные торговые, культурные, научные и прочие связи, а также возобновить после годичного перерыва продажу американского оружия на Тайвань.

Устанавливая дипломатические отношения с Пекином, в Вашингтоне, помимо расширения контактов, ускорения развития торгово-экономических и научно-технических связей, рассчитывали, что удастся втянуть КНР в отношения военно-политического характера. Концепции «стратегического усиления» Китая, «стратегического партнерства», «кособых партнерских уз» исходили из необходимости военного укрепления КНР странами Западной Европы и США с целью заставить СССР действовать на «два фронта». Они подкреплялись геополитической по характеру мотивировкой Китая отказаться от принципов марксизма и принять на вооружение концепцию «патриотизма», через призму которой в США рассматривалось вторжение КНР во Вьетнам.

Таким образом, при администрации Картера американско-китайским отношениям были приданы новые импульсы, основная особенность которых состояла в том, что развитие событий по линиям США — КНР и США — СССР пошло в противоположных направлениях. Укрепляя отношения с Китаем на основе антисоветизма, вашингтонская администрация стремилась при этом обходить проблемы, по которым у нее сохранялись противоречия с самим Китаем (это, прежде всего, касалось вопроса о Тайване).

Однако американско-китайский альянс так и не стал формальным военно-политическим союзом и не принял форму реального блокирования США и Китая на практической основе. Полноформатное становление американско-китайских «особых отношений» не состоялось по ряду причин, видное место среди которых занимали объективные противоречия между интересами США и КНР на международной арене, конечная несовместимость их глобальных политических устремлений. Эклектичность китайской политики США, отражавшая соотношение сил и перипетии борьбы в вашингтонских коридорах власти между представителями консервативного и либерального направлений американского истеблишмента, определила неустойчивость развития американско-китайских отношений на протяжении двух последних десятилетий XX века.

Принеся человечеству неисчислимые бедствия и трагические испытания — две разрушительные мировые войны, череду социальных потрясений и национальных революций, гражданских противоборств и внутренних конфликтов, глобальное противостояние двух общественно-политических систем, — XX век ознаменовал свое окончание завершением эпохи идеологической конфронтации в сфере международных отношений, которые после распада СССР перестали быть ареной противоборства двух глобальных антагонистов — социализма и капитализма.

В новом, XXI столетии классово-идеологический фактор утратил ведущую роль в международной жизни, уступив приоритетное место экономическим, геополитическим, демографическим, экологическим, правовым, религиозным и другим существенным факторам. Одновременно отношения между КНР и США стали все явственнее играть ключевую роль в развитии глобальной политико-экономической ситуации.

Возникновение единой всемирной экономической системы, тесное и непрерывное взаимодействие континентальных рынков, развитие средств коммуникации, создание мировой компьютерной сети Интернет заставили говорить о наступлении эпохи глобализации, содействующей стремительному росту материальных ресурсов и еще большему ускорению технологического прогресса.

По утверждению Г. Киссинджера, именно американская производительность труда стала «движителем мирового экономического роста; при участии американского капитала возникло множество поражающих воображение новых технологий, которые он же широко распространил по всему миру; американская предприимчивость сформировала широкие рынки и породила стандарты личного потребления, которые в предшествующие века были доступны только самым богатым людям»³.

Хотя можно оспаривать вывод Киссинджера о том, что «успеху глобализации сопутствовало принятие американской рыночной модели экономики в большинстве регионов мира», вполне очевидно, что в какую бы словесную оболочку не облакалось наименование этой модели в Китае, он также стал ориентироваться на нее.

Потребности внутреннего развития побудили руководство КНР пересмотреть приоритеты отношений Китая с США и нацелить их в направлении значительного увеличения роли экономических связей, которые стали играть преобладающую роль в комплексе двусторонних контактов. Для КНР они превратились в гарантию стабильного инвестиционного климата и притока современных технологий, и возникновение серьезной напряженности в отношениях между двумя странами неизбежно привело бы к сокращению, если не прекращению инвестиционных потоков, закрытию доступа к американским технологиям и наукоемкой продукции, а также к американскому рынку.

США в своем подходе к отношениям с Китаем исходили в начале XXI столетия как из экономических, так и из политико-идеологических соображений. Чисто прагматические расчеты предполагали, что Вашингтон устроил бы сценарий, при котором КНР удалось бы решить свои экономические и политические проблемы. При этом США ни в коем случае не были заинтересованы в сильном, обладающем мощным ядерным потенциалом Китае, проводящем курс, противоречащий американским интересам.

В то же время стабильный и предсказуемый Китай, открытый для торговли и диалога, был бы куда более приемлемым для Вашингтона, чем страна, погрязшая в непрерывном экономическом кризисе и раздираемая социальными противоречиями. Крах рыночных тенденций в китайской экономике привел бы к укреплению враждебной для США коммунистической идеологии, тоталитаризма и антиамериканизма, прямым следствием чего могло бы стать усиление военного противостояния двух стран.

Даже нормализовав в 1972 г. межгосударственные отношения с Пекином, Вашингтон сохранил идеологическую нетерпимость и стратегические цели политики по отношению к КНР, которые в конечном итоге состоят в замене социального строя и политической системы в ней и утверждении благоприятного для США режима.

Прямую угрозу своим интересам Америка видела в том, что бедная в недавнем прошлом, полузависимая страна превратилась в гиганта, вступившего в XXI век с потенциалом развития, могущим поставить под вопрос способность США удержать мировое первенство, в эффективного конкурента и опасного потенциального противника. Это обстоятельство, отягченное негативными явлениями в истории взаимоотношений двух стран, социальными различиями и идеологической нетерпимостью со стороны США, никуда не исчезло и сохранилось в качестве одной из первопричин накопления конфликтного потенциала в отношениях между двумя державами.

По утверждению некоторых американских политологов, «внутри стратегического сообщества США существует группа, которая полагает, что Соединенные Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и, если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне»⁴.

Для Китая, учитывая его планы модернизации, рассчитанные на всю первую половину нынешнего столетия, преждевременное обострение конфликта с США могло обернуться катастрофой, способной отбросить развитие страны на исходные позиции.

Для оценки геополитической ситуации важно учитывать, что успехи в экономическом строительстве позволяли Китаю модернизировать без перенапряжения экономики и финансов свои вооруженные силы, которые уже способны были адекватным образом реагировать на военные угрозы современного типа. Как мировая держава, Китай переходил от забот о региональных проблемах на новый уровень международной ответственности, соответствующий масштабам политических, экономических и военных средств воздействия на ситуацию, складывающуюся в мире.

Китайские специалисты-международники до недавних пор характеризовали китайско-американские отношения как «сочетание сотрудничества и конкуренции», подчеркивая, что речь идет об «обычной межгосударственной конкуренции, а не о конфронтации и, тем более, не о повороте к войне», а «главным течением остается сотрудничество»⁵. При этом Китай никогда не соглашался играть роль младшего партнера Вашингтона.

Климат в отношениях двух стран начал постепенно меняться к худшему с приходом в январе 2017 г. в Белый дом президента-республиканца Дональда Трампа. Провозглашенное им в ходе избирательной кампании намерение «возродить величие Америки», причем на новой, «более крепкой основе», не могло не отразиться на характере взаимоотношений США и КНР.

К набору прежних противоречий в отношениях Вашингтона и Пекина добавилось еще одно, пожалуй, самое неприятное для Америки. Ставший второй, а по отдельным показателям уже первой экономикой мира, Китай активизировал участие в глобаль-

ном управлении, расширив его сферы с экономической и гуманитарной на область безопасности и заявив таким образом о претензии на роль одного из универсальных глобальных лидеров.

Сама мысль о возможности доминирования китайцев в тех зонах, где новая администрация США рассчитывала диктовать свою волю и правила игры, включая, в первую очередь, Азиатско-Тихоокеанский регион, была для команды Трампа недопустимой. Потеря этого региона означала бы для Америки утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент ее глобального лидерства.

Помимо этого, в финансово-экономической сфере в вину Пекину вменялись: манипулирование курсом юаня; товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение противоречащих правилам ВТО ограничений на торговлю с США; модернизация китайских военных объектов за счет кражи американских технологий, хакерских атак и шпионажа; требование Китая о доступе к новым технологиям США в обмен на американское присутствие на его рынках и пр.

После принятия 18 декабря 2017 г. новой американской «Стратегии национальной безопасности» отношения США с Китаем фактически официально приобрели статус сопернических, поскольку, согласно этому документу, Китай бросил вызов влиянию и интересам Америки с целью подорвать ее национальную безопасность и процветание. В апреле 2018 г. в торгово-экономических отношениях США и КНР возник очередной острый конфликт: в ответ на введение американской стороной пошлин на импорт стали и алюминия министерство финансов Китая ввело ответные пошлины на более чем 100 видов американской продукции. В июне Трамп объявил о введении 25-процентной пошлины на импорт из КНР высокотехнологичной продукции. Все эти взаимные выпады были наречены наблюдателями «американо-китайской торговой войной».

Однако эта «торговая война» по сути явилась началом схватки за изменение и обновление существующего миропорядка. Демонстрируя неукротимое желание перехода из статуса региональной в статус глобальной державы, Пекин, искони опирающийся на известный и практикуемый им принцип китаецентризма, решил, что время пребывания «в тени», согласно завету Дэн Сяопина, осталось позади, а силы, резервы и возможности таковы, что дают право громко заявить о претензии на ведущую державную роль.

Осознавая мощь, накопленную Китаем, рост его глобального влияния и амбиций, одним из инструментов которых в США считают пекинский замысел «пояса и пути», способный, по мнению Вашингтона, при необходимости вместе с торгово-экономическим получить и военно-стратегическое наполнение, Америка решила «притормозить» продвижение КНР к «вершине мира», где, по образному выражению политолога Майкла Пиллсбери, «должно сиять лишь одно солнце».

В этих целях Д. Трамп пытается освоить на практике собственноручную универсальную технологию «уक्रощения» диктаторов (Ким Чен Ын) и иных авторитарных лидеров (Путин и Си Цзиньпин), суть которой состоит в попеременном словесном восхвалении их с последующим наложением на страны, которые они возглавляют, жестких экономических или политических санкций.

Санкционный режим, предполагающий уступки с противостоящей стороны, не сработал пока относительно эффективно лишь в случае с Россией. Под нажимом Трампа КНДР ввела мораторий на ядерные и ракетные испытания, а Китай пошел на компромиссы в торгово-экономической сфере. И этому есть свои причины.

Хотя сегодня в основе американо-китайских связей по-прежнему главенствует экономическая составляющая, а взаимоотношения двух стран сильно осложнены и развиваются с серьезными перепадами, скрепы взаимного магнетизма, формировавшиеся между ними десятилетиями и покоящиеся, помимо торговли и экономики, на исторической, культурной и научно-образовательной базе, а также на этнических и общинных

связях, контактах между людьми, остаются гораздо более прочными, чем узы, которые существуют между Америкой и Россией.

А нынешнее соперничество между США и Китаем, уже выходящее за рамки чисто экономического, пока еще не достигло стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения спора. В потенциале конфликт КНР с США не исключен, но на данном временном этапе американская сторона усматривает в нем, несмотря на разглагольствования пропаганды, меньшую военную опасность, чем в противостоянии с Россией.

Думается, и Китай отдаст себе отчет в нынешних военно-стратегических преимуществах США, обусловленных технологически совершенным арсеналом всевозможных видов вооружений, наличием оснащенных современными боевыми средствами союзников в Азии и Европе, выгодным передовым базированием американских войск и мощнейшими военно-морскими силами Америки, которым доступны все океанские широты.

Будущее американо-китайских отношений определит в конечном итоге ход развития политических и экономических реформ в КНР, ибо только от него будет окончательно зависеть реальное место, которое займет Китай в современном мире.

-
1. Китай. 2019. № 1. С. 4.
 2. *Vance C. Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy.* N.Y.: Simon and Schuster, 1983. P. 76.
 3. *Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика?* М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002. С. 235.
 4. Независимая газета (Сценарии). 1998. № 12.
 5. Сяньдай гоцзи гуаньси. 2002. № 1–2. С. 93.

Китай в «тихоокеанском повороте» США

© 2019

А.В. Волошина

В 2011 г. администрация президента США Б. Обамы официально выдвинула геополитическую инициативу, вошедшую в историю под названием «поворот», или «перебалансировка». Важнейшим элементом этой стратегии, призванной гарантировать сохранение доминирующего положения Америки в АТР, стало выстраивание конструктивных отношений с Китаем. В статье предпринята попытка раскрыть, каким образом происходила выработка и реализация китайского направления «поворота». В ходе анализа делается вывод об изменениях, которые претерпел «поворот» со сменой американских администраций, а также ставится вопрос об эффективности данной стратегии с точки зрения реализации поставленных США целей.

Ключевые слова: США, Китай, «поворот», АТР, Индо-Тихоокеанский регион, администрация Б. Обамы, Д. Трамп.

DOI: 10.31857/S013128120004637-1

Сложно переоценить значение Азиатско-Тихоокеанского региона для складывающейся в XXI веке картины мира. Здесь концентрируются интересы и происходит наиболее активное взаимодействие Соединённых Штатов Америки, стремящихся удержать лидерские позиции в международной системе, и Китайской Народной Республики, утверждающейся в качестве одной из ведущих держав мира с расширенной сферой интересов и ответственности. Будущая конфигурация международной системы и положение в ней США будут во многом зависеть от того, насколько эффективно будет выстроено их взаимодействие с Китаем и остальными странами этого региона.

Наиболее значимым внешнеполитическим действием Соединённых Штатов по отношению к АТР за последнее десятилетие стал так называемый поворот (pivot), или перебалансировка (rebalance). Получившая свое официальное оформление к 2011 г., эта геополитическая инициатива должна была гарантировать продолжающееся присутствие США в АТР в качестве «тихоокеанской державы», укрепить их позиции мирового лидерства, которые, казалось, были подорваны после финансового кризиса 2008 г. и неудач в Ираке и Афганистане.

Команда, собранная новоизбранным на тот момент президентом Бараком Обамой в 2009 г. для работы на азиатском направлении, включала влиятельных и опытных специалистов, занимавшихся китайской проблематикой. Среди них стоит выделить Джеффри Бейдера¹, крупного эксперта по Китаю со значительным опытом правительственной работы в Госдепартаменте и Белом доме, занявшего должность ведущего советника по делам азиатского региона в Совете национальной безопасности США (СНБ США), и его заместителя по делам Китая, Тайваня и Монголии в СНБ США Эвана Медейроса², авторитетного ученого, занимавшегося в аналитическом центре RAND (RAND

Congratation) исследованием китайской политики в сфере безопасности. В Госдепартаменте одним из ключевых архитекторов политики «поворота» стал вступивший на пост помощника государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Курт Кэмпбелл³. За его плечами был более чем десятилетний опыт работы по вопросам безопасности в азиатском регионе, в частности, в качестве заместителя помощника министра обороны в администрации Клинтона.

Команда нового президента разделяла убеждение, что чрезмерный фокус внешней политики США на проблеме терроризма, ситуации в Ираке и Афганистане в предшествующие годы привел к тому, что Азиатско-Тихоокеанскому региону не уделялось соразмерное с его истинной значимостью политическое внимание. Администрация Дж. Буша-мл. подвергалась критике за то, что Китай якобы извлек выгоду из стратегического пренебрежения Америки этим регионом. Так, еще в конце 2005 г. К. Кэмпбелл заявлял, что «военные кампании на Ближнем Востоке... отвлекают Соединённые Штаты от стремительно меняющегося стратегического ландшафта Азии именно в то время, когда Китай делает огромный рывок в военной модернизации, торговле, расширении дипломатического влияния и применении мягкой силы. Редко когда в истории восходящая держава добивалась таких заметных успехов в международной системе в значительной степени в результате действий и невнимательности доминирующей державы. Действительно, Вашингтон по большей части был не в курсе достижений Китая за последние несколько лет, многие из которых произошли за счет Соединённых Штатов»⁴.

Было бы неверно при этом трактовать выдвигание стратегии «поворота» лишь в качестве продукта конъюнктурных предпочтений демократической администрации Б. Обамы. Объявленную инициативу следует рассматривать в широкой исторической перспективе. С момента рождения Америки как тихоокеанской державы⁵ перманентной задачей, или «константой», ее стратегии, выполнение которой позволяло эффективно защищать свои территориальные владения, продвигать политические и коммерческие интересы, распространять идеи демократии, являлось недопущение становления в Азии регионального гегемона.

Происходящие сегодня изменения в мировом балансе сил, стремление Пекина утвердиться в качестве ведущего азиатского игрока и предложить странам АТР свою модель региональной архитектуры стали вызовом для азиатской политики США. В частности, сигналом для принятия Вашингтоном определенных шагов стали обострение отношений КНР со странами-соседями в 2009–2010 гг., более жесткая позиция Пекина по вопросам поставок оружия Тайваню, проведения США военных учений с союзниками и американских операций по наблюдению и разведке в западной части Тихого океана. Новая стратегия была призвана дать ответ на эти вызовы и покончить с затянувшимся со времен Дж. Буша-мл. и наносившим урон интересам Америки периодом невнимания к региону.

Вопрос, в каком ключе следует выстраивать отношения с Китаем, стал важнейшим для архитекторов «поворота». Традиционно американская политическая мысль разбивается в русле двух подходов к КНР: жесткого (*Dragon Slayers* — те, кто готов «убить дракона») и мягкого (представителями которого являются так называемые *Panda Hugers* — те, кто готов «обниматься с пандой»). Сторонники первого подхода — Аарон Фридберг (Принстонский университет), Джон Миршаймер (Чикагский университет), Айан Истон (Институт «Проект 2049»), Сет Кропси (Гудзонский институт) и др. — рассматривают американо-китайские отношения с точки зрения реалистской теории международных отношений. Взаимодействие двух держав описывается в терминах игры с нулевой суммой, что предопределяет его конфликтность. Согласно этому подходу, по мере своего подъема Китай будет стремиться к гегемонии в Азии и прилагать усилия для изменения правил международной системы в свою пользу, систематически оспаривая превосходство США и тем самым подрывая безопасность Америки. В этой гонке за превосходством столкновение США и КНР практически неизбежно⁶. Поэтому, как считают экс-

перты, США должны действовать на опережение. Ставится цель сохранить стратегическое доминирование, балансируя Китай с позиции силы, опираясь на региональные державы в его сдерживании, поддерживая независимые центры силы вдоль его границ. Выдвигая аргумент о том, что противоречия между двумя державами невозможно окончательно преодолеть до тех пор, пока в КНР сохраняется авторитарный режим, желаемой конечной целью эксперты называют установление в Китае либеральной демократии⁷.

Сторонники второго подхода — Джеффри Бейдер (Институт Брукингса), Лайл Гольдштейн (Военно-морской колледж), адмирал Уильям Оуэнс и др. — подчеркивают, что одним из основных факторов сохранения мира в Северо-Восточной Азии с 1970-х годов являлось достигнутое в ходе визита президента США Р. Никсона в Китай стратегическое примирение Соединённых Штатов и КНР, а проводившаяся на его основе политика активного вовлечения Китая диктовалась национальными интересами США⁸. Отношения сотрудничества между США и Китаем важны для глобальной стабильности и мира и необходимы для решения проблем ядерного нераспространения, охраны окружающей среды, энергетической безопасности, изменений климата и ряда других. США должны развивать активное взаимодействие с Китаем, предпринять шаги по деэскалации напряженности и дальнейшему расширению сотрудничества.

В «повороте» совместились элементы обоих этих подходов: по замыслу стратегов, укрепление азиатских альянсов и партнерств США и наращивание американского присутствия в регионе следовало сочетать с выстраиванием крепких и стабильных отношений с Китаем и широким двусторонним сотрудничеством по решению транснациональных вызовов. Предполагалось, что такой многоаспектный подход создавал стимулы для поддержания Пекином существующего регионального порядка и одновременно обозначал цену за его подрыв. Так, планировалось реализовать идею «формирования среды», или контуров, для развития Китая: следуя по предложенному ему пути. Пекин со временем интегрировался бы в выстраиваемый Америкой региональный порядок⁹. Желательным итогом этого процесса для США было предоставление Китаю «почетной роли важного союзника», разделяющего американские ценности, признающего в целом интересы и лидерство Соединённых Штатов.

На практике ориентация на углубление взаимодействия с Пекином в период президентства Б. Обамы нашла свое отражение в регулярных встречах на самом высоком уровне, координации позиций сторон по ряду международных и региональных вопросов, включая работу по проблемам изменения климата, ядерной безопасности, денуклеаризации Корейского полуострова и т.д. Около 90 механизмов диалога и обмена, включая «Китайско-американский стратегический и экономический диалог», стали площадками для двустороннего взаимодействия. Стороны стремились наладить контакты в военной сфере: важную роль здесь играл механизм стратегического диалога «США — Китай» в сфере безопасности, касающийся вопросов взаимодействия вооруженных сил двух стран, обеспечения безопасности на море, в небе, кибербезопасности и т.п. Военные обмены велись на разных уровнях, включая визиты высших военных чиновников, проведение консультаций по вопросам морской безопасности, обороны и рабочих встреч министров обороны КНР и США. Большое внимание уделялось мерам для построения взаимодоверия: в 2014 и 2016 г. Китай принял участие в трехсторонних военных учениях с США и Австралией, а также в организованных ВМС США военно-морских маневрах RIMPAC; в 2015 г. впервые участвовал совместно с США в учениях Cobra Gold. Кроме того, проводились учения двух стран по ликвидации последствий стихийных бедствий и оказанию гуманитарной помощи. Расширялись обмены между законодательными органами, академическими институтами, молодежью.

Превентивное сдерживание Китая проявилось в энергичной модернизации Вашингтоном своих азиатских альянсов и партнерств, призванных гарантировать сохранение статус-кво в регионе, в продолжении наращивания военного и экономического при-

сутствия Соединённых Штатов в АТР, в частых разведывательных действиях американских военно-морских и военно-воздушных судов в водах и воздушном пространстве ИЭЗ Китая. Основополагающие документы США в сфере безопасности, такие как «Стратегия национальной безопасности США» (2010), «Четырехлетний обзор оборонной стратегии» за 2010 г., «Стратегическое руководство в области обороны» для Пентагона под названием «Поддержание глобального превосходства: Приоритеты для обороны XXI века», а также «Стратегия национальной безопасности США» (2015) отражали стратегическое беспокойство Соединённых Штатов об усилении военного потенциала Китая и изменении баланса сил в Восточной Азии, ставящих под угрозу американские преимущества в регионе и требующих от США соответствующего ответа. Соединённым Штатам предписывалось принять новый подход к организации вооруженных сил для борьбы с противником, использующим «системы ограничения доступа»¹⁰. При этом среди государств, активно их развивающих и представляющих потенциальную угрозу для США, указывался Китай¹¹. Америка приступила к модернизации своих азиатских альянсов и партнерств, призванных гарантировать сохранение статус-кво в регионе. США были достигнуты договоренности по углублению отношений и активизации военного сотрудничества с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, расширены партнерства с Новой Зеландией, Индонезией, Сингапуром, Вьетнамом, Малайзией, Индией. Кроме того, в соответствии с «Законом об отношениях с Тайванем» (1979) Америка продолжила оказывать ему свою поддержку и осуществляла продажи оружия в 2010, 2011 и 2015 г. Качественно новой чертой американской стратегии стал отход от двустороннего взаимодействия с союзниками и партнерами к «сетевому» формату, подразумевающему расширение координации между ними с помощью новых двусторонних и многосторонних договоров и соглашений. Предполагалось, что это позволит союзникам действовать быстро и эффективно, в одиночку и совместно, с участием и без участия Соединённых Штатов. В сфере экономики США активно продвигали Транстихоокеанское партнерство, реализация которого позволила бы выстроить экономический порядок в АТР по предлагаемым Америкой принципам: договор о его создании был подписан в феврале 2016 г. двенадцатью странами, на которые в совокупности приходилось 40% мировой экономики¹². В рамках институциональной сферы США укрепили связи с АСЕАН, присоединились к «СМОА плюс» (2010 г.), стали полноправным членом Восточноазиатского саммита (2010 г.)

В глазах Пекина основной целью американской стратегии стало сдерживание Китая для обеспечения экономического, политического лидерства и военного превосходства США в регионе. Китайская сторона подчеркивала, что разворачивание «поворота» в условиях существования в Восточной Азии эксклюзивной (а не инклюзивной) системы безопасности, возглавляемой США, дестабилизирует региональную обстановку, ведет к углублению «разделительных линий» между странами и усилению чувства взаимного недоверия и подозрительности¹³. Для стабилизации отношений с США в 2012 г. китайское руководство выдвинуло идею построения межгосударственных отношений нового типа. Предполагалось, что двусторонние отношения приобретут более сбалансированный характер за счет признания Америкой факта усиления позиций Китая и принятия его готовности играть новую роль в качестве равной великой державы как на региональном, так и на мировом уровне. Однако, как показало время, большого успеха китайская идея не имела.

Шаги второй администрации Б. Обамы — курс на укрепление военно-политических союзов, поддержка Японии в новой трактовке права на коллективную самооборону, усилия по размещению системы ПРО на Корейском полуострове, а также действия, ставившие под вопрос декларируемую позицию невмешательства в территориальные споры¹⁴, и т.д. — продемонстрировали рост конкурентной составляющей в отношениях США и Китая. В «Стратегии национальной безопасности США» (2015) вместе с признанием того, что двустороннее взаимодействие достигло беспрецедентного уровня, большое внимание уделялось риску возникновения конфликтов между США и КНР,

подчеркивалось наличие соперничества с Китаем в новых сферах, в частности в кибербезопасности.

Таким образом, реализация «поворота» столкнулась с ощутимыми трудностями. Найти баланс между реализацией двух компонентов в «формировании контуров» для развития Китая оказалось крайне сложно. Активность Америки в Восточной Азии, касающаяся отношений с союзниками и Тайванем, подрывала потенциал стратегического взаимодействия с КНР. Эксперты американского исследовательского института «Проект 2049» уже в докладе 2011 г. отметили проблему существования внутреннего противоречия между элементами «вовлечения» и «сдерживания» в азиатской стратегии США¹⁵. Коллектив российских исследователей из ИМЭМО РАН заключил, что «повороту» ни во время первой, ни во время второй администрации Б. Обамы не удалось найти баланс между двумя базовыми подходами к Китаю, откуда и проистекает стратегическая разнонаправленность развития китайско-американских отношений и оценок действий друг друга¹⁶.

Более того, американский курс не принимал во внимание, что у Китая может не быть оснований идти в заданном для него русле развития. В частности, это было продемонстрировано отказом КНР признать результаты арбитража по вопросу Южно-Китайского моря в 2016 г. Пекин стремится формировать среду вокруг себя самостоятельно, а у многих государств в регионе нет желания ухудшать отношения с Китаем, объединяясь «против» него.

Победа на американских президентских выборах в ноябре 2016 г. кандидата от республиканской партии Д. Трампа, вопреки первоначальным опасениям, не стала завершением «поворота», однако ознаменовала его качественную трансформацию. Реализуя китайское направление стратегии, администрация Д. Трампа все больше отходит от идеи формирования Америкой контуров для развития Китая с целью его интеграции в свой миропорядок и последующей либерализации в сторону его более жесткого балансирования. Команда президента, участвующая в выработке курса по отношению к Китаю, в значительной степени сформирована кадрами, позиции которых варьируются от умеренной критики Пекина до призывов к открытому противостоянию с ним. Среди персонала президентской администрации следует отметить советника по национальной безопасности Джона Болтона, знаменитого политического ястреба, заявлявшего о необходимости воспрепятствовать «казалось бы, неумолимому маршу Китая к гегемонии в Восточной Азии», при необходимости разыграв столь значимую для Пекина «тайваньскую карту» и поставив под вопрос политику «одного Китая» через повышение уровня отношений США с островом вплоть до его дипломатического признания¹⁷. Должность ведущего советника по делам азиатского региона в СНБ США занимает Мэтт Поттингер, бывший военнослужащий американской морской пехоты, имеющий опыт работы в качестве журналиста Wall Street Journal и Reuters в Китае. Знаковым стало его выступление на праздновании 69-летней годовщины образования КНР 27 сентября 2018 г. «Соперничество — суть отношений между США и КНР», — заявил чиновник. «Мы в администрации Трампа обновили нашу китайскую политику с тем, чтобы вывести принцип соперничества на передний план»¹⁸. Пост государственного секретаря США от отправленного в отставку Рекса Тиллерсона принял известный своими жесткими взглядами Майк Помпео, бывший директор ЦРУ, конгрессмен-республиканец, заслуживший в отличие от своего предшественника расположение Д. Трампа благодаря солидарности с внешнеполитическим курсом главы государства. В структуре Пентагона следует отметить помощника министра обороны США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона Рэндалла Шрайвера. Имеющий за плечами опыт работы в Госдепартаменте и являющийся авторитетной фигурой в академических кругах (в прошлом он был главой исследовательского института «Проект 2049»), Шрайвер известен своей жесткой позицией по отношению к Китаю, призывами к балансированию Пекина и установлению более тесных отношений США с Тайванем. Яркие фигуры китайских ястребов отвечают за принятие решений в отноше-

нии Китая в экономической сфере. В их числе директор Национального торгового совета Питер Наварро, министр торговли Уилбур Росс, торговый представитель США Роберт Лайтхайзер и др. Так, именно Росс вместе с Питером Наварро в 2016 г. разработали экономическую стратегию кампании Трампа.

Следует, однако, признать, что ужесточение курса США в отношении Китая обусловлено не столько переходом контроля над процессом принятия внешнеполитических решений в руки кадров, разделяющих критичный настрой президента Д. Трампа к Пекину, сколько общей фрустрацией американского политического и научного сообщества по поводу неудач китайского направления политики США на фоне углубляющихся противоречий между двумя странами. Символично появление в начале 2018 г. в журнале *Foreign Affairs* статьи двух бывших высокопоставленных чиновников из администрации Б. Обамы — К. Кэмпбелла в соавторстве с И. Ратнером¹⁹, — где фактически дается расписка в том, что основная идея «поворота», связанная с возможностью регулирования Америкой развития Китая, потерпела крах. Объявлялись ложными предположения о том, что дипломатическое и экономическое «вовлечение» КНР принесут этой стране политическую и экономическую открытость, а военная мощь США и выстраивание регионального баланса сил удержат Пекин от стремления к замещению ключевых компонентов возглавляемого Соединёнными Штатами порядка. Признавая Китай самым энергичным и грозным конкурентом США в современной истории, авторы отмечают, что новая американская администрация сделала шаг в верном направлении, отказываясь от прежнего подхода к Китаю²⁰.

Так, в «Стратегии национальной безопасности США» (2017) КНР признается прямым соперником Соединённых Штатов, ревизионистской державой, стремящейся занять их место в регионе, «бросающей вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытающейся подорвать безопасность и процветание Америки»²¹. Ставя задачу предотвращения неблагоприятных для себя изменений в балансе сил, США активизируют усилия по развитию отношений с Индией, расширяя стратегическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона, где реализуется американская политика, до Индо-Тихоокеанского региона. Желаемая модель регионального порядка обозначается Д. Трампом как «индо-тихоокеанская мечта», что наводит на мысли о противопоставлении ее сформулированной в 2014 г. Си Цзиньпином «азиатско-тихоокеанской мечте», причем наиболее очевидным игроком, нарушающим, с точки зрения США, принципы, на которых идеальный порядок должен строиться (верховенство права, защита прав человека, свобода судоходства), является Китай.

Администрация Д. Трампа сократила пространство для сотрудничества двух держав, которое сохранялось при Б. Обаме. Выход США из соглашения по Транстихоокеанскому партнерству и развертывание нынешнего противостояния с КНР по вопросам торговли демонстрирует, что экономика становится ключевым полем битвы в соперничестве Китая и США за то, кто будет определять региональный и мировой порядок в течение следующих десятилетий. Продажи оружия Тайваню в 2017 и 2018 г., принятие Америкой в марте 2018 г. закона «О поездках на Тайвань», согласно которому США и Тайвань могут официально посылать друг к другу чиновников высшего ранга, а также одобрение Госдепартаментом в апреле 2018 г. плана, позволяющего американским оборонным компаниям изучить возможность продажи Тайваню технологий и систем вооружения для его программы по созданию подводных лодок²², говорят о том, что Америка взяла курс на укрепление отношений в сфере безопасности с Тайванем, что расценивается Пекином как нарушение сложившегося статус-кво. На этом фоне происходит сворачивание или приостановка двусторонних военных обменов, что, например, продемонстрировало аннулирование приглашения Китая на учения RIMPAC 2018. Инициированное администрацией Трампа решение о выходе Америки из Парижского соглашения по климату 2015 г. также сократило возможности для сотрудничества двух держав по глобальным проблемам. Из-за развернувшейся борьбы с китайским «влиятельством» внутри США страдают двусторонние молодежные обмены, взаимодействие в научной сфере²³.

Возникает вопрос, насколько такой подход продуктивен для Соединённых Штатов. Как было отмечено, значительная часть американских политических и научных кругов, объявляя стратегию «вовлечения» несостоятельной, приветствует происходящие подвижки в азиатской политике США, призывая, подобно А. Фридбергу в его статье «Соперничая с Китаем», сместить фокус на более жесткое балансирование и противодействие попыткам Китая каким бы то ни было образом пошатнуть возглавляемый Америкой миропорядок²⁴. Однако раздаются и критические мнения, констатирующие, что сегодняшний курс США задал в американско-китайских отношениях логику игры «с нулевой суммой», что контрпродуктивно для долгосрочных интересов США. Ставится под сомнение наличие у лиц, формулирующих политический курс страны, реального плана по претворению в жизнь их региональной стратегии. Концепция «открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона», считают эксперты, по сути остается набором лозунгов, не имеющих реального наполнения²⁵. Негативно воспринимая китайский проект «Один пояс, один путь», Вашингтон не сформулировал свою достойную альтернативу для стран, нуждающихся в инфраструктурном развитии. Выход Америки из Транстихоокеанского партнерства нанес значительный урон экономическому влиянию США в Восточной Азии, который еще не компенсирован какими-то двусторонними или многосторонними торговыми инициативами Америки.

Представляется, что дальнейшее нагнетание соперничества между Вашингтоном и Пекином несет в себе риски для отношений США с остальными региональными игроками. Страны Азии не готовы делать выбор между США и КНР, а усиление напряженности может спровоцировать дистанцирование стран Юго-Восточной Азии и других региональных игроков от Америки. В качестве подтверждения можно привести выступление премьер-министра Индии Н. Моди в рамках «Диалога Шангри-Ла» в 2018 г. Моди ясно дал понять, что Индия не заинтересована в альянсах, направленных на сдерживание Китая. «Индия не рассматривает Индо-Тихоокеанский регион как стратегию или клуб с ограниченным членством. Или как объединение, стремящееся к доминированию», — заявил он. «И ни в коем случае мы не считаем, что он направлен против какой-либо страны. Географической заданности как таковой быть не может», — подчеркнул индийский премьер²⁶.

Азиатская политика Америки в дальнейшем будет во многом зависеть от того, насколько точно администрации Д. Трампа и следующим за ним президентам США удастся определить цели Америки в регионе, доступные для их реализации средства, место Китая в своей внешней политике, масштаб «китайского вызова», меры, необходимые для ответа на него, а также оценить потенциальные издержки и риски. Без ответа на эти вопросы говорить о будущей стратегии США в Азии не представляется возможным.

1. Дж. Бейдер занимал этот пост с 2009 по 2011 г. В 2011 г. был сменен карьерным дипломатом Дэниелом Расселом.
2. Этот пост Эван Медейрос занимал с 2009 по 2013 г. В 2013 г. он получает назначение на должность ведущего советника по делам азиатского региона в Совете национальной безопасности. В 2015 г. его сменил на этом посту карьерный дипломат Дэниел Критенбринк.
3. К. Кэмпбелл занимал пост помощника государственного секретаря США по делам Восточной Азии и Тихоокеанского региона с 2009 по 2013 г.
4. Цит. по: *Christensen T. The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. New York: W.W. Norton & Company, 2015. P. 247.*
5. Ключевой датой в деле становления Америки в качестве тихоокеанской державы следует признать 1898 год, когда в результате поражения Испании в американско-испанской войне американцы приобрели контроль над испанскими колонияльными владениями в Азии, включающими Филиппинские острова, а также стратегически важный Гуам.
6. См.: *Mearsheimer J. China's Unpeaceful Rise // Current History. 2006. № 690. P. 160–162.*

7. См.: *Friedberg A.* A Contest for Supremacy: China, America, and the Struggle for Mastery in Asia. New York: W.W. Norton & Company, 2012. 360 p.
8. *Bader J.* U.S.-China Relations: Is It Time to End the Engagement? // Foreign Policy at Brookings: Policy Brief. September 2018. P. 1–2.
9. Подробнее на эту тему см.: *Nye J.* Only China Can Contain China // The World Post. 11.03.2015. URL: http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/china-contain-china_b_6845588.html (дата обращения 24.02.2019); *Campbell K.* The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia. New York: Twelve, 2016. 432 p.; *Christensen T.* Op. cit.; etc.
10. «Системы ограничения доступа» — неатомные подводные лодки, противокорабельные крылатые и баллистические ракеты, противокорабельная авиация, мины, системы ПВО, дающие возможность ограничить доступ или блокировать какой-либо район для сил противника.
11. Joint Operational Access Concept / Department of Defense. January 17, 2012. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/JOAC_Jan%202012_Signed.pdf (дата обращения: 08.12.2018).
12. В 2017 г. США вышли из соглашения.
13. *Вэй Цзунъю.* Чжун-мэй чжаньлюэ тосе ю дун я аньцюань чжисюй гоуцзянь: [Китайско-американский стратегический компромисс с целью построения системы безопасности в Восточной Азии] // Гоцзи гуаньча: [Международное обозрение]. 2014. № 4. С. 43–56.
14. В апреле 2014 г. Б. Обама стал первым президентом США, официально подтвердившим, что действие Договора о безопасности между США и Японией распространяется на острова Дяоюйдао/Сэнкаку.
15. *Blumenthal D., Schriver R., Stokes M., Hsiao L., Mazza M.* Asian Alliances in the 21st Century // The Project 2049 Institute. 2011. URL: <http://www.aci.org/wp-content/uploads/2011/10/Asian-Alliances-21st-Century.pdf> (дата обращения: 08.12.2018).
16. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2014. С. 141.
17. *Bolton J.* The U.S. Can Play a 'Taiwan Card' // Wall Street Journal. 17.01.2016. URL: <https://www.wsj.com/articles/the-u-s-can-play-a-taiwan-card-1453053872> (дата обращения: 03.03.2019).
18. Trump aide: Happy birthday, China. We're coming for you // Inkstonenews. 02.10.2018. URL: <https://www.inkstonenews.com/politics/donald-trump-aide-matt-pottinger-says-competition-right-word-us-china-relations/article/2166648> (дата обращения: 03.03.2019).
19. Заместитель советника по национальной безопасности вице-президента США Джо Байдена с 2015 по 2017 г.
20. *Campbell K., Ratner E.* The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // Foreign Affairs. 2018. № 2. P. 60–70.
21. National Security Strategy of the United States of America. The White House. Washington. December 2017. P. 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 28.02.2019).
22. The U.S. makes a new push to bolster Taiwan's military defenses. China won't like it // The Washington Post. 23.07.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2018/07/23/the-u-s-makes-a-new-push-to-bolster-taiwans-military-defenses-china-wont-like-it/?noredirect=on&utm_term=.a4187a8a09cf (дата обращения: 03.03.2019)
23. *Bader J.* Op. cit. P. 3.
24. *Friedberg A.* Competing with China // Survival. 2018. № 3. P. 7–64.
25. См.: *Dollar D., Hass R., Bader J.* Assessing U.S.-China relations 2 years into the Trump presidency. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/01/15/assessing-u-s-china-relations-2-years-into-the-trump-presidency/> (дата обращения: 04.03.2019).
26. Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018) / Ministry of External Affairs. Government of India. 01.07.2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (дата обращения: 04.03.2019).

Американо-китайские торговые войны: экономика или геополитика?

© 2019

В.Е. Петровский

Спор между США и КНР по торгово-экономическим вопросам имеет давнюю историю. Однако сейчас стало ясно, что протекционистская политика Дональда Трампа контрастирует с последовательной позицией Китая в защиту свободной торговли, основанной на принципах ВТО. Вашингтон видит в Пекине главного стратегического конкурента и взял курс на долгосрочное противостояние с КНР во всех сферах, включая торгово-экономическую. Развязав торговую войну против Китая, США также стремятся ослабить неэкономическими методами растущего конкурента в сфере высоких технологий.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, правила и принципы ВТО, протекционизм, торговые войны, стратегическая конкуренция, диалектика соперничества и сотрудничества.

DOI: 10.31857/S013128120004638-2

Торговые переговоры все чаще используются как политический инструмент. Это первое, что приходит в голову, когда пытаешься понять, что происходило вокруг торговой войны, развязанной администрацией Д. Трампа против КНР. Конечно, геэкономика и геополитика сильно взаимосвязаны, но допустимо ли использовать торговые переговоры как инструмент политического торга, и почему мы все чаще это наблюдаем?

Спор между США и КНР по торгово-экономическим вопросам имеет давнюю историю. Однако именно сейчас стало ясно, что протекционистская политика Дональда Трампа резко контрастирует с последовательной позицией Китая в защиту свободной торговли, основанной на принципах ВТО. Тезис о защите свободной торговли, выдвинутый Си Цзиньпином на Форуме Боао в апреле 2018 г., был сформулирован еще на XIX съезде КПК и озвучен на последнем форуме в Давосе.

Отсюда — примирительные фразы в заявлениях китайских представителей о том, что Китай не стремится к фиксации положительного торгового баланса и в целях стимулирования внутреннего потребления готов увеличить импорт, улучшать условия для инвестиций и доступ на финансово-страховые рынки.

Визит в США делегации во главе с вице-премьером Госсовета КНР Лю Хэ и последовавший визит министра финансов Соединённых Штатов Стивена Мнучина в Китай в мае 2018 г. завершились подписанием совместного коммюнике по торгово-экономическим консультациям. КНР и Соединённые Штаты согласились принять меры для сокращения американского торгового дефицита. Предполагалось, что, с одной стороны, за счет американских товаров и услуг будут удовлетворены запросы растущего потребле-

ния в КНР, а с другой — в США будут создаваться рабочие места и предпосылки к экономическому росту.

Стороны договорились увеличить импорт американской сельскохозяйственной продукции и энергоносителей, а также определили области, в которых будут развиваться сотрудничество, поощрять взаимные инвестиции и стремиться к созданию справедливой и конкурентной деловой среды. Также было решено продолжить консультации на высшем уровне по торгово-экономическим вопросам: такого формата нет между США и другими странами.

В июне 2018 г. Пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала Белую книгу «Китай и ВТО», чтобы предоставить отчет о выполнении Китаем своих обязательств в рамках организации, объяснить принципы, позицию, политику и предложения КНР в отношении многосторонней торговой системы, а также описать концепцию и план действий страны по продвижению политики реформ и открытости.

Этот документ, подводящий 30-летний итог усилиям Китая стать весомым участником системы мировой торговли, оказался особенно уместным именно в условиях американо-китайской торговой войны. В нем подчеркивается, что в последние годы всплеск антиглобалистских настроений в сочетании с ростом протекционизма создает серьезные вызовы для многосторонней торговой системы, ядром которой является ВТО. Это недвусмысленный намек на администрацию Д. Трампа, политика которой развязала торговые войны не только против КНР, но и против стран ЕС, Канады, Мексики и пр.

При этом в Белой книге приводятся весьма любопытные данные Американской торговой палаты в Китае, согласно которым около 60% опрошенных предприятий по-прежнему рассматривают КНР как одно из самых предпочтительных мест для инвестиций, а 74% предприятий — членов палаты намерены в 2018 г. увеличить инвестиции в китайскую экономику¹.

К лету 2018 г. возникло ощущение, что торговая война как минимум откладывается. Но затем последовало «летнее обострение». В июне 2018 г. Белый дом объявил, что США введут таможенные пошлины в размере 25% на импортируемые из Китая товары на сумму 50 млрд долл. Они должны были затронуть такие сферы, как аэрокосмическая промышленность, информационные и коммуникационные технологии, робототехника, промышленное оборудование, новые материалы и автомобилестроение.

Пекин ответил зеркально, установив 25-процентные пошлины для американских товаров на такую же сумму. В списке оказались 659 товаров, на 545 из которых повышенную пошлину предполагалось ввести с 6 июля 2018 г., для остальных срок ввода пошлин определен не был. Повышенные пошлины предполагалось наложить на сельхозтовары, морепродукты, автомобили, медицинское оборудование, товары химической промышленности.

В ответ Дональд Трамп поручил подготовить список китайских товаров на сумму 200 млрд долл. для возможного введения в их отношении дополнительных пошлин в 10%, если Китай будет и дальше поднимать пошлины на американскую продукцию.

Дональд Трамп также заявил, что планирует запретить китайским компаниям инвестировать в технологические фирмы в Соединённых Штатах, а также заблокировать дополнительный экспорт технологий США в Китай. И здесь возникает закономерный вопрос: а только ли экономическими мотивами обусловлены действия американской стороны? Нет ли у нее желания ослабить растущего конкурента в сфере высоких технологий неэкономическими методами?

В 2015 г. правительством КНР была подготовлена стратегия развития промышленности Made in China 2025 (MIC2025), предусматривающая приоритет развития производств с высокой добавленной стоимостью в области высоких технологий, включая увеличение до 40% от всех производимых товаров в КНР к 2020 г. и до 70% к 2025 г. произ-

водства деталей, компонентов и узлов в аэрокосмической отрасли, телекоммуникациях, генерации энергии и обрабатывающей промышленности.

MIC2025 была признана Советом по международным отношениям США «угрозой технологическому превосходству Америки», поскольку ставит американских производителей в неконкурентные условия. Утверждалось, что китайская сторона будет якобы принуждать иностранные компании передавать технологии взамен доступа на рынок КНР и сохранения условий ведения бизнеса в стране.

Разъяснения китайской стороны о том, что MIC2025 не является дискриминационной стратегией и не ставит целью вытеснения американских производителей из высокотехнологичных отраслей, а также о том, что Китай никогда не желал присвоения технологий, а, напротив, ищет сотрудничества с американскими компаниями, обладающими самыми передовыми технологиями, которые могли бы помочь на взаимовыгодных условиях развитию китайской экономики, — попросту не были услышаны.

Похоже, в США неправильно восприняли заявленные ключевые показатели MIC2025 по импортозамещению (40% и 70%). Это не обязательные, а индикативные цели — ориентиры, которые используются для стратегического планирования всеми странами мира, включая самих американцев (программа «Национальная информационная инфраструктура» при президенте Клинтоне или программа удвоения экспорта при президенте Обаме).

Нелишне еще раз подчеркнуть: суть китайского ответа на ужесточение протекционизма не в так называемых контрмерах, а продолжении политики открытости и реформ. Экономическое возвышение Китая и законы рыночной экономики все расставят по своим местам.

В спорах с США китайская сторона была изначально настроена на компромисс, потому что ответное повышение пошлин лишь раскручивает механизм эскалации торгового конфликта. Китай на своем опыте (включая опыт экономических санкций после событий на Тяньаньмэнь) знает, что «повышение ставок», введение контрсанкций, ужесточение риторики и т. п. — вещь абсолютно бесперспективная. Кстати, России у Китая тут есть чему поучиться.

Здесь будет уместен экскурс в историю. В январе 2019 г. отмечали 40-летний юбилей официальных американо-китайских отношений, и об этом вспомнили прежде всего в Пекине. Глава Министерства иностранных дел КНР Ван И дал по этому поводу интервью, в котором изложил китайское видение опыта и уроков двусторонних отношений за прошедшие десятилетия.

Он, в частности, заявил, что опасение по поводу того, что сильный Китай может бросить вызов или заменить США, является «очень серьезным ошибочным стратегическим суждением». Министр также отметил, что в отношениях КНР с США, как и с другими странами, может быть конкуренция, но это должно быть «позитивное соперничество и соответствовать принципам конкуренции»².

У Вашингтона никогда не было проблем в отношениях со странами-сателлитами, небольшими и зависимыми от США государствами. А вот выстроить отношения с такими странами, как Китай или Россия, на основе уважения их национальных интересов всегда мешал принцип *America first*.

Это стало особенно очевидным после распада СССР, когда в Соединённых Штатах заговорили о «конце истории» и своем абсолютном мировом лидерстве. Однако США не выдержали испытания мнимой однополярностью, окончательно разучившись учитывать мнения и интересы других. Если ранее Соединённые Штаты так или иначе стремились доказывать свое глобальное лидерство, то сейчас они считают его некой данностью, с которой остальной мир должен просто смириться.

При этом США не успели заметить и осознать, как процесс мирного возвышения Китая, роста его экономических и политических возможностей в период открытости

и реформ изменил эту устоявшуюся картину мира. Постепенное превращение КНР в новую сверхдержаву (когда в шутку говорят, что «Китай еще не на первом месте в мире, но уже точно не на втором») воспринимается американской стороной с тревогой и озабоченностью, стремлением всячески «сдержать» опасного конкурента.

И речь здесь уже не идет о правилах честной конкуренции, в ход при необходимости пускается все: попытки добиться экономических преимуществ неэкономическими методами, санкционное давление, лицемерная правозащитная риторика и т.д., и т.п. И все это — на фоне беспрецедентной торгово-экономической взаимозависимости обеих держав, гигантского объема взаимного товарооборота.

Основоположник концепции «мягкой силы» Дж. Най говорил о том, что взаимозависимость — это не зло, а благо, если правильно ею воспользоваться. Однако, похоже, в Вашингтоне его не услышали, и теория о том, что экономическая взаимозависимость между США и КНР будет удерживать их от открытого конфликта, к сожалению, перестает срабатывать.

Вашингтон видит в Пекине главного стратегического конкурента и взял курс на долгосрочное противостояние с КНР во всех сферах. 4 октября 2018 г. вице-президент Майкл Пенс выступил в Гудзоновском институте с нашумевшей речью, в которой сказал, что Пекин заинтересован в уходе Дональда Трампа с поста главы США и что китайское руководство якобы предпринимает беспрецедентные попытки повлиять на промежуточные ноябрьские выборы в Конгресс и очередную президентскую избирательную кампанию. При этом Пенс подчеркнул, что попытки китайцев повлиять на американское общество куда обширнее тех, что «предпринимали русские в 2016 году».

После этого и на фоне других американских попыток обвинить Китай во всех смертных грехах возникает закономерный вопрос: насколько серьезным является ухудшение американо-китайских отношений и как долго оно может продлиться?

Уже появились умеренно пессимистические прогнозы. Основатель Alibaba Group Джек Ма заявил, например, что торговая война между США и Китаем может затянуться на два десятилетия. Ма отметил, что сложившаяся между странами напряженность в торговле, скорее всего, очень быстро скажется на крупных китайских компаниях. Чтобы обойти торговые пошлины США, они будут вынуждены перевести свое производство в другие страны.

О серьезности и долгосрочности протекционистских намерений Вашингтона говорит и тот факт, что согласно одному из положений нового соглашения США, Мексики и Канады (USMCA), которое должно заменить Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), если какая-либо из трех стран USMCA заключит торговую сделку со «страной с нерыночной экономикой», две другие могут выйти из соглашения через шесть месяцев и заключить свою собственную двустороннюю торговую сделку.

Не сулит ничего хорошего и начавшаяся в США антикитайская кампания шпиономании. По данным Bloomberg (ничем не подтвержденным), китайские военные провели масштабную операцию кибершпионажа: они якобы оказывали давление на местных производителей серверного оборудования для американских компаний, заставляя устанавливать в материнские платы чипы «размером с зерно риса», способные перехватывать данные и по команде внедрять на серверы вредоносный код.

Но чтобы действительно попытаться понять, «насколько плохо» и «насколько долго» все это может быть, нужен еще один исторический экскурс. Кстати, сам Майкл Пенс попытался в своей речи провести его, заявив, что Китай играет «вдолгую» и за «100-летний марафон» сделал многое, чтобы получить имидж мировой державы.

А это означает, что Пекин с его многотысячелетней традицией стратега мышления действительно умеет ждать и планировать свое развитие на долгосрочной основе. И если какой-либо партнер (в данном случае американский) попытается этому помешать, то в ход могут пойти самые разные меры: от терпеливых попыток договориться

до жесткого противодействия и готовности просто «переждать» неудобную американскую администрацию.

Кстати, М. Пенс в своей речи вспомнил о том, что можно просто «торпедировать» американо-китайские отношения, и дал понять, что Вашингтон не будет переступать «красную черту». Он, в частности, упомянул о том, что Соединённые Штаты будут и в дальнейшем придерживаться принципа «одного Китая», хотя политическая модель Тайваня представляется им более предпочтительной для китайского народа.

Что касается недавней истории, то американский вице-президент вспомнил события конца 1990-х, когда США всерьез рассчитывали на то, что в Китае после распада Советского Союза «свобода распространится во всех формах». Эти расчеты (включая срежиссированные из-за рубежа события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., которые явились первой в современной истории попыткой «цветной революции») не оправдались.

Китай сделал исторический выбор в пользу продолжения рыночных реформ при сохранении однопартийной системы для поддержания политической стабильности и предотвращения распада страны. Китайские руководители не стали приносить политическую стабильность и целостность страны в жертву требованиям ускоренной политической модернизации.

За этим последовали жесткие американские санкции, которые Китай сумел пережить и даже, несмотря на противодействие США, в ускоренном порядке и на своих условиях вступить в ВТО. А М. Пенс сожалел о том, что «Америка согласилась предоставить Пекину открытый доступ к нашей экономике и ввести Китай во Всемирную торговую организацию».

Если тогда попытки сдержать экономическое развитие Китая не удалось, то сейчас они тем более бесперспективны. Китай умеет ждать — его оппоненты могут выиграть битву, но едва ли им удастся выиграть войну. Это с большой долей вероятности означает, что нынешний период ухудшения двусторонних отношений может быть как сравнительно кратким (если в Вашингтоне осознают бесперспективность давления на Пекин), так и равным по продолжительности срокам пребывания администрации Д. Трампа у власти.

На этом фоне встречу председателя КНР Си Цзиньпина и президента США Трампа на полях саммита «двадцатки» 30 ноября — 1 декабря 2018 г. оценили как «временное торговое перемирие». Каждая из сторон дала свою интерпретацию результатов достигнутого. Дональд Трамп назвал свои отношения с Си Цзиньпином «невероятными» и представил результаты беседы с ним как выполнение американских условий: Вашингтон не будет с 1 января 2019 г. повышать пошлины на китайский импорт в объеме 200 млрд долл., а Пекин «существенно нарастит» закупки различных американских товаров.

Со своей стороны, председатель КНР сообщил, что главы двух государств достигли консенсуса о прекращении введения новых пошлин и поручили экономическим группам активизировать консультации для достижения конкретного и взаимовыгодного соглашения, направленного на снятие всех пошлин. Он подчеркнул, что китайская сторона готова открыть рынок, расширить импорт и содействовать смягчению соответствующих торгово-экономических противоречий между КНР и Соединёнными Штатами.

В частности, китайские власти согласились снизить или отменить пошлины на автомобили, ввозимые в Китай из США, которые достигают 40%. При этом официальный Пекин подчеркнул, что Китай в целом активно расширяет импорт (например, за счет проведения первой выставки China International Import Expo) в целях удовлетворения внутреннего спроса населения. А в итоговых документах саммита G20 отмечалось, что в течение 2018 г. за четыре раунда корректировок Китай снизил общий уровень тарифов с 9,8 до 7,5%³.

Из-за американо-китайской «торговой войны» продолжает лихорадить мировую экономику (по оценкам МВФ, из-за усиления торговой напряженности между двумя

странами к 2020 г. мировой ВВП может снизиться на 0,75%). При этом по-прежнему неразрешенными остаются ключевые разногласия Вашингтона и Пекина о будущем мировой торгово-экономической системы: лозунг Трампа *America first* коренным образом противоречит представлениям Пекина с его растущей экономической мощью о состоянии и перспективах системы международной торговли, основанной на центральной роли ВТО.

Достаточно вспомнить недавний саммит АТЭС в Папуа-Новой Гвинее, который не завершился подписанием традиционного итогового документа из-за неспособности американской и китайской делегаций согласовать соответствующие формулировки. Если американскую сторону не устроили слова о протекционизме, который разрушает мировую торговлю, то китайскую — о «несправедливых торговых практиках», которые якобы ведут к тому же результату.

Однако не стоит верить нарративу, который сформировали по этому поводу западные СМИ: мол пока торгово-экономические гиганты выясняют свои отношения, остальные страны стоят в стороне и ждут, чем все закончится. Тезис о равной ответственности США и Китая за будущее мировой торговли не выдерживает критики: последний выступает за укрепление центральной роли ВТО, ее норм и принципов, которые как раз постулируют борьбу с протекционизмом. А вот что такое «несправедливые торговые практики», обитателям Белого дома еще предстоит объяснить всем остальным.

Попытки администрации США в угоду американскому первенству сдержать экономическое развитие Китая, в частности, заблокировав путем торговых ограничений реализацию китайской стратегии «Сделано в Китае-2025», наверняка будут продолжены. Однако стоит обратить внимание на официальные китайские комментарии по поводу встречи в Буэнос-Айресе, в которых говорится, что «развитие китайско-американских отношений требует разумного урегулирования разногласий»⁴.

Не успели, однако, высохнуть чернила на комментариях тех, кто расценил встречу Дональда Трампа и Си Цзиньпина в Буэнос-Айресе как перемирие в торговой войне, как произошло то, что напоминает взятие заложников и открытие в ней «второго фронта». Задержание в Канаде под давлением США главного финансового директора китайского телекоммуникационного гиганта «Хуавэй» Мэн Ваньчжоу превратилось в полноценный международный скандал с далеко идущими последствиями.

Федеральные власти США потребовали от Канады экстрадиции Мэн Ваньчжоу и предъявили «Хуавэй» список из 23 обвинений, включая промышленный шпионаж, финансовое мошенничество, нарушение санкций, препятствование правосудию. Об этом заявил и.о. генпрокурора США Мэтью Уитэкер, отметив, что обвинения были выдвинуты в Нью-Йорке и Сизтле.

В ответ МИД Китая призвал США отозвать ордер на арест Мэн Ваньчжоу и «не следовать далее по этому ошибочному пути». Оговорки М. Уитэкера о том, что обвинения направлены не против Китая, а против конкретной компании, выглядели явно неубедительно. В заявлении представителя МИД КНР подчеркивалось, что Соединённые Штаты «используют государственную власть для очернения и нападок на конкретные китайские предприятия, препятствуя проведению ими законных операций», и «за этим стоит сильная политическая мотивация и манипуляции»⁵.

Другие страны, включая, прежде всего, Россию, уже сталкивались с этим не раз: вспомним дела Бута, Ярошенко, «русских хакеров», которых правдой и неправдой выводили в США и отдавали в руки американской Фемиды.

Именно поэтому министр иностранных дел России С. Лавров, отметив, что Россия не участвует в американо-китайской торговой войне, сказал, что линия на экстерриториальное применение своих национальных законов «вызывает неприятие у подавляющего большинства нормальных стран и людей». «Это очень arrogantная, великодержавная политика, которую никто не принимает... Надо с этим заканчивать»⁶.

Дело, безусловно, в недовольстве американских властей деятельностью самой «Хуавэй». The Wall Street Journal сообщила о том, что Министерство юстиции США уже давно ведет расследование на предмет нарушения компанией американских санкций против Тегерана. Но речь не только о санкциях. Американская сторона обвинила «Хуавэй» (как прежде китайскую ZTE) в потенциальных угрозах безопасности телекоммуникационным сетям, которые якобы проистекают от попыток использования следящих устройств. США обратились к ближайшим союзникам (прежде всего к Канаде, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии, с которыми создали систему совместного сбора и использования разведывательных данных «Пять глаз») с требованием отказаться от включения в тендеры на госзакупки технологий 5G, разработанных «Хуавэй».

Есть основания полагать, что дело не в защите безопасности, а в элементарном стремлении обойти конкурента: «Хуавэй» стала общепризнанным лидером в разработке и применении технологии и оборудования связи 5G, за которыми будущее — «интернет вещей», «умные города», беспилотные автомобили и многое другое. Поскольку технология и оборудование поставляются вместе со стандартами их использования, то разворачивается подковерная борьба за вытеснение стандарта 5G, разработанного «Хуавэй», с мировых рынков.

Что касается призыва «Надо с этим заканчивать», вопрос в том — как? Формально экстрадиция в США задержанных происходит в рамках национального законодательства, но по американскому запросу (который часто сопровождается грубым и унижительным давлением со стороны американских властей, о чем принято умалчивать).

Есть еще многолетняя практика американского Конгресса вносить на свое усмотрение и в одностороннем порядке изменения в уже подписанные международные договоры и соглашения при их ратификации. И это тоже в чистом виде проявление самонадеянности силы (atogance of power).

Вопрос вполне может быть поднят в Совете Безопасности ООН, где его рассмотрение будет наверняка заблокировано представителем США. Но есть еще морально-этическая оценка действующей политической практики, с которой и начинается работа над соответствующими нормами международного права.

Если КНР, Россия и другие страны, у которых есть аналогичные претензии, внесут на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «О недопустимости попыток экстерриториального использования норм национального законодательства стран — членов ООН», то такую резолюцию наверняка и с удовольствием поддержит подавляющее большинство представленных в ГА ООН стран, возможно, за исключением дюжины наиболее рьяных приверженцев политики Вашингтона...

Почему история с «Хуавэй» происходит именно сейчас, и не связано ли это с конкурентной борьбой за стандарты сетей связи 5G на мировом рынке? Huawei Technologies представила первый в мире чип, созданный специально для базовых станций 5G, который по своей производительности в 2,5 раза превосходит предыдущие. К тому же базовые станции 5G устанавливаются вдвое быстрее, чем аналогичные станции 4G. Huawei Technologies уже подписала 30 коммерческих договоров по технологиям 5G и поставила по всему миру свыше 25 тыс. базовых станций 5G.

Налицо явная попытка любыми способами остановить конкурента. В середине января 2019 г. стало известно, что в Соединённых Штатах намерены ограничить деятельность телекоммуникационных компаний Китая. Готовится исполнительный указ, предполагающий ограничения «по соображениям национальной безопасности» для тех компаний в телекоммуникационной сфере, которые имеют отношение к властям КНР и занимаются бизнесом в США.

И все это на фоне постоянных обвинений китайских компаний, включая «Хуавэй», в краже американских технологий и интеллектуальной собственности. Однако компания это мотивированно отрицает. В течение продолжительного времени она вкладыва-

ет силы и средства в фундаментальные науки и технологии. «Мы были первыми, кто смог добиться прорыва по ключевым технологиям для широкомасштабного коммерческого использования 5G», — говорится в заявлении компании⁷.

Откровенный шантаж и попытки использования внеэкономических методов неприемлемы для торговых переговоров. Происходящее означает, что китайской стороне предстоит набраться «стратегического терпения», чтобы довести торгово-экономические переговоры до конца и заключить сделку. Китай в ней заинтересован, чтобы торговые войны не отвлекали его от решения стратегических задач, связанных с ростом экономики и упрочением своих позиций в мировой торговле.

Думается, что в этом — ключ к пониманию того, как выглядят сейчас американо-китайские отношения и что ждет их впереди. Регулирование разногласий — в этом возможная и необходимая предпосылка оздоровления отношений двух мировых держав. Система разветвленного «стратегического диалога», которой так гордились стороны и в формирование которой они вложили столько времени и сил, при Дональде Трампе все чаще дает сбой и нуждается в перезагрузке. Это понимают в Пекине. Остается надеяться, что в Вашингтоне тоже.

Традиционные представления о том, что гигантский по объемам взаимный товарооборот и тесная торгово-экономическая взаимозависимость США и Китая служат своего рода страховкой от перерастания диалога в конфликт, не оправдываются. Однако если сторонам удастся отладить механизм управления разногласиями, добившись конкретной торговой «большой сделки», это оздоровит и американо-китайские отношения, и мировую экономику.

Пекин призывает своих американских партнеров помнить о диалектике соперничества и сотрудничества, о невмешательстве политики в экономику, о честной конкуренции и соблюдении правил игры. Китай последовательно строит свои отношения с окружающим миром, включая США, на основе принципа взаимной выгоды и взаимного уважения национальных интересов.

Помимо всего прочего, попытки Китая наладить с США равноправные уважительные отношения — часть усилий по созданию нового мирового порядка, основанного на многополярности. И Россия, развивая с Китаем отношения доверительного стратегического партнерства (не перерастающего в военно-политический альянс), играет в этих усилиях далеко не последнюю роль.

-
1. China and the World Trade Organization: Full text. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/06/28/content_281476201898696.htm.
 2. URL: <https://rg.ru/2019/01/17/mid-knr-kitaj-ne-sobiraetsia-stanovitsia-ssha-ili-zameniat-ih.html>.
 3. «Буэнос-Айресский план действий». 1 декабря 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5375>.
 4. URL: http://russian.news.cn/2018-12/03/c_137646572.htm.
 5. URL: <https://www.interfax.ru/world/648166>.
 6. «Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам 25-го заседания СМИД ОБСЕ, Милан, 7 декабря 2018 года». URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3437709.
 7. URL: http://russian.news.cn/2019-01/25/c_137771930.htm.

«Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства

© 2019

Я.В. Лексютина

В августе 2017 г. президент США Д. Трамп в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 г. инициировал расследование в отношении политики Китая в вопросах передачи технологий, интеллектуальной собственности и инноваций. В связи с выявленными нарушениями со стороны КНР с июля 2018 г. Вашингтон трижды повышал тарифы на импортируемые из КНР товары на общую сумму 250 млрд долл., а также ввел ограничения на китайские инвестиции в США. В статье объясняется логика внешнеэкономической политики президента Д. Трампа, его мотивация в развязывании серии «торговых войн» и его представления о предпочтительном мировом экономическом порядке.

Ключевые слова: Китай, США, «торговая война», «возвышение» Китая, международная экономическая система, протекционизм, Д. Трамп, американо-китайские отношения.

DOI: 10.31857/S013128120004639-3

Не далее как десятилетие назад целый ряд экспертов-международников категорически отрицали конфликтный характер американо-китайских отношений. Апеллируя к динамично развивавшимся процессам глобализации и углублявшейся экономической взаимозависимости США и Китая, они характеризовали американо-китайские отношения как отношения сотрудничества и строили весьма радужные прогнозы относительно их развития. Огромный масштаб торгово-экономического взаимодействия и усиливавшаяся экономическая взаимозависимость двух стран позиционировались как компонент, стабилизирующий всю систему их двусторонних связей, не допускавший перерастания политических разногласий в затяжные кризисы в процессе взаимодействия. Однако с приходом в январе 2017 г. в Белый дом администрации Д. Трампа вопросы торгово-экономического характера стали «камнем преткновения» в отношениях КНР и США, вызвав сильнейшее противостояние двух крупнейших экономик мира.

Представляется, что причины вспыхнувшей в 2018 г. американо-китайской «торговой войны» следует искать не в структурно-системных противоречиях США и Китая — устоявшегося мирового лидера, с одной стороны, и возвышающегося государства — с другой. Говорить о структурных противоречиях между двумя странами в духе политического реализма как основы или «пускового механизма» нынешнего кризиса американо-китайских отношений пока рано. Китай еще далек от достижения того уровня комплексной национальной мощи, включающей не только экономическую, но и военную

Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: lexuana@yandex.ru.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

и инновационно-технологическую составляющие, которая могла бы приблизиться к американской. И, вероятно, еще важнее то, что в Вашингтоне вряд ли сформировалась убежденность в неотложности любой ценой остановить «возвышающийся» Китай.

Внешнеэкономическая политика Д. Трампа и «торговая война» с Китаем — это явление иного порядка. Введение Д. Трампом дополнительных импортных тарифов на избранные товарные группы из отдельных стран, упор на разрешение торговых споров в одностороннем порядке со ссылкой на американские законы, а не с помощью традиционного способа — обращения к ВТО, пересмотр действующих многосторонних и двусторонних торговых соглашений (и даже отказ от них — в случае с Транстихоокеанским партнерством) свидетельствуют об изменении внешнеэкономической политики США в целом, а не на одном лишь китайском направлении. «Торговая война» с Китаем отражает неудовлетворенность Вашингтона как всей системой международной торговли, так и персонально Китаем, не завершившим рыночные преобразования и процесс экономической открытости.

С приходом Д. Трампа проявилась весьма интересная тенденция: США, которые играли одну из ведущих ролей в создании современной международной торговой системы с ВТО в качестве краеугольного камня, сейчас выступают за ее изменение. На этом фоне Китай, менее двух десятилетий назад завершивший встраивание в эту международную систему, стал позиционировать себя в качестве ее главного апологета и защитника, гаранта экономической глобализации. Возникла достаточно комичная ситуация, когда страна (Китай), по-прежнему сохраняющая высокую степень закрытости своей экономики (незавершенная либерализация торговли, существенные ограничения на иностранные инвестиции в целом ряде секторов экономики, огромная роль государства в ее регулировании и т.д.) стала претендовать на роль лидера в отстаивании экономической глобализации, принципов открытого рынка и обвинять США, для которых характерна высокая степень открытости (в особенности в том, что касается открытости их рынка для импортных товаров), в протекционизме и унилатерализме (имея в виду введение импортных тарифов на основании американского законодательства, минуя соответствующие механизмы ВТО).

С момента окончания Второй мировой войны Вашингтон поддерживал и во многом направлял усилия мирового сообщества на создание международной торговой системы, основанной на принципах свободной торговли, свободного движения капиталов, экономической глобализации, открытости экономик и пр. В течение десятилетий США, как и многие страны мира, в одностороннем порядке либо посредством заключения соответствующих двусторонних и многосторонних соглашений (например, НАФТА или ВТО) снижали или вовсе устраняли тарифные и нетарифные торговые барьеры. К 2017 г. тарифы США, применяемые к странам, пользующимся режимом наибольшего благоприятствования в торговле с Америкой (т.е. всеми странами — членами ВТО), достигли весьма низких показателей — в среднем 3,4%¹. У крупнейших торговых партнеров США эти показатели — низкие относительно среднемирового уровня — все же выше, чем у США: у ЕС — 5,1%, Китая — 9,8%, Канады — 4,0%, Мексики — 6,9%, Японии — 4,0%².

Однако, несмотря на сравнительно благоприятные для торговли средние тарифы, на отдельные товарные группы они могут достигать достаточно высоких показателей. Так, например, тарифы на сельскохозяйственную продукцию, применяемые Китаем в отношении стран — членов ВТО, составляют 15,6%, ЕС — 10,8%, Канадой — 15,7%, Мексикой — 13,5%, Японией — 13,3%³. В то же время тарифы США на сельскохозяйственную продукцию в среднем не превышают 5,3%.

Недовольство Вашингтона связано с тем, что в то время как США применяют в торговле либо очень низкие тарифы, либо вообще отказались от взимания импортных пошлин, их партнеры по-прежнему применяют высокие тарифные ставки. То есть, если Вашингтон открыл свои рынки, то рынки американских партнеров продолжают в значи-

тельной степени оставаться закрытыми. Среди прочих причин это приводит к увеличению американского импорта в денежном выражении и ограниченным масштабам американского экспорта (как в натуральном, так и в денежном выражении), результатом чего становится значительный дисбаланс в торговле США с отдельными странами. Так, например, США взимают импортные пошлины на автомобили в размере 2%, а импортные пошлины Китая на автомобили вплоть до начала «торговой войны» составляли 25% (с 1 июля 2018 г. Китай снизил пошлины на ввоз автомобилей и запчастей по 135 категориям с 25 до 15%, по 4 категориям — с 20 до 15%)⁵. Высокие импортные пошлины Китая на автомобили имеют большое значение, поскольку для США КНР является вторым по объему экспортным рынком автомобилей в мире (доля Китая — 17%).

В самом общем виде недовольство Вашингтона ситуацией, сложившейся в международной торговле и международной торговой системе, концентрируется вокруг трех основных обстоятельств. *Первое* — это политика американских торговых партнеров и, в первую очередь, недостаточная, с точки зрения Вашингтона, степень открытости соответствующих экономик и либерализации торговли. Эта претензия адресована развивающимся странам (уровень либерализации торговли которых, как правило, невысок), но также и тем развитым государствам, которые сохраняют высокие импортные тарифы. По многочисленным заявлениям Д. Трампа, ключевым принципом, лежащим в основе международной торговли, должен стать принцип взаимности (*reciprocity*), предполагающий применение американскими торговыми партнерами таких же или близких тарифов в торговле с США, какие Америка применяет в отношении них. Следуя этой логике, Д. Трамп, приступив к исполнению президентских обязанностей, сразу же объявил о выходе США из Транстихоокеанского партнерства, запустил процесс пересмотра соглашения НАФТА (с Канадой и Мексикой) и заявил о намерении пересмотреть другие действующие торговые соглашения с ключевыми партнерами. В отношении государств, не желающих идти на уступки США в торговых вопросах, Д. Трамп обозначил, а впоследствии в некоторых случаях исполнил намерение прибегнуть к сильным протекционистским мерам. В частности, намерения Д. Трампа включали не только оказание давления на Китай, но и меры в отношении даже близких США союзников и партнеров. Примером этого является инициатива Вашингтона пересмотреть участие Индии, Индонезии, Турции и Казахстана в Генеральной системе преференций (GSP), которая предусматривает снятие таможенных пошлин на поставляемые развивающимся странам в США товары. Переговоры о пересмотре принципов торгово-экономических отношений начались с Канадой и Мексикой, ЕС, Японией, Южной Кореей и другими государствами.

Второе недовольство связано с несовершенством системообразующего института международной торговой системы — Всемирной торговой организации (ВТО). В одном из выступлений Д. Трамп охарактеризовал ВТО как «катастрофу»: «Она [ВТО] была очень несправедлива к нам [США]. Арбитраж — очень несправедливый. Разрешение споров — очень несправедливое. И, заведомо, мы всегда в меньшинстве, и это несправедливо»⁶. Одним из проявлений недовольства Д. Трампа в отношении ВТО стало блокирование Вашингтоном назначения новых членов ее Апелляционного органа, что может уже в конце 2019 г. парализовать его деятельность. По мнению Д. Трампа, недостаточное количество американских представителей в Апелляционном органе ВТО (а это, как правило, один представитель США из семи возможных) приводит к тому, что решения иногда принимаются не в пользу США.

Критикуя ВТО за неэффективность, «несправедливое» отношение к США и медленный процесс урегулирования торговых споров, который может длиться годами, Д. Трамп впервые за предшествующие два десятилетия с момента Уругвайского раунда торговых переговоров и образования ВТО в 1995 г. нарушил традиционную практику обращения к этой организации в вопросах урегулирования споров со своими внешнеторго-

выми партнерами. В отстаивании американских экономических интересов Д. Трамп предпочел прибегнуть к американскому законодательству. Так, в апреле 2017 г. в рамках статьи 232 Закона о расширении торговли США (1962 г.) он инициировал два расследования — об оценке угрозы для национальной безопасности США импорта в страну стали и алюминия. В середине августа 2017 г. Трамп инициировал проведение расследования в отношении Китая в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 г., которая наделяет президента США правом принимать необходимые меры для борьбы с действиями иностранных государств, наносящими урон американской торговле. По завершении соответствующих расследований США ввели дополнительные заградительные барьеры, что стало поводом для обвинения Вашингтона в унилатерализме и протекционизме.

Однако важно понимать, что введение Вашингтоном дополнительных пошлин направлено не на создание торговых барьеров для импортируемой продукции и не на увеличение таможенных сборов США, а на побуждение соответствующих американских торговых партнеров изменить их торгово-экономическую политику и вступить в торговые переговоры относительно урегулирования торговых разногласий.

Третье недовольство касается претензий конкретно к Китаю как стране, позиционирующейся Вашингтоном в качестве паразитирующей на экономической открытости США. В определенном смысле можно говорить о том, что экономический рост Китая стал возможен, среди прочих факторов, благодаря открытости американской экономики для китайского экспорта. С конца 1980-х годов США были крупнейшим экспортным рынком для китайских товаров⁷.

Уже на протяжении многих лет Вашингтон обвиняет Китай в субсидировании китайских производителей, занижении курса юаня, создании международных брендов при соответствующей государственной поддержке, принуждении иностранных компаний передавать Китаю технологии, препятствовании выходу иностранных компаний на китайские рынки, в демпинге на международных рынках на фоне кризиса перепроизводства в отдельных отраслях китайской промышленности (например, сталелитейной и алюминиевой), отсутствии прогресса в либерализации цен, увеличивающейся роли государственных компаний в китайской экономике⁸. Администрация Д. Трампа даже стала называть Китай беспрецедентной угрозой не только для США, но и для всей международной торговой системы.

Наибольшая обеспокоенность Вашингтона концентрируется вокруг трех пунктов: огромный дисбаланс в американо-китайской торговле в пользу Китая (в 2017 г. он достигал 375 млрд долл.), нарушение Китаем прав интеллектуальной собственности и китайская политика принудительной передачи технологий.

Проведенное в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 г. расследование выявило следующие нарушения: 1) Китай использует требования по созданию совместных предприятий, ограничения на иностранные инвестиции, процессы административного обзора и лицензирования в целях принуждения американских компаний к передаче технологий; 2) Китай использует дискриминационный процесс лицензирования для передачи технологий от американских компаний китайским; 3) Китай направляет и облегчает инвестиции и приобретения, которые способствуют крупномасштабной передаче технологий; 4) Китай проводит и поддерживает кибервторжения в американские компьютерные сети в целях получения доступа к ценной коммерческой информации⁹. Минимальный ежегодный ущерб, наносимый Китаем США в результате такой политики, был оценен в 50 млрд долл.¹⁰

В ходе проходивших в начале мая 2018 г. американо-китайских переговоров, призванных урегулировать торгово-экономические трения, американская сторона представила основные требования к Китаю: сократить торговый дисбаланс на 200 млрд долл. в течение последующих двух лет; устранить четыре нарушения, выявленные американским расследованием по статье 301 (приведены выше); прекратить субсидирование в рус-

ле реализации программы «Сделано в Китае 2025»; устранить ограничения на иностранные инвестиции; снизить импортные тарифы Китая до уровня применяемых в США тарифов и устранить отдельные нетарифные барьеры; облегчить доступ на китайские рынки для американских поставщиков услуг и сельскохозяйственной продукции¹¹.

При объяснении мотивации Д. Трампа в инициировании «торговой войны» с Китаем можно выделить две основные точки зрения. *Первое объяснение* исходит из рассмотрения «торговой войны» как противоборства двух ведущих экономик мира за научно-технологическое лидерство в грядущем будущем¹². Некоторые эксперты в своих рассуждениях даже характеризуют американо-китайские торговые трения как геополитическое противоборство двух держав за глобальное лидерство. Действия Д. Трампа расцениваются как направленные на намеренное сдерживание технологического развития Китая (в качестве одного из способов сдерживания «возвышения» Китая и становления его в качестве сверхдержавы) и, в частности, на срыв заявленной в 2015 г. Си Цзиньпином программы «Сделано в Китае 2025». В качестве аргумента приводится то, что основным объектом протекционистских мер США стали именно те отрасли, которые выделены в качестве приоритетных в этой китайской программе.

Второе объяснение — то, которое предлагается автором данной статьи, — базируется на рассмотрении действий Вашингтона как направленных на принуждение Пекина к «ответственному» поведению, соблюдению правил и норм, принятых в современной системе международной торговли, расширению открытости китайской экономики сообразно постоянно звучащим от китайских официальных лиц заверениям о поддержке либерализации торговли, ускорении завершения перехода к рыночной экономике. Как следует из опубликованного в январе 2017 г. торговым представительством США доклада о выполнении Китаем норм ВТО, китайская экономика за последнее время не продвинулась в рыночном направлении, а нормы ВТО неспособны и недостаточны для того, чтобы изменить китайскую экономическую политику¹³.

Направленность американских протекционистских мер против отраслей, выделенных китайским правительством в качестве приоритетных в программе «Сделано в Китае 2025», объясняется тем, что именно здесь проявляются выявленные Вашингтоном наиболее серьезные нарушения со стороны КНР: принудительная передача технологий, нарушение прав интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж, а также государственное субсидирование.

Однако по убеждению китайской стороны, введение США мер, призванных способствовать решению вопроса интеллектуальной собственности, вызвано намерением Вашингтона не допустить повышения роли Китая в глобальных производственных цепочках и зафиксировать за ним низкую роль сборщика готовой продукции в системе международного разделения труда. В целом, американские меры против Китая рассматриваются Пекином как перекладывание Вашингтоном ответственности за свои внутриэкономические проблемы на Китай, как нежелание искать проблемы в собственной модели экономического развития, уже продемонстрировавшей, по убеждению китайцев, свою неэффективность и спровоцировавшую мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. Вину за высокий дисбаланс в американо-китайской торговле Пекин традиционно возлагает на Вашингтон, который с 1989 г. ограничивает экспорт высокотехнологичной продукции и вооружений в КНР, искусственно сдерживая таким образом рост американского экспорта в эту страну.

В сентябре 2018 г. Пекин опубликовал Белую книгу, разъясняющую позицию Китая относительно торгово-экономических противоречий с США, опровергающую обвинения Д. Трампа в адрес КНР и содержащую критику протекционизма американской администрации. В свою защиту Пекин приводит целый ряд аргументов, некоторые из которых выглядят вполне весомыми, а некоторые вряд ли можно считать состоятельными. Так, например, в Белой книге акцентируется внимание на том, что

в американо-китайской торговле услугами прослеживается стремительно возрастающий профицит в пользу США¹⁴. Однако простое сравнение дефицита США в торговле товарами с Китаем (375,58 млрд долл. в 2017 г.) с профицитом в торговле услугами (57,63 млрд долл. в 2017 г.) девальвирует данный аргумент. Пытаясь уличить Вашингтон в искажении общей картины тарифного регулирования в США и Китае, Пекин обращает внимание на то, что сами США не соблюдают декларируемый Д. Трампом принцип «взаимности»: тарифы Китая на арахис, молочные продукты и грузовики составляют 15%, 12% и 15–25% соответственно, а тарифы США на данные товарные группы значительно выше и достигают 163,8%, 16% и 25%. Однако в силу незначительного объема данной продукции во взаимной американо-китайской торговле этот аргумент также не выдерживает никакой критики.

Вместе с тем «красной нитью» через всю Белую книгу проходит идея о том, что за последние годы китайское правительство приложило огромные усилия в целях выполнения взятых на себя в связи с вступлением в 2001 г. в ВТО обязательств и продолжает реформировать свою экономику, способствуя либерализации торговли и все большей открытости Китая, а также соответствию общепринятым в международной торговой-экономической системе нормам и стандартам. И с этим на самом деле трудно не согласиться¹⁵. Проблема состоит лишь в том, что скорость предпринимаемых Китаем усилий в этом направлении не соответствует ожиданиям Вашингтона.

В Белой книге Пекин также решительно отвергает лежащий в основе всей логики экономической политики Д. Трампа принцип «взаимности» (reciprocity), означающий одинаковый уровень тарифов и доступа на рынки разных секторов экономики у США и их экономических партнеров. Этот принцип называется в Белой книге противоречащим принципам «взаимности» и «взаимной выгоды» ВТО и игнорирующим то, что разные страны находятся на разных стадиях развития, и развивающиеся страны заслуживают преференциального подхода (включающего право на защиту отдельных отраслей промышленности) и имеют право на развитие. Апеллируя к низким показателям ВВП КНР на душу населения и сохраняющемуся в Китае большому количеству бедного населения, Пекин называет несправедливыми требования Вашингтона относительно абсолютной соразмерности применяемых США и КНР тарифов, базирующихся лишь на высоких валовых экономических показателях Китая и его торгового оборота.

Вместе с тем следует заметить, что обращение Пекина к вопросу статуса Китая как развивающегося государства в случаях, когда Пекин не желает брать на себя международную ответственность, уже давно служит сильным раздражителем Вашингтона. В зависимости от соответствия своим национальным интересам Пекин избирательно берет на себя определенные функции в международной системе. Когда это не соответствует китайским национальным интересам, Китай вспоминает о том, что продолжает оставаться развивающейся страной, где душевые экономические показатели еще не достигли уровня западных развитых стран, и отстаивает свое право на развитие (например, в вопросах либерализации торговли, взятия на себя обязательств в области ограничения выбросов парниковых газов или отказа от заимствований в многосторонних банках развития — Всемирном банке и Азиатском банке развития). В других же случаях Китай открыто заявляет о своих правах как второй экономики мира (как в случае распределения квот и права голоса в МВФ и Всемирном банке) и предлагает мировому сообществу подкрепленные китайскими финансовыми вливаниями крупномасштабные инициативы (такие, как «Пояс и путь» или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций).

В целом, анализ внешнеэкономической политики Д. Трампа и торгово-экономических противоречий США и Китая позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, деятельность администрации Д. Трампа обнаруживает некоторую потерю интереса Вашингтона к осуществлению глобального лидерства, предполагающего, помимо определенных привилегий, одновременно и огромный груз ответственности. *Во главу внеш-*

неэкономической политики администрации Д. Трампа поставлены не национальные интересы США в их широком понимании с учетом видения ситуации в стратегической перспективе, а интересы американской экономики и бизнеса на конкретном историческом отрезке. Для Д. Трампа ключевыми задачами являются восстановление позиций американского бизнеса в США и за рубежом, защита американских производителей, перенос американских предприятий из-за рубежа на территорию США, создание новых рабочих мест в США, возвращения американских капиталов обратно в Америку из офшоров и другие меры, направленные на ревитализацию американской экономики.

Во-вторых, *Вашингтон более не желает единолично нести бремя и издержки, сопровождающие роль мирового лидера или сверхдержавы*, особенно на фоне появления на мировой арене стремительно отстаивающей свои интересы второй мировой экономической державы — Китая. От Китая Вашингтон ожидает взятия на себя полной, а не избирательной международной ответственности — общемировой ответственности сообразной статусу второй экономики мира. В торгово-экономической сфере ответственность, по убеждению Д. Трампа, подразумевает выполнение взятых на себя в связи со вступлением в ВТО всех обязательств, либерализацию торговли (до уровня ведущих развитых государств), соблюдение прав интеллектуальной собственности, окончательный переход к рыночной экономике и пр.

В-третьих, *вводимые американской администрацией протекционистские меры представляют собой инструмент давления на китайское руководство в соответствующих вопросах, а не отражают долговременные намерения США отказать от идей либерализации международной торговли и экономической глобализации.* Напротив, будучи заинтересованными в либерализации торговли, США прибегают к таким крайним и непопулярным мерам в целях побудить другие страны, в особенности, Китай к углублению либерализации торговли и открытию рынков.

В-четвертых, *в действующей американской администрации явно прослеживается падение интереса к многосторонним форматам международных системообразующих институтов*, где Вашингтону, как правило, приходится брать на себя слишком высокие обязательства (в т.ч. и финансовые) и нести издержки лидерства, но становится все сложнее диктовать свои условия на фоне консолидации интересов развивающихся государств.

В-пятых, *не устраивают Д. Трампа и такие аспекты современного экономического порядка, как наличие льгот у стран, причисляющих себя к развивающимся, и в особенности у Китая как «лидера» развивающегося мира.* Так, при вхождении в ВТО Китай в свое время добился большого количества льгот и изъятий для себя как развивающейся страны. И сейчас, формально не нарушая правил ВТО, КНР «паразитирует» на открытости развитых экономик, в особенности США. Эта же логика объясняет проводимый Вашингтоном пересмотр участия ряда развивающихся стран, демонстрирующих высокие экономические достижения, в Генеральной системе преференций (GSP). Рассуждая в духе Д. Трампа, динамично развивающиеся экономики (emerging economies) должны быть лишены тех привилегий и льгот, которыми они традиционно пользовались в международной экономической системе (в Китае это называется «правом на развитие»). Уровень обязательств перед международным сообществом у развитых стран и динамично развивающихся экономик должен быть соразмерен. В основе представлений Д. Трампа о предпочтительном для США мировом экономическом порядке лежат два принципа — принцип «справедливой» (fair) торговли и принцип «взаимности» (reciprocity) в торговле. И решимость Д. Трампа добиваться изменения мирового экономического порядка сообразно указанным принципам весьма велика.

1. WTO ITC UNCTAD. World tariff profiles 2018. P. 12. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/tariff_profiles18_e.pdf.
2. Ibid. P. 8–12.
3. Ibid. P. 14–18.
4. Сообщение Комитета по таможенным пошлинам при Госсовете о снижении импортных пошлин на автомобили и их части. 2018. (На кит. яз.) URL: http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxixi/zhengcefabu/201805/t20180522_2903728.html.
5. Remarks by President Trump at Signing of a Presidential Memorandum Targeting China's Economic Aggression. 22.03.2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-signing-presidential-memorandum-targeting-chinas-economic-aggression/>
6. Ibid.
7. *Ong R.* China's Security Interests in the 21st Century. London: Routledge, 2007. P. 43.
8. *Лексютина Я.* Торг здесь неуместен // Профиль. 01.05.2018. URL: <http://m.profile.ru/politika/item/125565-torg-zdes-neumesten>.
9. Section 301 Fact Sheet. URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/USTR%20301%20Fact%20Sheet.pdf>.
10. Ibid.
11. CRS report "Enforcing U.S. Trade Laws: Section 301 and China". 24.02.2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10708.pdf>.
12. *Ломанов А.* О новой затяжной войне // РСМД. 14.08.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-novoy-zatyazhnoy-voyne/>
13. *Труш С.М.* Торговая война Д.Трампа против КНР: события, мотивации, внутренний контекст // Россия и Америка в XXI веке. 2018. Вып. 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760000047-8-1>.
14. Белая книга «Факты и позиция Китая относительно китайско-американских торговых трений». 24.09.2018. (На кит. яз.) URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1638292/1638292.htm>.
15. Так, например, в обнародованном 5 марта 2019 г. Докладе о работе правительства в 2018 г. констатируется снижение ввозных пошлин Китая на часть товаров и сокращение среднего уровня таможенных пошлин с 9,8 до 7,5%.

Д. Трамп и Китай: промежуточные итоги

© 2019

С.М. Труш

Китай, вопросы взаимоотношений США с КНР стали «сквозной» — внутренней и внешнеполитической — темой в администрации Д. Трампа. Впервые в 2017 г. Вашингтон в Стратегии национальной безопасности США определил Китай в качестве «главного соперника» Америки. В рамках «торговой войны», по мнению китайской стороны, у КНР есть право на те меры охраны внутреннего рынка и национальной экономики, которые не противоречат нормам ВТО. Китай пока не готов так, как США, капитализировать свои экономические ресурсы, структуру и отрасли экономики в мировое разделение труда, создавать цепочки стоимости, доминируя в них столь широко и повсеместно, как это делали американцы. Нарастают элементы «трехсторонности» во взаимодействии РФ — КНР — США.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, торговая война, администрация Д. Трампа, глобализация.

DOI: 10.31857/S013128120004640-5

Вопросы взаимоотношений США с КНР стали особой темой во внешнеполитической линии администрации Д. Трампа. Это во многом определялось тем обстоятельством, что с Китаем были тесно связаны ключевые элементы внутренней повестки президента, ведущие темы его предвыборной кампании 2016 года, позволившие ему въехать в Белый дом. Глобализация, ее плюсы и минусы для Америки, рабочие места и национальная промышленность, условия конкуренции американского бизнеса на внутреннем и внешних рынках, обеспечение свободной торговли, восстановление депрессивных промышленных районов, утечка технологических и стратегических секретов, ключевые вопросы военной стратегии, роль и место США в мире и геэкономике — все эти сюжеты прямо «выходили» на Китай.

Активная критика Китая по разным направлениям политики и экономики сыграла значимую роль в победе Д. Трампа на выборах. Широкой массе американских избирателей, предпочитающих черно-белую картинку реальности, Китай был подан — и принят — как источник многих зол. Со своей стороны противники Д. Трампа в демократическом лагере не хотели отдавать ему на откуп «китайскую тему», столь привлекательную в электоральном смысле. В результате вокруг Китая и необходимости «нажима на него» сложился определенный консенсус демократов с республиканцами. Этот консенсус был очень заметен, в частности, в ходе выступления Д. Трампа с очередным посланием Конгрессу в феврале 2019 г. Демократы, весьма холодно воспринявшие большинство пунктов этого послания, стоя поддержали аплодисментами пассажи речи Д. Трампа, касавшиеся его политики в адрес КНР¹.

Труш Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН. E-mail: zebra758@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-7275-001X.

Китай и США продолжают рассматривать отношения друг с другом как отношения первостепенной важности в их внешней и оборонной стратегии. Вместе с тем приход администрации Д. Трампа в Белый дом обозначил определенный водораздел в двусторонних отношениях. В Стратегии национальной безопасности США Вашингтон впервые в 2017 г. определил Китай в качестве «главного соперника» Америки (strategic competitor)². При этом Китай больше не рассматривается в США в качестве государства, которое необходимо эволюционно трансформировать изнутри, возвращая его в лоно мирового (читай «либерального», «прозападного») сообщества. Отношения США и КНР с приходом Д. Трампа приобрели характер системного полноформатного соперничества с усиливающимися элементами холодной войны. Инициатором конфликтного обострения очевидно является американская сторона.

Со своей стороны, Китай трактует отношения с США как находящиеся в кризисе, требующие существенной переоценки, а также фиксирует их переход к фазе, в которой противоречия и тотальное противоборство превалирует над факторами сотрудничества и взаимной выгоды.

В центре конфликтных взаимоотношений в 2017–2018 гг. находилась экономика. США ввели на товары КНР штрафные тарифы на номенклатуру свыше 250 млрд долл., угрожая расширить их более чем вдвое. Китай ответил тарифами на 110 млрд, что равно практически всему объему американского экспорта в 2017 г.³ Хотя США и настаивают на значительном расширении американского экспорта в Китай, главным объектом давления Вашингтона является так называемая промышленная политика КНР. США требуют кардинального изменения условий ведения бизнеса американских компаний внутри КНР: открытия запретных сфер — финансовой, информационной, телекоммуникационной, медийной, страховой; предоставления им равных прав с китайскими компаниями. США требуют также равного доступа иностранных компаний к госзакупкам в КНР, отмены государственного субсидирования наукоёмкого и высокотехнологического бизнеса в Китае в рамках его государственной программы «Сделано в Китае — 2025», усиления охраны интеллектуальной собственности, прекращения коммерческого и военного кибершпионажа.

Американская стратегия переговоров по этим вопросам носит наступательный, нажимной характер: создается общее давление по всему «ассортименту» разногласий, в рамках которого американцы стремятся «выдавить» из КНР нужный для себя компромисс в конкретной сфере. По имеющимся данным, в ходе начального раунда переговоров в мае 2018 г. США выдвинули перед Китаем свыше 140 конкретных требований и предложений в рамках промышленной политики КНР, и около 2/3 этих предложений китайская сторона первоначально согласилась обсуждать.

Внутри США существуют различные мнения по поводу протекционистского нажима на Китай. По мнению сторонников Д. Трампа, адресность и полезность протекционистских мер заключается, в первую очередь, в том, что они справедливо наказывают Китай за очевидные и зафиксированные экономические грехи в виде воровства технологий, «нечестной» конкуренции, технологического шантажа и кибершпионажа. Эти меры направлены на восстановление «цивилизованных», «справедливых», «законных» условий и правил экономического взаимодействия США и КНР⁴.

Еще одним аргументом в пользу вводимых санкций, по мнению сторонников Д. Трампа, является то, что в настоящий момент китайская экономика по реальным экспортно-импортным режимам остается более закрытой и более протекционистской, чем американская. Средневзвешенная тарифная ставка в КНР составляет около 10%, но по условиям «фазированного» режима вступления Китая в ВТО многие пошлины на импорт в КНР сохраняются выше американских. Например, ставка пошлины на импорт американских автомобилей составляет 25%, в то время как в США аналогичная пошлина на конец 2016 г. составляла всего 2,5%⁵.

Критики Д. Трампа внутри США подчеркивают, что США получают солидные непрямые дивиденды от торговли с Китаем за счет «вложенного» в китайский экспорт американского технологического наукоемкого компонента. Так, в числе товаров, подпадающих под повышение тарифов, наиболее важной товарной группой являются компьютеры, комплектующие, аксессуары и компьютерная периферия. Около 90% этих товаров реально производятся ТНК с американским участием, и вводимые тарифы больше ударят именно по ним, чем непосредственно по Китаю. Америка, считают критики Д. Трампа, не может президентской директивой отменить объективный процесс глобализации, перекроить сложившиеся разделительные линии в мировой экономике и жить на изолированном от мира острове.

Еще один важный аргумент, который высказывают критики протекционистской политики Трампа, заключается в том, что протекционизм в современной экономике не является панацеей от сокращения рабочих мест. На рынок труда и усиление конкуренции на нем сегодня гораздо больше влияют инновации, роботизация производственных процессов, прогресс в цифровой экономике. Преимущества США в условиях мирового разделения труда должны основываться, в первую очередь, на этих факторах, а не на попытках консервировать не самые современные производства⁶.

Китайский ответ на торговые санкции США проявился в зеркальном повышении тарифов с его стороны. Объясняя причины объявления торговой войны со стороны США, китайцы называют три основных фактора. **Во-первых**, это проявление обострившейся экономической конкуренции двух стран, снижение конкурентоспособности американской экономики, превышение в США потребления над накоплением. Посредством торгового давления США стремятся взломать китайскую экономику изнутри, ревизовать принципы ее промышленной политики, обеспечить себе благоприятные условия конкуренции как внутри Китая, так и на мировых рынках.

Во-вторых, это отражение тотального системного давления на Китай как соперника за мировое лидерство. Это давление с приходом Д. Трампа усилилось и в политической, и в военной сфере. США всемерно противодействуют доступу КНР к продвинутым технологиям. Ради этого они ужесточают меры в области экспорта технологий в КНР и ограничивают попытки Китая заполучить их через инвестирование в США и слияние с американскими компаниями.

В-третьих, протекционизм Д. Трампа — это проявление конкуренции двух моделей развития. США, квалифицирующие китайскую модель как «государственный капитализм», обвиняют Китай в дискриминационной «промышленной политике». Вместе с тем, по мнению китайской стороны, у Китая есть право на те меры охраны внутреннего рынка и национальной экономики, которые не противоречат нормам ВТО. Как считают китайские эксперты, США занимались этим с момента своего создания вплоть до сего дня, у Америки также есть своя «промышленная политика», на ревизию которой Китай не претендует⁷.

Тарифная война серьезно поколебала представление о существенной взаимозависимости США и Китая в сфере экономики. Даже при различных сценариях торговой войны, при сохраняющихся возможностях разных компромиссов товарооборот США и КНР в ближайшие годы, вероятнее всего, существенно сократится — по различным оценкам, от 20 до 50%⁸. Однако главными угрозами для себя в торговой войне с США Пекин видит не падение доходов от экспорта и, тем более, не сокращение инвестиций, а замедление технологического роста КНР за счет «зажима» с американской стороны. По преобладающему мнению китайской экспертной среды, внешние вызовы со стороны США должны быть трансформированы во внутренние стимулы роста. Поэтому главной реакцией КНР на торговую войну стали конкретные адресные меры административного, финансового и экономического характера, направленные на дальнейшее стимулирование национальной науки, НИОКР и инноваций. Увеличено финансирование национальных

НИОКР и научно-технологической сферы, создан ряд дополнительных фондов по развитию технологий и инноваций, повышен статус руководящих органов в этой сфере. Одной из ключевых мер купирования вызовов торговой войны со стороны США в Китае считают формирование широкой «проглобализационной» коалиции государств мира во главе с КНР, и важным инструментом этого является продвижение инициативы «Один пояс, один путь». В КНР ставят задачу наполнения инициативы реальными проектами и преодоления негативного шлейфа вокруг проекта «пояса и пути», который связан, главным образом, с обвинениями в том, что он является средством кредитного закабаления стран — партнеров КНР⁹.

Одним из глубинных мотивов политики Д. Трампа в отношении Китая является «деглобализация». Президент стремится максимально оградить экономику США, ряд ее традиционных отраслей от негативного влияния международного разделения труда. Китай как главный бенефициар глобализации находится в центре этого конфликта. Решение США о выходе из проекта Транстихоокеанского партнерства (ТТП) однозначно благоприятствовало интересам Китая. При этом выступать в качестве альтернативного США глобализационного ядра Китай еще не готов. Научно-технологический инновационный потенциал, уровень фундаментальной и прикладной науки в прорывных направлениях, способность к коммуникационной адаптации, к свободному движению капиталов, технологий и рабочей силы у Китая пока ниже американского.

Китай пока не готов так, как США, капитализировать свои экономические ресурсы, структуру и отрасли экономики в мировое разделение труда, создавать цепочки стоимости, доминируя в них столь широко и повсеместно, как это делали американцы. Он не способен пока к формированию «преференциальных» торговых соглашений по типу ТТП — обязательств по выстраиванию, а главное, поддержанию правил игры в мировой экономике, в том числе в области охраны интеллектуальных прав, прозрачности финансирования, равных условий для частного и государственного секторов (в том числе, равного доступа частного сектора к госзакупкам), гарантий и стандартов трудового законодательства.

Институциональный механизм двусторонних отношений — сеть межправительственных комиссий на министерском уровне — формально остается жизнеспособным, включая площадки «стратегического и экономического диалога». Последние были даже дополнены в 2017 г. еще двумя «высокопоставленными диалогами» — по кибербезопасности и по гуманитарным вопросам. Вместе с тем насколько можно судить по скудной информации реальная деятельность этого институционального механизма сведена на нет общей конфликтной атмосферой.

По мере разрастания симптомов холодной войны в повестке дня отношений КНР и США вновь начинают усиливаться противоречия ценностного, идеологического и цивилизационного характера, менее рельефные при прежних администрациях. Вновь играют особую роль темы «прав человека», «тоталитаризма и угнетения», религиозных свобод и отсутствия «правового государства» в КНР. В знаковой речи вице-президента М. Пенса в октябре 2018 г. в Гудзоновском институте Китай был обвинен во всех смертных грехах, включая нарастающий режим личной власти Си Цзиньпина, гипертоталитарную «орвелианскую» систему «социального кредита», создание партийных ячеек на смешанных китайско-американских предприятиях, финансирование антиамериканских сил и стран в мире и неприкрытое вмешательство Китая в выборы в США, включая промежуточные выборы 2018 года и будущие президентские 2020 года. «То, в чем обвиняется Россия, — констатировал М. Пенс, — это бледное подобие того, что Китай делает в масштабах всей Америки». Данное выступление М. Пенса справедливо расценивается в мировой аналитике как объявление откровенного и тотального политико-идеологического противостояния с КНР¹⁰.

Важным новым моментом ядерной политики США стало заявление действующей администрации о ее приверженности отвечать ядерным оружием на угрозы ядерного и «обычного» характера в адрес США и их союзников. В связи с этим в новых доктринальных документах США обозначалась потребность разработки и развертывания новых боеголовок ограниченной мощности (*low yield warheads*), которые наиболее оптимально соответствовали бы задачам ответа на «обычные» угрозы. По мнению китайских военных аналитиков, возобновляя разработку и развертывание боеголовок малой мощности, США преследуют ряд стратегических целей. С одной стороны, они стремятся оказать давление на Россию, с тем чтобы заставить последнюю пойти на дальнейшие сокращения наступательных ядерных вооружений. Кроме того, подобным образом США стремятся упредить свои будущие риски, поскольку к 2030 г., по мнению китайских экспертов, Америка может столкнуться с риском временного уменьшения ударных ядерных подлодок (SSBN) и резкого сокращения арсенала стратегических носителей морского базирования. Новый увеличенный военный бюджет США на 2019 год предусматривает НИОКР по разработке нового класса боеголовок морского базирования. Этот класс ядерного потенциала США рассматривается в КНР как наибольшая угроза для ее безопасности¹¹.

Новый этап китайско-американских отношений имеет очевидные следствия и для внешнеполитической линии России. Нарастают элементы «трехсторонности», «треугольника» во взаимодействии РФ — КНР — США. Трехсторонняя взаимозависимость наиболее рельефно проявляется в вопросах безопасности, военно-политического сближения РФ и КНР в условиях нарастающей в обеих столицах напряженности в отношении США, в вопросах трансформации мирового порядка и ухода от однополярности, региональных горячих точек (Сирия, Корейский полуостров), в протонтеграционных «объединительных» проектах, выдвинутых тремя сторонами за последние годы («Один пояс, один путь», Транстихоокеанское партнерство, ЕАЭС). Россия в силу недостаточного экономического потенциала и ее роли в мировой торговле имеет минимальное влияние на противоречия КНР и США в торгово-экономической области, она не может заменить США ни как равноценный им рынок сбыта китайской продукции, ни как источник современных технологий. Вместе с тем в условиях нарастания системного, всеобъемлющего противоборства КНР с США в политической, экономической и военной областях возрастает роль России как военно-политического «тыла», гаранта безопасности и возможного союзника КНР в условиях холодной или горячей конфликтности. Фактор возрастания роли и значения РФ в глазах КНР как военно-политического союзника должен быть адекватно осмыслен и максимально использован российским руководством с учетом долгосрочных интересов Российской Федерации.

Кроме того, Россия имеет возможность частично компенсировать со своей стороны внешнеэкономические затруднения Китая, проистекающие из обострения отношений с США. Она может отчасти восполнить потребности КНР в определенных видах сельскохозяйственной продукции, усилить аграрный сегмент российского экспорта в Китай; за счет возможного провала совместных с США энергетических проектов (поставок американского сланцевого газа в КНР) открывается дополнительная ниша для российской энергетики. Данные тенденции, однако, одновременно могут усиливать негативные тенденции в структуре торговли РФ с КНР — превалирование сырьевого компонента и продукции низкой переработки в российском экспорте.

Наиболее очевидный шаг в «треугольной» тональности, сделанный США за последнее время, — предложение Д. Трампа по поводу вовлечения Китая в переговорный процесс по новому Договору о ракетах средней и малой дальности (РСМД), что по сути означает «трехсторонний» формат переговоров по контролю над вооружениями. Это предложение является дипломатически многослойным поскольку одновременно носит пропагандистский характер, очевидно отражает объективные военно-стратегические интересы США, в первую очередь в АТР, а также апеллирует к определенным реальным

интересам и озабоченностям России относительно ракетного потенциала Китая¹². Политический контекст и атмосфера отношений США и РФ делают предложение Д. Трампа по вовлечению Китая в переговоры по РСМД в настоящий момент непримлемым. Однако это не должно означать, что Россия никогда не будет ставить вопрос о переговорах и соглашениях с КНР по контролю ракетно-ядерных сил в двустороннем формате. Россия не стоит исключать такие переговоры и в трехстороннем формате, разумеется, в том случае, если Китай и США — при обоюдном согласии — пригласят ее участвовать в них.

1. President Donald J. Trump's State of the Union Address. Issued on: February 5, 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/>
2. National Security Strategy. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf>; Summary of the 2018 National Defense Strategy of The United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>.
3. U.S. — China Trade Issues. In Focus. Congressional Research Service. Updated February 20, 2019. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10030.pdf>.
4. *Dollar D.* As the trade war worsens, the trade deficit increases. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/as-the-trade-war-worsens-the-trade-deficit-increases/>; *Lardy N.* China's Weapons in a Trade War Are Formidable. URL: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/chinas-weapons-trade-war-are-formidable>; *Austin J.* Why the Rust Belt economy will suffer in a trade war. March 6, 2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2018/03/06/why-the-rust-belt-economy-will-suffer-in-a-trade-war/>
5. China — US Trade Issues Congressional Research Service. RL33536. July 30, 2018. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf>.
6. *Pettis M.* Trade War Won't Dent China's GDP: To see the conflict's true toll, look at rising debt instead. URL: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-08-19/trade-war-with-u-s-won-t-dent-china-s-gdp>; *Austin J.* Why the Rust Belt economy will suffer in a trade war, March 6, 2018.; URL: <https://www.brookings.edu/blog/the-avenue/2018/03/06/why-the-rust-belt-economy-will-suffer-in-a-trade-war/>; *Сунян В.Б.* Экономическая политика Д. Трампа: новые подходы или повторение пройденного // США: экономика, политика, культура. 2018. № 5. С. 11.
7. Research Report on China — US Economic and Trade Relations. Ministry of commerce People's Republic of China. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/www/201705/20170525093626470.pdf>; *Лун Го-цян.* Лисин жэньши даньяньды чжунмей маои моца: [Как правильно понимать современные трения между КНР и США в торговле] // Жэньминь жибао. 29.08.2018. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2018/0829/c1003-30257035.html>.
8. Axios China. URL: https://www.axios.com/newsletters/axios-china-acde3047-4663-455e-8be8-4cbb7c6f26d7.html?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter_axioschina&stream=top; How Will the US-China Trade War End? We Explore 3 Scenarios. URL: <https://www.china-briefing.com/news/how-will-us-china-trade-war-end-3-scenarios/>; China's imports from US shrank by record 41% in January. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Trade-war/China-s-imports-from-US-shrank-by-record-41-in-January>.
9. *Коростиков М.* Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77125>.
10. Vice President Mike Pence's Remarks on the Administration's Policy Towards China. URL: <https://www.hudson.org/events/1610-vice-president-mike-pence-s-remarks-on-the-administration-s-policy-towards-china102018>.
11. Паньгу чжику гоци синши юебао: [Ежемесячный обзор международных событий / Аналитический центр Паньгу]. 2018. № 2. URL: http://www.pangoal.cn/news_x.php?id=3636&pid=13.
12. Подробнее см.: *Труш С.* Россия — США — КНР: назад к треугольнику? // Международная жизнь. 2018. № 12. С. 38–49.

Экономика

Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге

© 2019

А.В. Островский

31 августа 2018 г. в Закон об индивидуальном подоходном налоге КНР были внесены очередные существенные поправки. С учетом быстрого роста доходов населения и стремительно усиливающейся социальной дифференциации в китайском обществе эти поправки предусматривают повышение индивидуального подоходного налога с тех граждан, чьи доходы заметно выше, чем у основной массы населения. При этом значительно увеличен необлагаемый налогом минимум: граждане с доходами ниже 60 000 юаней в год освобождаются от уплаты подоходного налога.

Ключевые слова: Закон об индивидуальном подоходном налоге, прогрессивный подоходный налог, жизненный уровень населения, заработная плата, ставки подоходного налога, налоговые льготы, совокупный годовой доход.

DOI: 10.31857/S013128120004641-6

До 1980 г. налогообложения физических лиц в КНР вообще не существовало. В самой первой редакции Закон об индивидуальном подоходном налоге приняла 10 сентября 1980 г. 3-я сессия ВСНП 5-го созыва. При царившей тогда уравниловке средняя зарплата рабочих и служащих (составлявшая примерно 63,5 юаня в месяц) превышала средний доход крестьян (16 юаней в месяц)¹ не кардинально. То есть фактически этот закон затронул поначалу лишь небольшое число занятых: тех, кто трудился на иностранных предприятиях либо на смешанных предприятиях с участием иностранного капитала (СП).

Если рассматривать динамику доходов населения Китая за последние 40 лет, то, с одной стороны, наблюдался их абсолютный рост, например, в городах: 477,6 юаня в 1980 г., 6280 — в 2000 г., 31 790 — в 2017 г.; на селе: 191,3 юаня в 1978 г., 2253 — в 2000 г., 10 772 — в 2017 г.² С другой стороны — нарастал разрыв в доходах бедных и богатых, усилившийся к началу XXI века. Как отмечал заместитель руководителя Центра развития при Госсовете КНР Лу Чжицян, в годы реформ коэффициент Джини у китайцев рос стремительно: 0,33 — в 1980 г., 0,4 — в 1994 г. и 0,45 — в 2000 г.³ В 2000-х его показатели продолжали расти: 0,490 — в 2001 г., 0,491 — в 2009 г., но затем обозначилось снижение: 0,477 — в 2011 г., 0,469 — в 2013 г.⁴

При этом уровень доходов населения, судя по материалам китайских обследований, зависит от района проживания, отрасли и формы собственности предприятия. Так,

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая, E-mail: ostrovski@ifes-ras.ru.

в 1999 г. среднемесячный доход в Шэньчжэньской СЭЗ составил 2084 юаня, в Хэфэе — 429 юаней, в Ханьчуане (пров. Хубэй) — 141 юань, в Чжэньнине (пров. Гуйчжоу) — 119 юаней. Большинство населения имело доходы ниже среднего показателя (в своем месте проживания): в Шэньчжэне — 74,3% населения, в Хэфэе — 58,9%, в Ханьчуане — 65,3%, в Чжэньнине — 75,1%. При этом в Шэньчжэне даже среднемесячные доходы низшего среднего класса (879 юаней) были выше среднего по КНР дохода в городах (562,5 юаня), тогда как в Хэфэе доходы высшего среднего класса (523 юаня) не превышали показателя среднего дохода в городах. Еще более отстали уездные центры: так, доходы в Ханьчуане (156 юаней) и Чжэньнине (104 юаня), оказались ниже среднего показателя у крестьян (159,8 юаней в месяц)⁵. При анализе динамики роста численности разных среднедоходных групп в КНР бросается в глаза разрыв в доходах в целом по Китаю, как и среди горожан, среди селян, среди жителей трех мегаполисов «первой линии» — Пекина, Шанхая, Гуанчжоу (табл. 1).

Таблица 1

Социальная дифференциация в Китае по группам доходов (2015 г.)

Группа	Годовой доход в юанях	По КНР в целом (%)	В городах (%)	На селе (%)	В городах «1-й линии» (%)
Нуждающиеся	0–4600	18,4	9,1	30,2	8,2
Низкодоходная	4601–24 000	33,3	26,9	41,4	8,5
Нижняя среднедоходная	24 001–59 999	35,2	45,1	22,8	42,3
Среднедоходная	60 000–119 999	9,8	14,0	4,5	28,1
Верхняя среднедоходная	120 000–240 000	2,6	3,9	0,9	9,4
Высокодоходная	свыше 240 000	0,7	1,0	0,2	3,5

Источник: Ли Чунлинь. Динамика изменений среднедоходных слоев в Китае // *Россия и Китай: Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения / Федеральный научно-исследовательский центр РАН; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2018. С. 87,89.*

По стране в целом доля лиц с годовыми доходами свыше 60 000 юаней, подлежащими взиманию индивидуального подоходного налога, составляла лишь 13,1% населения (при этом среди горожан — 18,9%, среди селян — 5,6%). Зато среди жителей мегаполисов «1-й линии» (Пекина, Шанхая, Гуанчжоу) эта доля уже достигла 41%. Еще острее оказалась на исходе XX века дифференциация, отмеченная при анализе месячных доходов по 10 социальным группам: от 7666 юаней у управленческих работников, 7572 юаня у частных предпринимателей в Шэньчжэне до 85 юаней у крестьян, 130 юаней — у работников сферы торговли и услуг, 134 юаня у безработных и не полностью занятых в Ханьчуане. То есть разрыв между самыми богатыми и самими бедными слоями достигал по регионам соотношения 1:59. Закономерно, что китайское руководство еще в конце XX века стало предпринимать — посредством внесения поправок в Закон об индивидуальном подоходном налоге — попытки подравнять личные доходы в пользу малообеспеченных граждан.

Еще до первого внесения поправок в Закон об индивидуальном подоходном налоге от 1980 г., спустя 6 лет после его принятия, вступили в силу Временные правила КНР о подоходном налоге на индивидуальную промышленную и торговую деятельность в городах и сельской местности, установившие 10 разрядов налогообложения: от 7 до 60% сверх необлагаемого налогового минимума (годовой доход свыше 50 000 юаней облагался налогом дополнительно, разовое получение дохода — налогом в 20%)⁶. Тем не менее разрыв в доходах между различными категориями населения еще больше вырос — в зависимости и от места проживания, и от формы собственности предприятия.

По данным за 2017 г., средняя зарплата занятых в городах и поселках Китая в среднем составила 74 318 юаней в год, на госпредприятиях — 81 114 юаней, на коллективных предприятиях — 55 243 юаня, на предприятиях всех прочих форм собственности (от чисто иностранных до частных и индивидуальных предприятий) — 71 304 юаня (табл. 2).

Таблица 2

Средняя зарплата на предприятиях в городах и поселках в 1978–2017 гг.

Год	В среднем по КНР (в юанях)	На госпредприятиях	На коллективных предприятиях	На предприятиях иных форм собственности
1978	615	644	506	
1980	762	803	623	
1984	974	1034	811	1048
1990	2140	2284	1681	2987
2000	9333	9441	6241	11238
2010	36539	38359	24010	35801
2017	74318	81114	55243	71304

Источник: Чжунго тунци чжайяо — 2018: [Китайский статистический справочник — 2018]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2018. С. 39.

По-прежнему заметно разнятся подушечные доходы горожан и селян. Так, в 2017 г. средний располагаемый доход на душу населения в КНР составил 25 794 юаня, в городах — 36 396 юаней, на селе — почти втрое ниже, 13 432 юаня⁷. Сохраняется и территориальный разрыв. Так, доходы жителей Пекина (57 230 юаней в год) и Шанхая (58 988 юаней) почти вчетверо превосходят средний доход в западных районах Китая (в Тибете — 15 457, в Ганьсу — 16 011, в Гуйчжоу — 16 704 юаня в год⁸).

Вот почему за 40 лет после принятия закона об индивидуальном подоходном налоге пришлось 7(!) раз вносить в него различные коррективы. Первые — уже в конце 1993 г., до того пересматривать старые ставки налога не было смысла ввиду низкой разницы доходов между предпринимателями и работниками. В 1980-е годы в выигрыше от реформ оказались те крестьяне, которые первыми приняли систему подворного подряда. Благодаря этому многие крестьянские семьи перешли в категорию зажиточных, возникли «дворы-десятитысячники» (*ваньюаньху*), способные приобретать грузовики, трактора, комбайны и другую сельскохозяйственную технику.

Впрочем, личные беседы автора с крестьянами во время стажировки в Китае в 1984–1985 гг. показали, что объемы производственных заданий на крестьянский двор во многом были связаны с организацией праздничного стола в крестьянской семье на праздник Весны. Как накроют стол для местного руководства, таким и будет производственное задание в новом году: чем богаче стол, тем оно ниже и, следовательно, тем больше возможностей для крестьянской семьи быстрее разбогатеть, так как сельхозпродукция по госзаданию реализовывалась по твердым государственным ценам (как правило, довольно низким), а оставшуюся продукцию разрешалось реализовывать по рыночной цене, т.е. значительно выше себестоимости.

Именно эти нововведения и обеспечили в первой половине 1980-х годов заметный рост производства сельхозпродукции, как и рост благосостояния части крестьян. Некоторые стали строить себе двух- и даже трехэтажные дома, покупать не только холодильники, телевизоры и стиральные машины, не только трактора, грузовики, но кое-где и самолеты, создавать фабрики по переработке сельхозпродукции. В китайской прессе и даже в учебниках китайского языка для иностранцев тогда появлялись статьи, повествующие о зажиточных китайских деревнях.

Таковых, впрочем, было немного. Как и горожан, занятых в частном и индивидуальном секторах. По данным за 1990 г., общая численность занятых на так называемых

смешанных предприятиях (*ляньин цие*) составляла 96 тыс. человек, на частных предприятиях (*сыин цие*) — 57 тыс., на индивидуальных предприятиях (*гэти*), где разрешалось нанимать не более двух помощников и пяти учеников, — 6,14 млн человек. Тогда как общая численность экономически активного населения КНР составляла 647,5 млн человек⁹. Доходы индивидуальных и частных предпринимателей в городе и деревне были немалого выше, чем у квалифицированных рабочих госпредприятий — 100–150 юаней в месяц при средней зарплате по стране 60 юаней в месяц¹⁰.

По этим причинам в первые 25 лет реформ поправки в Закон об индивидуальном подоходном налоге вносились лишь дважды, в 1993 и 1999 г. Причем первые из них были внесены только в начале 1990-х годов, после поездки Дэн Сяопина на юг (1992 г.), когда в Китае задумались о проведении полномасштабных реформ в финансовой и банковской сферах, в системе труда и заработной платы. Быстрыми темпами стали создаваться предприятия негосударственных форм собственности — частные, индивидуальные, с ограниченной ответственностью, акционерные, смешанные и чисто иностранные предприятия.

На предприятиях новых форм собственности доходы стали расти быстрее, чем на традиционных для Китая государственных и коллективных предприятиях. Так, в 1999 г. средняя зарплата на всех предприятиях негосударственных форм собственности уже составляла 10 142 юаня в год (в госсекторе — 8443 юаня, в коллективном секторе — лишь 5758 юаней¹¹. С началом проведения широкомасштабной налоговой реформы (1994 г.) в КНР произошел переход к новой системе налогообложения и был введен единый личный подоходный налог для всех социальных слоев и групп (при необлагаемом подоходным налогом минимуме 800 юаней в месяц).

В дальнейшем, по мере роста доходов занятых на предприятиях всех форм собственности, ПК ВСНП периодически вносил изменения в Закон об индивидуальном подоходном налоге. В 2017 г. у рабочих и служащих госсектора доходы возросли в 8 раз по сравнению с 2000 г., у занятых в коллективном секторе — в 9 раз, на предприятиях прочих форм собственности — в 6 раз. Изменения же в Закон вносились за эти 17 лет пятькратно — в октябре 2005 г., в июне 2007 г., в декабре 2007 г., в июне 2011 г., в августе 2018 г. При этом несколько раз изменялся необлагаемый подоходным налогом минимум доходов: 400–600 юаней в месяц в 1987 г., 800 юаней — в 1994 г., 1600 юаней — в 2006 г. и, наконец, 5000 юаней — в 2018 г. Повышение необлагаемого подоходным налогом минимума доходов свидетельствовало о существенном повышении жизненного уровня населения страны, достигнутого благодаря реформам.

Изменения в Закон об индивидуальном подоходном налоге, внесенные ПК ВСНП в августе 2018 г., содержали 17 поправок. Новая версия Закона состоит теперь из 22 пунктов, в которых определены все формы доходов, сроки выплаты налога, налоговые ставки, льготы по выплате налога, таблицы со ставками прогрессивного индивидуального налогообложения для налогоплательщиков с различным уровнем доходов.

В новой редакции Закона определено 9 позиций налогообложения:

- 1) доходы от заработной платы и должностных окладов;
- 2) доходы от трудовых услуг;
- 3) доходы от гонораров;
- 4) доходы от специальных прав пользования;
- 5) доходы за управление;
- 6) доходы от процентов на капитал, дивиденды на акции, *тантьемы* (бонусы) за работу в правлении компаний;
- 7) доходы от аренды имущества;
- 8) доходы от передачи имущества;
- 9) случайные доходы¹².

Соответственно этим 9 позициям налогоплательщики были разделены на две группы: имеющих и не имеющих постоянные доходы. Налогоплательщики первой из них разделены на две подгруппы — на граждан и неграждан КНР. У первых индиви-

дуальный подоходный налог взимается с годового дохода, у вторых — ежемесячно или после каждого случая его выплаты.

Налогоплательщики первой группы облагаются прогрессивным подоходным налогом от 3 до 45% совокупного дохода. При этом граждане КНР освобождаются от подоходного налога, если их совокупный годовой доход был не выше 60 000 юаней (около 600 000 руб.), что ненамного выше средней заработной платы в стране на 2017 г. Иностранцы освобождаются от уплаты подоходного налога в том случае, если их месячный доход ниже 5000 юаней. С иностранных граждан, которые получают доходы от предоставления трудовых услуг или использования специальных прав, в качестве гонораров, налог взимается после каждого случая получения этих видов доходов.

Прогрессивный подоходный налог высчитывается следующим образом. Из общей суммы годового дохода вычитаются необлагаемая сумма доходов (60 000 юаней), а также различные суммы расходов социального характера (например, на лечение или образование). В результате для всех граждан и неграждан КНР, находящихся на территории Китая в течение 183 дней, действуют тарифы прогрессивного налогообложения от 3 до 45% суммы, остающейся после вычета необлагаемых налогом средств (60 000 юаней) и прочих расходов семьи, не подлежащих обложению налогом.

Таблица 3

Таблица ставок прогрессивного подоходного налога в КНР
на суммарный годовой доход

Категория	Совокупный доход в течение года	Налоговая ставка (%)
1	до 36 000 юаней	3
2	36 000–144 000 юаней	10
3	144 000–300 000 юаней	20
4	300 000–420 000 юаней	25
5	420 000–660 000 юаней	30
6	660 000–960 000 юаней	35
7	от 960 000 юаней	45

Примечания: 1) Сумма налогообложения рассчитывается, соответственно пункту б данного Закона, после вычета 60 000 юаней годового дохода и других статей расходов, подлежащих вычету из общей суммы прогрессивного налогообложения;

2) для неграждан КНР все налоги по четырем статьям доходов взимаются ежемесячно.

Источник: Чжунхуа жэньминь гуохэго гэжэнь содэциуфа: [Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2018. С. 23.

Совокупный индивидуальный доход налогоплательщиков второй группы облагался прогрессивным подоходным налогом от 5 до 35% совокупного дохода. При этом налогоплательщикам, которые получали доход от управления своим имуществом, рассчитывается сумма уплаты подоходного налога после вычета из суммы годового дохода себестоимости произведенных товаров или услуг, издержек производства и стоимости убытков, имевших место в течение года.

Для налогоплательщиков, которые брали имущество в аренду или лизинг, в случаях если одноразовый доход не превысил 4000 юаней, вычитается 800 юаней из суммы расходов, а свыше 4000 юаней — 20% от суммы расходов. Для налогоплательщиков, получивших доходы от передачи имущества, из суммы доходов, подлежащих налогообложению, вычитается первоначальная стоимость имущества и рациональных издержек. Для налогоплательщиков, получавших доходы от процентов на капитал, дивиденды на акции, *таньтемы* (бонусы) за работу в правлении компаний, а также случайные доходы, прогрессивный подоходный налог взимается после каждого случая получения такого вида доходов (табл. 4).

Таблица 4

Таблица ставок прогрессивного подоходного налога с общих годовых доходов в сферах управления

Категория	Совокупный доход в течение года	Налоговая ставка (%)
1	30 000 юаней	5
2	30 000–90 000 юаней	10
3	90 000–300 000 юаней	20
4	300 000–500 000 юаней	30
5	от 500000 юаней	35

Примечание: в соответствии с пунктом 6 Закона сумма налогообложения рассчитывается после вычета себестоимости, издержек и убытков.

Источник: Чжунхуа жэньминь гунхэго гэжэнь содэцуйфа: [Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2018. С. 23.

Как установлено пунктом 6 Закона об индивидуальном подоходном налоге, из общей суммы доходов от трудовых услуг, от специальных прав пользования вычитается 20% суммы в качестве издержек, а с остающейся суммы взимается прогрессивный подоходный налог. От полученного гонорара вычитается 70% и с остающейся суммы взимается прогрессивный подоходный налог.

От налогообложения освобождаются благотворительные затраты на образование, на борьбу с бедностью, на преодоление экстренных ситуаций в размере 30% понесенных расходов, которые также вычитаются из общей суммы доходов, подлежащих прогрессивному налогообложению. Благотворительные фонды, взносы, частично освобождаемые от налогообложения, определяются постановлениями Госсовета КНР. Освобождаются от налога и расходы налогоплательщика на содержание престарелых, лечение, страхование от безработицы и иные затраты в фонды социального страхования. Освобождению от налогов подлежат суммы, потраченные на образование детей, на продолжение образования, на лечение тяжелых болезней, на уплату процентов по кредитам за жилье или за аренду жилья, на уход за престарелыми. Наконец, еще с 1990-х годов Закон об индивидуальном подоходном налоге содержал нормы освобождения от налогообложения государственных премий в сферах науки, техники, образования, культуры, здравоохранения, спорта, охраны окружающей среды, а также премий международных организаций. Часть этих норм устанавливалась Госсоветом КНР, часть — местными властями.

До наступления XXI века доля индивидуального подоходного налога в китайском бюджете была невелика (в 1990 г. — лишь 0,75% от суммарных налоговых поступлений). Далее его роль стала расти: 5,24% от общей суммы налоговых сборов в 2000 г., 6,86% — в 2008 г., 8,29% — в 2017 г. (табл. 5).

Таблица 5

Доля индивидуального подоходного налога в налоговых сборах КНР (1990–2017 гг.)

	1990	1995	2000	2008	2013	2017
Общие налоговые сборы (млрд юаней)	282,2	603,8	1258,2	5422,0	11053,1	14436,0
Индивидуальный подоходный налог (млрд юаней)	2,11	13,13	65,96	372,22	653,15	1196,63
Доля в общих налоговых сборах (%)	0,75	2,17	5,24	6,86	5,91	8,29

Источник: Чжунго тунци чжэйяо — 2018: [Китайский статистический справочник — 2018]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2018. С. 39; Чжунго тунци чжэйяо — 2009: [Китайский статистический справочник — 2009]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2009. С. 66.

Однако заметной составляющей госбюджета индивидуальный подоходный налог еще не стал. До 2002 г. он из-за незначительности собираемых сумм шел исключительно в местные бюджеты. С 2004 г. по мере роста общей суммы сборов (особенно в крупных городах центрального подчинения — Пекине, Шанхае и в экономически развитых провинциях — Гуандуне, Цзянсу, Чжэцзяне) в Центр стало идти 60% таких поступлений, остаток оседал в местных бюджетах.

Напомним, что в Китае, согласно поправкам в Закон об индивидуальном подоходном налоге от 31 августа 2018 г., сумма необлагаемых налогом доходов достаточно высока — 60 000 юаней (примерно 600 000 руб.) в год. По данным китайской статистики, средняя заработная плата в 2017 г. на предприятиях уже превысила показатель 60 000 юаней в год, но значительная часть рабочих и служащих в соответствии со ставками прогрессивного подоходного налога платила не более 3% совокупного годового дохода (табл.1, 2). А среди селян в верхнем пентиле (20%) годовой доход составил лишь 31 299 юаней¹³.

При анализе распределяемых доходов населения за 2017 г. обнаруживается, что лишь у 20% населения доходы превышают необлагаемый налоговый минимум. По региону средний доход превышал 60 тыс. юаней в год лишь в двух городах центрального подчинения — Пекине и Шанхае, а по категориям занятости — лишь в банковской сфере, информатике, науке и технике, образовании, в сферах транспорта и связи.

Таким образом, после принятия новых поправок в Закон об индивидуальном подоходном налоге большая часть населения Китая по-прежнему не охвачена налогообложением. Система прогрессивного налогообложения в Китае распространяется в основном на лиц с высоким уровнем дохода, включая иностранцев (сюда входят многие предприниматели, служащие с высокими окладами и лица свободных профессий, получающие гонорары).

Как бы то ни было, в целом внедрение системы прогрессивного налогообложения позволяет в какой-то мере выровнять доходы населения и регионов, благоприятствуя поддержанию социальной справедливости в обществе.

1. См.: Чжунго тунци няньцзянь — 1981: [Китайский статистический ежегодник — 1981]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 1982. С. 422, 431.
2. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2018: [Китайский статистический справочник — 2018]. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, 2018. С. 57.
3. Жэньминь жибао. 11.05.2002.
4. Ли Чунлинь. Динамика изменений среднедоходных слоев в Китае // Россия и Китай: Среднедоходные слои в России и Китае: положение, динамика, особенности мировоззрения / Федеральный научно-исследовательский центр РАН; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2018. С. 82.
5. Дандай Чжунго шэцхуэй цзесэнь яньцзю баогао: [Доклад об исследовании социальных слоев современного Китая] / ред. Лу Сюэи. Пекин: Шэцхуэй кэсюэ вэньсюань чубаньшэ, 2002. С. 11–14, 26.
6. Подробнее см.: Шевель И. Реформирование личного подоходного налога в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 51–59.
7. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2018... С. 58–62.
8. Там же. С. 58.
9. Там же. С. 36–37.
10. Подробнее о работе в индивидуальном и частном секторе в середине 1980-х годов см.: Островский А. В. Формирование рынка рабочей силы в КНР. М.: ИДВ РАН, 2003. С. 228–241.
11. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2018... С. 39.
12. См.: Чжунхуа жэньминь гуаичэго гэжэнь содэцзуйфа: [Закон КНР об индивидуальном подоходном налоге]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2018. С. 14–15.
13. См.: Чжунго тунци чжайяо — 2018... С. 55.

Экономические отношения Белоруссии и Китая: состояние, тенденции, проблемы

© 2019

А.В. Шурубович

В статье рассматриваются нынешнее состояние, тенденции и проблемы белорусско-китайских экономических отношений и оцениваются перспективы их развития: раскрывается важность взаимного сотрудничества для обеих стран; показан значительный прогресс в этой сфере, достигнутый в последние годы. Рассмотрены важнейшие совместные проекты, намеченные к реализации в ближайшие годы, особое внимание уделено участию Белоруссии в реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), где она должна стать важным транспортно-логистическим хабом. Обозначены трудности на пути взаимных экономических отношений, включая преимущественно сырьевой характер белорусского экспорта в Китай, недостаточно благоприятный инвестиционный климат в Белоруссии и др.

Ключевые слова: Белоруссия, Китай, экономические отношения, взаимная торговля, инвестиции, транзит, Экономический пояс Шелкового пути.

DOI: 10.31857/S013128120004642-7

Для Белоруссии — страны с открытой экономикой, где объем внешней торговли товарами в 2017 г. составлял около 117% ВВП, — экономические отношения с зарубежными странами имеют первостепенное значение. Как отмечается в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г., «продвижение Республики Беларусь по пути устойчивого развития в решающей степени зависит от качественного расширения ее связей с внешним миром. Это обусловлено ориентацией важнейших отраслей производства и сферы услуг на внешний рынок и существенной зависимостью белорусского сырьевого рынка от импорта»¹.

В настоящее время Белоруссия поддерживает торгово-экономические отношения более чем со 200 странами; при этом характерной чертой внешнеэкономических связей республики является концентрация на странах — участниках двух интеграционных группировок: Евразийского экономического союза (ЕАЭС), прежде всего России, и Евросоюза. В 2017 г. на страны ЕАЭС и страны ЕС приходилось соответственно 52,5% и 22,9% общего объема внешнеторгового оборота РБ, 46,6% и 26,9% — экспорта, 57,6% и 19,4% — импорта². На страны ЕАЭС и Евросоюза приходится и подавляющая часть иностранных инвестиций в белорусскую экономику. Это обуславливает чрезмерную, по мнению руководства РБ, зависимость внешней торговли страны и ее экономики в целом от достаточно неустойчивого в последние годы экономического положения основных партнеров. Поэтому поставлена задача диверсификации внешнеэкономических связей (особенно экспорта), которая, как ожидается, позволит сбалансировать внешнюю

Шурубович Алексей Викторович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН. E-mail: shurubovich@transecon.ru.

торговлю РБ, освоить новые рынки сбыта и закрепиться на них, сократить зависимость экономического роста в Белоруссии от состояния экономики основных партнеров. Предполагается, что уже в 2020 г. должно быть достигнуто равное распределение экспортных поставок между рынками ЕАЭС, ЕС и иных стран (по 1/3 общего объема экспорта на каждый из этих рынков). При этом особое значение придается развитию сотрудничества с Китайской Народной Республикой, имеющей огромный экономический потенциал, емкий рынок и значительные инвестиционные возможности.

Важно при этом отметить, что Китай в последние годы выдвинулся в число главных партнеров Белоруссии не только в экономической, но и в политической сфере. В выступлении перед студентами Пекинского университета 30 сентября 2016 г. президент РБ А. Лукашенко отметил: «Во внешней политике Беларуси одним из важнейших, приоритетных направлений становится сотрудничество с великим Китаем»³; ранее, в 2006 г., А. Лукашенко в ежегодном послании к парламенту и народу Белоруссии заявил, что Китай становится главным приоритетом внешней политики страны. Хотя это утверждение не вполне соответствует реальности — главными приоритетами РБ по-прежнему являются Россия и Евросоюз, оно отражает стремление белорусского руководства активизировать отношения с Китаем, рассматриваемым в качестве стратегического партнера республики.

Значение взаимного сотрудничества для Белоруссии и Китая

Активизация экономического взаимодействия РБ с КНР, как неоднократно отмечали официальные лица и эксперты, соответствует национальным интересам обеих стран и имеет для них существенное значение.

Важнейшее место среди факторов, обуславливающих значимость экономических отношений с Китаем для Белоруссии, занимает, на наш взгляд, возможность проникновения белорусской продукции на емкий китайский рынок и ее закрепления на этом рынке в условиях обострения международной конкуренции. Как отмечает ряд экспертов и показывает практика сотрудничества, продукция белорусских предприятий химической промышленности, сельскохозяйственного машиностроения и некоторых других отраслей вполне конкурентоспособна на китайском рынке по цене и качеству. Вместе с тем импортные потребности Белоруссии в ряде товаров удовлетворяются в основном за счет ввоза из КНР (так, в 2017 г. на долю Китая приходилось 72,1% ввезенных в РБ вычислительных машин для автоматической обработки информации и 73,3% приемной аппаратуры для телевизионной связи)⁴. Импорт продукции китайской электроники вносит важный вклад в насыщение потребительского рынка на этом сегменте.

Белоруссия весьма заинтересована также в инвестиционном сотрудничестве с КНР. В быстро растущей китайской экономике есть значительные свободные капиталы, которые, по расчетам руководства РБ, могут быть инвестированы в белорусские предприятия. Инвестиционное сотрудничество с КНР позволит, как рассчитывают в Минске, существенно повысить конкурентоспособность продукции предприятий республики, в том числе экспортной.

Значительный интерес для Белоруссии, стремящейся максимально использовать свое выгодное экономико-географическое положение в центре Европы на пути между динамично развивающимися центрами деловой активности — Евросоюзом и Китаем — и обладающей развитой транспортной инфраструктурой, представляет участие в китайском проекте Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и встраивание в него в качестве транспортно-логистического хаба. Не случайно в программных документах последних лет участию в этом проекте уделено большое внимание⁵. Белоруссия рассчитывает также использовать транспортно-логистическую структуру ЭПШП для совместного с Китаем продвижения товаров на рынки третьих стран.

О значении, которое белорусское руководство придает сотрудничеству с Китаем, красноречиво говорит изданная президентом РБ 31 августа 2015 г. Директива № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой». Это единственный документ такого рода, касающийся отношений РБ с отдельной страной (даже об отношениях с Россией — главным экономическим партнером и стратегическим союзником — подобной директивы пока нет). В директиве, в частности, обозначены принципы, на которых осуществляется сотрудничество с КНР, определены его основные направления и предусмотрены соответствующие мероприятия по каждому направлению сотрудничества с указанием сроков реализации⁶.

В середине 1990-х годов, когда сотрудничество двух стран начало динамично развиваться, в печати высказывалось мнение о расчете администрации Лукашенко на то, что Китай «как огромный бульдозер зацепит белорусскую экономику и потащит за собой». Последующие годы, характеризующиеся серьезным прогрессом в развитии сотрудничества, дали сторонникам такого мнения новые аргументы.

В свою очередь Китай также заинтересован в развитии экономического взаимодействия с Белоруссией. При этом особое значение для КНР имеет использование транзитного потенциала РБ. «Для китайской стороны, — отмечает ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук Сюй Вэнхун, — важно, что Беларусь стала транзитным узлом для экспорта китайских товаров в Европу»⁷. Заявленная А.Лукашенко готовность Белоруссии стать площадкой для выхода китайской экономики на рынки Евросоюза усиливает заинтересованность КНР в сотрудничестве с РБ.

Инвестиции в белорусскую экономику способствуют росту экспорта китайских инвестиционных товаров, прежде всего машин и оборудования; благодаря инвестиционному сотрудничеству с РБ Китай получает в центре Европы стратегически важную площадку для демонстрации и продвижения на европейский рынок, а также на рынок России и других стран ЕАЭС своих производств, оборудования, технологий.

Китай, перед которым, несмотря на достигнутые в последние годы успехи, по-прежнему стоит продовольственная проблема, нуждается во ввозе белорусских калийных удобрений⁸. В последнее время КНР проявляет также значительный интерес к импорту белорусской сельскохозяйственной, прежде всего мясной и молочной продукции.

Развитию сотрудничества Белоруссии с Китаем способствует определенное сходство экономической системы КНР с системой хозяйствования, существующей в РБ: в обеих странах осуществляется, причем достаточно успешно, плавный постепенный переход к рыночной экономике при активной регулирующей роли государства. При всех отличиях (и весьма существенных) белорусской экономической модели⁹ от китайской общность ряда их ключевых параметров является, как отмечают ряд экспертов, важным фактором взаимного сближения.

Благоприятный фон для развития взаимных экономических отношений создает расширение белорусско-китайского сотрудничества в политической сфере. Регулярный характер приобрел обмен визитами на высшем уровне, в ходе которых подписываются имеющие принципиальный характер документы по развитию взаимного сотрудничества. Так, итогом государственного визита в КНР президента РБ А. Лукашенко в сентябре 2016 г. стало подписание Декларации об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, в которой стороны договорились, в частности, «развивать всепогодную дружбу, создавать сообщество общих интересов и сообщество единой судьбы...». Как отмечается в белорусской печати, такой статус взаимодействия Китай имеет, помимо Белоруссии, лишь с тремя государствами — Россией, Великобританией и Пакистаном. Между руководителями двух государств — А. Лукашенко и Си Цзиньпином — установились дружественные личные отношения¹⁰, что немало способствует развитию отношений и на государственном уровне.

Таким образом, со стороны как Белоруссии, так и Китая, налицо очевидная заинтересованность во взаимном сотрудничестве. Эта заинтересованность представляет собой объективную основу для динамичного развития экономических отношений по различным направлениям.

Основные направления и тенденции экономических отношений РБ с КНР

Экономические отношения Белоруссии с Китаем развиваются по многим направлениям: внешняя торговля, инвестиционное сотрудничество, взаимодействие в финансовой, транспортно-логистической сферах и др. По всем этим направлениям в последние 20 лет обозначился заметный прогресс.

Главный индикатор развития сотрудничества — объем взаимной торговли — возрос со 183,6 млн долл. в 2000 г. до 3106,5 млн долл., или в 16,9 раза (табл. 1). Доля Китая в общем объеме внешнеторгового оборота РБ за этот период возросла с 1,1% до 4,9%.

Таблица 1

Динамика взаимного товарооборота РБ с КНР в 2000–2017 гг. (млн долл.)

	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Оборот	183,6	715,0	2159,9	3182,2	2602,2	3106,5
Экспорт	136,2	430,9	475,8	781,0	472,7	361,5
Импорт	47,4	284,1	1684,1	2401,2	2129,5	2745,0

Составлено по: Республика Беларусь. 2008. Стат. ежегодник. Минск, 2008. С. 570; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2011. Стат. сб. М., 2012. С. 152; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2016. Стат. сб. М., 2017. С. 138; Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2017. Стат. сб. М., 2018. С. 140.

Как видно из таблицы, в 2001–2015 гг. объем торговли Белоруссии с Китаем многократно увеличился, чему во многом способствовал быстрый экономический рост в обеих странах. В 2016 г. наблюдалось снижение товарооборота, обусловленное прежде всего спадом в белорусской экономике; в 2017 г. рост товарооборота возобновился, но не смог компенсировать его падение в предыдущем году. В результате в 2017 г. объем взаимной торговли был на 2,4% меньше, чем в 2015 г.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на быстрый рост товарооборота с КНР и повышение его доли в общем объеме внешнеторгового оборота РБ, эта доля остается незначительной. Так, в 2017 г. на долю Китая приходилось лишь 4,9% общего объема внешнеторгового оборота, в т.ч. 1,2% экспорта и 8,0% импорта¹¹, при том, что подавляющая часть экспортно-импортных операций, как уже отмечалось, приходилась на долю стран ЕАЭС (прежде всего России) и Евросоюза. В 2017 г. Китай занимал 3-е место во внешнеторговом обороте РБ (после России и Украины), 10-е место в экспорте и 2-е место в импорте (после России).

Для белорусско-китайской торговли в последние годы характерно значительное отрицательное сальдо РБ. Если еще в 2005 г. сальдо было положительным (+146,8 млн долл.), то в 2010 г. отрицательное сальдо РБ в торговле с КНР составило 1208,3 млн, а в 2017 г. — уже 2383,5 млн долл.

Такое положение во многом объясняется характером белорусского экспорта в Китай. В нем преобладают калийные удобрения (на их долю в 2017 г. приходилось 62,2% общего объема экспорта) и другие сырьевые товары: полиамиды, лен-сырец, необработанная шерсть. Неудивительно, что белорусский экспорт в КНР явно «не успевает» за все более диверсифицированным импортом, состоящим как из товаров широкого по-

требления, так и во все большей степени из продукции машиностроения и других высокотехнологичных отраслей.

В последние годы, однако, наметилась тенденция к диверсификации белорусского экспорта в КНР. Растут, в частности, поставки продуктов питания, прежде всего молочной и мясной продукции. За восемь месяцев 2018 г. поставки продуктов питания в Китай возросли в 5 раз по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года, а в целом за год объем поставок сельхозпродукции мог достигнуть 100 млн долл. (в 2017 г. он составил 17 млн долл.)¹². Увеличиваются поставки продукции деревообработки; некоторые предприятия РБ выступают в качестве поставщиков для компании IKEA в Китае.

В белорусском импорте из КНР основными товарными позициями в 2017 г. были аппаратура связи и части к ней (9,7% общего объема импорта), вычислительные машины для автоматической обработки информации (4,1%), части и принадлежности для автомобилей и тракторов (4,0%)¹³; в значительных объемах поставлялись также железнодорожные локомотивы электрические, металлоконструкции из черных металлов, части к принимающей и передающей аппаратуре и др. Сырьевые товары и продовольствие занимали в импорте из КНР незначительное место.

С середины 2000-х годов активно развивается инвестиционное сотрудничество двух стран. Только за 2011–2016 гг. в экономику РБ поступило китайских инвестиций на сумму 1292,2 млн долл., из которых 541,6 млн долл. (41,9%) — прямые инвестиции, 747,0 млн долл. (57,8%) — прочие инвестиции в виде кредитов и займов. За этот период доля китайских инвестиций в общем объеме иностранных инвестиций в Белоруссию выросла с 0,7% до 2,9%, доля китайских прямых инвестиций — с 0,3% до 1,43%¹⁴.

В 2017 г. в экономику РБ поступило 271,9 млн долл. китайских инвестиций (2,8% общего объема), в том числе 112,8 млн долл. прямых инвестиций (1,5% общего объема). На конец 2017 г. на территории Белоруссии действовали 90 предприятий с китайскими инвестициями, из них 28 — совместные и 62 — со 100%-ным китайским капиталом¹⁵.

Китайские инвестиции в РБ осуществляются преимущественно в форме предоставления кредитов на инвестиционные цели. Кредитно-инвестиционное сотрудничество двух стран, как отмечает белорусский исследователь Д.Ф. Рутко, «в основном можно рассматривать как проектное финансирование, то есть привлечение кредитных ресурсов китайских банков для финансирования крупных инвестиционных проектов... Эти инвестиционные проекты реализуются, как правило, путем проектирования, поставки, монтажа и строительства объектов китайской стороной. Китайская составляющая в проекте варьируется от 30% (иногда от 50%) и зависит от требований китайского банка и страховой компании... Часто условием привлечения китайского финансирования является поставка ключевого оборудования китайского производства...»¹⁶. В настоящее время за счет кредитов китайских банков в РБ реализуются около 30 проектов в различных отраслях на общую сумму более 7 млрд долл.¹⁷; некоторые проекты финансируются за счет кредитов правительства КНР. Общий размер кредитной линии, предоставленной Китаем под реализуемые в РБ проекты, достигает 15 млрд долл.

При кредитной поддержке китайских банков и правительства КНР реализован ряд важных для экономики РБ инвестиционных проектов, включая модернизацию Минской ТЭЦ-2, реконструкцию Минской ТЭЦ-5, строительство трех цементных заводов, строительство Витебской ГЭС, увеличение мощности Березовской и Лукомльской ГРЭС и др.

Белоруссия и Китай реализуют ряд совместных проектов с участием прямых инвестиций — прежде всего, в промышленности. К ним относятся, в частности, производство бытовой техники на базе СП «Медиа-Горизонт» (г. Минск), производство гидромеханических передач, многоосных колесных тягачей и шасси на СП «Волат-Саньцзян» (г. Минск), производство тягачей специального назначения на СП «Саньцзян-Волат компании Лтд» (г. Ухань), СП ООО «АВИК-БЕЛАЗ Карьерные Машины» (г. Пекин), произ-

водство кормоуборочной техники на СП «Харбин Дунцинь Гомель предприятие сельскохозяйственного машиностроения» (г. Харбин), производство энергонасыщенных тракторов на СП «Харбин Дунцинь Минск Трактор Ко» (г. Харбин)¹⁸.

Среди белорусско-китайских совместных проектов особое место занимает производство легковых автомобилей Geely на заводе «БелДжи» под г. Борисовом, начавшееся в ноябре 2017 г.¹⁹ Завод построен при участии китайских партнеров и с привлечением китайских кредитов. В 2019 г. намечается произвести и продать 25 тыс. автомобилей²⁰, а в дальнейшем выйти на проектную мощность — 60 тыс. автомобилей в год. Уровень локализации производства автомобилей осенью 2018 г. превысил 50%. Как предполагается, большая часть произведенных автомобилей Geely будет продаваться в России; автомобили намечается поставлять также на внутренний рынок РБ, на рынки Молдавии, Украины, Латвии, Литвы и других стран.

Особое место в экономическом сотрудничестве Белоруссии с КНР занимает взаимодействие в транспортно-логистической сфере и, прежде всего, транзит товаров между КНР и западными странами через территорию РБ. Объем транзитных перевозок быстро растет: в 2014 г. из Китая через Белоруссию в европейские страны по Белорусской железной дороге (БЖД) проследовало 30 тыс. TEU (условных 20-футовых контейнеров), а в 2017 г. — уже 257 тыс.²¹ В 2017 г. через Белоруссию было пропущено 2700 контейнерных поездов. Ежедневно по территории РБ курсируют восемь контейнерных поездов сообщения Китай — Европа — Китай вместимостью 80–100 вагонов²².

Белоруссия одной из первых поддержала китайскую инициативу создания ЭПШП и активно подключилась к ее реализации. Как заявил в ноябре 2015 г. тогдашний заместитель министра экономики РБ А. Ярошенко, «глобальная задача нашей внешнеэкономической политики — Беларусь должна занять стратегическое положение на пути следования китайского товара в Европу. Сегодня наша страна позиционирует себя как жемчужину Экономического пояса Шелкового пути»²³.

Как отмечает белорусский эксперт К. Коктыш, Белоруссия, выиграв жесткую конкуренцию с рядом восточноевропейских стран, смогла стать единственным транспортно-логистическим хабом ЭПШП за пределами Китая. Сейчас идет строительство, модернизация и адаптация примерно 50 инфраструктурных проектов под нужды проекта ЭПШП²⁴.

Особое значение для развития экономического взаимодействия РБ и КНР имеет Китайско-Белорусский индустриальный парк (КБИП) «Великий камень», создающийся в г. Смолевичи под Минском в соответствии с подписанным в сентябре 2011 г. межправительственным соглашением и сочетающий в себе инновационную и транспортно-логистическую составляющие. В мае 2017 г. на международном форуме «Один пояс, один путь» парк «Великий камень» был на высшем уровне назван главным проектом взаимного сотрудничества.

Первоначально КБИП предназначался преимущественно для привлечения высокотехнологичных производств. В положении о Китайско-Белорусском индустриальном парке, утвержденном Советом министров РБ в августе 2012 г., основными направлениями его деятельности названы электроника, тонкая химия, биотехнологии, машиностроение и новые материалы²⁵. Впоследствии к ним были добавлены информатика, фармацевтика, электронная коммерция, деятельность, связанная с хранением и обработкой больших объемов данных, социально-культурная деятельность.

Резидентам парка предоставлены значительные льготы. Так, они на 50 лет освобождены от ввозного НДС, налогов на землю и недвижимость; кроме того, первые 10 лет с момента образования прибыли резиденты освобождены от налога на прибыль, а затем до 2062 г. платят его в половинном размере. Это способствовало быстрому росту числа резидентов КБИП: если в 2016 г. в нем насчитывалось 9 резидентов, то к декабрю 2018 г. — уже 41 с заявленным объемом инвестиций более 1 млрд долл.

В последнее время, как отмечают эксперты, в свете проекта ЭПШП фактически происходит переориентация КБИП с индустриально-технологической на логистическую сферу. Первостепенное значение приобретает создаваемый на территории парка логистический центр, который будет использоваться для перевалки китайских товаров, направляемых на рынок ЕС. Китайская компания China Merchant Group намерена вложить в его создание 500 млн долл. В результате КБИП станет «узловой точкой Шелкового пути, генерирующей в среднесрочной перспективе наполнение товарами и услугами инфраструктурных маршрутов»²⁶.

Проблемы и трудности во взаимных экономических отношениях

Несмотря на достигнутую в последние годы позитивную динамику экономических отношений Белоруссии с Китаем, в развитии этих связей имеются серьезные проблемы. Нынешний уровень торгово-экономического сотрудничества, как неоднократно отмечали официальные представители обеих стран, далеко не соответствует имеющимся возможностям. Причины такого положения многообразны: это и географическая удаленность Белоруссии от КНР, и слабость правового и организационного механизмов сотрудничества по ряду направлений, недостаток информации о возможностях сотрудничества и многое другое.

Одним из важнейших негативных факторов, тормозящих развитие взаимных экономических отношений, является в основном сырьевой характер белорусского экспорта в Китай, в то время как достаточно высокоразвитая, многоотраслевая экономика РБ потенциально может предложить партнерам широкий спектр товаров — в том числе продукции высокотехнологичных отраслей. Ныне ведущее место в экспорте РБ в КНР занимают, как уже отмечалось, калийные удобрения и другие сырьевые товары, цены на которые подвержены значительным конъюнктурным колебаниям.

Многие белорусские предприятия, как отмечает премьер-министр РБ С. Румас, испытывают трудности с входением на китайский рынок; белорусские компании и граждане сталкиваются с финансовыми барьерами при расчетах. Серьезными препятствиями на пути активизации сотрудничества являются также инертность, неповоротливость белорусских предприятий, их неготовность осваивать перспективный, но новый для них китайский рынок. В то же время рост импорта из Китая тормозится страхом белорусской стороны перед наплывом дешевых китайских товаров на внутренний рынок РБ.

Развитию инвестиционного сотрудничества (прежде всего наращиванию объемов китайских инвестиций в Белоруссию) препятствует все еще недостаточно благоприятный, несмотря на наметившиеся в последние годы позитивные сдвиги, инвестиционный климат в РБ, доминирование государственной собственности в экономике республики. Для Китая Белоруссия пока не представляет значительного экономического интереса ввиду относительно малого внутреннего рынка и отсутствия крупных энергоресурсов. Как отмечают белорусские эксперты, по экономическим соображениям (не связанным с укреплением политического влияния в той или иной стране) Китай финансирует в зарубежных странах в основном проекты, связанные с добычей полезных ископаемых, прежде всего углеводородов, и с этой точки зрения Белоруссия для Китая недостаточно интересна. Хотя, как отмечалось выше, в последние годы Китай начал финансировать ряд крупных проектов в Белоруссии, вряд ли масштабы финансирования в ближайшие годы резко возрастут, учитывая наличие у КНР более привлекательных объектов приложения капитала.

Опыт кредитно-инвестиционного сотрудничества двух стран в последнее время выявил ряд серьезных проблем. Так, китайские кредиты, предоставляемые белорусским партнерам, как правило, являются связанными и предполагают закупку китайского оборудования (доля китайской составляющей должна быть не менее 50% от суммы кредита), что ставит в невыгодное положение белорусских производителей оборудования, остро

нуждающихся в увеличении сбыта своей продукции. В то же время объем прямых китайских инвестиций на чистой основе (без учета долговых инструментов) незначителен. Так, в 2017 г. он не превышал 40 млн долл., что говорит о слабой заинтересованности китайской стороны во вложении капитала в экономику РБ.

Некоторые реализованные с участием Китая инвестиционные проекты в РБ, по мнению экспертов, оказались неудачными. Так, мощности цементных заводов, модернизированных при участии китайских компаний, превысили реальные потребности страны, а поставленное оборудование было устаревшим и очень энергозатратным; в результате цементные производства стали одними из самых убыточных предприятий РБ²⁷. По признанию президента РБ А. Лукашенко, серьезные недостатки выявились в реализации и других китайских инвестиционных проектов, в частности Светлогорского целлюлозно-картонного и Добрушского картонного комбинатов.

Специалисты высказывают сомнения в эффективности одного из крупнейших инвестпроектов с китайским участием — автомобильного завода «Белджи». Производимые на нем автомобили модели Geely Atlas (около половины общего объема производства на заводе) вряд ли будут широко востребованы на российском рынке, где в 2017 г. было продано лишь около 2 тыс. машин данной марки, тем более по предлагаемой завышенной цене²⁸.

Следует отметить, что проблемы, связанные с белорусско-китайским сотрудничеством, в белорусской экспертной среде нередко политизируются. Официальные лица и поддерживающие курс руководства страны эксперты делают акцент при анализе на позитивные моменты и благоприятные перспективы сотрудничества, тогда как либеральные экономисты и политологи, в принципе скептически относящиеся к сотрудничеству с «авторитарным» Китаем, нередко преувеличивают имеющиеся трудности²⁹. Так или иначе, проблемы в развитии сотрудничества есть, и они требуют скорейшего решения.

Перспективы развития белорусско-китайских экономических отношений

В предстоящие годы развитие взаимодействия РБ с КНР в экономической сфере будет определяться действием ряда факторов: состоянием экономики обеих стран, глобальными тенденциями, состоянием взаимных политических отношений и др.

Перспективы сотрудничества во многом зависят от решения обозначенных выше проблем во взаимных экономических отношениях — в том числе от диверсификации структуры взаимного товарооборота (прежде всего белорусского экспорта), повышения конкурентоспособности продукции, поставляемой Белоруссией китайским партнерам, создания в РБ благоприятного инвестиционного климата, развития правовой базы и организационного механизма сотрудничества.

Планы развития сотрудничества на ближайшие годы обозначены в официальных документах. Так, в соответствии с постановлением Совета министров РБ от 21 июня 2018 г. № 475 экспорт товаров в Китай в 2019 г. должен достигнуть 540 млн долл., а в 2020 г. — 770 млн долл. Экспорт услуг в 2019 г. должен составить 541 млн, а в 2020 г. — 730 млн долл. Суммарный экспорт товаров и услуг в 2020 г. намечено увеличить до 1,5 млрд долл. Таким образом, около половины общего объема белорусского экспорта в Китай будет приходиться на экспорт услуг, что связано, прежде всего, с намечасмым ростом транзита китайских товаров на запад через белорусскую территорию. Что касается экспорта товаров, помимо традиционных калийных удобрений, благоприятные перспективы роста экспорта, по мнению экспертов, имеются и по многим другим товарным группам³⁰.

Новые возможности для роста экспорта в КНР, как отмечают белорусские эксперты, открываются в связи с разгорающейся в последнее время торговой войной между США и КНР. Шансы заполнить ниши китайского рынка, которые могут покинуть амери-

канские производители. открываются в частности, для белорусской мясомолочной продукции и, что особенно важно, для некоторых видов высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью — прежде всего электроаппаратуры, а также приборов и устройств, применяемых в медицине³¹.

Значительное развитие должно получить инвестиционное сотрудничество. В сентябре 2016 г. посол РБ в КНР К. Рудый объявил о том, что сотрудничество двух стран переходит на новый уровень — от «кредитного» этапа к «инвестиционному». В частности, это найдет отражение в том, что КНР постепенно перестанет предлагать Белоруссии кредиты и перейдет к прямым инвестициям³². Трансформация кредитного финансирования в прямые инвестиции Китая в РБ может осуществляться как путем акционирования и приватизации модернизированных китайскими компаниями предприятий, так и путем привлечения китайских подрядчиков к прямому инвестированию в иные проекты.

В 2018 г. достигнута договоренность о китайских инвестициях в 160 проектов на территории РБ. В начале 2017 г. был сформирован перечень белорусских предприятий для вхождения китайских инвесторов в их акционерный капитал, включающий 20 акционерных обществ, 2 государственных предприятия и инвестпроект по строительству гидроэлектростанции на реке Западная Двина. В ближайшее время предполагается его расширение.

Уже началось осуществление ряда крупных инвестиционных проектов. Так, в июле 2018 г. Белорусская национальная биотехнологическая корпорация совместно с китайской корпорацией «СИТИК Групп» начали строительство высокотехнологичного агропромышленного производства полного цикла под Минском. За три года здесь предполагается создать комплекс суперсовременных предприятий по производству аминокислот и комбикормов для животноводства; общие инвестиционные затраты составят более 730 млн долл.³³ Созданное в октябре 2017 г. ООО «Белкалий-Мигао», в котором доля ОАО «Беларуськалий» составляет 49%, а доля китайской Migaо Corporation — 51%, начало строительство первого в РБ завода по производству нитрата калия мощностью 160 тыс. т в год. Общий объем инвестиций на строительство завода оценивается в 130 млн долл.³⁴

В ближайшие годы намечается значительное усиление транспортно-транзитной составляющей во взаимном сотрудничестве в рамках проекта ЭПШП. В Концепции развития логистической системы РБ на период до 2030 г. ЭПШП рассматривается в качестве основного источника грузов для транзита через белорусскую территорию. К 2025 г. РБ рассчитывает на увеличение транзита китайских грузов до 1 млн контейнеров в год, что в 4 раза больше чем в 2017 г. По оценке некоторых экспертов, когда проект ЭПШП заработает на полную мощность, через Белоруссию будет проходить как минимум 10% товарооборота между КНР и Евросоюзом, исчисляемого сотнями миллиардов долларов³⁵. Это, среди прочего, может способствовать росту белорусского экспорта в КНР: поскольку грузопоток из Китая в Европу через РБ более чем вдвое превышает грузопоток в обратном направлении, появляется возможность загружать порожние контейнеры, следующие в КНР, белорусскими товарами.

Дальнейшее развитие должен получить в ближайшие годы КБИП «Великий камень». Предполагается, что к 2020 г. число его резидентов достигнет 100, а объем инвестиций — 2–2,5 млрд долл. В настоящее время на стадии активного строительства находятся 10 проектов КБИП, включая заводы по производству автомобильных двигателей, лазерного оборудования, спецтехники и др.³⁶

Говоря о перспективах белорусско-китайского сотрудничества, важно иметь в виду и российский фактор. Масштабы этого сотрудничества дают основания некоторым экспертам говорить о грядущей китайской экспансии, затрагивающей и российские интересы. Во-первых, Китай интересуется теми же предприятиями, что и Россия; во-вторых, имея альтернативных и более платежеспособных китайских покупателей на свои активы, Белоруссия укрепляет собственные позиции на переговорах с российской сторо-

ной³⁷. Некоторые круги в Белоруссии рассматривают стратегическое партнерство с Китаем в качестве своего рода противовеса влиянию России, отношения с которой в последнее время заметно осложнились³⁸.

Вместе с тем утверждения о возможности внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации республики с России на Китай представляются несобоснованными. Важнейшим стратегическим союзником РБ, несмотря на все трудности во взаимных отношениях, несомненно, является Россия, и Китай никогда не сможет ее заменить — хотя бы в силу географической удаленности и цивилизационных различий. Доля Китая во внешнеторговом обороте РБ составляла в 2017 г., как уже отмечалось, лишь 4,9%, доля в общем объеме иностранных инвестиций — 2,8%, тогда как доля России достигала соответственно 51,2% и 38,0%; в ближайшей перспективе картина вряд ли заметно изменится. Это, однако, не умаляет значения быстро развивающегося белорусско-китайского сотрудничества, вносящего в последние годы заметный вклад в развитие экономики РБ и укрепление ее международных позиций.

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Минск: Юнипак, 2004. С. 157.
2. Рассчитано по: Республика Беларусь. 2018. Стат. ежегодник. Минск. 2018. С. 463.
3. Выступление Президента перед студентами Пекинского университета // Советская Белоруссия. 1 окт. 2016.
4. Рассчитано по: Внешняя торговля стран Содружества Независимых Государств. 2017. Стат. сб. М., 2018. С. 154–155.
5. Так, в Концепции развития логистической системы РБ на период до 2030 г. ЭПШП рассматривается в качестве основного «донора» грузов для транзита через белорусскую территорию.
6. Предусматривается, в частности, сформировать перечень предприятий для вхождения в совместные с китайской стороной проекты, сформировать механизмы привлечения китайских инвестиций в отрасли экономики РБ, представляющие взаимный интерес, обеспечивать ежегодно в период до 2020 г. привлечение каждой белорусской областью не менее 100 млн долл. прямых китайских инвестиций.
7. *Сюй Вэньцзи*. Инициатива «Один пояс и один путь»: новый китайский вариант для выхода из трудного положения экономики // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума. Минск, 15–17 июня 2017 г. Минск: Право и экономика, 2017. С. 51.
8. В 2016 г. из общего объема китайского импорта калийных удобрений, составившего 1765,5 млн долл., на долю ввоза из РБ приходилось 294,3 млн долл., или 16,7%. См.: *Рутко Д. Ф.* Внешнеэкономическое сотрудничество Республики Беларусь и Китайской Народной Республики: современное состояние и перспективы развития // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Сб. научных статей. В 4-х ч. Ч. 4. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. С. 107.
9. Подробнее о белорусской экономической модели см. *Шурбунович А. В.* Белорусская экономическая модель перед лицом тяжелых испытаний // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 116–132.
10. Как отмечал А. Лукашенко на встрече с журналистами ведущих китайских СМИ в мае 2017 г.: «У нас с Си Цзиньпином очень дружественные отношения. Он у нас бывал дома, наши отношения даже можно назвать семейными». Цит. по: *Осипов М.* Четверть века дружбы. И это только начало! // Советская Белоруссия. 05.05.2017.
11. Рассчитано по: Содружество Независимых Государств в 2017 году. Стат. ежегодник. М., 2018. С. 271.
12. *Сикорский В.* Беларусь предложила китайцам пять аграрных проектов. URL: <http://www.belmarket.by/belarus-predlozila-kitaitsam-pyat-agrar...>
13. Рассчитано по: Внешняя торговля Республики Беларусь. Стат. сб. Минск, 2018. С. 302, 303, 305.

14. *Преснякова Е.С.* Китайские инвестиции и их значение для развития экономики Республики Беларусь // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума. Минск. 15–17 июня 2017 г. Минск: Право и экономика, 2017. С. 168.
15. Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2018. С. 425–426, 436.
16. *Рутко Д.Ф.* Указ.соч. С. 104.
17. *Ходасевич А.* Лукашенко перенаправляет молочные реки в Китай // Независимая газета. 29.05.2018.
18. *Преснякова Е.В.* Указ. соч. С. 171; *Рутко Д.Ф.* Указ. соч. С. 103.
19. До этого с 2013 г. производилась сборка автомобилей Geely из китайских машинокомплектов.
20. *Нежданский К.* Опять 25 тыс. // БелГазета. Минск. 13.11.2018.
21. *Алексеев В.* Железные дороги 7 стран в Минске обсуждают контейнерные перевозки Китай — Европа. URL: <http://www.belmarket.by/zhelezhye-dorogi-7stran-v-minske-obsuz...>
22. *Алексеев В.* Беларусь хочет увеличить транзит китайских контейнеров вдвое. URL: <https://www.belmarket.by/belarus-hochet-uvelichit-tranzit-kitaiskih...>
23. Цит. по: *Калиновская Т.* Из Китая в Европу. URL: <http://www.belmarket.by/ru/350/16/27365%D0%98%D0%B7-...>
24. Охота за юанем: Белоруссия нашла нового покровителя. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/11/21_a_12067507.shtml.
25. *Рудый К.В.* Индустриальный парк «Великий камень»: проблемы выбора на этапах становления и развития // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Сб. науч. статей. В 4-х ч. Ч. 4. Минск: Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. С. 136.
26. *Лавникович Д.* Лукашенко меняет Москву на Пекин. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/16_a_10675619.shtml.
27. Там же.
28. «Думаю, в России не найдутся покупатели, — пишет в этой связи автоэксперт А. Рудницкий, — готовые заплатить за Geely 17600 долларов. У меня есть большие сомнения и по поводу того, что Россия позволит продавать машины данной марки в названном руководством завода количестве. Причем по любым ценам. Россия, как страна, имеющая собственное автомобильное производство, будет отчаянно его защищать». См.: *Рудницкий А.* Не верю в Geely. URL: <http://www.belmarket.by/neveryu-v-geely...>
29. «Как показывает опыт, — говорит, например, либеральный экономист Я. Романчук, — куда бы китайцы ни вошли, ничего качественно сделать не смогли... Ни один проект не довели до ума...» Цит. по: *Офшорно-китайский междусобойчик* // БелГазета. Минск. 07.08.2017.
30. Подробнее см.: *Рутко Д.Ф.* Указ. соч. С. 106.
31. *Голубев С.Г., Береснев Д.В., Ефремова А.О.* Перспективы продвижения белорусской продукции на рынки Китая в свете американо-китайской торговой войны // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции 20–21 сентября 2018 года, г. Минск. В 2-х т. Т. 2. Минск: Право и экономика, 2018. С. 20–21.
32. *Астахова С.* Белоруссия и Китай: новый этап взаимоотношений // Россия и новые государства Евразии. М., 2016. № 4. С. 40.
33. *Кононович Е.* Отношения всепогодной дружбы // Советская Белоруссия. 31.07.2018.
34. *Харитонов Д.* Беларуськалий и китайская Migao начали строительство завода по производству нитрата калия. URL: <http://www.belmarket.by/belaruskaliy-i-kitaiskaya-migao-nachali-s...>
35. *Кононович Е.* Этапы большого пути // Советская Белоруссия. 16.05.2017.
36. *Свирко Е.* Инвестиции в «Великий камень» превысили \$1 млрд. URL: <http://www.belmarket.by/investicii-v-velikiy-kamen-prevysili-1-mlrd...>
37. *Астахова С.* Указ. соч. С. 17–18.
38. См., например: *Ходасевич А.* Лукашенко выбирает Пекин // Независимая газета. 03.10.2016.

Современная экономика КНДР и перспективы ее трансформации

© 2019

Л.В.Захарова

В статье анализируются ключевые тенденции развития экономики КНДР и основные принципы ее функционирования, рассматриваются перспективы дальнейшей трансформации экономической структуры страны. Используя системный подход и метод моделирования, автор представил модель современной северо-корейской экономики, выделив в ней несколько сфер, различающихся по преобладающим принципам управления и механизмам принятия решений хозяйствующими субъектами. Прогноз развития экономической системы страны дан в рамках четырех предложенных сценариев, сконструированных в зависимости от сочетания основных внутренних и внешних факторов.

Ключевые слова: КНДР, экономика, модель, структура экономики, санкции, социализм, рыночная экономика.

DOI: 10.31857/S013128120004643-0

В 2017 г. в ответ на ракетные и ядерные испытания Пхеньяна мировое сообщество в лице СБ ООН ввело жесткие санкции против различных секторов хозяйственного комплекса Северной Кореи, ограничив возможности внешнеэкономического взаимодействия, — экспорта, импорта, инвестиционных и транспортных связей страны. Это существенно ухудшило условия и сузило масштабы для экономического развития КНДР, вынудив руководство страны начать прикладывать усилия для ослабления санкционного нажима.

В 2018 г. ситуация вокруг Корейского полуострова улучшилась, возобновился диалог по урегулированию ядерной проблемы, потеплели отношения КНДР с Китаем и РК, состоялся первый в истории американо-северокорейский саммит. Россия подняла в СБ ООН вопрос о необходимости ослабления санкций в ответ на предпринятые Пхеньяном меры в сторону денуклеаризации. Республика Корея открыла в КНДР офис связи и начала подготовку к соединению железных дорог двух стран, что потребовало специально одобренных изъятий из международного санкционного режима. Китай, по наблюдениям лиц, побывавших в Северной Корее, и заявлениям официальных лиц США, стал более «гибко» подходить к реализации международных ограничений в отношении КНДР.

Готовясь к восстановлению внешнеэкономического сотрудничества, Ким Чен Ын объявил о смене стратегического курса. Если с 2013 г. усилия северных корейцев были официально направлены на «параллельное ведение экономического строительства и строительства ядерных вооруженных сил», то в апреле 2018 г. на III Пленуме ЦК ТПК 7-го созыва было объявлено успешное выполнение поставленных задач и выдвинута новая стратегическая линия — сосредоточить все силы на экономическом строительстве¹. Однако никаких радикальных внутриэкономических решений для оживления экономики

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД РФ. E-mail: ludmila_hph@rambler.ru. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-10126).

руководство страны пока не принимало, вероятно, надеясь на возможности использования внешних факторов, в том числе начавшегося потепления в межкорейских отношениях.

Осенью 2018 г. стало очевидно, что ключевым вопросом для КНДР в переговорах с США о денуклеаризации является снятие экономических санкций², препятствующих экономическому развитию и модернизации страны. Однако Вашингтон настаивает на сохранении санкций до полного ядерного разоружения Пхеньяна, что в ближайшем будущем представляется маловероятным.

Добиться быстрого ослабления санкционного режима Северной Корее не удалось. При этом экономические задачи руководством страны с повестки дня не снимаются. Во время визита в Китай в начале января 2019 г. Ким Чен Ын обратил внимание на опыт экономического развития Китая и отметил его ценность для КНДР³. Это породило новую волну рассуждений о возможности экономических реформ в Северной Корее. В подобных условиях представляется актуальным проанализировать ключевые тенденции развития экономики КНДР и основные принципы функционирования различных ее частей, а также рассмотреть перспективы дальнейшей трансформации экономической структуры страны под влиянием внутренних и внешних факторов. Решение поставленных исследовательских задач позволит дать четкое понимание современного состояния экономической системы КНДР и вариантов ее эволюции в дальнейшем. С практической точки зрения, сделанные по итогам исследования выводы могут быть полезны для изучения возможностей экономического вовлечения Северной Кореи в международное сотрудничество с целью создания условий для дальнейшего мирного урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Теоретико-методологические основы исследования

Существует ряд обстоятельств, влияющих на возможности и методы изучения северокорейской экономики, а также определяющих подходы к прогнозированию происходящих в ней процессов. Во-первых, с 1960-х годов Северная Корея не публикует подробной экономической статистики. В последние годы в некоторых публикациях и в личных беседах с иностранцами представители КНДР стали озвучивать отдельные экономические показатели, такие как объем ВВП, его структура, объем внешней торговли. Однако для построения динамических рядов этих данных недостаточно. Часто цитируемый Банк Кореи (Южная Корея) ежегодно публикует свои оценочные данные по структуре и темпам роста северокорейской экономики, однако методология формирования этих показателей подробно не объясняется и может вызывать вопросы. В целом, в условиях недоступности подробных достоверных статистических данных по КНДР прогнозирование динамики большинства макроэкономических показателей затруднено. При этом выявление основных тенденций экономического развития с учетом имеющихся северокорейских данных и иностранных оценок, включая статистику ООН, является вполне реальным и даже необходимым, поскольку без этого сложно выстраивать эффективную политику в отношении КНДР.

Во-вторых, частью северокорейской пропаганды является утверждение о том, что страна находится во враждебном окружении, которое может использовать данные об экономическом развитии КНДР во вред республике. На практике это выражается в стремлении северных корейцев скрывать от иностранцев информацию о многих изменениях в экономической системе страны. Большая часть законов, в том числе касающихся экономики, не доступна для ознакомления. Исключение — то, что касается официального политического курса и условий для привлечения иностранных инвестиций. В то же время, учитывая важность «северокорейского вопроса» в мировой политике последних лет, запрос на достоверную информацию о происходящем в экономике КНДР существует и растет. Для его удовлетворения существуют (и расширяют свою деятельность) специализированные интернет-сайты, компании, коммерческие и некоммерческие организации.

Некоторые из них активно используют имеющиеся в их распоряжении контакты с северными корейцами (в том числе перебежчиками, проживающими в настоящее время в Южной Корее) или иностранцами, посещающими Северную Корею, для получения необходимых сведений о протекающих в этой стране процессах. В результате важным источником эмпирических данных о северокорейской экономике являются люди, имеющие доступ в КНДР, а также материалы, получаемые по неофициальным каналам.

В-третьих, в мировых СМИ часто можно столкнуться с созданием негативного образа Северной Кореи, обусловленным прежде всего политическими причинами. Закрытость страны порождает большое количество распространяемых о ней мифов и преувеличений. В связи с этим при поиске и обработке получаемых из открытых каналов данных о КНДР необходимо отсекаать ангажированные и политизированные источники и материалы. Кроме того, сбор и обработка информации о северокорейской экономике требует постоянного применения компаративного (сравнение данных из разных источников) и аналитического (выявление основных тенденций на основе большого потока разнообразной информации) методов научной работы.

В-четвертых, на современном этапе в Северной Корее фактически сложилась гибридная экономика, часть которой функционирует в рамках директивно-плановой системы, а часть работает на основе рыночных отношений. В подобных условиях перед исследователями все чаще встает вопрос о значении и роли каждой из этих сфер в экономическом развитии страны и перспективах трансформации всей экономической системы КНДР.

В-пятых, как показывает исторический опыт, изменение внешней обстановки может оказывать существенное влияние на функционирование хозяйственного комплекса КНДР (например, распад системы социалистического сотрудничества и дезинтеграция СССР), частично определяя направление ее эволюции. Это наблюдение обуславливает необходимость исследования внешних факторов, имеющих большое значение для экономики КНДР.

Учитывая сложность объекта изучения, автор статьи использует системный подход и метод моделирования, позволяющие представить экономику КНДР в упрощенном виде, выделив при этом ее основные составляющие. С применением институционального подхода будут выявлены принципы функционирования ключевых элементов в рамках системы. Для учета влияния внутренних и внешних факторов на перспективы трансформации экономической системы КНДР будет использован метод сценарного моделирования.

На первом этапе ставится задача описать и представить в графическом виде содержательную модель современной экономики Северной Кореи. Модель конструируется методом логико-интуитивного анализа на основе систематизации понятий, характеризующих специфику изучаемого объекта и опирающихся на эмпирический массив относящихся к нему информационных данных. Анализ основных принципов, на которых функционируют ключевые составляющие экономической системы КНДР, позволит сформулировать потенциальные направления дальнейшего развития всей системы.

На втором этапе исследования ставится задача осуществить формализацию сконструированной на первом этапе содержательной модели, представив экономику КНДР в виде уравнения из нескольких переменных. Упорядоченная таким образом формализованная модель даст четкое понимание современной структуры экономики КНДР. На основе анализа различного сочетания ключевых внутренних и внешних факторов будут представлены различные варианты дальнейшего развития экономической системы Северной Кореи.

Поскольку экономическая статистика по КНДР доступна лишь фрагментарно или в виде оценок внешних наблюдателей, то главной целью построения экономической модели является не прогнозирование темпов роста или объема ВВП. Основной задачей является отражение качественных характеристик протекающих в Северной Корее экономических процессов путем выявления современного состояния и потенциальных изменений структуры экономической системы КНДР в будущем.

Теоретической базой исследования служат труды российских и зарубежных ко- рееведов, предлагающих свои подходы к описанию структуры северокорейской экономи- ки и социально-экономической системы КНДР. Особого внимания заслуживает коллек- тивная монография «Неспокойное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызо- вы для России»⁴, третья глава которой посвящена анализу современной экономической модели Северной Кореи. Среди зарубежных научных трудов полезные для автора теоре- тические подходы были сформулированы Лим Чже Чхоном в статье «Институциональ- ные изменения в экономическом развитии Северной Кореи с 1984 г.: конкуренция между гегемонистскими и негегемонистскими правилами и нормами»⁵, а также Хон Чже Хва- ном в публикации «Северокорейская экономика при Ким Чен Ыне»⁶.

В качестве основных источников при подготовке статьи были использованы се- верокорейские публикации по экономической тематике, данные Статистического подраз- деления ООН и Банка Кореи (Южная Корея), аналитические работы российских, запад- ных и южнокорейских ученых по экономике КНДР, эмпирический материал, собранный автором в ходе научной командировки в Пхеньян (середина 2017 г.), а также специализи- рованные публикации в глобальной сети Интернет.

О классической северокорейской модели экономики и некоторых ее изменениях в начале XXI века

Исторически формирование экономического комплекса КНДР проходило в рам- ках плановой командно-административной системы и социалистических производствен- ных отношений, базирующихся на государственной собственности на средства произ- водства. Из опыта СССР были взяты некоторые черты экономического строительства, а именно: индустриализация с упором на тяжелую промышленность, кооперирование сельского хозяйства, поддержание высоких темпов роста и система централизованного управления экономикой⁷.

Целью было построение самостоятельной, диверсифицированной экономики, максимально удовлетворяющей собственные потребности. В результате в ходе проведе- ния в КНДР индустриализации (1957–1970-е годы) особый акцент был сделан на созда- ние импортозамещающих производств. Причем в условиях военной конфронтации с Южной Кореей приоритет отдавался развитию тяжелой промышленности (с ее ядром — ВПК) в ущерб легкой. К 1960-м годам частнокапиталистического сектора в эко- номике КНДР фактически не осталось, и до 1990-х годов возможности развития рыноч- ных отношений строго ограничивались⁸. В условиях дефицита продуктов питания систе- ма нормированного распределения по карточкам, по сути, являлась единственным регу- лятором потребительского рынка⁹.

Характеризуя «модель» народнохозяйственного комплекса, к реализации кото- рой стремилось руководство КНДР в начале 1980-х годов, Г.Д. Толорая выделяет такие ее черты как «собственная сырьевая база, собственное производство орудий труда, мно- гоотраслевой характер экономики», а также независимость от внешних факторов разви- тия. При этом, несмотря на пропаганду «опоры на собственные силы», КНДР с самого начала существенно зависела от внешних экономических связей. Для этого были как объективные, так и субъективные причины. С одной стороны, в достаточно богатой по- лезными ископаемыми Северной Корее, тем не менее, нет таких важных ресурсов, как нефть, газ и коксующийся уголь, что обусловило зависимость КНДР от внешних поста- вок нефти и кокса, а также других видов сырья. Низкий уровень экономического разви- тия послевоенной Кореи также требовал масштабных материальных и технологических вливаний из-за рубежа. Кроме того, особенности международной обстановки периода хо- лодной войны, наличие социалистического блока и геополитическое положение КНДР позволяли руководству страны получать льготную помощь из-за рубежа, часто в кредит.

После распада социалистического блока экономическая система страны оказалась не готова к разрыву важных для функционирования хозяйства внешних связей, что привело к кризису 1990-х годов, особенно остро проявившемуся в продовольственной, энергетической и транспортной сферах. Экономический кризис усугубился из-за постигших страну во второй половине 1990-х годов стихийных бедствий и привел к голоду, затронувшему значительную часть населения страны. Карточная система рухнула, а государство оказалось не способно удовлетворить даже базовые потребности граждан. В 1995 г. КНДР официально попросила помощи у ООН и иностранных государств — впервые с момента основания страны¹⁰. Северные корейцы были вынуждены проявлять частную инициативу, начать обмениваться, торговать, заниматься контрабандой из Китая для обеспечения собственного выживания и пропитания¹¹. В условиях снижения государственного контроля расширялась «внеплановая» самостоятельность производственных единиц. Все большее значение в удовлетворении потребностей населения стала приобретать сфера торговли и рыночные отношения (при сокращении доли снабжения через государственную распределительную систему). Изначально власти терпели происходившие процессы маркетизации как «временную меру» в борьбе с «временными трудностями»¹², однако в отсутствие альтернативы развитие Северной Кореи пошло по пути формирования смешанной экономики.

Кризис 1990-х годов стал поворотным моментом для социально-экономической системы КНДР, вызвав к жизни существенные институциональные изменения в экономической сфере. Не имея возможности полностью восстановить прежние социалистические порядки, руководство Северной Кореи пошло на официальное признание и закрепление части начавших происходить в экономической системе в 1990-е годы изменений¹³. После внесения поправок в Конституцию КНДР в 1998 г. в ней появились такие понятия, как стоимость, цена, прибыль, свойственные капиталистической модели развития. Таким образом, стала создаваться гибридная институциональная среда, сочетавшая как социалистические, так и капиталистические правила и нормы¹⁴.

Была проведена ограниченная реформа (известная под названием «государственные меры от 1 июля 2002 г.»), затронувшая некоторые показатели, характеризующие переход экономики к рынку (цены, зарплату, самостоятельность предприятий в рамках хозрасчета). При формальном сохранении государственной собственности на средства производства наметился частичный отход от планово-централизованной системы управления¹⁵. Официальное признание получили рынки, на которых можно было продавать и покупать товары с некоторыми ограничениями. Государство повысило зарплаты и официальные цены, сделав последние ближе к рыночным. Расширилась самостоятельность госпредприятий, что давало возможность их директорам продавать продукцию, произведенную сверх плана¹⁶. В результате развитие северокаорейского экономического комплекса стало протекать в условиях сочетания централизованного планирования с элементами рыночной экономики.

В основу управления предприятиями в КНДР долгие годы была положена внедренная в 1961 г. Транская система работы. Ее суть — коллективное руководство, которое осуществляет партийный комитет в целях усиления политического руководства и сочетания политической работы с административно-хозяйственной деятельностью. Таким образом, единоначалие директора предприятия было отменено и заменено на коллективное руководство парткома во главе с партийным секретарем. В то же время уже с 1970-х годов руководство страны начинает уделять внимание использованию экономических рычагов в экономике (прежде всего в форме хозрасчета)¹⁷, однако их реальное применение фактически началось в КНДР только после кризиса 1990-х годов.

В 1990-е годы стали создаваться условия для формирования *de facto* частных предприятий. Однако соответствующего юридического оформления в КНДР они не получали, и их функционирование осуществлялось под вывеской государственных учреждений¹⁸.

В 2000-е годы подобные «квазигосударственные предприятия» продолжили свое развитие в различных сферах — от добывающей промышленности и рыболовства до сферы услуг. В области производства потребительской продукции малые и средние предприятия КНДР по сути стали функционировать на принципах самофинансирования и самоуправления, что было вызвано, прежде всего, дефицитом сырья и инвестиций в этой сфере¹⁹.

При Ким Чен Ыне официальный рыночный сектор получил дальнейшее развитие. Если в 2010 г. в КНДР насчитывалось около 200 рынков, то в 2016 г. их стало уже более 400²⁰.

В управлении государственными предприятиями стали происходить институциональные перемены, что отразилось в поправках к Закону КНДР о предприятиях, принятых в 2014 г. В частности, в главе 3 новой редакции Закона, посвященной органам управления предприятий, не упоминается Тэанская система работы, а права директора по управлению предприятием существенно расширились. В частности, директорам гарантированы широкие права по участию во внешней торговле, созданию совместных предприятий, а также предусмотрена возможность привлечения инвестиций от частных корейских инвесторов²¹. Институционализация отдельных рыночных элементов, таким образом, была нацелена на создание благоприятных условий для экономического роста с использованием как внешних, так и внутренних факторов.

В сельском хозяйстве кооперативы, которые раньше практически весь полученный урожай сдавали государству, теперь получили возможность самостоятельно распоряжаться существенной частью выращенной продукции (по разным данным, от 30 до 50%) — как в производственных целях, так и для распределения среди членов кооператива в зависимости от объема произведенной ими продукции.

В целом, среди основных принципов управления экономикой в печатных северокорейских изданиях при Ким Чен Ыне свое место прочно заняли слова о материальном стимулировании и максимальном обеспечении практической выгоды в хозяйственных делах²². Внедряемые при молодом лидере «методы экономического управления нашего образца» позволяют и даже поощряют использование частных инвестиций. Если в рамках этого тренда государство пойдет на хотя бы ограниченное официальное признание частной собственности на средства производства, это будет означать коренные перемены в экономической системе страны²³.

Модель современной экономики КНДР

На современном этапе в экономике КНДР по сути сосуществуют социалистические и капиталистические институты и принципы функционирования. К первым относятся, прежде всего, сохраняющаяся общественная форма собственности на средства производства, административно-плановый характер производства, государственная система распределения (в существенно сократившемся виде), методы нематериального стимулирования (например, массовые мобилизационные компании под идеологическими лозунгами). Капиталистические элементы широко представлены в виде распространения товарного обмена, расширения форм самостоятельного материального обеспечения производства, включая привлечение частных инвестиций, а также производственных процессов, направленных на извлечение прибыли и включающих меры материального стимулирования работников. На макроуровне в структуре современной экономики КНДР можно выделить несколько ключевых сфер в зависимости от преобладающего механизма управления (централизованное планирование или рыночные отношения) и основы для принятия решений хозяйственными субъектами (директивы государственных органов или частная инициатива, основанная на поиске материальной выгоды).

К первой сфере можно отнести военно-промышленный комплекс, управление которым сохраняется в руках государства и основано на социалистических принципах.

Для его работников во многом сохраняется карточная система обеспечения продовольствием и товарами первой необходимости, существуют плановые задания и материальное снабжение для предприятий. При этом, по некоторым данным, и в этой сфере начались процессы децентрализации, проявляющиеся, например, в функционировании коммерческих фирм, связанных с экспортом вооружений²⁴.

Оценить объемы северокорейского ВПК довольно сложно. В расходах госбюджета КНДР на оборону выделяется около 16%²⁵. Однако весьма вероятно, что часть расходов на «строительство экономической державы» (47,5%) также в первую очередь направляется в предприятия, обслуживающие нужды ВПК.

Вторая сфера настоящей модели представлена гражданской экономикой, которая функционирует на основе сочетания планирования и рыночных отношений. В ней можно выделить несколько секторов:

- сельское хозяйство (сельхозкооперативы), сочетающие административные методы управления с частичной самостоятельностью в хозяйственной деятельности и материальным стимулированием;

- ряд крупных структурообразующих объектов промышленности и инфраструктуры, включая энергетику, крупные оросительные хозяйства, находящиеся под государственным управлением и финансированием²⁶;

- средние и малые предприятия, производящие потребительские товары. Им частно свойственна самостоятельная организация снабжения и сбыта (после выполнения плана, если он есть); присутствуют частные, кооперативные, смешанные формы бизнеса²⁷;

- сфера услуг, в которую входят государственные услуги (образование, здравоохранение и т.п.) и коммерческие услуги, включая торговлю, рестораны, коммерческие перевозки, туризм, финансовые услуги и т.п. Рыночный сектор услуг в последние годы бурно развивается, при этом, по южнокорейским оценкам, доля государственных услуг в ВВП КНДР в 2,5 раза больше, чем негосударственных²⁸.

В третью сферу входят специальные экономические зоны, функционирующие на капиталистических принципах с привлечением иностранного капитала. Среди них — Расон, Кымгансан (до 2008 г.) и Кэсон (до 2016 г.), а также потенциально — зоны экономического развития, о создании которых было объявлено в 2013 г.

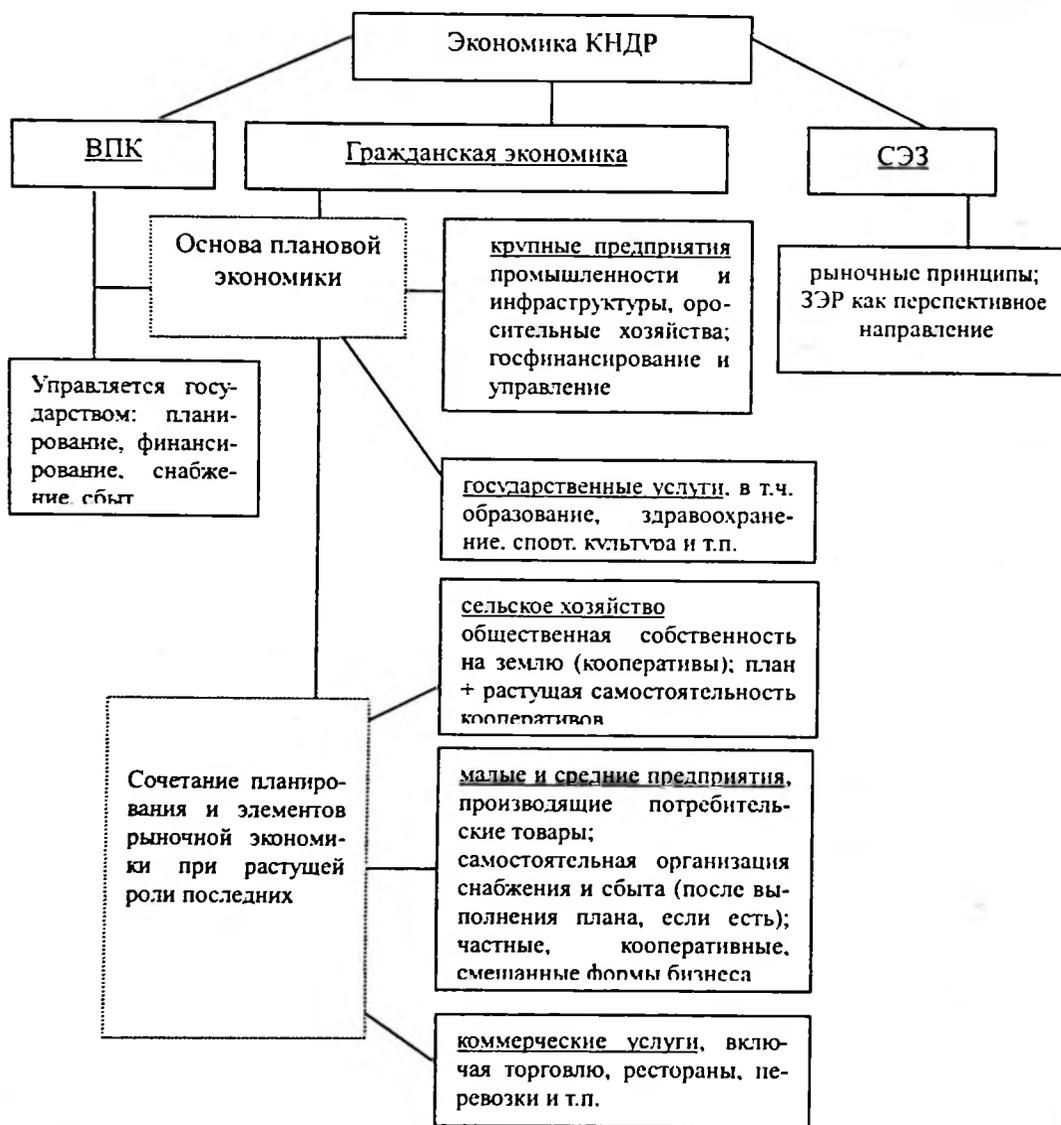
Описанную таким образом структуру северокорейской экономики можно представить в виде совокупности переменных, учитывающих в том числе преобладающие в каждой из сфер механизмы управления:

$$\Sigma = Dp + (Ap + Am) + (Ip + Im) + (Sp + Sm) + Zm,$$

где Σ — экономика КНДР; Dp — это ВПК, функционирующий в рамках плановой экономики; Ap — плановый сектор сельского хозяйства; Am — рыночный сектор сельского хозяйства; Ip — плановый сектор гражданской промышленности; Im — рыночный сектор гражданской промышленности; Sp — сфера государственных услуг; Sm — сфера коммерческих услуг; Zm — специальные экономические зоны (рыночный сектор).

Данная совокупность может быть применена и к описанию структуры ВВП КНДР, если заменить входящие в нее переменные статистическими данными о стоимости произведенных в каждой из выделенных сфер товаров и услуг за конкретный год. Подобная задача выглядит нетривиальной в условиях острой нехватки статистических данных по экономическому развитию КНДР на современном этапе. Автор данного исследования попытался приблизиться к ее решению, используя данные о структуре ВВП КНДР за конкретный год на основе имеющейся статистики. В распоряжении автора имеются статистические данные за 2013 г. из первоисточника (КНДР), Статистического подразделения ООН, а также Банка Кореи (РК). При этом данные по структуре ВВП КНДР от ООН и Банка Кореи совпадают, поэтому анализ проводится с учетом данных из двух источников.

Ниже представлено графическое изображение описанной структуры.

По статистике КНДР, в ВВП страны за 2013 г. (около 25 млрд долл.) на долю промышленности приходилось 41,4%, на сельское хозяйство — 12,6%, строительство — 13,5%, другие отрасли — 32,5%²⁹. По данным Банка Кореи, на промышленность, включая электроэнергетику и водоснабжение, в ВВП КНДР в том же году пришлось 39,8%, сельское хозяйство, лесное и рыбное хозяйство — 22,4%, строительство — 7,8%, сферу услуг — 30%³⁰. Учитывая некоторые расхождения в данных из двух источников, представляется целесообразным вычислить средние значения и представить их в виде равенства, характеризующего структуру ВВП КНДР в 2013 г. Таким образом, мы получим соотношение различных сфер экономики КНДР, выраженное через показатель их доли в ВВП страны:

$$\text{ВВП КНДР} = A (17,5\%) + I (40,6\%), + C (10,65\%) + S (31,25\%),$$

где *A* — сельское хозяйство и рыболовство; *I* — промышленность; *C* — строительство; *S* — сфера услуг.

Структура ВВП в условиях стабильного развития без особых потрясений является относительно устойчивым соотношением удельного веса различных секторов. Строительство, выделяемое в статистике КНДР, осуществляется на основе сочетания рыночных принципов и планирования. Путем сопоставления двух равенств и экстраполяции количественных данных о структуре ВВП КНДР на модель структуры всей экономики мы можем представить последнюю в следующем виде:

$$\Sigma = 17,5\%(A_p + A_m) + 40,6\%(D_p + I_p + I_m) + 10,65\%(C_p + C_m) + 31,25\%(S_p + S_m) + Z_m,$$

где *C_p* — строительство в рамках плана; *C_m* — строительство на рыночных принципах.

Статистических данных о доле СЭЗ в ВВП КНДР в открытом доступе нет, однако исходя из отраслевой специфики и методов управления, производимые в рамках СЭЗ товары и услуги можно было бы внести в доли рыночного сектора гражданской промышленности и строительства, а также сферы коммерческих услуг. В представленной модели, тем не менее, целесообразно сохранить отдельно выделяемую переменную *Z_m*, учитывая политику руководства страны, направленную на существенное увеличение количества СЭЗ и привлечение в них инвестиций.

Прогрессивная роль СЭЗ в КНДР заключается в том, что здесь проходят адаптацию рыночные методы, включая конкуренцию и условия найма северокорейской рабочей силы³¹. Изначально они создавались как изолированные анклав для привлечения иностранных инвестиций (Расон, Синийджу, Кымгансан, Кэсон) и заработка иностранной валюты. Однако после принятия в 2013 г. Закона о зонах экономического развития стало возможно их функционирование как территорий с льготным режимом для инвесторов, работающих на рыночных принципах. Причем законодательство КНДР предполагает возможность для предприятий из ЗЭР приобретать на территории КНДР вне соответствующей экономической зоны нужные для хозяйственной деятельности сырьевые и материальные ресурсы или продавать выпускаемые ими изделия³². При определенных условиях и поощрении местных властей это может привести к росту количества подобных районов (их уже заявлено более 20), использование выгодных условий которых может способствовать развитию местного предпринимательства.

Из представленной выше модели видно, что на современном этапе КНДР является индустриальным государством с достаточно крупным сельскохозяйственным сектором и среднеразвитым сектором услуг, которые функционируют в условиях смешанной экономики. С точки зрения институциональной основы экономическая система КНДР пока не сильно изменяется, так как сохраняется общественная собственность на средства производства. С точки зрения механизма управления экономикой — происходят подвижки, так как планирование по сути сочетается с самостоятельными (в рамках имеющихся ресурсов или возможностей их получения) решениями предприятий и домохозяйств. С точки зрения основы для поведения потребителей и производителей также можно отметить сочетание указаний сверху и стремления к получению прибыли.

Руководство страны при Ким Чен Ыне активно использует распространяющиеся в обществе рыночные процессы для извлечения прибыли и достижения экономического роста, по сути поощряя дальнейшее использование капиталистических методов хозяйствования в тех сферах, где государственных ресурсов не хватает. Происходит сращивание планового и рыночного секторов, их взаимопроникновение и даже в некоторой степени симбиоз. Однако внутренних ресурсов КНДР недостаточно для обеспечения необходимых инвестиций в модернизацию инфраструктуры и производственных мощностей, а также полноценного удовлетворения потребностей населения, особенно возросших в последние годы. В связи с этим северокорейское руководство продолжает курс на рас-

ширение внешнеэкономических связей как через развитие торговли, так и с использованием инструментов СЭЗ. Таким образом, в самой структуре современной северокорейской экономики заложен потенциал ее трансформации по пути расширения рыночного сектора, прежде всего в сфере производства продукции широкого потребления, строительства и услуг, а также внешнеэкономического сотрудничества.

Перспективы трансформации структуры экономики КНДР

Ключевыми факторами, влияющими на изменение структуры экономики КНДР в мирных условиях в среднесрочной и долгосрочной перспективе, являются внутренний (экономическая политика государства) и внешний (позиция иностранных государств по вопросу развития экономических отношений с КНДР — санкции или сотрудничество). В зависимости от их действия и сочетания будет происходить и процесс изменений в экономике страны. Рассмотрим 4 сценария развития событий.

Внутренний фактор / Внешний фактор	Поощрение рыночных отношений, рыночные реформы	Ужесточение госконтроля, наступление на частный сектор
Ослабление санкций, расширение торгово-экономического сотрудничества, приток иностранных инвестиций в КНДР	Сценарий 1	Сценарий 2
Усиление международных экономических санкций, экономическая изоляция КНДР	Сценарий 3	Сценарий 4

Сценарий 1, при котором и внутренние, и внешние факторы благоприятствуют изменениям в северокорейской экономике в сторону распространения рыночных элементов, вплоть до проведения системной рыночной реформы с частичной приватизацией. В структуре экономики при этом возможен быстрый рост удельного веса рыночного сектора сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг (с возможностью перехода части государственно-планового сектора на капиталистические принципы функционирования). Роль специальных экономических зон в северокорейской экономике тоже существенно повысится как количественно, так и качественно. Внешнеэкономическое сотрудничество при этом сможет играть роль катализатора (через механизм СЭЗ) изменений с перспективой интеграции КНДР в региональные экономические просекты.

В настоящее время, учитывая сохранение жестких санкций СБ ООН против КНДР, развитие подобного сценария выглядит маловероятным. Однако именно благоприятные внешние условия необходимы северокорейскому руководству для проведения в стране системных реформ, о важности которых многие десятилетия говорят специалисты, указывая на пример Китая (или Вьетнама). Тем не менее, возможности использования китайского опыта у КНДР ограничены. В отличие от КНР, население которой накануне начала «политики реформ и открытости» было преимущественно аграрным (83,3%³³), по данным переписи 2008 г., в сельском хозяйстве Северной Кореи было занято лишь 36% экономически активного населения³⁴, поэтому системные реформы в КНДР не могут начинаться с реформ в аграрном секторе в той степени, в которой это было в Китае. Сельское хозяйство КНДР также существенно зависит от промышленности, а именно от удобрений и электроэнергии для ирригации. В связи с этим именно крупный промышленный сектор должен будет стать локомотивом процесса трансформации всей экономической системы страны, подтягивая за собой сферу услуг³⁵.

Как отмечают специалисты, рост гражданских отраслей экономики КНДР в последние годы обеспечивается не только бюджетными ассигнованиями, но и деятельностью своеобразных «чеболей» в их северокорейском варианте (например, группы «Тэсон», «Мокран», «Кымган»), представляющих собой горизонтально интегрированные предприятия из различных сфер (от производства до услуг), выросшие из государственных или даже военных структур³⁶. Руководство КНДР могло бы использовать элементы южнокорейской модели догоняющего развития, сочетавшей государственное планирование с созданием условий для роста крупного частного бизнеса. При этом важным фактором будет являться налаживание внешнеэкономического сотрудничества для обеспечения материальной базы реформ.

Сценарий 2 теоретически возможен, но в короткий период (с переходом в сценарий 4). Например, если КНДР удастся добиться ослабления санкций и расширения внешнеэкономического сотрудничества, но для поддержания внутренней стабильности (сохранения нынешней политической системы) руководство примет решение о сворачивании рыночных реформ и усилении государственного контроля над обществом и экономикой. Это быстро приведет к новым санкциям и оттоку иностранного капитала, оставив КНДР в экономической изоляции. Структура экономики КНДР в этом случае может потерять важные рыночные элементы развития (например, в сельском хозяйстве крестьяне обжуют вновь весь урожай сдавать государству, в промышленности национализировать нужные государству де-факто частные производства, репрессировав обогатившихся «капиталистов»), а ограниченные ресурсы будут распределяться в пользу государственного сектора.

Сценарий 3 в умеренном варианте разворачивается в настоящее время. В условиях жестких внешних ограничений для экономического сотрудничества и привлечения капитала из-за рубежа руководство КНДР фактически поощряет развитие рыночных отношений, поскольку государство имеет с этого прибыль (в виде квазиналогов и сборов), а также использует рыночные механизмы для снабжения планового сектора и достижения экономического роста³⁷. Однако системные реформы при наличии внешней угрозы вряд ли будут проведены, оставляя возможности для устойчивого сбалансированного развития экономики ограниченными.

При этом насущная необходимость внешних экономических связей для заработка валюты и функционирования экономики будет вынуждать северных корейцев использовать нелегальные схемы (контрабанда, иностранные посредники и т.д.) и не запрещенные санкциями пути внешнеэкономической деятельности (криптовалюта, въездной туризм и т.п.). В этом сценарии структура экономики КНДР не претерпит существенных изменений в обозримом будущем. Серьезными препятствиями для достижения устойчивого экономического роста будут являться нехватка электроэнергии и сырья, а также требующая модернизации инфраструктура³⁸.

Сценарий 4 теоретически может воплотиться как продолжение второго или третьего сценария, если руководство КНДР, ощущая внешнюю угрозу, начнет чувствовать и угрозу стабильности режима, исходящую от растущего рыночного сектора. Попытки наступления на рыночный сектор в современной истории КНДР уже предпринимались. Самой радикальной из них была денежная реформа 2009 г., которая фактически обесценила сбережения граждан в национальной валюте³⁹. Ее непреднамеренным результатом стало расширение использования иностранной валюты в неофициальном секторе экономики и дальнейшее распространение частных финансовых услуг.

В настоящий момент сценарий 4 выглядит маловероятным, поскольку в неблагоприятных внешних условиях именно рыночные механизмы позволяют руководству КНДР поддерживать функционирование экономики. Стратегия Ким Чен Ына заключается в том, чтобы послабления в экономической области сопровождалось закручиванием гаек во внутривнутриполитической сфере, что позволяет сдерживать даже намеки на недовольство со стороны населения и элиты. Результаты западных исследований показывают,

что пока руководству КНДР удается предотвращать появление опасных для него политических последствий развития рыночного сектора⁴⁰.

* * *

Подводя итог, можно выделить ключевые тенденции и принципы функционирования экономики КНДР на современном этапе.

С одной стороны, в условиях невозможности государства обеспечить все необходимые ресурсы для планового развития во всех отраслях, в сфере гражданской экономики и секторе услуг растет частная инициатива граждан в организации производства и обеспечении потребления. Под брендом «нашего метода управления экономикой», при котором рыночные механизмы используются в качестве дополнительных в рамках плановой экономики, продолжаются поиски «своего пути» в обновлении экономической модели посредством осторожных экспериментов⁴¹.

Ключевой вопрос, определяющий дальнейшие перспективы трансформации экономики КНДР, — как обеспечить институциональные рамки де-факто частных (или государственно-частных) производств и компаний в условиях формального сохранения общественной собственности на средства производства. В настоящее время значительная часть рыночных отношений в экономике КНДР является юридически незаконной, что оставляет для руководства страны широкие возможности по «сворачиванию рыночного эксперимента». Однако наступление на частнокапиталистические элементы, от которых во многом зависит работа и государственно-планового сектора (особенно в части снабжения и внутренних инвестиций), при неблагоприятных внешних условиях представляется маловероятным.

Для повышения производительности труда и развития импортозамещающих производств с целью достижения самообеспеченности страны руководство КНДР делает ставку на науку и современные технологии⁴². Однако без крупных инвестиций в транспортную инфраструктуру и энергетику создать условия для устойчивого роста экономики вряд ли удастся. Внутренних ресурсов на это не хватит, необходимы финансовые, материальные и технологические вливания из-за рубежа. В связи с этим руководству КНДР придется продолжать курс на выход из санкционной изоляции для расширения внешнеэкономического сотрудничества. В случае успешного решения задачи по восстановлению отношений с другими странами продвигаемые руководством КНДР зоны экономического развития могут стать плацдармом (и одновременно тестовыми площадками для законодательных инициатив) дальнейшего распространения рыночных отношений в экономической системе страны.

-
1. Корея сегодня. 2018. № 5. С. 15.
 2. North Korea threatens to restart nuclear program unless U.S. lifts sanctions // Washington Post. 03.11.2018.
 3. Kim Jong Un, Xi Jinping held fourth summit on Tuesday, Xinhua confirms // NK News. 10.01.2019. URL: <https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-held-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confirms/> (дата обращения: 11.01.2019).
 4. Неспоконное соседство: проблемы Корейского полуострова и вызовы для России: коллективная монография / [А.В. Торкунов и др.]; под ред. Г.Д. Толорая; МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2015. 344 с.
 5. *Lim Jae-Cheon*. Institutional Change in North Korean Economic Development since 1984: The Competition between Hegemonic and Non-Hegemonic Rules and Norms // Pacific Affairs. 2009. Vol. 82. No. 1. P. 9–27.
 6. *Hong Jae Hwan*. North Korean Economy in the Kim Jong-un Regime / Korea Institute for National Unification // Study Series 18–03. August 2018. 66 p.

7. Толорая Г.Д. Народнохозяйственный комплекс КНДР. М., 1984. С. 6–7.
8. Dukalskis A. North Korea's Shadow Economy: A Force for Authoritarian Resilience or Corrosion? // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No. 3. P. 494.
9. Непокойное соседство... С. 70.
10. Smith H. North Korea: markets and military rule. Cambridge University Press, 2015. P. 201.
11. Ibid. P. 206.
12. Ibid.
13. Lim Jae-Cheon. Op. cit. P. 10.
14. Ibid. P. 20.
15. Непокойное соседство... С. 57.
16. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 23–24.
17. Синицын Б.В. Корейская Народно-Демократическая Республика (К 40-летию освобождения Кореи). М.: Знание, 1985. С. 29–30.
18. Lankov Andrei, Ward Peter, Yoo Ho-yeol, Kim Ji-young. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // *Journal of East Asian Studies*. 2017. No. 17. P. 51.
19. Непокойное соседство... С. 61.
20. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 33.
21. Ward Peter. Market Reforms with North Korean Characteristics: Loosening the Grip on State-Owned Enterprises. URL: <https://www.38north.org/2017/12/pward122117/> (дата обращения: 15.09.2018).
22. О Корее. 5. Экономика. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 2016. С. 10–12.
23. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 28.
24. Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П.Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2018. Т. 3: Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / отв. ред. Г.Д.Толорая. С. 123.
25. ЦТАК. 30.03.2016.
26. Постсоциалистический мир... С. 123.
27. Непокойное соседство... С. 62.
28. The Bank of Korea. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2017. Press Release. 20.07.2018.
29. Investment Guide to the Democratic People's Republic of Korea / DPRK: Korea Foreign Investment and Economic Cooperation Committee. 2016. P. 18.
30. The Bank of Korea. Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2014. Press Release. 17.07.2015.
31. Непокойное соседство... С. 64.
32. Внешняя торговля КНДР. 2015. № 4. С. 5.
33. Пивоварова Э.П. Социализм с китайской спецификой. М.: ИД «ФОРУМ», 2011. С. 71.
34. DPR Korea 2008 Population Census National Report / Central Bureau of Statistics. Pyongyang, 2009. P. 195.
35. Haggard S., Noland M. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford (Ca): Stanford University Press, 2017. P. 235.
36. Новации во внешней и внутренней политике КНДР. Реакция основных региональных акторов // «У карты Тихого океана». Информационно-аналитический бюллетень № 37 (235). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. С. 17.
37. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 37.
38. Increasing autonomy for North Korean enterprises // *Daily NK*. 10.09.2018. URL: <https://www.dailynk.com/english/increasing-autonomy-for-north-korean-enterprises/> (дата обращения: 14.01.2019).
39. Lankov A. The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia. NY: Oxford University Press, 2013. P. 126–129.
40. Dukalskis A. Op. cit. P. 489.
41. Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография / под ред. Г.Д.Толорая; Институт экономики РАН. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2016. С. 130.
42. Hong Jae Hwan. Op. cit. P. 24.

Торгово-экономическое сотрудничество Японии и стран АСЕАН: двусторонние и многосторонние форматы

© 2019

Я.В. Мищенко

Статья посвящена анализу современного состояния торгово-экономических отношений между Японией и странами АСЕАН. Проведен комплексный анализ основных форм экономических связей между странами — торговли, инвестиций, официальной помощи развитию — в первые две декады XXI в. Приводятся новейшие статистические данные за 2017 г. из оригинальных японских источников. Среди стран АСЕАН выделяются ключевые партнеры Японии по каждому из трех основных направлений экономического сотрудничества, фиксируются последние актуальные тенденции его современного состояния и развития. Также проводится анализ наиболее актуальных и действенных в XXI в. форматов многостороннего сотрудничества Японии и АСЕАН.

Ключевые слова: Япония, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, торговля, официальная помощь развитию, инвестиции.

DOI: 10.31857/S013128120004644-9

Страны Юго-Восточной Азии — давние партнеры Японии по внешнеэкономическим связям. Во второй половине XX в. стороны сыграли важную роль в экономике друг друга: Япония черпала в этих странах недостающие ресурсы, переносила туда производственные базы, чтобы экономить на стоимости рабочей силы, ресурсов и удерживать международную конкурентоспособность своей продукции. В то же время Япония оказывала странам ЮВА содействие в их экономическом развитии: передавала отработанные у себя технологии, которых еще не имели эти страны, была привлекательным, богатым капиталом экономическим партнером, оказывала разнообразную помощь, в частности «официальную помощь развитию». Экономические отношения Японии со странами АСЕАН, в целом, носят стабильный и позитивный характер — здесь нет места острой конкуренции, торговым войнам и другим тревожно негативным тенденциям. Однако они развиваются не обособленно от остальных стран мира, а на фоне и в канве глобальных и региональных экономических тенденций, взаимосвязей и взаимозависимостей. С одной стороны, страны стремятся к заключению всеобъемлющих интеграционных соглашений нового поколения, формированию зон свободной торговли и снятию барьеров в торговле и инвестировании. С другой стороны, в воздухе витает угроза торговых войн между крупнейшими региональными акторами — США и Китаем. Страны АСЕАН, как правило, выступающие сателлитами в их региональных интересах, зачастую даже играющие на их противоречиях и конфликтах интересов, чтобы получить как можно больше инвестиционных потоков от них, вряд ли смогут оставаться в стороне от этих тенден-

ций. К процессу формирования масштабных зон свободной торговли многие из них уже примкнули: Малайзия, Бруней, Сингапур и Вьетнам являются членами проекта формирования Транстихоокеанского партнерства, лидером в котором были США, а после их выхода из проекта в 2017 г. лидерство взяла на себя Япония. В проекте Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) участвуют все страны АСЕАН, а также Китай, Индия, Япония, Республика Корея, Австралия и Новая Зеландия — 6 государств, с которыми у АСЕАН подписаны соглашения о свободной торговле. Если лидерство США в ТТП создавало риски и для Японии, и для отдельных стран АСЕАН стать членами сразу двух по сути противостоящих друг другу региональных мегапроектов — одного под предводительством США, другого под предводительством Китая, которые в последнее время находятся фактически на грани масштабных торговых войн, — то лидерство Японии в новом проекте Всеобъемлющего прогрессивного транстихоокеанского партнерства несколько смягчило это намечающееся противостояние. Впрочем, если США вернуться в ТТП, страны АСЕАН и Япония могут оказаться вовлеченными в весьма остроугольный формат торговых отношений в регионе. Чтобы ответить на вопрос, достаточным ли запасом прочности обладают экономические отношения Японии и стран АСЕАН в XXI в., чтобы противостоять возможным негативным фоновым тенденциям глобальных и региональных экономических отношений, а также использовать максимум преимуществ от формирования мегаблоков по развитию преференциальной торговли и инвестициям, проанализируем двусторонние и многосторонние форматы экономического сотрудничества Японии и государств АСЕАН. Рассмотрим, с какими показателями внешнеэкономического сотрудничества Японии и страны АСЕАН вступили в новый век и случились ли за почти две его декады какие-либо существенные изменения, какова динамика в отношениях сторон. Проведем комплексный анализ экономических связей Японии со странами АСЕАН, основу которых традиционно составляют торговля, инвестиционное сотрудничество, а также японская официальная помощь развитию этим странам — в контексте двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества Японии со странами АСЕАН.

Современное состояние двусторонних торгово-экономических связей Японии и стран АСЕАН

Говоря о роли стран АСЕАН в современной японской торговле, следует отметить, что в 2001 г. Сингапур, Таиланд и Малайзия занимали 7-ю, 9-ю и 11-ю позиции соответственно среди крупнейших торговых партнеров Японии по экспорту с суммарной долей в японском экспорте равной 9,2%. В это же время Индонезия и Малайзия входили в число 10 крупнейших торговых партнеров Японии по импорту (4-я и 8-я позиции соответственно, суммарная доля в японском импорте — 8%). Первую, вторую и третью строчки среди основных стран и экспортеров, и импортеров для Японии занимали США, КНР и Южная Корея¹. Таким образом, можно сделать вывод, что *Япония в начале XXI века больше была обращена в сфере внешней торговли к США, крупным экономикам Северо-Восточной Азии, нежели к странам Юго-Восточной Азии, но вместе с тем у них есть определенная, довольно заметная ниша в торговле с Японией.*

В 2000–2005 гг. в перечне основных торговых партнеров Японии произошли относительно стран Юго-Восточной Азии следующие изменения: в 2000 г. 6-м в рейтинге крупнейших партнеров Японии по экспорту был Сингапур (4,3% японского экспорта), 9-е и 10-е место занимали Малайзия и Таиланд соответственно (2,9% и 2,8%); в 2005 г. Таиланд занимал 6-е место среди крупнейших партнеров Японии по экспорту (3,8%), Сингапур — 8-е место (3,1%). В географической структуре японского импорта в 2000 г. Индонезия занимала 5-е место среди крупнейших партнеров Японии (4,3% японского импорта), Малайзия — 8-е место (3,8%); в 2005 г. Индонезия занимала 7-е место в рейтинге крупнейших партнеров Японии по импорту (4%), Таиланд — 10-е место (3%)². Исходя из этих данных, можно определить страны ЮВА, которые являются *основными внешнеторгов-*

ми партнерами Японии среди стран данного субрегиона. Это Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия — то есть экономически более развитые страны ЮВА. Причем Таиланд и Малайзия значатся как в рейтинге крупных стран-экспортеров, так и импортеров для Японии, что свидетельствует о сбалансированном характере торговли с этими государствами и отсутствии перспектив возникновения проблемы дефицита платежного баланса в торговле с ними. Разумеется, эта ситуация может измениться с течением времени, однако в целом в рассматриваемый период это позволяет сделать вывод о более-менее благоприятном экономическом фоне торговых отношений между странами.

Таблица № 1

Удельный вес стран АСЕАН во внешней торговле Японии, %

Страна	2010		2015		2017	
	Доля в экспорте Японии	Доля в импорте Японии	Доля в экспорте Японии	Доля в импорте Японии	Доля в экспорте Японии	Доля в импорте Японии
АСЕАН	14,7	14,6	15,2	15,1	15,2	15,3
Сингапур	3,3	1,2	3,2	1,2	3,2	1,3
Таиланд	4,4	3	4,5	3,2	4,2	3,4
Малайзия	2,3	3,3	1,9	3,3	1,8	2,9
Индонезия	2,1	4,1	1,9	3,1	1,9	3
Филиппины	1,4	1,1	1,5	1,4	1,6	1,5
Бруней	0	0,6	0	0,4	0	0,3
Вьетнам	1,1	1,2	2	2,3	2,2	2,8
Лаос	0	0	0	0	0	0
Мьянма	0	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2
Камбоджа	0	0	0,1	0,2	0,1	0,2

Источник: *Japanese Trade and Investment Statistics / JETRO.*

URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html>.

Статистические данные (табл. 1) показывают, что во второй декаде XXI в. возрастают объемы торговли Японии и Вьетнама. Несколько снизились в стоимостном выражении объемы торговли с Индонезией, однако в целом целесообразно сделать вывод, что в контексте торговли с Японией вплоть до настоящего времени АСЕАН относительно непропорционально сегментируется на группу стран, экономически более развитых или в данное время успешно развивающихся, с которыми у Японии более эффективно налажены взаимные торговые связи (Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Вьетнам) и страны, у которых торговые отношения с Японией развиты гораздо слабее (Лаос, Мьянма и Камбоджа, Бруней — за исключением определенных объемов энергетического экспорта в Японию). Так, в 2016 г. Бруней поставил в Японию 5,5 млрд куб. м сжиженного природного газа из суммарно экспортированных им 8,3 млрд куб. м СПГ, то есть из общего объема брунейского экспорта СПГ более 66% было направлено в Японию³).

В 2017 г. доля АСЕАН в экспорте Японии составила 15,2%, в импорте Японии — 15,3%. Таким образом, можно говорить о том, что экспорт и импорт Японии и стран АСЕАН носит в настоящее время *сбалансированный характер* по его стоимости: так, экспорт в АСЕАН в стоимостном выражении составлял в 2017 г. 105,7 млрд долл., а импорт из АСЕАН в Японию — 102,7 млрд долл.⁴

Что касается *товарной номенклатуры торговли Японии и стран АСЕАН*, то основными статьями японского экспорта в Индонезию, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Малайзию в 2016 г. были: продукция машиностроения и промышленные товары, электрооборудование, транспортное оборудование и химикаты. Тогда как основными статьями японского импорта из этих стран является минеральное топливо, нефть, сырье — из Индонезии

и Малайзии; продукты питания, мясо, рыба, моллюски, а также сырье — из Таиланда, Сингапура и Вьетнама; при этом из этих стран АСЕАН Япония также ввозит промышленные товары, электрооборудование, продукцию машиностроения, химикаты⁵ — то есть те же, по сути, категории продукции, что сама им поставляет. Можно сделать вывод, что у Японии есть четкая международная специализация в торговле со странами АСЕАН — причем она весьма однородна относительно всех торговых партнеров Японии по Ассоциации. Анализ товарной структуры японского экспорта и импорта из стран — основных торговых партнеров АСЕАН на современном этапе позволяет сделать следующие выводы:

1) страны АСЕАН — значимые для Японии поставщики минерального топлива, сырья, продуктов питания, морепродуктов. Это стратегически важный импорт, так как уровень самообеспеченности Японии энергоресурсами и продовольствием весьма низкий;

2) в товарной структуре японского экспорта в страны АСЕАН преобладает продукция машиностроения, промышленные товары, электрооборудование, однако эти же статьи товаров являются в ряде случаев крупнейшими статьями японского импорта из стран АСЕАН. Такую специфику двусторонней торговли можно, вероятно, объяснить тем, что с 1970–1980 гг. японские компании активно переносили производство в эти страны, получая конкурентные ценовые преимущества ввиду более дешевой там рабочей силы и меньшей энерго- и капиталоемкости процесса производства. Произведенная, в том числе с помощью японских технологий, продукция из стран АСЕАН стала импортироваться в Японию для удовлетворения внутреннего спроса.

Существует точка зрения, что перенос производства японскими компаниями в страны АСЕАН, чтобы минимизировать издержки производства, и масштабный поток японских инвестиций предопределили заметный профицит в их взаимной торговле. Так, в 2003 г. торговый дефицит стран АСЕАН с Японией составлял 2834 млн долл.⁶ В 2017 г. дефицит стран АСЕАН в торговле с Японией составлял 3 млрд долл., но в целом объемы торговли стран превышают 100 млрд долл., поэтому скорее всего говорить о чрезвычайно критических объемах дисбаланса торговли Японии и АСЕАН в XXI в. не приходится.

Современное движение капитала между Японией и странами АСЕАН

Инвестиции — еще одна важнейшая форма экономического сотрудничества Японии и стран АСЕАН. Официальный портал JETRO — японской организации содействия внешней торговли — приводит данные по *прямым зарубежным инвестициям (ПИИ)* Японии в страны АСЕАН, начиная с 1995 г. до 2017 г. (табл. 2).

Таблица 2

Прямые иностранные инвестиции Японии в страны АСЕАН, 1995–2017 гг.
(млн долл.)

Страна	1995	2000	2005	2010	2015	2017
Сингапур	676	-1521	557	3845	7010	9677
Таиланд	935	593	2125	2248	4057	4724
Индонезия	946	585	1185	490	3213	3388
Малайзия	371	-4	524	1058	2918	935
Филиппины	1061	510	442	514	1531	1006
Вьетнам	—	39	153	748	1446	2001

Источник: *Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment / JETRO.*

URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

Данные табл. 2 показывают, что с 2005–2010 гг. значительно увеличились объемы ПИИ из Японии в страны АСЕАН — они стали исчисляться уже не миллионами, а миллиардами долларов в год для каждой из приведенных стран Ассоциации. Это, несомненно, свидетельствует о динамичном развитии инвестиционных связей между странами. Сравним с этими величинами объемы «входящих» инвестиций в Японию из стран АСЕАН.

Таблица 3

Прямые иностранные инвестиции из стран АСЕАН в Японию, 1995–2017 гг.
(млн долл.)

Страна	1995	2000	2005	2010	2015	2017
Сингапур	4	83	598	1575	1893	3447
Таиланд	1	-15	-6	9	335	-444
Индонезия	-3	1	0	43	84	194
Малайзия	6	3	0	184	-1	-22
Филиппины	-1	6	1	(1)	16	25

Источник: *Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment / JETRO.*

URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

Анализ статистических данных табл. 3 показывает, что страны АСЕАН, за исключением Сингапура, мало инвестируют в экономику Японии. Накопленные сингапурские прямые инвестиции в Японию на конец 2017 г. составили примерно 22,5 млрд долл., тогда как накопленные японские ПИИ в Сингапур почти в 3 раза больше — более 63 млрд долл. Лидер среди приведенных стран АСЕАН по получению японских инвестиций — Таиланд (на конец 2017 г. 63,383 млрд долл. японских ПИИ), Таиланд тоже инвестирует в экономику Японии несколько больше, чем ряд других стран ЮВА; это несопоставимо, конечно, с 22,5 млрд долл. инвестиций Сингапура, но также инвестиции достигают миллиардных значений — 2 млрд долл. (табл. 4).

Таблица 4

Накопленные ПИИ Японии и стран АСЕАН, 1996–2017 г. (млн долл.)

Страна	Входящие японские ПИИ	Исходящие ПИИ в Японию
Сингапур	63097	22566
Таиланд	63383	2000
Индонезия	30507	333
Малайзия	14528	731
Филиппины	15056	121
Вьетнам	15648	6

Источник: *FDI Stock / JETRO.* URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/>

Япония также инвестирует, но меньше, в другие страны АСЕАН. В последние годы возросли объемы японских капиталовложений в экономику Мьянмы: в 2017 г. они достигли рекордных показателей (1,48 млрд долл.), превывсив предыдущий рекордно высокий показатель 1,02 млрд долл. в 2014 г. После смены в 2011 г. в Мьянме формы правления с военной на гражданскую Япония стала 4-м крупнейшим инвестором в экономику страны после Сингапура, Китая и Нидерландов. Ранее японские инвестиции в Мьянму колебались вокруг более скромных отметок: 252 млн долл. в 2012 г., 55 млн долл. в 2013 г., 590 млн долл. в 2015 г., 280 млн долл. в 2016 г., а резкое увеличение инвестиционных потоков связано с конкретными проектами сотрудничества: проект стоимостью 333 млн долл. в области недвижимости в Янгоне, коммерческой столице страны, которым занимается японская строительная корпорация Fujita, и проект общественно-частного сотрудничества, основным субподрядчиком в котором выступает японская корпорация Kajima и который оценивается в 400 млн долл. Также есть данные, что корпорация JFE Steel совместно с мьянманскими партнерами в сфере стальной промышленности (Meranti Myanmar Co.) начали строительство завода в специальной экономической зоне Тилава⁷.

В последние годы наращивается инвестиционное сотрудничество Японии и Камбоджи. В 2015 г. Япония была 3-м крупнейшим инвестором в экономику Камбоджи после Китая и Южной Кореи. В стране действовало 250 японских компаний, тогда как

в 2010 г. — только 19⁸. Японские инвестиции в Камбодже направляются в такие сферы, как торговля, туризм, консалтинг, услуги в области недвижимости, сельское хозяйство и строительство. Помимо этого, японская сторона содействует финансированию строительства в Камбодже дорог, мостов, школ и больниц.

Экономический рост в Лаосе стал фактором привлечения внимания японских инвесторов, которые в настоящее время рассматривают данную страну как перспективную и прибыльную производственную базу. Политическая нестабильность в Таиланде, а также наводнения заставили японских инвесторов задуматься о перемещении части производственных баз из Таиланда, в частности в Лаос. Речь идет о примерно 7000 японских компаний, действующих в Таиланде⁹. Если эти планы будут реализованы, в страну хлынет масштабный приток японских инвестиций. Развитие инфраструктуры, совершенствование законодательства, наряду с дешевой рабочей силой, являются важными стимулами для активизации сотрудничества. В 2013 г. объем японских инвестиций в Лаос составил 405,7 млн долл.; Япония была 6-м по величине инвестором в экономику этой страны, и целью Японии было стать 4-м крупнейшим инвестором в Лаосе. Стабильная политическая ситуация и относительно низкая стоимость труда повышают инвестиционную привлекательность Лаоса. Японские инвесторы, как заявили в корпорации Suzuki, намерены вкладывать средства в промышленность, сферу услуг, сельское и лесное хозяйство. В 2009 г. в стране реализовывалось 27 японских инвестиционных проектов, в 2013 г. — уже 60¹⁰.

Впрочем, относительно скромные объемы японских инвестиций в Мьянму, Лаос, Камбоджу несколько компенсируются направлением туда японской *официальной помощи развитию (ОПР)*. Оказывать помощь развитию стран ЮВА Япония начала еще в 1950-е годы. Если в 2000-е годы, кроме сферы экологии, Япония свернула этот вид помощи, например, Китаю, то страны АСЕАН по сей день остаются получателями японской ОПР. По мере развития экономики и международных экономических связей, ОПР стала рассматриваться японской стороной как эффективный механизм продвижения экспорта своих товаров и услуг, как стратегические капиталовложения, которые помогут Японии в приоритетном порядке получать в странах-реципиентах финансовой помощи неограниченный доступ к месторождениям полезных ископаемых, концессии на их разработку, послужат облегчению ведения японского бизнеса в этих странах и закреплению на их рынках. Наконец, ОПР демонстрировала мощь Японии как богатого капиталами экономического партнера в восприятии стран Юго-Восточной Азии, который является ответственным глобальным и региональным актором, заинтересованным в экономическом развитии и благополучии своих партнеров.

Япония — один из лидеров по объему помощи развивающимся странам, однако в XXI в. страна снижает объемы своей ОПР. Считается, что эту тенденцию предопределило «потерянное десятилетие» (1990-е годы). Экономическая стагнация привела к сокращению свободных финансовых ресурсов, которые можно было направлять на цели помощи развитию. В 1997 г. японский премьер-министр Р. Хасимото объявил, что в будущем (то есть в XXI в.) японская ОПР развивающимся странам будет снижаться на 10% ежегодно¹¹.

В 2015 г. Япония выделила на ОПР всего 6,1 млрд долл. Из них Камбоджа получила 102 млн долл., Лаос — 103 млн долл., Мьянма — 351 млн долл., Вьетнам — 1 млрд 75 млн долл.¹² Таким образом, Вьетнам получил больше всего финансовой помощи от Японии среди других стран АСЕАН и именно с ним Япония наиболее активно развивает экономические связи, в том числе в сфере энергетики. Вероятно, в данном случае крупные объемы японской ОПР Вьетнаму как раз подтверждают коммерческий «прицел» японской стороны в предоставлении Вьетнаму наибольших объемов ОПР по сравнению с другими странами АСЕАН (Вьетнам получил 17,5% суммарной японской ОПР в 2015 г.) Помимо указанных сумм, страны АСЕАН получали также правительственные займы и гранты. Так, если Мьянма в 2015 г. получила от Японии больше остальных стран средств в виде грантов (дотации нечисляются сотнями миллионов долларов), то Вьетнам лидирует по предоставлению ему правительственных займов (порядка 1,3 млрд долл.¹³).

Современные форматы многостороннего экономического сотрудничества Японии и АСЕАН

Многостороннее экономическое сотрудничество Японии и АСЕАН как интеграционного объединения развивается весьма активно на уровне *межгосударственных инициатив*. Такое сотрудничество, как правило, реализуется прежде всего на межгосударственном официальном уровне и в XXI в. часто нацелено на формирование зон свободной торговли в различных формах, составах и форматах. В настоящее время одновременно сосуществуют и развиваются сразу несколько диалоговых форматов: «АСЕАН+1», «АСЕАН+3», «АСЕАН+6»; также Япония и страны АСЕАН участвуют в проекте ВРЭП и ТТП.

«АСЕАН+3» — один из первых современных форматов многостороннего сотрудничества, в котором представлены страны АСЕАН и Япония. Он был институционализирован в 1999 г., когда на 3-м его саммите лидеры стран-участников подписали Совместное заявление о сотрудничестве в Восточной Азии¹⁴. Однако начало ему было положено в 1997 г., когда разразился азиатский экономический кризис, и Япония сыграла позитивную роль в содействии смягчению кризиса, выступив в качестве страны — донора помощи пострадавшим государствам. Этот вклад Японии в развитие восточноазиатского сотрудничества способствовал дальнейшему формированию пространства регионального сотрудничества в Восточной Азии. Распространение кризиса с Таиланда на Индонезию, Южную Корею, Филиппины, Малайзию подчеркнуло еще больше взаимозависимость экономик стран Восточной Азии. Глава МИД Филиппин Д. Сиазон заявил, что «благодаря экономическому кризису руководители стран Восточной Азии стали испытывать большой интерес к институционализации системы встреч на высшем уровне в формате «АСЕАН+3»¹⁵.

На 11-м саммите «АСЕАН+3» в Сингапуре в 2007 г. было принято второе совместное заявление стран-участников по сотрудничеству в Восточной Азии («Построение основ сотрудничества «АСЕАН+3»). Документ подчеркивал, что именно данный формат станет основным механизмом создания Восточноазиатского сообщества. Таким образом, деятельность формата «АСЕАН+3» скорее может быть расценена как проявление тенденции *«регионализма»*, нежели как непосредственно экономической интеграции. В этом формате подчеркивалось понятие региона на основе региональной организации, региона, для которого первостепенной является задача достижения общих интересов и элементы проведения общей политики; региона, в котором проводится четкое разграничение между входящими и не входящими в него странами. Примечательно, что в период экономического кризиса 1997 г. США не участвовали в оказании экстренной помощи Таиланду и не помогали Индонезии, тогда как Япония выделила Южной Корее, Таиланду и Индонезии 44 млрд долл. помощи, впоследствии добавив еще 30 млрд долл.¹⁶

Впрочем, до 1999–2000 гг. Япония все же проявляла более очевидный интерес к более узкому диалоговому формату сотрудничества «АСЕАН+1». Только на манильской встрече 1999 г., когда министр иностранных дел Японии К. Обути представил «План подготовки кадров Восточной Азии и усиления обмена» («План Обути»), и в 2000 г., когда японский премьер-министр Ё. Мори предложил три принципа развития восточноазиатского сотрудничества (построение партнерства, открытое региональное сотрудничество, диалог и взаимодействие по широкому спектру вопросов, в том числе политика и обеспечение безопасности), а также предложил проводить в рамках «АСЕАН+3» встречи глав МИД стран-участников, стало очевидно намерение Японии более активно в своей внешнеэкономической политике в Восточной Азии задействовать формат «АСЕАН+3». Таким образом, на рубеже веков Япония показала готовность развивать сотрудничество с АСЕАН в форме не закрытого, а более открытого регионализма — двустороннее взаимодействие Токио с блоком АСЕАН перевести в формат многостороннего, с более активным привлечением к диалогу Пекина и Сеула как значимых региональных игроков.

Впоследствии деятельность «АСЕАН+3» проходила под эгидой цели создания зоны свободной торговли Восточной Азии и Восточноазиатского саммита как средне-

или долгосрочного ориентира. Экономическая интеграция региона Восточной Азии была еще одной сферой общих интересов стран-участников формата «АСЕАН+3». Двигаться к достижению этой цели стороны стали посредством развития системы двусторонних соглашений о свободной торговле («АСЕАН+1»). Особенно активно такие соглашения с партнерами заключали Япония и Китай. АСЕАН в период 2004–2010 гг. заключил ряд региональных торговых соглашений о зоне свободной торговли с основными своими торговыми партнерами по Восточноазиатскому саммиту: с Китаем, Южной Кореей, Японией, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Соглашение о создании ЗСТ с Японией было достигнуто в 2008 г. Дата ликвидации пошлин между Японией и АСЕАН намечалась на 2026 г., тогда как по аналогичному соглашению с Китаем и Южной Кореей — на 2012 г., с Индией — на 2019 г., с Австралией и Новой Зеландией — на 2020 г.¹⁷ Таким образом, можно говорить о том, что создание зон свободной торговли с участием АСЕАН и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе ЗСТ на двусторонней основе с Японией (формат «АСЕАН+1») — это актуальная и устойчивая тенденция развития международных и региональных экономических отношений XXI в. Интерес стран к таким соглашениям объяснялся тем, что если бы впоследствии удалось свести воедино все заключенные двусторонние и внутрорегиональные соглашения (Китай — АСЕАН, Южная Корея — АСЕАН и т.д.) о свободной торговле, то это открыло бы перспективы в будущем для объединения всего восточноазиатского рынка. В 2003 г. эти планы, касающиеся восточноазиатской экономической интеграции, активно обсуждались на саммите «АСЕАН+3» на о. Бали. Именно тогда Китай предложил изучить вопрос о возможности создания восточноазиатской зоны свободной торговли, а Сингапур выступил с идеей для этой цели заключить между Японией и Китаем соглашения о свободной торговле.

В настоящее время действует рабочий план по сотрудничеству в формате «АСЕАН+3» на 2018–2022 гг., принятый 7 августа 2017 г.¹⁸ Он рассматривает амбициозную задачу создания Восточноазиатского экономического сообщества уже к 2020 г.¹⁹ Предыдущий аналогичный План (2007–2017 гг.) ставил целью обеспечение развития всеобъемлющего и взаимовыгодного партнерства между участниками и еще более усилил восприятие «АСЕАН+3» как важного двигателя восточноазиатского регионализма.

Формат «АСЕАН+6» (Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия) существует, по сути, с 2005 г., когда именно в таком составе стали проводиться Восточноазиатские саммиты. На 5-м саммите в 2010 г. было оформлено присоединение к нему России и США. Таким образом, формат «АСЕАН+6» довольно скоро перерос в «АСЕАН+8» — первый такой саммит состоялся в 2011 г. на о. Бали.²⁰ Возможно, это отражает тот факт, что как только к механизму внутрорегионального восточноазиатского содействия присоединились государства вне этого региона — Индия (Южная Азия), Австралия и Новая Зеландия (Океания), но при этом государства Азиатско-Тихоокеанского региона, проявилась очевидная целесообразность включить в этот более широкий формат диалога, уже очевидно вышедший за пределы Восточной Азии и перешагнувший таким образом рамки регионализма, другие важнейшие государства АТР — США и Россию.

Таким образом, при сохранении регионального восточноазиатского формата диалога «АСЕАН+3» постепенно в конце первой — начале второй декады XXI в. вокруг АСЕАН и при участии Японии сформировался более мультирегиональный и обширный механизм диалогового сотрудничества, что явилось отражением того, что набирает силу тенденция мультилатерализма. Обе эти взаимонаслаивающиеся тенденции нашли отражение в двух крупных проектах масштабного экономического сотрудничества, которые сейчас развиваются в АТР. Формат «АСЕАН+6» стал в страновом отношении базой для формирования проекта ВРЭП, ядро которого — АСЕАН, а движущая сила — Китай.

США стали лидером другого мегапроекта многостороннего экономического сотрудничества в АТР — Транстихоокеанского партнерства. В этом проекте тоже ярко проявилось усиление тенденции мультилатерализма, которая оказалась настолько сильна, что даже выход США из ТТП в 2017 г. и его отсутствие там не смог до сих пор аннулировать

вать и заморозить этот проект: в начале 2018 г. оставшиеся 11 стран ТТП, в число которых из АСЕАН входят Бруней, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, в условиях взятого Японией на себя фактического лидерства в этом проекте, подписали обновленное соглашение о создании Всеобъемлющего прогрессивного транстихоокеанского партнерства.

Заключение

Проведенный анализ современных торгово-экономических связей Японии и стран АСЕАН, их двусторонних и многосторонних форматов в XXI в. позволил выявить следующие тенденции: торговля между Японией, с одной стороны, и этими странами, с другой стороны, носит относительно сбалансированный характер, однако более динамично торговые отношения Японии развиваются с более экономически развитыми или динамично развивающимися государствами ЮВА. Основные торговые партнеры Японии по Ассоциации — это Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Таиланд, Вьетнам; торговля с Брунеем (за исключением поставок энергоресурсов), Лаосом, Мьянмой и Камбоджей развита заметно слабее и характеризуется значительно меньшими количественными показателями. Страны АСЕАН являются важными поставщиками в Японию энергоресурсов, сырья и продуктов питания, тогда как Япония специализируется на поставках в эти страны в основном электрооборудования, продукции машиностроения, промышленных товаров, транспортной продукции и т.д. В целом, торговля Японии и стран АСЕАН в первые две декады XXI в. развивается позитивно и динамично, не выявлено каких бы то ни было угроз возникновения критически масштабных торговых дефицитов и вовлечения этих стран в намечающуюся тенденцию так называемых торговых войн.

В последние десятилетия зафиксирована тенденция увеличения притока японских инвестиций в страны АСЕАН: если раньше они исчислялись сотнями миллионов долларов, то после 2005 г. стали выходить на миллиардные показатели. Эта тенденция устойчива — к 2015 г. японские ПИИ в Индонезию, Малайзию, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, Таиланд измерялись в миллиардах долларов. Также активизировались японские инвестиции в менее развитые страны субрегиона — Лаос, Мьянму и Камбоджу.

В XXI в. намечается «обратная» зафиксированной в области инвестиций тенденции прироста — тенденция сокращения японской официальной помощи развитию. Среди стран АСЕАН получателями ОПР сейчас являются Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма. Особенно масштабное содействие развитию Вьетнама отражает скрытый коммерческий характер японской ОПР — японская сторона готова предоставлять Вьетнаму правительственные займы, чтобы получать там контракты и закрепляться в различных нишах динамично развивающегося вьетнамского рынка.

Что касается многосторонних форматов сотрудничества Японии и АСЕАН, то они также развиваются динамично и одновременно по нескольким каналам. Это наиболее узкий, но важный (так как подразумевает соглашение о свободной торговле) формат взаимодействия «АСЕАН+1», то есть непосредственно Японии и АСЕАН; это более широкий формат восточноазиатского диалогового сотрудничества «АСЕАН+3» с привлечением Китая и Южной Кореи; наконец, это межрегиональный формат «АСЕАН+6» в котором участвуют государства разных регионов макрорегиона АТР. Апогеем развития многосторонних форматов экономического сотрудничества в АТР стали две крупнейшие региональные инициативы: проект Транстихоокеанского партнерства и проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, в обоих проектах участвует Япония и страны АСЕАН — во ВРЭП в полном составе, в ТТП — отдельные ее члены.

1. *Амиров В.* Япония и международное экономическое сотрудничество в Восточной Азии // Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003. С. 177–207.
2. *Foreign Trade 2006.* Japan Foreign Trade Council. P. 74.

3. BP Statistical Review of World Energy 2017. BP Global. 2017. P. 34. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf> (дата обращения: 05.07.2018)
4. Japanese Trade and Investment Statistics / JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 12.07.2018)
5. Japan Statistical Yearbook 2018. Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications. Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2018).
6. *Limskul Kitti*. Japan — ASEAN Comprehensive Partnership. JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/survey/epa/sympo0311/s2-2s.pdf> (дата обращения: 22.07.2018).
7. Japanese investment in Myanmar soars to all-time high // The Japan Times. 29.05.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/05/29/business/japanese-investment-myanmar-soars-time-high/#.W1S8ryMS-L8> (дата обращения: 22.07.2018).
8. Japanese investment in Cambodia rises, but weak infrastructure a problem // The Japan Times. 23.08.2016. URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2016/08/23/business/japanese-investment-in-cambodia-rises-but-weak-infrastructure-a-problem/#.W1t_CulHiL8 (дата обращения: 27.07.2018).
9. Japanese investment in Laos flourishes // Global Times. 12.02.2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/842043.shtml> (дата обращения: 27.07.2018).
10. Japanese investment in Laos flourishes // Global Times. 12.02.2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/842043.shtml> (дата обращения: 27.07.2018).
11. *Ковригин Е.Б.* Япония — АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. 2014. № 2. С. 44. URL: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/2_2014/SE.2014.2.040-074.Kovrigin.pdf (дата обращения: 07.08.2018).
12. Japan Statistical Yearbook 2018. Statistics Bureau. Ministry of Internal Affairs and Communications. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2018).
13. Ibid.
14. Overview of ASEAN Plus Three Cooperation // ASEAN Secretariat Information Paper. July, 2018. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/01/Overview-of-APT-Cooperation-Jul-2018.pdf> (дата обращения: 26.09.2018).
15. *Тэрада Такаси*. Восточноазиатский регионализм и Япония: формирования понятий региона и инициативы по их закреплению // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты. М., 2009. С. 141.
16. Там же.
17. *Костюнина Г.М.* Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2017. № 3. С. 442–443. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/bc7/16758-17131-1-PB.pdf> (дата обращения: 11.08.2018).
18. Overview of ASEAN Plus Three...
19. ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2018–2022. 07.08.2017. URL: <https://asean.org/asean-plus-three-cooperation-work-plan-2018-2022/> (дата обращения: 26.09.2018).
20. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии / Центр АСЕАН при МГИМО МИД России. URL: <http://asean.mgimo.ru/ru/asean-c/11-rus/informatsiya/113-assotsiatsiya-gosudarstv-yugo-vostochnoj-azii> (дата обращения: 01.10.2018).

Теория и методология

Дипломатия партнерства КНР: уровни партнерских отношений

© 2019

Н.И. Бедарева

Во внешнеполитическом инструментарии КНР важное место занимает строительство сети партнерских отношений. В статье проведен анализ китайской системы партнерства, изучена ее уровневая структура, дана характеристика различных уровней. С помощью метода лингвистического анализа выявлены уровнеобразующие компоненты, определяющие иерархию уровней системы партнерства. На основании выявленных закономерностей предложена иерархическая классификация уровней системы партнерских отношений на 2018 г.

Ключевые слова: дипломатия партнерства, уровни партнерских отношений, партнерская сеть, внешняя политика КНР, отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

DOI: 10.31857/S013128120004645-0

Впервые партнерские отношения (*хобань гуаньси*) в качестве инструмента взаимодействия с другими странами были установлены Китаем с Бразилией в 1993 г. Однако концепция целенаправленного создания сети партнерств была сформулирована в ноябре 2014 г. на рабочей конференции ЦК КПК по внешнеполитическим вопросам. Именно на этой конференции в докладе Председателя КНР Си Цзиньпина прозвучала идея расширить сеть «партнерских отношений» в рамках дипломатии с китайской спецификой (*чжунго тэсэ даго вайцзяо*), предложенной еще в 2013 г.¹ Согласно докладу, созданию сети «партнерских отношений» способствует проводимая КНР политика необъединения против других стран, и такой тип взаимодействия, как партнерство, стал единственным вариантом для Китая в условиях осуществления политики «неприсоединения к блокам». Причина создания такого типа взаимодействия была обоснована тем, что Китай, согласно его официальным заявлениям, непреклонно развивает независимую мирную внешнюю политику, борется с гегемонизмом, придерживается принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды².

Во время выступления в ООН в 2017 г. Си Цзиньпин вновь сделал акцент на формировании сети партнерских отношений, выделив ее в качестве одного из важных аспектов строительства единой судьбы человечества (*жэньлэй миньюнь гуитунти*). Он

Бедарева Наталья Игоревна, магистрант Российского государственного социального университета (г. Москва). E-mail: natalybedareva@gmail.com.

отметил, что расширение «круга друзей» будет происходить в рамках общей стабильности и сбалансированного развития³.

Следует отличать партнерские отношения от союзов и сотрудничества. Для заключения союза между его участниками, как правило, подписывается договор, обладающий юридической силой в международном праве, в котором определяются обязательства и цели объединения государств. Партнерские отношения не имеют этих признаков: для их установления главы государств подписывают меморандум или коммюнике. У партнерских отношений нет четких обязательств и ограничивающих условий, присутствует определенная гибкость взаимодействия. «Сотрудничество» по сравнению с «партнерскими отношениями» меньше по масштабу и уже по числу сфер взаимодействия⁴.

Профессор Школы международных отношений Пекинского университета Цзя Цинго утверждает, что именно партнерские отношения способствуют эффективному взаимодействию между двумя государствами и при этом не обременяют их отношения⁵. На самом деле, система партнерских отношений создает широкое пространство для межгосударственных, двусторонних контактов, активного взаимодействия в сферах экономики, политики, общества, культуры и является своеобразной площадкой для диалога между Китаем и другими государствами, регионами.

В Китае декларируют, что дипломатия партнерства выстраивается на основе совместной выгоды и взаимного уважения, на принципах «не противостоять друг другу, не объединяться в союзы, не идти против третьей страны». Формами взаимодействия являются контакт и диалог, целью — сотрудничество и консультация, развитие отношений с другими странами⁶.

Таблица 1

Классификация партнерских отношений КНР, предложенная Чэнь Сяочэнем

№	Название уровня (кит.яз.)	Перевод на рус. яз.
1	Цюаньмянь чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси	Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия
2	Цюаньтяньхоу чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества
3	Цюаньмянь чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества
4	Чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения стратегического партнерства и сотрудничества
5	Цюаньфанвэй чжаньлюэ хобань гуаньси	Отношения многовекторного стратегического партнерства
6	Цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси	Всеобъемлющие отношения стратегического партнерства
7	Чжаньлюэ хобань гуаньси	Отношения стратегического партнерства
8	Гэнцзя цзиньмидэ цюаньмянь хэцзо хобань гуаньси	Еще более тесные всесторонние партнерские отношения сотрудничества
9	Цюаньфанвэй юхао хэцзо хобань гуаньси	Многовекторные партнерские отношения дружбы и сотрудничества
10	Цюаньмянь юхао хэцзо хобань гуаньси	Всесторонние партнерские отношения дружбы и сотрудничества
11	Цюаньмянь хэцзо хобань гуаньси	Всесторонние партнерские отношения сотрудничества
12	Юхао хэцзо хобань гуаньси	Партнерские отношения дружбы и сотрудничества
13	Хэцзо хобань гуаньси	Партнерские отношения сотрудничества
14	Юхао хобань гуаньси	Дружественное партнерство
15	Хобань гуаньси	Партнерские отношения
16	Буши хобандэ гуаньси	Непартнерские отношения

Источник: составлено автором.

Существует несколько классификаций уровней партнерских отношений. Стоит отметить, что иерархия отношений строится не по их важности, а по широте взаимодействия, что ни в коем случае не принижает важность отношений со странами, находящимися на нижних уровнях.

Первая классификация партнерских отношений, предложенная Чэнь Сяочэнем, описывает 15 уровней по состоянию на 2014 г.⁷

Необходимо отметить, что в этой классификации присутствует уровень «непартнерские отношения», к которому относятся Япония и США. Взаимодействие между Китаем и этими странами сталкивается с различными трудностями и недопониманием, поэтому в таких случаях Китай предлагает строить совершенно иной тип взаимодействия, чем партнерский. Например, с США развиваются «конструктивные партнерские отношения сотрудничества» (*Цзяньшэсин хэцзо хобань гуаньси*), с Японией — «стратегические взаимовыгодные отношения» (*Чжаньлюэ хухуэй гуаньси*).

Вторая классификация предложена Лю Банчжу в 2017 г. Он предлагает 5 основных групп уровней, в которых имеются подгруппы⁸. Главным отличием этой классификации от предыдущей является то, что на первое место ставится взаимодействие с Пакистаном («отношения всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества»), а затем уже с Россией («отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия»).

Таблица 2

Классификация партнерских отношений КНР, предложенная Лю Банчжу

№	Уровень	Название уровня (кит. яз.)	Перевод названия уровня на рус. яз.
1	5+	Цюаньтяньхоу чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества
2	5	Цюаньмянь чжаньлюэ сэцзо хобань гуаньси	Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия
3	4+	Цюаньмянь чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества
4	4	Цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси	Всеобъемлющие отношения стратегического партнерства
5	3+	Цюаньфанвэй чжаньлюэ хобань гуаньси / Чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения многовекторного стратегического партнерства/ Отношения стратегического партнерства и сотрудничества
6	3	Чжаньлюэ хобань гуаньси	Отношения стратегического партнерства
7	2+	Цюаньфанвэй хэцзо хобань гуаньси	Многовекторные партнерские отношения сотрудничества
8	2	Цюаньмянь хэцзо хобань гуаньси	Всесторонние партнерские отношения сотрудничества
9	1+	Юхао хэцзо хобань гуаньси / Чжунь-яо хэцзо хобань гуаньси / Синьсин хэцзо хобань гуаньси	Партнерские отношения дружбы и сотрудничества/ Важные партнерские отношения сотрудничества/ Инновационные партнерские отношения сотрудничества
10	1	Цзяньшэсин хэцзо хобань гуаньси / Чжаньлюэ хухуэй гуаньси	Конструктивные партнерские отношения сотрудничества/ Стратегические взаимовыгодные отношения

Источник: составлено автором.

Некоторые виды партнерских отношений автор относит к переходным и не выделяет их как самостоятельные уровни, как это делает в своей классификации Чэнь Сяо-

чэн. Так, например, в классификации Лю Банчжу отсутствуют такие уровни, как «еще более тесные всесторонние партнерские отношения сотрудничества» (*Гэньцзя цзиньмидэ цюаньмянь хэцзо хобань гуаньси*), «всесторонние партнерские отношения дружбы и сотрудничества» (*Цюаньмянь юхао хэцзо хобань гуаньси*) заменены на «всесторонние партнерские отношения сотрудничества» (*Цюаньмянь хэцзо хобань гуаньси*), «партнерские отношения сотрудничества» (*Хэцзо хобань гуаньси*), «партнерские отношения» (*Хобань гуаньси*). Уровень «непартнерские отношения» (*Буши хобаньдэ гуаньси*) разделен на «конструктивные партнерские отношения сотрудничества» (*Цзяньшэсин хэцзо хобань гуаньси*) и стратегические взаимовыгодные отношения (*Чжаньлюэ хухуэй гуаньси*).

Китайский исследователь Дай Вэйлай в своей статье, посвященной дипломатии партнерства, выделяет три основные особенности системы партнерских отношений:

1) Многоуровневость (*Доцэнсин*). Отношения партнерства можно разделить на три уровня. Самый высокий уровень — «стратегические партнерские отношения» (*Чжаньлюэ хобань гуаньси*). В основе — высокое политическое взаимное доверие, тесное сотрудничество в сфере безопасности, стабильные стратегические отношения. «Стратегические партнерские отношения» касаются ключевых вопросов, а именно суверенитета, безопасности, территориальной целостности, развития государства в целом, всесторонней поддержки, контактов в сфере производства и поставок военного оборудования.

Второй уровень — это «партнерские отношения сотрудничества» (*Хэцзо хобань гуаньси*), которые выполняют опорную роль во всей системе. Сейчас отношения Китая с другими государствами в основном находятся на данном уровне. На втором уровне акцент идет на стабилизацию сотрудничества в торгово-экономической сфере. В то же время учитывается политическое взаимодоверие, сотрудничество в решении региональных и глобальных проблем. Как правило, сотрудничество в области военной безопасности этот уровень не затрагивает, однако политические взаимоотношения обязательно находятся на высоком уровне.

Третий уровень партнерства (*Хобань гуаньси*) в основном включает экономическое сотрудничество, но при этом оно не носит стратегического характера.

2) Многообразие (*Доянсин*). Несмотря на четкое разделение уровней, в официальных документах можно встретить объемные определения, которые конкретизируют уровни партнерских отношений. Количество определений неограниченно, как правило, они используются для подчеркивания особенностей партнерских отношений.

Например, определение «направленные в будущее» (*Мяньсян вэйлай*) говорит о дальнейшей тенденции развития перспективных отношений между двумя странами. Такое определение указано в названии партнерства с Мальдивами — всесторонние партнерские отношения дружбы и сотрудничества, направленные в будущее (*Мяньсян вэйлайдэ цюаньмянь юхао хэцзо хобань гуаньси*), а также в названии партнерства с Финляндией — партнерские отношения сотрудничества нового типа, ориентированные в будущее (*Мяньсян вэйлайдэ синьсин хэцзо хобань гуаньси*).

В названии уровня «партнерские отношения сотрудничества» с Албанией используется определение «традиционный» (*Чуаньтун*), что указывает на традиционную глубокую дружбу между Китаем и Албанией (*Чуаньтун хэцзо хобань гуаньси*)⁹.

В названии уровня «партнерские отношения сотрудничества» (*Хэцзо хобань гуаньси*) с Тринидадом и Тобаго, Антигуа и Барбудой используется определение (*Цзялэби дицуйдэ чжуньяо*) «важный партнер в Карибском бассейне», что подчеркивает ключевую роль этих стран для КНР в этом регионе (*Цзялэби дицуйдэ чжуньяо хэцзо хобань гуаньси*).

В названии партнерства с Великобританией («всеобъемлющие отношения стратегического партнерства» — *Цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси*) используется два определения — «глобальные» (*Цюаньцю*) и «ориентированные в XXI век» (*Сян 21 шицзи*). Глобальный значит, что отношения этих двух стран имеют глобальное измерение. В сис-

теме международных отношений страны стремятся совместно продвигать идеи на глобальном уровне к их дальнейшей реализации. «Направленный в XXI век» значит, что две страны стремятся адаптировать взаимоотношения к реалиям XXI века.

3) Многовекторность (*доуаньсин*). «Круг друзей» постоянно расширяется, включает в себя большие и маленькие страны и даже международные организации. Таким образом, сеть партнерских отношений охватывает все регионы сразу¹⁰.

В связи с постоянными изменениями, происходящими в системе партнерских отношений, мы провели анализ ее современного состояния.

Было выявлено, что к 2018 г. Китай сформировал 15 основных уровней партнерских отношений. Кроме того, существуют промежуточные уровни, которые указывают на то, что отношения с определенной страной в перспективе будут переходить на новый уровень. Анализ системы сети партнерств показал, что отношения со странами никогда не опускаются на уровень ниже, а либо переходят на новый уровень, либо остаются на прежнем в течение многих лет.

По данным на 2018 г. у Китая установлены партнерские отношения с 96 странами и 7 международными организациями и межгосударственными объединениями — Европейским союзом, Лигой арабских государств, Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанским экономическим сотрудничеством, Сообществом развития Юга Африки (САДК), а также с сотрудничеством в формате Китай — Япония — Корея. Это обусловлено тем, что субъектами международного права являются не только отдельные государства, но и международные организации. В то же время сотрудничество с региональной организацией помогает КНР установить отношения со странами определенного региона, с которыми у нее имеются некие споры и разногласия. Например, Китай не устанавливает партнерские отношения с Филиппинами по причине территориальных споров в Южно-китайском море, но при этом взаимодействует с государством в рамках партнерских отношений Китай — АСЕАН. Или же, если масштабы сотрудничества не столь велики, Китаю выгоднее установить отношения с региональной организацией, включающей ряд стран, чем сотрудничать с ними по отдельности. Так, например, Китай не имеет партнерских отношений с Кипром, Латвией, Литвой, Люксембургом, Мальтой, Словакией, Словенией, Швецией, Эстонией, но активно сотрудничает с ними в рамках партнерских отношений Китай — ЕС. Такой формат сотрудничества позволяет впоследствии ускорить формирование партнерских отношений с государством как с отдельным субъектом.

Нами разработана следующая классификация уровней партнерских отношений, имеющихся на 2018 год, с указанием их эквивалентного перевода, стран и организаций, входящих в каждый уровень, а также года установления партнерских отношений. Предложенная классификация построена по принципу объединения в группы на основе группопобразующих компонентов: базовый компонент, классообразующий компонент и основное определение. Иерархия партнерских отношений в группе зависит от наличия конкретного определения у данного уровня. Классификация представлена в табл. 3.

По сравнению с другими классификациями, предложенная нами классификация включает новые и промежуточные уровни, появившиеся только в 2018 г. Это следующие уровни: «инновационные отношения стратегического партнерства» (*Чуансинь чжаньлюэ хобань гуаньси*), «отношения дружественного стратегического партнерства» (*Юхао чжаньлюэ хобань гуаньси*), «многовекторные партнерские отношения сотрудничества» (*Цюаньфанвэй хэцзо хобань гуаньси*), «партнерские отношения сотрудничества нового типа» (*Синьсин хэцзо хобань гуаньси*), «инновационное всестороннее партнерство» (*Чуансинь цюаньмянь хобань гуаньси*). Появление новых уровней говорит о том, что система очень подвижна и предусматривает возникновение новых видов партнерств. Кроме того, классификация содержит обновленные данные в отношении стран, поменявших свой уровень партнерства с Китаем на новый.

Таблица 3

Классификация партнерских отношений КНР

№	Название уровня (кит. яз.)	Перевод названия уровня на рус. яз.	Страны и год установления партнерских отношений
1	Цюаньмянь чжаньлюэ сещзо хобань гуаньси	Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия ¹¹	Россия (2011)
2	Цюаньтяньхоу чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества	Пакистан (2015)
3	Цюаньмянь чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества	Вьетнам (2008), Лаос (2009), Камбоджа (2010), Мьянма (2011), Таиланд (2012), Конго (<i>Браззавиль</i>) (2016), Мозамбик (2016), Сьерра-Леоне (2016), Сенегал (2016), Зимбабве (2018), Намибия (2018),
4	Чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси	Отношения стратегического партнерства и сотрудничества	Индия (2005), Южная Корея (2008), Турция (2010), Афганистан (2012), Шри-Ланка (2013), Бангладеш (2016).
5	Цюаньфанвэй чжаньлюэ хобань гуаньси	Отношения многовекторного стратегического партнерства	Германия (2014)
6	Цюаньмянь чжаньлюэ хобань гуаньси	Всеобъемлющие отношения стратегического партнерства	ЕС (2003); Великобритания (2004), Франция (2004), Италия (2004), Испания (2005), Португалия (2005), Греция (2006), Дания (2008), Южная Африка (2010), Казахстан (2011), Бразилия (2012), Перу (2013), Мексика (2013), Малайзия (2013), Индонезия (2013), Беларусь (2013), Алжир (2014), Аргентина (2014), Венесуэла (2014), Австралия (2014), Новая Зеландия (2014), Монголия (2014), Сербия (2016), Саудовская Аравия (2016), Узбекистан (2016), Иран (2016), Египет (2016), Польша (2016), Эквадор (2016), Чили (2016), Таджикистан (2017), ОАЭ (2018).
7	Юхао чжаньлюэ хобань гуаньси	Отношения дружественного стратегического партнерства	Австрия (2018)
8	Чжаньлюэ хобань гуаньси	Отношения стратегического партнерства	АСЕАН (2003); Канада (2005), Нигерия (2006), Ангола (2010), Ирландия (2012), Киргизия (2013), Туркменистан (2013), Украина (2013), Катар (2014), Папуа-Новая Гвинея (2014), Острова Фиджи (2014), Самоа (2014), Микронезия (2014), Тонга (2014), Вануату (2014), Ирак (2015), Судан (2015), Иордания (2015), Марокко (2016), Чехия (2016), Уругвай (2016), Боливия (2018), Лига арабских государств (2018), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (2012), Швейцария (2016) ¹²

№	Название уровня (кит. яз.)	Перевод названия уровня на рус. яз.	Страны и год установления партнерских отношений
9	Цюаньфанвэй юхао хэцзо хобань гуаньси	Многовекторные партнерские отношения дружбы и сотрудничества	Бельгия (2014)
10	Цюаньфанвэй хэцзо хобань гуаньси	Многовекторные партнерские отношения сотрудничества	Сингапур (2015), сотрудничество в формате Китай — Япония — Корея (2012)
11	Цюаньмянь юхао хэцзо хобань гуаньси	Всесторонние партнерские отношения дружбы и сотрудничества ¹³	Румыния (2004), Болгария (2014), Мальдивы (2014)
12	Цюаньмянь хэцзо хобань гуаньси	Всесторонние партнерские отношения сотрудничества	Эфиопия (2003), Хорватия (2005), Непал (2009), Танзания (2013), Кения (2013), Голландия (2014), Восточный Тимор (2014), Экваториальная Гвинея (2015), Габон (2016)
13	Юхао хэцзо хобань гуаньси	Партнерские отношения дружбы и сотрудничества	Венгрия (2004), Сенегал (2014),
14	Хэцзо хобань гуаньси	Партнерские отношения сотрудничества	Албания (2009), Тринидад и Тобаго (2013), Антигуа и Барбуда (2013), Финляндия (2013) ¹⁴
15	Цюаньмянь хобань гуаньси	Всестороннее партнерство	Израиль (2017) ¹⁵

Источник: составлено автором.

Анализируя названия уровней сети партнерских отношений, можно выявить их лингвистическую структуру, что, в свою очередь, позволяет судить о конкретном месте уровня в системе партнерских отношений и выстроить иерархию уровней. В табл. 4 представлены группы компонентов уровней партнерских отношений.

Таблица 4

Группы компонентов уровней партнерских отношений

III группа			II группа			I группа
Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (Цюаньмянь чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси) (с Россией)						
3.1	3.2	0	2.1	2.2	0	1
Цюаньтяньхоу	Юхао		Чжаньлюэ	Хэцзо		Хобань гуаньси
Цюаньфанвэй						
Цюаньмянь						
Конструктивные партнерские отношения сотрудничества (Цзяньчэсин хэцзо хобань гуаньси) (с США) / Стратегические взаимовыгодные отношения (Чжаньлюэ хухуэй гуаньси) (с Японией)						

Источник: составлено автором.

Структура уровней партнерских отношений состоит из трех групп компонентов, являющихся уровнеобразующими.

I группа включает в себя базовый компонент, характеризующий понятие «партнерские отношения» (*Хобань гуаньси*). Наличие такого компонента позволяет отличить партнерские отношения от дипломатических (*Вайцзяо гуаньси*) и отношений сотрудничества (*Хэцзо гуаньси*).

II группа компонентов образует классы уровней и включает в себя следующие классообразующие компоненты, имеющие иерархическую структуру:

- стратегический *Чжаньлюэ* (2.1);
- сотрудничество *Хэцзо* (2.2);
- нулевой компонент (отсутствие компонента) (0).

При формировании классов уровней партнерских отношений может использоваться как один классообразующий компонент, так и два. Таким образом, возможны четыре основных класса уровней партнерских отношений в следующем порядке от высшего к низшему: «отношения стратегического партнерства и сотрудничества» (*Чжаньлюэ хэцзо хобань гуаньси*), «отношения стратегического партнерства» (*Чжаньлюэ хобань гуаньси*), «партнерские отношения сотрудничества» (*Хэцзо хобань гуаньси*), «партнерские отношения» (*Хобань гуаньси*).

Нулевой компонент означает отсутствие классообразующего компонента, ставит партнерские отношения на самый нижний уровень. Таким образом, партнерские отношения с нулевым классообразующим компонентом представляют собой собственно партнерские отношения (*Хобань гуаньси*).

III группа компонентов представляет собой основное определение к классообразующим и базовому компонентам. Основные определения также имеют иерархическую структуру:

– самую высокую позицию в этой группе занимают определения «всепогодный» (*Цюаньтяньхоу*) / «многовекторный» (*Цюаньфанвэй*) / «всеобъемлющий, всесторонний» (*Цюаньмянь*) (3.1). Данные определения показывают масштаб партнерских отношений;

– определение «дружественный» (*Юхао*) занимает следующую, более низкую позицию (3.2). Если уровень партнерских отношений содержит только определение «дружественный» (*Юхао*), то этот уровень будет ниже, чем уровень, содержащий определения «всепогодный» (*Цюаньтяньхоу*) / «многовекторный» (*Цюаньфанвэй*) / «всеобъемлющий, всесторонний» (*Цюаньмянь*).

- нулевой компонент (отсутствие компонента) (0).

Кроме основных определений, являющихся уровнеобразующими, в название некоторых уровней входят дополнительные определения, не выполняющие функцию образования уровня и не входящие в состав уровнеобразующих компонентов, а лишь дополнительно характеризующие имеющийся уровень. Например, в 2016–2018 гг. в названиях уровней появился новый компонент, характеризующий партнерские отношения — **инновационный** (*Чуансинь*). Дополнительное определение «инновационный» (*Чуансинь*) к классообразующему и базовому компонентам уточняет уровень «отношения стратегического партнерства» (*Чжаньлюэ хобань гуаньси*) и относит его к промежуточному уровню. То же касается и определения «нового типа» (*Синьсин*). Существуют и другие дополнительные определения уровней партнерств: направленные в будущее (*Мяньсян вэйлай*), традиционные (*Чуаньтун*), глобальные (*Цюаньцю*) и другие. Дополнительные определения всегда находятся в самом начале уровня и конкретизируют отношения партнерства между странами.

В табл. 4 представлены три типа отношений, не содержащих указанные уровнеобразующие компоненты. Это прежде всего отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия (*Цюаньмянь чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси*) с Россией, занимающие в иерархии системы партнерских отношений Китая самый высокий уровень. Данный уровень включают в себя компонент «кооперирование, сотрудничество» (*Сецзо*). Такой компонент не встречается ни в одном другом уровне системы партнер-

ских отношений Китая. Кроме того, в табл. 4 указаны два типа отношений, не являющихся партнерскими: «конструктивные партнерские отношения сотрудничества» (*Цзяньшэ-син хэцзо хобань гуаньси*) и «стратегические взаимовыгодные отношения» (*Чжаньлюэ хуэхэй гуаньси*), установленные с США и Японией соответственно. Несмотря на то, что в названии отношений с США присутствует компонент «партнерские отношения», китайские аналитики отмечают, что компонент «конструктивные» указывает на не-состоятельность уровня и не ставят его в позицию уровня¹⁶.

Таким образом, возможно формирование следующих 32 уровней из трех групп уровнеобразующих компонентов партнерских отношений. Не обязательно, что они все появятся, однако возможность их появления существует. Кроме того, вполне возможно возникновение новых компонентов и новых промежуточных уровней. На рис. 1 представлена иерархия уровней сети партнерских отношений. Нуль обозначает отсутствие компонента.

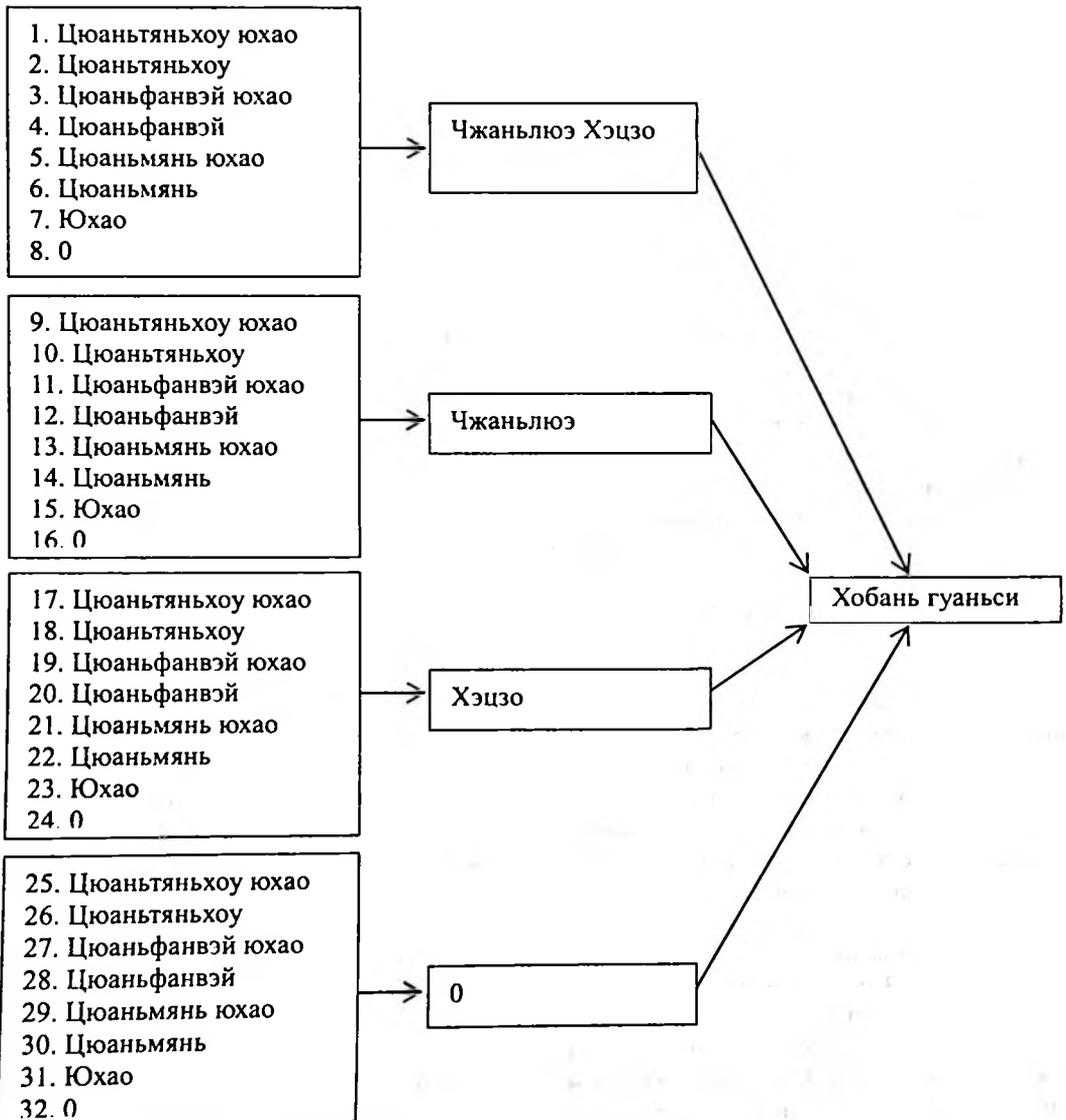

Рис. 1. Иерархия уровней сети партнерских отношений

Рассмотрим уровнеобразующие компоненты партнерских отношений в зависимости от их положения в иерархической структуре.

Основой отношений (базовым компонентом) является **партнерство (хобань)**. Как правило, партнерские отношения устанавливаются посредством подписания коммюнике главами государств, в котором указывается конкретный вид или область сотрудничества. Такие партнерские отношения основаны на взаимном доверии, невмешательстве, стремлении к сотрудничеству несмотря на разногласия. То есть, если Китай установил с государством партнерские отношения, то это значит, что между ними есть сферы для сотрудничества.

Следующий компонент (классообразующий) — **стратегический (Чжаньлюэ)**. Он означает, что отношения КНР с этими странами тесно связаны с решением международных и региональных вопросов, а взаимодействие в сфере политики и экономики, безопасности, военного дела осуществляется на высоком уровне. «Стратегическое партнерство» подразумевает долгосрочные, всеобъемлющие и стабильные отношения сотрудничества, а также означает, что в важнейших интересах, взглядах на будущее и в целом на глобальном уровне мнения партнеров близки или совпадают. При данном уровне партнерства общее, сближающее страны превышает различия в идеологии и общественном строе. То есть главное содержание таких отношений заключается в том, что мнения по региональным и международным вопросам совпадают.

Далее следует второй классообразующий компонент — **сотрудничество (Хэцзо)**. Данный компонент подразумевает взаимную координацию в политике, а также взаимодействие и взаимопомощь в экономической сфере. Если к слову сотрудничество не добавлен компонент «стратегический», то под таким сотрудничеством понимается в основном взаимодействие в сфере экономики.

Основное определение **всепогодный, всеобъемлющий или многовекторный (Цюаньтяньхоу, Цюаньмянь, Цюаньфанвэй)** показывает, что существует всестороннее и многослойное взаимодействие в экономической, военной, научной, технологической, политической областях, а также в сферах культуры, безопасности, транспорта, охраны окружающей среды, общества. Второе основное определение **дружественный (Юхао)** делает акцент на высоком уровне координации в политической сфере.

Российский Китаевед В.Я. Портяков отмечает, что на практике система партнерских отношений способствует созданию благоприятной для Китая международной обстановки сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, она позволяет снизить степень конфронтации в межгосударственных отношениях с такими сложными для Китая партнерами, как, например, США и Япония. В этом смысле инструмент партнерских отношений косвенно служит повышению уровня безопасности Китая.

Во-вторых, акцент на сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды или компромисса в сфере международных отношений способствует улучшению общей атмосферы отношений КНР со страной-партнером и решению тех или иных сложных проблем.

В-третьих, институт партнерства продемонстрировал свою эффективность, обеспечивая определенное снижение негативного имиджа Китая, а именно препятствуя распространению теории так называемой желтой угрозы.

В целом же система партнерских отношений является тщательно просчитанной стратегией, позволяющей стране обойти различные международные опасности и угрозы в XXI веке¹⁷.

В 2011 г. Россия и Китай установили «Отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» (*Цюаньмянь чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси*). В настоящее время эти отношения продолжают активно развиваться и совершенствоваться. Такой вид партнерских отношений уникален: Россия и Китай осуществляют со-

трудничество в ключевых областях — политике, экономике, безопасности, культурной, социальной, военной и т.д. Уникальность этого вида партнерства отражена и в его названии. В него входит компонент «кооперирование, сотрудничество» (*Сецзо*), который больше не встречается в названии других уровней. Сотрудничество, при котором страны разделяют одни и те же интересы, имеют схожую позицию, готовы вместе противостоять угрозам и формировать очертания современного миропорядка, — все это характеристики партнерских отношений России и Китая. Успешное взаимодействие двух стран ведет к поддержанию многополярного мира в системе международных отношений. Аналитики отмечают, что стратегические отношения двух государств нельзя рассматривать как союз против Европы или США, их целью является только защита собственных интересов и безопасности¹⁸.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что установление разнообразных по форме и конкретному содержанию отношений партнерства с различными государствами и региональными межгосударственными объединениями стало важным инструментом внешней политики Китая. Уровневая структура системы партнерства включает в себя три уровнеобразующих компонента: базовый, классообразующий и основное определение. Комбинация компонентов из трех разных групп образует различные уровни партнерств. Максимально возможное количество комбинаций уровнеобразующих компонентов при образовании уровней партнерств составляет 32. Китай использует из них примерно полтора десятка. Данное количество может быть расширено за счет различных дополнительных определений. Система уровней партнерства подвижна: возможно появление новых уровней партнерства и исчезновение уровней, теряющих свою актуальность. Уровневая система партнерства представляет собой сеть, ключевыми узлами которой выступают отдельные страны и межгосударственные объединения. Система партнерских отношений, ее функции, уровни и их конкретное содержание будут претерпевать дальнейшую эволюцию и останутся в арсенале внешнеполитического инструментария КНР еще долгое время.

1. «Цюанью хобань гуаньси» ванло жи чэнсин чжунго «пэню цюань» юэ лай юэ да: [Сеть «Глобальное партнерство» становится все более и более популярной в Китае]. URL: http://www.cssn.cn/hqxx/201704/t20170416_3487295.shtml (дата обращения: 31.10.2018).
2. Си Цзиньпин чуси чжунян вайши гуицзо хуэй бин фабяо чжуньюэ цзянхуа: [Выступление Си Цзиньпина на рабочей конференции ЦК КПК по внешнеполитическим вопросам]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 31.10.2018).
3. Мокрецкий А. Ч. Глобализация 2.0, или «Рах Sinica» в XXI веке. // Социально-политическая ситуация накануне XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 15 и 17 марта 2017 г.). М.: ИДВ РАН, 2017. С. 247.
4. Чжунго дуйвай «хобань гуаньси» да паньянь: [Китайское внешнеполитическое «Партнерство»]. URL: <https://new.qq.com/cmsn/20160415/20160415021956> (дата обращения: 31.10.2018).
5. Хобань гуаньси: [Партнерские отношения]. URL: <https://baikc.baidu.com/item/huobanguanxi/2021956> (дата обращения: 31.10.2018).
6. Там же.
7. Сишо чжунго дуйвай хобань гуаньси: чжаньюэ сецзо вэй цзуйгао цэнци: [Китайское внешнеполитическое партнерство: стратегическое сотрудничество на высшем уровне]. URL: <http://finance.sina.com.cn/china/20141124/024420898324.shtml> (дата обращения: 31.10.2018).
8. Чжунго вайцзяо хобань гуаньси дэнци иланьбяо: [Список уровней партнерских отношений КНР]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/bb7927873086bceb19e8b8f67c1cfad6185fe95f.html> (дата обращения: 31.10.2018).

9. Чжунхуа жэньминь гуохэго вайцзяобу: [МИД КНР]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/> (дата обращения: 31.10.2018).
10. Дай Вэйлай. Чжунгодэ «цзебань вайцзяо» чжаньлюэ: тэчжэн, юанью цзи луцзин: [Стратегия китайской «дипломатии создания партнерств»: особенности, причины и пути] // Сяндай гоцзи гуаньси. 2015. № 10. С. 30.
11. Устоявшийся перевод, принятый в научном и политическом сообществе.
12. Промежуточный уровень: Инновационные отношения стратегического партнерства (*Чуансинь чжаньлюэ хобань гуаньси*)
13. Указан устоявшийся перевод, принятый в политическом и научном сообществе России. Различие в переводе слова *Цюаньмянь* (всеобъемлющие, всесторонние) объясняется его сочетаемостью с классообразующими компонентами: *Цюаньмянь + хэцзо* (всеобъемлющий и сотрудничество) = всесторонние партнерские отношения сотрудничества и *Цюаньмянь + чжаньлюэ* (всеобъемлющий и стратегия) = всеобъемлющие отношения стратегического партнерства.
14. Промежуточный уровень: Партнерские отношения сотрудничества нового типа (*Синьсин хэцзо хобань гуаньси*)
15. Промежуточный уровень: Инновационное всестороннее партнерство (*Чуансинь цюаньмянь хобань гуаньси*)
16. Чжунгодэ «хобань» цюаньли хай фэньчжэ цигэ цэнцзи: [«Партнеры» КНР также делятся на семь уровней]. URL: <https://www.jfdaily.com/news/detail?id=58802> (дата обращения: 31.10.2018).
17. *Портяков В.Я.* Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // Общество и государство в Китае: ХLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 3. М.: Вост. лит., 2011. С. 204–208.
18. *Шарышев А.В.* Стратегическое партнерство между Россией и Китаем: актуальность и устойчивость двустороннего партнерства // Сравнительная политика. 2016. № 7. С. 112–117.

Круглый стол в ИДВ РАН

Вьетнамо-китайские отношения: трудный поиск согласия

20 февраля 2019 г. в ИДВ РАН состоялась российско-вьетнамская научная дискуссия в формате «круглого стола», посвященная отношениям Вьетнама и КНР и приуроченная к 40-летию «пограничной войны» между ними в 1979 г. Ее открыл директор ИДВ, д.и.н., профессор С.Г. Лузянин. С докладами выступили главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока» д.э.н. В.Я. Портяков, почетный профессор ИДВ РАН, бывший директор, а ныне научный руководитель Института Китая Академии общественных наук Вьетнама д-р До Тиен Шам, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН к.и.н. А.С. Исаев, сотрудник Института экономики РАН к.э.н. Нгуен Тхань Кунг (СРВ), главный научный сотрудник ИДВ РАН д.и.н. Ю.М. Галенович, профессор Высшей школы экономики д.э.н. Е.А. Канаев, доцент Дипломатической академии МИД РФ к.и.н. П.Ю. Цветов, заместитель директора ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова к.и.н. А.Н. Карнеев, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.и.н. Г.М. Локшин, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН к.и.н. Е.В. Кобелев, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН к.полит.н. В.Б. Кашин. В общей дискуссии также участвовали заместитель директора ИДВ РАН к.и.н. С.В. Уянаев, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН д.э.н. В.М. Мазырин и др. Заочное участие в дискуссии приняли директор Института Китая ВАОН д-р Нгуен Суан Кыонг и ряд других ученых Вьетнама, а также известный эксперт по проблемам ЮВА профессор Карлиль Тэйер (Австралия).

Приветствуя участников «круглого стола» и гостей из Вьетнама, директор ИДВ профессор С.Г. Лузянин подчеркнул, что начавшаяся 40 лет назад война одной социалистической страны против другой стоила немалых жертв им обеими и вписала одну из самых трагических страниц в историю их взаимоотношений. Неслучайно после восстановления мира в 1991 г. руководители правящих коммунистических партий этих стран договорились не возвращаться к этой теме ни в своих выступлениях, ни в СМИ. И так было до самого последнего времени. Но в истории не бывает белых пятен, и вычеркнуть эту войну из памяти народов оказалось невозможно, тем более в эпоху информационной революции и Интернета.

У нас, признал С.Г. Лузянин, тоже были сомнения, но коллеги из Центра изучения Вьетнама и АСЕАН убедили, что спустя 40 лет было бы полезно всесторонне и объективно обсудить эти события, вскрыть мотивы поведения сторон, ошибки взаимного восприятия их друг другом и вытекающие из этого уроки для настоящего и будущего. Проявленный интерес нашей научной общественности к «круглому столу» и его представительный характер подтверждают, что они были правы.

Дело в том, что осложнившиеся в последние десятилетия отношения между КНР и СРВ — двумя стратегическими партнерами России в Азии — вызывают в нашей стране серьезную озабоченность. Официальная политика невмешательства в их споры в Южно-Китайском море, последовательно проводимая правительством РФ, по мнению С.Г. Лузянина, не означает и не влечет за собой безразличия и пассивности со стороны ученых и общественности. Мы убеждены в том, что Вьетнам и Китай имеют все возможности и должны разрешить эту проблему мирно, на основе международного права и достигнутых руководством обеих стран договоренностей. Эта позиция была неоднократно зафиксирована в российско-вьетнамских документах последних лет. Она не имеет разумной альтернативы, но нуждается в активном научном сопровождении, постоянном разъяснении в СМИ и поддержке самых широких кругов общественности как у нас в стране, так во Вьетнаме и в Китае. Хотелось бы видеть, сказал в заключение С.Г. Лузянин, как усилия наших ученых, их коллег в Китае, во Вьетнаме, в других странах способствуют поиску решения трудных вопросов, накопившихся, к сожалению, в отношениях двух наших стратегических партнеров — КНР и СРВ, народам которых мы искренне желаем мира и процветания.

Открывая дискуссию, ведущий «круглого стола» Г.М. Локшин кратко охарактеризовал обстановку, сложившуюся в конце 1970-х годов в мире и в отношениях КНР и СССР. Он подробно остановился на событиях в соседней с Вьетнамом Камбодже, где к власти пришло поддерживаемое Китаем движение «красных кхмеров» во главе с радикальными национал-экстремистами Пол Потом и Иенг Сари. Они установили жесточайший полицейский режим и начали массовые репрессии против соотечественников, но особенно против проживавших в стране вьетнамцев. За четыре года у власти «красные кхмеры» уничтожили, по разным данным, более 1,7 млн человек — почти четверть 7-миллионного населения страны.

Не прошло и месяца после освобождения Сайгона и прекращения войны во Вьетнаме, как уже 20 мая лидеры «красных кхмеров» объявили Вьетнам своим «врагом № 1». С 1977 г. созданные ими войска начали регулярно вторгаться на территорию Вьетнама. Ханой долго не поддавался на вооруженные провокации «красных кхмеров», но они отвергли все предложения о переговорах. Тогда Вьетнам начал работу по формированию оппозиции и подготовке восстания против режима Пол Пота. 2 декабря 1978 г. был создан «Единый фронт национального спасения» под руководством Хенг Самрина и Хун Сена, ранее дезертировавших из армии Пол Пота. (Хун Сен и ныне возглавляет правительство Камбоджи.) А 27 декабря 1978 г. туда были введены войска СРВ, которые за неделю взяли Пномпень и все крупные города. 10 января 1979 г. была провозглашена Народная Республика Кампучия, а 18 февраля премьер-министр СРВ Фам Ван Донг подписал с ней Договор, который предусматривал нахождение в Камбодже вьетнамских войск для защиты от окопавшихся в горных и лесистых районах в западной части страны, ближе к границе с Таиландом, остатков вооруженных сил Пол Пота.

Мнения ученых разных стран относительно действий Вьетнама менялись с тех пор не раз. Сначала многие называли их агрессивней и сравнивали роль Вьетнама в Камбодже с ролью СССР в Афганистане. Другие рассматривали эти события как войну Китая и СССР силами своих проху — режима Пол Пота в Камбодже и Вьетнама. Но уже к концу 1979 г., когда всему миру стали известны факты чудовищных злодеяний режима Пол Пота против своего собственного народа, большая часть научного сообщества начала осознавать, что конфликт в Камбодже имел свои собственные причины. В настоящее время интервенция Вьетнама в Камбодже уже широко признается как акт самообороны. В интервью агентству VTC News по случаю 40-летия свержения режима «красных кхмеров» в Камбодже один из наиболее авторитетных экспертов, австралийский профессор Карлиль Тэйер отметил, что с большим опозданием, но мир все-таки правильно оценил жертвы, принесенные вьетнамскими бойцами в тяжелейшее для Камбоджи время. Если

бы не интервенция Вьетнама, сказал он, народ Камбоджи вообще вряд ли выжил бы¹. А премьер-министр Хун Сен, выступая в день 40-летия свержения режима Пол Пота на открытии памятника погибшим бойцам ВНА, назвал его «Днем второго рождения» Камбоджи после завоевания независимости от Франции.

Вьетнам ввел свои войска в Камбоджу не из соображений «благотворительности», а исходя из интересов собственной безопасности. Руководители СРВ действительно хотели создать в Камбодже дружественное государство, дабы положить конец опустошительным набегам в пограничные провинции на юго-западе страны. Но для этого им пришлось еще почти 10 лет держать там свои войска. Ведь «красные кхмеры» при поддержке Китая и Таиланда, при благожелательном невмешательстве США и при осуждении Вьетнама со стороны первой пятерки стран АСЕАН тоже не собирались сдаваться. Благодаря внешней поддержке они сумели перегруппироваться и частично восстановить силы, но, потеряв доверие населения, на возвращение власти уже не претендовали. Тем не менее введение вьетнамских войск в Камбоджу тоже не вызвало энтузиазма у населения, учитывая его давние этнические трения с вьетнамцами.

США и другие западные страны имели всю информацию о масштабах злодеяний клики Пол Пота, но ничего не сделали, чтобы положить им конец. Они закрыли глаза и на помощь им Китая и Таиланда оружием, боеприпасами и продовольствием. С их согласия представители Пол Пота до 1993 г. занимали место Камбоджи в ООН. Не раз там бывали корреспонденты американских газет и делегации маоистов из Швеции и других европейских стран. Все они после щедрого приема воспевали режим Пол Пота. А когда он в 1978 г. прибыл с визитом в Пекин, ему был устроен пышный прием. Поэтому свержение режима Пол Пота послужило сигналом для введения войск КНР во Вьетнам.

Анализу характера «пограничной войны» Китая с Вьетнамом в 1979 г. был посвящен обстоятельный доклад главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», доктора экономических наук В.Я. Портякова, работавшего в те годы в посольстве СССР в Китае.

Вторжение Китая во Вьетнам в феврале—марте 1979 г., отметил В.Я. Портяков, было порождено целым комплексом различных факторов и причин. Начальным толчком к ухудшению двусторонних отношений послужило неожиданное для многих, в том числе и для Пекина, освобождение вьетнамскими коммунистами юга страны в конце апреля 1975 г. Именно с этого момента зафиксировали ухудшение отношений эксперты Университета Цинхуа. Пекин был явно недоволен планами Вьетнама, направленными на обеспечение доминирующих позиций в Индокитае в целом. Стремлением воспрепятствовать этому, предположил докладчик, во многом объясняется безоговорочная поддержка Китаем режима Пол Пота, захватившего власть в Камбодже в апреле 1975 г. Масла в огонь добавили гонения северян на лиц китайского происхождения (*хуацяо*) — поначалу на крупных торговцев и банкиров в Сайгоне, а затем и на всей территории страны. Китай изъявил готовность принять соотечественников, и в течение 1977–1978 гг. на юг страны прибыло, по китайским данным, до 200 тыс. *хуацяо* из Вьетнама.

Весомую роль, по мнению В.Я. Портякова, сыграл и «советский фактор». Вьетнам в 1970-е годы отошел от политики «равной близости» к Москве и Пекину. Он стал активно сближаться с Советским Союзом, что вылилось в конечном счете во вступление в СЭВ в июне 1978 г. и подписание Договора о дружбе и сотрудничестве в декабре 1978 г. Ориентированный на Советский Союз Вьетнам воспринимался руководством КПК того времени не иначе, как угроза своей безопасности.

Так что решение Дэн Сяопина «проучить Вьетнам», как показал докладчик, преследовало сразу несколько целей. На первом плане было само по себе желание накачать Ханой за свержение режима Пол Пота, означавшее утрату главной точки опоры в Индокитае. Одновременно США получали прямое доказательство готовности Пекина к координации политики по противодействию ожидаемой экспансии СССР в Азии. Немаловажным

фактором некоторые наблюдатели посчитали и намерение Дэна показать военной верхушке страны старой закалки необходимость безотлагательной модернизации армии.

Тем не менее в возможность развязывания войны между двумя социалистическими странами до последнего мало верили в Москве и в Ханое. В качестве примера докладчик привел итоги состоявшегося в Институте востоковедения АН СССР в июне 1978 г. ситуационного анализа. Такие «мозговые штурмы» были введены тогда в практику директором ИВ АН академиком Е.М. Примаковым. На вопрос о вероятности начала военных действий между Пекином и Ханоем 90 процентов участников дали отрицательный ответ.

А тем временем, в июле 1978 г., Политбюро ЦК КПК уже рассматривало вопрос применения военных мер против Вьетнама. В ноябре 1978 г. Дэн Сяопин посетил Таиланд и Сингапур, уведомив руководство этих стран о решимости «наказать» Вьетнам за возможное вторжение в Камбоджу и одновременно заверив партнеров в ограниченности такой акции по масштабам и по времени. Тогда же он побывал в Японии и США, где тоже не встретил никаких возражений своим планам.

17 февраля 1979 г. вооруженные силы НОАК численностью около 300 тыс. человек с 400 танками атаковали оборонительную линию и города вдоль вьетнамо-китайской границы. Ожесточенное сопротивление местных вооруженных сил и милиции Вьетнама, многие бойцы которых имели большой опыт боевых действий, сильно замедлило продвижение китайских войск. Сказались и просчеты китайского планирования, отсутствие боевого опыта и налаженного взаимодействия танков, артиллерии и пехоты.

Китай понес весьма тяжелые потери. По приведенным докладчиком зарубежным оценкам, они составили до 25 тыс. убитыми и 37 тыс. ранеными. Тем не менее, с точки зрения Пекина, «контрудар в целях самозащиты», как назвали эту операцию в Китае, достиг поставленных целей. Вьетнам «получил урок» и стал, как там считали, менее амбициозен в своей политике в Индокитае.

В.Я. Портяков показал серьезные последствия этой войны как для ее участников, так и для Советского Союза и всей международной обстановки. Она привела, по его мнению, к ослаблению позиций социализма в мире.

Для Китая она послужила закреплению курса на сближение с Западом. Одновременно было сорвано наметившееся во второй половине 1978 г. потепление в китайско-советских отношениях. Пекин получил повод отказаться от продления Договора 1950 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. В дальнейшем он существенно затянул процесс нормализации двусторонних отношений, выдвинув в качестве предварительного условия устранение Москвой так называемых трех препятствий, а именно: присутствия вьетнамских войск в Камбодже, советских войск — в Афганистане и общего сокращения советских войск вдоль линии границы с КНР и в Монголии до уровня начала 1960-х годов.

Серьезное осложнение отношений с Китаем на целое десятилетие, большие потери живой силы, разрушение всей инфраструктуры в северных провинциях, огромные военные расходы и содержание почти полутора миллионной армии — все это привело к крайнему осложнению и без того почти катастрофической социально-экономической ситуации во Вьетнаме и надолго задержало проведение давно назревших рыночных реформ, однотипных с теми, что проходили в Китае. Докладчик высказал мнение, что это привело и к пересмотру внешнеполитического курса Вьетнама, определенному разочарованию в СССР и постепенной переориентации на АСЕАН.

Политике Советского Союза и его роли в рассматриваемом конфликте посвятил свой доклад ведущий научный сотрудник ИДВ РАН к.и.н. А.С. Исаев. Начиная войну с Вьетнамом, Китай, по его словам, понимал, что реакция Советского Союза будет крайне негативной, и, тем не менее, сознательно шел на эти действия. Эта война стала поводом показать готовность Пекина занять сторону США в противостоянии с СССР и про-

демонстрировать Западу желание КНР идти дальше по пути отхода от классического, по тем временам, социализма, то есть от СССР и Восточной Европы.

Поддержка Советским Союзом борьбы вьетнамского народа против китайской агрессии развивалась, как показано в докладе, сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, уже на следующий день после вторжения НОАК, 19 февраля 1979 г., СССР выступил с заявлением, категорически осуждающим китайское вторжение. При этом было подчеркнуто, что Советский Союз выполнит обязательства, взятые на себя по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ, который был заключен 4 ноября 1978 г.

Во-вторых, была оказана крупномасштабная военная поддержка. В тот же день, 19 февраля, в Ханой прибыла группа из 13 генералов и 7 полковников — специалистов по основным родам войск для оказания практической помощи командованию ВНА в отражении китайского наступления. Ее возглавлял опытный военный руководитель в звании генерала армии Г.И. Абатуров. За неполный месяц с начала войны во Вьетнам было доставлено более 1000 ед. боевой техники (танков и орудий), 20 самолетов и вертолетов, более 3 тыс. тонн вооружения, имущества и боеприпасов. Сразу после вторжения СССР и Монголия привели свои войска в состояние повышенной боевой готовности на случай нежелательного развития событий. На Дальнем Востоке, в Монголии были сформированы мощные военные группировки. Все это не позволило Китаю начать переброску дополнительных подразделений и боевой техники с Севера на Юг.

В-третьих, был задействован потенциал советских ВМС и ВВС. Корабли Тихоокеанского флота СССР с лета 1978 г. проводили военные учения в районе Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Там была сконцентрирована крупная военно-морская группировка в составе 13 военных кораблей. Советский флот использовал в этом районе бывшую военно-морскую базу США Камрань. Активно работала советская военно-транспортная авиация, осуществлявшая переброску вьетнамских подразделений с юга к ТВД (более 20 тыс. личного состава). Советской авиацией осуществлялась воздушная разведка в зоне боевых действий. Все это, вместе с созданной ранее сильнейшей ПВО во Вьетнаме, привело к тому, что Китай не рискнул применить свои ВВС и ВМС, ограничившись только действиями сухопутных войск.

В-четвертых, СССР оказал всю возможную дипломатическую и морально-политическую поддержку СРВ. В стране и на международной арене прилагались усилия для формирования благоприятного для Вьетнама отношения мирового общественного мнения. В кратчайший срок была созвана представительная международная конференция в Хельсинки с участием более 100 национальных и 30 международных неправительственных организаций под девизом «Руки прочь от Вьетнама!».

В продолжение темы были заслушаны доклады д.и.н. Ю.М. Галенювича и к.и.н. А.Н. Карнеева, которые остановились на представлении общественности и восприятии этой войны в Китае. Первый обратился к вышедшему в 2005 г. в Китае документальному фильму, в котором отражена официальная трактовка тех событий. В нем зрителям внушается, что «конфликт военного характера» на границе Китая и Вьетнама как бы продолжает историю отечественных войн китайского народа в защиту рубежей родины. Описание и характеристика событий в этом фильме производит двойственное впечатление. С одной стороны, авторы продолжают оправдывать войну Дэн Сяопина против Вьетнама, а с другой — создают впечатление, что эта война оказалась совсем никому не нужной. «Спасти положение» они пытаются, свалив всю вину за нее на СССР. Дэн Сяопину «пришлось» дескать начать эту войну, реагируя на действия вьетнамской стороны, которая пользовалась поддержкой СССР. На самом же деле с течением времени, подчеркнул докладчик, многим людям в КНР становится все более очевидно, что война эта оказалась «зряшной» и вредной для народов Вьетнама и Китая.

А.Н. Карнеев затронул проблемы восприятия в современном Китае отношений с Вьетнамом в контексте оставшихся от 1979 г. психологических шрамов и ран, а также на фоне других факторов, влияющих на восприятие друг друга китайцами и вьетнамцами. Взаимное восприятие граждан двух стран и сегодня представляет сложный комплекс чувств и эмоций, накладывающийся на двухтысячелетнюю историю и драматические перипетии их отношений в XX веке. Для современных вьетнамцев память о пограничном конфликте с северным соседом служит одним из важных мотивов патриотической мобилизации. И в этом году, после многих лет умалчивания там появилось множество публикаций, посвященных этой войне.

Завершил эту часть дискуссии доклад к.и.н. **Е.В. Кобелева** о нормализации вьетнамо-китайских отношений в 90-е годы прошлого столетия. Процесс, как им было показано, продвигался с большим трудом. Только вывод вьетнамских войск из Камбоджи в 1989 г. и принятие Ханоем и Пекином мирного плана ООН о всеобъемлющем урегулировании камбоджийской проблемы открыли путь к этой нормализации отношений.

В ноябре 1991 г. в Пекине стороны заявили, что готовы развивать отношения дружбы и добрососедства на основе пяти принципов мирного сосуществования. А через два года, в октябре 1993, они договорились о демаркации сухопутной границы (завершена в 2008 г.), о разграничении в Тонкинском заливе и о создании условий мира и стабильности в зоне Южно-Китайского моря. Еще через пять лет стороны обозначили свои отношения формулой из «16 золотых иероглифов», означающих дружбу и добрососедство, всестороннее сотрудничество, долговременную стабильность, ориентацию в будущее. В 2005 г. по итогам визита в СРВ генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао эта формула была дополнена «четырьмя хорошо»: «хорошие соседи, хорошие друзья, хорошие товарищи, хорошие партнеры». Однако претворить ее в жизнь оказалось нелегко.

По всем представленным докладам развернулась дискуссия. Выступавшие отмечали, что ухудшение вьетнамо-китайских отношений произошло еще на завершающем этапе войны с США, когда вьетнамское руководство пришло к выводу, что Вьетнам стал для Китая разменной монетой в отношениях с Америкой. В ходе Парижских переговоров Пекин подталкивал руководство ДРВ к договоренности с сайгонскими властями. Его не устраивало воссоединение Вьетнама. При этом ДРВ отводилась роль буфера на Юге наподобие Северной Кореи.

Генеральный секретарь КПВ Ле Зуан — главный вдохновитель и организатор борьбы за воссоединение страны — категорически отклонил все советы Пекина. А после того как в феврале 1972 г. США и КНР подписали «шанхайское коммюнике», он окончательно убедился, что Мао попросту продал Вьетнам в обмен на то, чтобы США признали КНР, а впоследствии установили с ней дипломатические отношения.

Возражения некоторых участников вызвали многие пропагандистские клише, выдвинутые Китаем в оправдание своей агрессии. Главной ее целью, по их мнению, было обеспечение интересов великодержавной гегемонии КНР в Индокитае, т.е. именно то, в чем Пекин обвинял Вьетнам, который, опьяненный якобы своими победами, вознамерился создать Индокитайскую федерацию, включив в нее Лаос и Камбоджу. И это утверждалось в то время, когда на самом деле вышедший из 30-летней войны сначала с Францией, а затем с США Вьетнам лежал в руинах с огромными потерями и почти парализованной экономикой. Люди даже не успели почувствовать возвращения мира, как вновь оказались втянутыми в войну. После всех своих побед Вьетнам был настолько ослаблен, что находился на краю пропасти. Ни о какой Индокитайской федерации в этих условиях, говорилось в ходе дискуссии, не могло быть и речи, и никто в Ханое о ней в то время даже не помышлял.

Конечно, свержение Пол Пота вызвало большое недовольство в Китае, ибо нанесло удар по его престижу. Но дело было не в том, чтобы «проучить» за это Вьетнам, а в том, чтобы спасти режим Пол Пота.

Не выдерживают критики, по мнению ряда участников дискуссии, и обвинения в гонениях северян на проживавших во Вьетнаме китайцев, в защиту которых якобы выступил Пекин. Проведенная на Юге национализация крупной частной торговли и промышленности, прежде всего, в Сайгоне (ныне Хошимин), действительно, сильно затронула интересы ведущих китайских кланов. Но массовый исход китайцев из Сайгона (а их только в китайском анклаве Телон проживало более 600 тыс.) и из других районов Вьетнама готовился заранее и был целенаправленно спровоцирован засланной многочисленной китайской агентурой. Более 170 тыс. обманутых людей легальными и нелегальными путями рвались покинуть Вьетнам и уйти в Китай. Часть из них вернулись на историческую родину сушей. А многие отправились в путь по Южно-Китайскому морю на лодках, но лишь немногие добрались до берега.

Все выдвинутые Дэн Сяопином аргументы имели одну главную цель — свалить ответственность за войну на Вьетнам и замаскировать собственную агрессию. Вместе с тем, говорили участники дискуссии, начатая им война должна была стать проверкой того, какова будет реакция СССР, вступит ли он в войну? Дэн, конечно, понимал, что этого не произойдет. Но ему было важно показать Вьетнаму и другим странам, что СССР — это «бумажный тигр» и надеяться на его помощь никому не следует. Как похвалялся тогда председатель КНР Хуа Гофэн, «Пекин осмелился дернуть русского медведя за хвост, и... ничего при этом не случилось»².

В представленных докладах фигурировала мысль о том, что это ему частично удалось и действия СССР якобы вызвали «разочарование» во Вьетнаме, приведя к «пересмыслению им внешнеполитического курса». Но не все участники дискуссии с этим согласились. Такие суждения оценивались ими как не имеющие оснований. Они часто приводятся в китайских источниках, но явно рассчитаны на неосведомленных людей в Китае и в других странах. У власти в Ханое тоже были не наивные руководители, которые ожидали немедленного вступления СССР в войну с Китаем, способную перерасти в ядерную. Они сами принимали меры, чтобы не допустить эскалации конфликта. Это были умелые «политические канатоходцы», которые успешно прошли по натянутой проволоке между Китаем и СССР в 1960–1970 гг., заполучив поддержку обеих сторон.

В итоге Китаю не удалось вынудить Вьетнам вывести свои войска из Камбоджи или изменить свой внешнеполитический курс. Это произошло позднее и было связано с другими обстоятельствами. Разговор о них состоялся после доклада Е.В. Кобелева о нормализации отношений между сторонами в 1990-е годы после распада СССР и прекращения существования социалистического лагеря в Восточной Европе.

Вторую часть дискуссии, посвященную современным отношениям двух стран, открыл доктор До Тиен Шам докладом «Сотрудничество и противостояние в отношениях Вьетнама и Китая за прошедшие 40 лет». Стремясь определить свои позиции как в сотрудничестве, так и борьбе с Китаем, Вьетнам, по утверждению докладчика, настойчиво следовал курсом независимости и автономии, осуществляя принятую в 1986 г. на VI съезде КПВ установку на диверсификацию и многосторонность международных отношений.

Выступление коллеги дополнил вьетнамский сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН Нгуен Куок Хунг докладом о проблемах в Южно-Китайском море. В нем был дан анализ сложившейся там опасной ситуации и рассматривались пути превращения Южно-Китайского моря в район взаимного доверия, добрососедства и плодотворного сотрудничества всех государств, чьи интересы связаны с этой морской акваторией.

В Южно-Китайском море, подчеркнул докладчик, необходимо вырабатывать общую политическую волю, доверие и создать основанные на международном праве механизмы для преодоления трудностей и содействия сотрудничеству, миру и стабильности в регионе.

Профессор НИУ ВШЭ Е.А. Канаев и его ассистент Ю.А. Воскресенская в совместном докладе осветили значение китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПП) и роль в ней Вьетнама, через который проходит сухопутный коридор Китай — Индокитай и часть Морского Шелкового пути XXI века. Они отметили, что посредством ОПП Китай позиционирует себя в мире как едва ли не единственного поборника идеи инклюзивного развития в противовес курсу США на протекционизм под девизом «Америка прежде всего!»

Развитие инфраструктуры, лежащее в основе ОПП, было и остается одним из ключевых факторов успеха в модернизации Вьетнама. Но при этом, указывают авторы, он стремится избежать зависимости от КНР и проводит политику диверсификации экономического сотрудничества, всячески привлекая инвестиции из других стран. Поэтому позиция Вьетнама по отношению к ОПП пока остается сдержанной. Но влияние ОПП на состояние торговли между СРВ и КНР уже сказывается и привело к почти двукратному увеличению товарооборота, который в 2017 г. превысил 120 млрд долл. при сохранении у Вьетнама значительного дефицита³.

В развернувшейся по этому поводу дискуссии ее участники обратили внимание на то, что осуществление ОПП уже оказывает влияние на политические отношения Китая с Вьетнамом и другими странами АСЕАН. Для успеха этого грандиозного проекта Китаю требуются мир и стабильность в ЮВА в целом и в Южно-Китайском море в частности. С этой точки зрения для Вьетнама открываются некоторые дополнительные возможности достижения договоренности с Китаем по спорным территориальным проблемам на море.

Выступивший с комментарием и дополнением к докладу руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН д.э.н. В.М. Мазырин остановился на особенностях региональной интеграции в ЮВА и участии в них Вьетнама. Он обратил внимание на некоторые проблемы, возникающие с чрезмерным, на его взгляд, увлечением Вьетнама иностранными инвестициями, особенно американскими.

Роли Вьетнама в стратегическом треугольнике Китай — Вьетнам — США был посвящен доклад модератора «круглого стола» Г.М. Локшина. Отношения с КНР в странах ЮВА, по его словам, называют «танцами со слоном». За последние десятилетия они научились страховать многие политические риски от соседства с такой огромной и могущественной державой и одновременно извлекать для себя немалые выгоды из мощного подъема Китая.

В этом смысле Вьетнам не был исключением. Как более слабое государство, он многие годы прибегает к известной с древних времен на Востоке тактике: сильнейший ожидает уважения и послушания, а слабейший не жалеет для этого слов, но добивается, чтобы его автономность и интересы тоже соблюдались. «Тирания географии», о которой часто напоминают многие наблюдатели, анализируя отношения Китая и Вьетнама, огромная асимметрия в территории и населении, в соотношении экономических и военных потенциалов двух стран неизменно заставляют руководство КПВ терпеливо искать компромисс, иногда идти на уступки ради сохранения своего суверенитета, мира и стабильности в регионе. Обе стороны неизменно стремятся выделить свои территориальные споры в Южно-Китайском море как бы в «отдельную корзину», не допуская их негативного воздействия на двусторонние отношения в других областях. Между ними создан и активно работает полномасштабный механизм двусторонних контактов на всех уровнях. Вьетнам предпочел бы иметь куда более гармоничные, стабильные и взаимовыгодные отношения со своим главным торговым партнером — Китаем.

Вместе с тем возникшие противоречия между Китаем и США создали для Вьетнама возможность выстроить выгодные для себя отношения как с США, так и с их союзниками и партнерами. После визита президента СРВ Чыонг Тан Шанга в США в июне 2013 г. стороны в Совместном заявлении обязались строить свои отношения на основе уважения суверенитета и выбора собственного пути развития. Экономическое сотрудни-

чество между ними развивается быстрыми темпами. США — главный рынок для вьетнамского экспорта. Но военное сотрудничество, несмотря на снятие Б. Обамой в 2016 г. всех ограничений на продажу вооружений, пока весьма ограничено. Каждый шаг со стороны Вьетнама в сближении с США — это своеобразное послание Китаю, что сотрудничество лучше конфронтации. Вьетнаму приходится соблюдать осторожность, чтобы «дракон за дверью спал спокойно».

Вьетнам, занимающий стратегическое положение в обозначенном треугольнике Китай — Вьетнам — США, стал объектом попыток последних перетянуть его на свою сторону. Стратегический выбор Вьетнама — это неприсоединение. Ему приходится отстаивать свой суверенитет в акватории Южно-Китайского моря, когда ситуация там осложняется, а оно все больше превращается в арену противоборства США и Китая. Встает вопрос, должен ли Вьетнам вмешиваться, реально рискуя стать первой «жертвой» возможной схватки двух гигантов?

Основой вьетнамской внешней политики является принцип стратегической автономии — нежелание быть младшим партнером в любом союзе и заключать союзы, в которых вьетнамские интересы будут подчинены интересам других стран. Страна планирует сохранять эту автономию и в дальнейшем, хотя делать это становится все сложнее: нарастание противоречий между Вашингтоном и Пекином потребует так или иначе определиться с местом в мире, где на фоне формирующейся полицентричности две сверхдержавы конкурируют друг с другом. В предшествующие годы маятник слишком сильно качнулся в сторону Америки, сейчас он явно движется в сторону Китая, овладевшего стратегической инициативой.

Фактору Китая в современных российско-вьетнамских отношениях посвятил свой доклад доцент Дипломатической академии МИД РФ П.Ю. Цветов. Сегодня, подчеркнул он, нашим приоритетным партнером в Азии, бесспорно, является Китай. Об этом говорится во многих официальных документах, в том числе в Концепции внешней политики РФ. В этом же документе упоминается и Вьетнам, но на 6 пунктов ниже.

Докладчик привел слова российского министра иностранных дел С.В. Лаврова, который подчеркивал, что Россия «ни с кем не дружит против третьей страны». Китай, по мнению докладчика, сильно осложняет наши отношения с Вьетнамом своей жесткой позицией по ЮКМ. Пекин хочет, чтобы все признали это море фактически «внутренним озером» Китая с вытекающими отсюда последствиями. Россия заявляет о своем невмешательстве в территориальный спор, но выступает за его мирное решение путем переговоров на основе международного права и Конвенции ООН 1982 года по морскому праву. Однако по ряду вопросов позиция России в силу ее собственных интересов иногда заметно расходится с позициями Китая и Вьетнама. Это было видно, например, из отказа поддержать вердикт арбитражного суда в Гааге в июле 2016 г., проходившего в отсутствие Китая и отвергнувшего все его претензии на некие «исторические права» в ЮКМ, или же в отношении действий США в этом регионе и тенденции Вьетнама к интернационализации споров в ЮКМ. Ничего удивительного в этом нет. И Китай, и Вьетнам по ряду вопросов тоже занимают на международной арене отличные от России позиции. Пекин уже неоднократно выражал недовольство сотрудничеством ведущих российских компаний с вьетнамскими в деле разведки и добычи природного газа и нефти на шельфе Вьетнама в ЮКМ.

Тему продолжил доклад к.полит.н. В.Б. Кашина, посвященный военно-техническому сотрудничеству России с КНР и Вьетнамом в контексте противоречий в ЮКМ. Россия, как показал докладчик, продолжает развивать интенсивное военно-техническое сотрудничество как с КНР, так и с Вьетнамом, являясь главным партнером обеих стран в этой сфере. Тема ВТС периодически поднимается китайской стороной в ходе контактов с российскими коллегами. Недовольство высказывается и в китайских СМИ, особенно в связи с реализовывавшимся в последние годы контрактом на поставку во Вьетнам шес-

ти дизель-электрических подводных лодок проекта 636. Однако контакты с китайскими специалистами в сфере безопасности показывают, что выражение недовольства носит скорее профилактический характер, чтобы «Россия не заходила слишком далеко». В Пекине понимают, что альтернативой военно-техническому сотрудничеству России со странами АСЕАН является их более тесное партнерство с США.

Оба доклада вызвали немало вопросов и комментариев. Выступавшие говорили, что отношения России с Китаем и Вьетнамом определяются как стратегическое партнерство. Когда говорят о партнерстве, неизбежно встает вопрос, кому и зачем оно нужно? Ответ прост — оно должно быть выгодно обоим партнерам. При этом не всегда только в финансово-экономическом плане. В неявном виде это заключается и в их геополитических интересах. Вьетнам нужен России не как альтернатива и не против Китая, а *наряду с ним* как возможность диверсифицировать политические и торгово-экономические отношения в Азии, чтобы «не складывать все яйца в одну корзину» и не впасть в зависимость от какой-либо одной страны.

По мнению участников дискуссии, придавая исключительное значение стратегическому партнерству с Китаем, следует помнить и известное указание недавно ушедшего от нас выдающегося востоковеда и знатока Китая, директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко, который учил: *«Развивая стратегические отношения с Китаем по всем возможным направлениям, необходимо отслеживать и негативные моменты, которые тоже наличествуют в политике КНР — прежде всего, усиление националистических настроений»*⁴.

Развивая сотрудничество с Ханоем, включая экспорт вооружений, ВТС в целом, совместную добычу углеводородов на шельфе Вьетнама, Россия, как считают некоторые эксперты ИДВ, создает в ЮКМ более уравновешенную конфигурацию в плане баланса сил и интересов. Содействие повышению оборонительного потенциала Вьетнама не угрожает Китаю, но способствует сохранению мира и стабильности в регионе.

В создавшейся международной обстановке интересам России, по их мнению, больше отвечает становление Вьетнама как влиятельного регионального игрока, проводящего независимую внешнюю политику, чем его подчинение той или иной стороне в китайско-американском противостоянии. В связи с этим было бы полезным оказание более активной поддержки провозглашаемой им политики «трех нет», которая означает: неучастие в военных блоках, неразмещение иностранных военных баз на своей территории и невступление ни с одной страной в военный союз, направленный против другой.

1. Carlile A. Thyer. Vietnam's Intervention in Cambodia: Invasion or Liberation? // Thayer Background Brief. 09.01.2019.
2. Đảng Tiểu Bình và các mục tiêu của TQ trong cuộc chiến 1979: [Дэн Сяопин и цели Китая в войне 1979 г.] 17.02.2019. URL: <http://saigonbao.com/news-room-chdc/bbc.htm>.
3. Все цифровые данные взяты авторами с портала UNComtrade за соответствующие годы.
4. Цит. по: Титаренко М.Л. Геополитическое значение региона Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 39.

«Открытие» Китая капиталистическим миром и начало процесса модернизации страны (вторая половина XIX в.)

© 2019

Г.Н. Романова

В статье рассматривается первый этап модернизации Китая, который начался во второй половине XIX века под воздействием внешнего фактора — насильственного «открытия» страны ведущими державами Запада. Отмечается экзогенный тип экономической модернизации Китая. Констатируются наметившиеся в последнее время изменения в историографии по оценке «открытия» Китая, которое оказало влияние на ускоренное развитие страны по капиталистическому пути и явилось стимулом к проведению модернизации.

Ключевые слова: экономическая модернизация Китая, колониальная политика, капиталистические державы, внешняя торговля, промышленная революция, иностранный капитал, традиционное общество.

DOI: 10.31857/S013128120004646-1

Главное содержание международных отношений на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. определялось борьбой сильнейших капиталистических держав за приобретение колониальных владений. Промышленная революция резко ускорила развитие производительных сил в странах Западной Европы и Северной Америки: за 1820–1860 гг. объем производства и промышленности вырос в 6,5 раза. При этом на четыре страны — Англию, Францию, США и Германию — приходилось около 4/5 всей производимой промышленной продукции. Нарастающая диспропорциональность развития, прежде всего, промышленности и сельского хозяйства стала балансироваться расширяющимся разделением труда. Концентрация промышленного производства стимулировала развитие международной торговли, которая выросла за 1820–1860 гг. в 7,5 раза, т.е. темпы ее роста были примерно на 1/7 выше, чем темпы развития промышленности¹.

Американский ученый И. Валлерстайн подчеркивал: «Миро-система модернизируется представляет собой капиталистическое миро-хозяйство, и это означает, что ею управляет стремление к безграничному накоплению капитала... Эта миро-система сформировалась на протяжении XVI в., и первоначально сложившееся в ней разделение труда вовлекло

Романова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
E-mail: galnikrom@yandex.ru.

в ее состав большую часть Европы (за исключением Российской и Османской империй), а также отдельные части [обеих] Америк.

Эта миро-система территориально расширялась многие столетия, последовательно инкорпорируя в принятую в ней систему разделения труда все новые регионы. Восточная Азия стала последним большим регионом из тех, которые были таким образом инкорпорированы, и это произошло лишь в середине XIX в., после чего миро-системе модернизировать можно было счесть поистине всемирной, первой из миро-систем, которой удалось охватить весь земной шар»².

Модернизация в Китае в XIX — первой половине XX в. развивалась не под воздействием самостоятельно протекавших в обществе процессов, а прежде всего в результате влияния западных держав, в условиях незавершенности этапа первоначального накопления капитала, складывания внутреннего рынка. Модернизационные процессы проходили в большей степени под воздействием внешнего фактора, носили экзогенный тип. В этот период осуществлялся переход от традиционного, аграрного общества к новому, индустриальному³. Первый этап 1840–1910 гг. — начало модернизации Китая, которая проходила на 100 лет позже, чем в развитых странах. Ее целью было спасти страну от западного вторжения⁴.

Наиболее активную колониальную политику на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. проводила Англия. За ней следовали Франция и США, также стремившиеся воспользоваться отсталостью стран Восточной Азии, навязать им неравноправные отношения и договоры. Китай стал главным объектом торговой, военной и политической экспансии этих держав. С «открытием» Китая для иностранной торговли в результате «опиумных войн» (1840–1842 и 1856–1860 гг.) он стал превращаться в часть мирового капиталистического рынка⁵. В соответствии с первым неравноправным англо-китайским договором 1842 г. Англия добилась открытия для иностранной торговли пяти портов на побережье Китая (Шанхай, Кантон, Амой, Нинбо и Фучжоу); закрепления на «вечные времена» за ней Гонконга (Сянган); получила право экстерриториальности и организации селтльментов; в отношении Англии был установлен принцип наибольшего благоприятствования и т.п. После второй «опиумной войны» Китаем были заключены новые кабальные договоры с Англией и Францией. В тарифном соглашении, подписанном в Шанхае в ноябре 1858 г., опиум по настоянию англичан и французов был включен в список товаров, которые разрешалось беспрепятственно ввозить в Китай, выплачивая таможенные пошлины⁶.

Кроме Англии, Франции и США, многие небольшие капиталистические страны, такие, как Португалия, Бельгия, Швеция, Голландия, Испания, также усиленно стремились подписать с цинским правительством договоры с целью получения таких же особых прав, которых добились для себя крупные державы. С целью оправдания политики западных держав в отношении Китая видный американский историк, профессор Гарвардского университета Дж. Фэйрбэнк делает ссылку на то, что Цинская империя не соглашалась признать западные капиталистические государства равноправными партнерами и тем самым препятствовала развитию торговых и экономических связей с ними⁷. Отсюда следует, что «система договоров» как бы явилась приобщением Китая к этим отношениям.

Основным выражением политики капиталистических держав в отношении Китая в тот период являлось закрепление созданной ими в 1842–1860 гг. системы неравноправных договоров. В результате «опиумных войн» внешняя торговля Китая была подчинена иностранному капиталу. Китай стал утрачивать независимость и превращаться в полуколониальное государство. Опираясь на превосходство на море и более развитую по сравнению с другими странами Запада промышленность, Англия стояла в авангарде государств, проводивших экспансионистскую политику на Дальнем Востоке. Она занимала господствующее положение и во внешней торговле Китая. Так, например, из 219

иностранных фирм, действовавших в 1855 г. в Гонконге и 5 открытых портах, 111 были английскими и 45 индийскими, которые также контролировались Англией; США представляли лишь 23, Германию — 7, Францию — 6 фирм. Свыше 60% торговых операций в этих портах приходилось на британские компании. Из 300 иностранных морских судов, занимавшихся внешнеторговыми перевозками в китайских водах в 40-х годах, более 2/3 принадлежало англичанам. В 1871 г. на английский тоннаж приходилось 68% всех иностранных грузов, в то время как американский тоннаж составлял в 1875 г. 8%, немецкий в 1871–1874 гг. — около 7,4%, японский — 6,4%⁸.

По Тяньцзиньскому договору 1858 г. России были предоставлены такие же права, как США, Англии и Франции. С этого времени Россия и Китай получили возможность вести не только сухопутную приграничную торговлю, но и морскую; русские купеческие суда могли приходить в открытые порты⁹. Важным условием Тяньцзиньского договора служило предоставление России прав как наиболее благоприятствуемой нации, а ее подданным — права экстерриториальности. Однако оттого, что Россия в середине XIX в. только начала развивать морскую торговлю на Дальнем Востоке, воспользоваться этими правами в полной мере она не могла и по-прежнему основное внимание уделяла сухопутной торговле. Только с середины 1880-х годов российские корабли стали регулярно посещать Гуанчжоу и Шанхай: в начале 1890-х годов стоимость доставлявшихся ими в Одессу китайских товаров приближалась к уровню русского ввоза через Кяхту¹⁰.

В отличие от западноевропейских стран и США, осуществлявших колоннальную торговлю с Китаем, Россия не ввозила в эту страну опиум. Еще в 1841 г. в России был издан указ, официально запрещающий торговлю опиумом. В декабре 1843 г. последовал новый указ о запрете продажи опиума и о предании военному суду тех, кто нарушал его. Неизменная позиция России в этом вопросе была также подтверждена в русско-китайском Санкт-Петербургском договоре (ст. 15 Правил для сухопутной торговли)¹¹.

Во второй половине XIX в. основными экспортными товарами Китая были чай и шелк. В 1867 г. доля чая в стоимости китайского экспорта достигала 59%, шелка — 39%. В 1871 г. они составляли 92% в совокупном экспорте, в 1880 г. — 80%¹². В 1875 г. на чай, закупленный Англией, приходилось 53% общего экспорта Китая, на шелк-сырец, который вывозился в основном из Маньчжурии и провинции Сычуань, — 36%¹³. Резко возрос импорт в Китай английских хлопчатобумажных изделий. Значительное место в торговле Англии с Китаем по-прежнему занимал опиум, который стал поступать на китайский рынок без каких-либо ограничений¹⁴. Стоимость ввезенного в 1867 г. опиума составляла 46% всего импорта Китая, на 2-м месте были хлопчатобумажные ткани — 31% в 1870 г.¹⁵ К 1885 г. хлопчатобумажные изделия вышли на 1-е место, составив 35,7% ввоза, опиум переместился на 2-е место — 28,8%¹⁶. Характеризуя результаты «опиумных войн», русский китаевед академик В.П. Васильев писал: «Прежде курили немногие, и то в некоторых приморских городах. Ныне курят не только во всем Китае, но даже и в Монголии, и Маньчжурии; прежде курили тайком, ныне вместо обычной чашки чаю предлагают опиумную трубку. Прежде курили опиум, продаваемый одними англичанами, ныне разводят его... по всем провинциям»¹⁷. Ввоз опиума тяжело отразился на финансовом положении Китая.

В 1868 г. на долю Британской империи (включая Гонконг и Индию) приходилось более 90% импорта Китая (Великобритания — 33,4%, Гонконг — 21,4 и Индия — 35,6%). В экспорте Китая доля Великобритании составляла 61,8%, Гонконга — 13 и Индии — 0,4%. В целом удельный вес Британской империи составлял 75,1% внешне-торгового оборота Китая. Доля США в 1870 г. равнялась 6,7%, Японии — 3,2%¹⁸. Торговля с Китаем капиталистических государств — Англии, США, Франции — во второй половине XIX в. приобрела типично колониальный характер: импорт намного превышал экспорт, ввозилось в основном сырье и полуфабрикаты. Так, в 1854 г. в Англию и ее колонии было вывезено из Китая чая на 15 млн долл. и шелка на 9, 2 млн долл.,

т.е. всего более чем на 24 млн долл., в то время как Англия экспортировала в Китай мануфактурных товаров лишь на 4 млн долл. Пассив был покрыт за счет контрабандного ввоза в Китай опиума¹⁹.

Рост торговой экспансии Запада вел к превращению Китая в рынок сбыта промышленной продукции, прежде всего предметов потребления. В 1873–1893 гг. средства производства составляли только 8% общей стоимости китайского импорта. В 1893 г. в импорте Китая машины, крупные инструменты и орудия труда составляли по стоимости лишь 0,6%²⁰.

Неравноправность торговли западноевропейских государств и США с Китаем проявлялась и в том, что их коммерсантам предоставлялось право «сбывать свои товары на китайском рынке и вывозить сырье»²¹, китайские же купцы не имели возможности вести торговлю непосредственно в Европе и США. Важным фактором, способствовавшим одностороннему проникновению иностранных фабричных изделий в Китай, служили низкие импортные пошлины. По условиям договоров, заключенных Англией и другими государствами с Китаем, пошлины на ввозимые ими товары устанавливались в размере около 5% объявленной стоимости товара (прежде они были выше примерно в 2–4 раза). Взамен всех внутренних сборов и налогов иностранцы при ввозе своих товаров в глубинные провинции страны уплачивали всего лишь 2,5% их стоимости. Внутренние же сборы (*лицзинь*) с китайских товаров в некоторых районах составляли 10–20% и более. Привилегии иностранных торговцев тормозили развитие национальной промышленности и торговли Китая. В конце XIX в. экспортные пошлины на китайские товары превышали импортные пошлины почти в 2 раза²².

Другим средством закабаления Китая было лишение его таможенной независимости. Таможенная служба в Китае находилась в руках английского генерального инспектора. Англичане контролировали и другие источники доходов цинского правительства, в том числе поступления от соляного налога, что давало им возможность систематически вмешиваться во внутренние дела Китая. В англо-американской историографии назначение в 1863 г. англичанина Роберта Харта генеральным инспектором морских таможен Китая преподносится как «великое достижение в содействии развития торговли, а также в целом модернизации Китая». С 1864 г. морские таможи стали публиковать ежегодные отчеты по внешней торговле Китая, который почти всегда имел пассивное сальдо²³. Как отмечал китайский историк Пэн Юйсинь, система таможенных пошлин, установленная после «опиумных войн», стала не только рычагом осуществления товарной экспансии и роста иностранных капиталовложений в Китае. Она явилась продолжением неравноправных договоров так же, как договоры о портах, учреждении иностранных селтльментов, экстерриториальности иностранцев, праве свободного плавания по внутренним рекам страны и т.д.²⁴

Дефицит внешней торговли Китая в 1868 г. составлял 1,4 млн таможенных лянов (единица для исчисления таможенных пошлин, в конце XIX — начале XX в. ее курс равнялся примерно 1,2–1,5 руб.), в 1890 г. он возрос до 39,9 млн таможенных лянов. К 1893 г. 28 городов Китая были открыты для иностранной торговли²⁵. Правящие круги Цинской империи не оказывали серьезного сопротивления колониальной экспансии западноевропейских государств и США. Кроме того, часть помещиков и чиновников, а также купцы-компрадоры, наживаясь на иностранной торговле, способствовали усилению позиций держав Запада в Китае.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. показала слабость Китая, отсталость его армии и флота. По условиям Симоносекского договора, подписанного 17 апреля 1895 г., Китай должен был отказаться от сюзеренитета над Корсеей, уплатить контрибуцию в 200 млн лянов, передать Японии о-в Тайвань и о-ва Пэнхуледао, южную часть Маньчжурии, включая Ляодунский полуостров²⁶. Одним из важнейших пунктов Симоносекского договора было обязательство Китая заключить неравноправный договор с Японией

о торговле и мореплавании по образцу аналогичных договоров с западными государствами и распространить на нес права наиболее благоприятствуемой нации. Принципиально новым условием Симоносекского договора было разрешение японским подданным заниматься предпринимательской деятельностью. Это давало возможность эксплуатации Цинской империи не только посредством торговли, но и путем ввоза в страну капиталов. Экономические привилегии, навязанные Японией Китаю на основе права наиболее благоприятствуемой нации, автоматически распространялись и на другие державы, имевшие с Китаем неравноправные договоры²⁷.

Как отмечал китайский историк Цянь Иши, Симоносекский договор явился краеугольным камнем в истории Китая. После него экономика страны была взята под контроль различными капиталистическими государствами, что вело к медленной гибели Китая²⁸. Историки Китая также констатировали, что «вторжение иностранного капитала, с одной стороны, уничтожило основу экономической независимости страны, разрушило кустарное ремесленное производство; с другой — ускорило развитие Китая по капиталистическому пути»²⁹.

Японо-китайская война 1894–1895 гг. явилась важной вехой в истории международных отношений на Дальнем Востоке. Симоносекский договор, ослабление Китая, захват Японией Кореи послужили толчком к борьбе капиталистических держав за железнодорожные концессии, за предоставление цинскому правительству кабальных займов, за раздел Китая на «сферы влияния».

В ходе военной, экономической и политической экспансии капиталистических держав складывалась целая система средств насильственного вовлечения ранее «закрытого» китайского общества в общемировую структуру «Восток—Запад» — система так называемых капитуляций (неравноправные договоры, низкие ввозные тарифы, иностранный таможенный контроль, права экстерриториальности, импорт капитала, финансовая зависимость, внешние займы, контрибуции, раздел страны на «сферы влияния», железнодорожные концессии и т.д.). Практически все навязанные Китаю «гарантии» против возврата к изоляции были вместе с тем орудием ускорения синтеза традиционного и современного (китайского и западного). Полоса «разрушения» — неизбежная начальная стадия синтеза — преобладала до середины 90-х годов XIX в. Затем с началом ввоза капитала на первый план выдвинулась конструктивная сторона влияния Запада³⁰.

В работах отечественных востоковедов «Многообразие, противоречивость, целостность. XX век» и «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» отмечается что «основным направлением модернизации восточных обществ до независимости была вестернизация, т.е. буржуазная модернизация в колониальной форме. Это было обусловлено тем фактом, что все эти страны были насильственно включены в колониальную систему империализма»³¹.

В отечественной историографии большинство авторов придерживались отрицательной оценки иностранного присутствия в Китае. Это прежде всего работы Л.А. Березного и А.А. Мурадяна³². Колониализм, по их мнению, послужил одной из важнейших преград для модернизации общества. Л.А. Березный в своих работах, посвященных критике американской историографии, подчеркивает, что причины отсталости и крайне медленной модернизации Китая следует искать не во внутреннем устройстве, а во вмешательстве Запада в собственный ход развития Китая. Л.А. Березный рассматривает систему неравноправных договоров как орудие колониальной экспансии западных стран³³.

В последнее время в определенной степени меняется отношение к проблеме колониализма и его значению в формировании мирового рынка, процессу экономической модернизации стран. Л.С. Васильев в коллективной монографии «Альтернативные пути к цивилизации» следующим образом характеризует трансформацию значимости колониализма. Первая стадия колониализма (XVI—XVIII вв.) — это время торговой экспан-

сни европейцев, поиски путей к восточным странам, борьба за восточные рынки. За пряности европейцам нужно было платить драгоценными металлами, так что именно на Восток потекла большая часть вывезенного из Америки золота и серебра. С начала XIX в. наступил второй период колониализма с его активной промышленной экспансией и резким ростом территориальных приобретений в разных регионах Востока. Мощное давление индустриальной экономики и политической силы европейского колониального капитала поставило под вопрос дальнейшее существование привычной традиционной структуры и всего стиля жизни на Востоке. Наряду с привычными для Востока государственным и строго контролируемым частным секторами хозяйства, появился новый, колониально-капиталистический, со свойственными ему свободным и защищенным правами и привилегиями рынком и энергично функционирующими в его пространстве частными собственниками-предпринимателями. Все новое и современное пришло на Восток из Европы в результате процесса вестернизации и модернизации. Именно колониализм сблизил современный Восток с Западом³⁴.

Нельзя не учитывать и прогрессивные стороны капиталистической модернизации, даже протекавшей в колониальной оболочке. Колониализм и мировой капитал включили восточные общества в систему всемирного обмена и общения, открыли доступ, пусть не очень широкий, к научно-техническому прогрессу и современному знанию³⁵.

Г.К. Широков в работе «Восток: панорама новейшего времени» подчеркивает, что становление индустриальной системы в Западной Европе, Северной Америке, а позже и в Японии, начавшееся в ходе промышленного переворота, было тесно связано с превращением остального мира в продовольственно-сырьевую периферию. Видимо, промышленный переворот не был бы завершен, если бы индустриальные державы того времени не смогли получать с периферии дефицитные продовольственные и сырьевые товары, оплачивая их поставками готовых промышленных изделий. В свою очередь, периферия без этих поставок не смогла бы развивать необходимые ей современные отрасли промышленности, позволявшие поддерживать продовольственно-сырьевую ориентацию³⁶.

Л.А. Березный, анализируя работы историков КНР, выделяет две концепции. Для сторонников первой концепции основной целью ставилось завоевание подлинной национальной независимости и модернизации страны, которая не получила большого развития главным образом из-за империалистического угнетения. Сторонники второй концепции указывают на значительность успехов модернизации в 1840–1949 гг., и именно в этом они видят содержание исторического процесса. «Открытие» Китая в результате «опиумных войн» и иностранная экспансия рассматриваются ими не столько в качестве препятствия модернизации, сколько как стимул к ее развертыванию. Подразумевается, что «политический радикализм» революционного движения был фактором, сдерживавшим модернизацию. Наблюдается очевидное стремление выявить связи современных проблем с историческим прошлым, с тем чтобы найти и в последнем точки опоры для ответа на «вызовы» времени³⁷.

Таким образом, можно констатировать, что развитие торговых связей Запада с Китаем во второй половине XIX в. сопровождалось его насильственным «открытием». Капиталистическими державами были использованы различные формы экспансии, что вело к превращению страны в полуколониальное, полуфеодальное государство. Вместе с тем происходила трансформация китайского общества, формировался синтез традиционного (восточного) и современного (западного), характеризовавший переходное состояние страны, создавалась многоукладная экономика.

Экономическая модернизация Китая имела прежде всего экзогенный тип. Она в значительной степени развивалась не под влиянием внутренних процессов, а была привнесена извне западными державами. Взаимодействие «Запад—Восток» было двусторонним и обоюдным. Азиатские страны являлись не только объектом, но и субъек-

том экономических процессов. Вовлечение Китая в мировое хозяйство сопровождалось противоречивыми последствиями. С одной стороны, иностранные инвестиции подрывали устои восточного общества, с другой стороны, закладывали материальную основу развития капитализма.

1. *Широков П.К.* Промышленная революция в странах Востока. М.: Наука, 1981. С. 14, 39.
2. *Валтерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / под ред. В.И. Иноземцева; пер. с англ. М.: Логос, 2004. С. 50.
3. *Романова Г.Н.* Экономическая модернизация Китая XIX — первой половины XX вв. в оценке отечественной и зарубежной историографии // Известия Восточного института. Владивосток. 2016. № 2. С. 34.
4. *Асыт М.Б.* Основные этапы модернизации Китайской Народной Республики // Вестник КазНУ. Серия «Востоковедение». 2012. № 4. С. 3–7. URL: <http://www.articlekz.com/article7314> (дата обращения: 15.10.2014).
5. *Фурсенко А.А.* Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895–1900. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1956. С. 16; *Непомнин О.Е.* Возникновение капитализма в крестьянских и текстильных промыслах Китая. XVIII—XIX вв. // Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М.: Наука, 1968. С. 443; *Дин Миннань.* Дигочжуи цинхуа ши: [История империалистической агрессии в Китае]. Пекин, 1973. С. 10.
6. *Гримм Э.Д.* (сост.). Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд. Ин-та востоковедения, 1927. С. 44–45, 47–48; *Зарина Л.Л., Лившиц С.Г.* Британский империализм в Китае (1896–1901). М.: Наука, 1970. С. 6; *Пескова Г.Н.* Иностранная торговля опиумом в Китае и позиция России // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 400.
7. *Fairbank J.K.* Trade and diplomacy on the China Coast. The opening of the treaty ports 1842–1854. Stanford (California), 1969. P. 74.
8. *Сладковский М.И.* Китай и Англия. М.: Наука, 1980. С. 67; *Романова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1987. С. 45; *Ting Mienliu.* The development of China's foreign trade // Chinese Economic journal. Peking. 1932. Vol. 10. № 3. P. 236–238.
9. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб.: Изд. М-ва иностр. дел, 1889. С. 124–125; Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 31–32.
10. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. С. 282.
11. Русско-китайские отношения... С. 65; *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 422.
12. *Morse H.V.* The trade and administration of China. 3-rd rev. ed. Shanghai, Hong Kong and others, 1921. P. 318; *Feurwerker A.* The Chinese Economy. 1912–1949. Ann-Arbor, 1968. P. 70.
13. *Зарина Л.Л., Лившиц С.Г.* Указ. соч. С. 8.
14. Чжунго цзиньдай цзинцизи ши гунци зыляо сюаньци: [Сборник статистических материалов по экономической истории Китая в новое время] / сост. Янь Чжунпин и др. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1955. С. 62; *Е Хошэн.* Цзяньмин Чжунго шихуа: [Краткая история Китая]. Т. 1. Пекин: Чжунго циньянь чубаньшэ, 1954. С. 70.
15. *Morse H.V.* Op. cit. P. 313; *Ting Mienliu.* Op. cit. P. 18.
16. Чжунго цзиньдай цзинцизи ши... С. 79.
17. *Васильев В.П.* Открытие Китая. СПб. С. 163–164; *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 393.
18. *Ho Pingyin.* The foreign trade of China. Shanghai: Commercial press, 1935. P. 45, 155; *Latham A.J.H.* Merchandise trade imbalances and uneven economic development in India and China // The journal of European economic history. Roma. 1978. Vol. 7. № 1. P. 54, 57.
19. *Пескова Г.Н.* Указ. соч. С. 394.

20. *Неполнин О.Е.* Экономическая история Китая (1864–1894 гг.). М.: Наука, 1974. С. 209; *Горелик СБ.* Политика США в Маньчжурии в 1898–1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 16.
21. Чжунго цзиньдай цзинцизи ши... С. 57; *Кун Цзинвэй.* Чжунго цзинцизи шишандэ цизигэ вэньти: [Некоторые вопросы истории экономики Китая]. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 1957. С. 52.
22. Проблемы и противоречия индустриального развития КНР / под ред. М.И. Сладковского. М.: Мысль, 1974. С. 18; *Меликсетов А.В.* Бюрократический капитал в Китае. М.: Наука, 1972. С. 19; *Сладковский М.И.* Китай и Англия... С. 56–57; Новая история Китая. М.: Наука, 1972. С. 268.
23. *Fairbank J.K., Reicher E.D., Graig A.M.* East Asia. The modern transportation. L., 1973. P. 561, 580; *Chan W. K.K.* Merchants, mandarins and modern enterprise in late Ching China. Cambridge (Mass), 1977. P. 27.
24. *Пэн Юйсинь.* Циндай гуаньшуй чжиду: [Система таможенных пошлин в период правления династии Цин. XVII—XX вв.]. Ухань: Хубэй жэньминь чубаньшэ, 1956. С. 1.
25. *Ho Pingyin.* Op. cit. P. 15–16; *Latham A.J.H.* Op. cit. P. 53; *Feurwerker A.* The foreign establishment in China in the early twentieth century. Ann Arbor: Center for Chinese studies, the Univ. of Michigan, 1976. P. 2.
26. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. Китайский стол. 1895 г. Д. 113. Л. 163–167; *Гримм Э.Д.* (сост.). Указ. соч. С. 94–97.
27. *Раманова Г.Н.* Экономические отношения России и Китая... С. 49.
28. *Цянь Иши.* Чжунго цзэмаян цзяндао баньчжиминьдэ: [Как Китай стал полукOLONиальной страной]. Пекин: Синь циньянь сюеи цуншу, 1951. С. 98.
29. Чжунго цзиньдай цзинцизи ши... С. 137.
30. *Неполнин О.Е., Меньшиков В.Б.* Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М.: Вост. лит., 1999. С. 21, 48–49.
31. XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М.: Наука, 1996. С. 14; Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Наука, 1984. С. 14.
32. *Березный Л.А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая: проблемы общественного развития в 19 — первой половине 20 в. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1968; *Он же.* Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М.: Наука, 1972; *Мурадян А. А.* Американская историография Тихоокеанской политики США в XIX веке. Критика основных концепций. М.: Наука, 1975; *Он же.* «Историография» против истории. Современные американские историки о колониальной политике США в XIX веке // Проблемы Дальнего Востока. 1972. № 4. С. 113–123.
33. *Березный Л. А.* Критика методологии американской буржуазной... С. 3–6, 18–19, 36–37, 39–42, 150, 222.
34. *Васильев Л.С.* Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 105–107.
35. Эволюция восточных обществ... С. 147; *Раманова Г.Н.* Экономическая модернизация Китая... С. 40.
36. *Щироков Г.К.* Восток: панорама новейшего времени. Избранные труды. М.: ИВ РАН, 2003. С. 579.
37. *Березный Л.А.* К дискуссиям в исторической науке КНР // Китай на пути модернизации и реформ: Тез. докл. X Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». М., 1999. Ч. 2. С. 99–103.

«Убит под Номонханом»: создание культа героя как пример антисоветской пропаганды в среде российской дальневосточной эмиграции (1939–1945 гг.)

© 2019

Е.В. Яковкин

В статье описывается гибель русского эмигранта М. Натарова в военном конфликте 1939 г. у реки Халхин-гол, в котором на стороне Японии участвовали представители эмиграции. На примере создания культа героя, погибшего в боях с советскими войсками, анализируются методы и эффективность пропагандистской деятельности эмигрантских организаций и японских военно-административных органов на территории Маньчжурии.

Ключевые слова: российская эмиграция, отряд Асано, Маньчжоу-го, военный конфликт на реке Халхин-гол, Квантунская армия, Харбин.

DOI: 10.31857/S013128120004648-3

В вооруженном конфликте у реки Халхин-гол в мае—августе 1939 г. между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками на стороне японцев сражались русские эмигранты, служившие в отряде Асано. Об их участии в боях можно узнать из российской эмигрантской прессы того времени¹. Ценным источником информации о привлечении эмигрантов к боевым действиям являются личные дела участников тех событий, ныне хранящиеся в российских архивах². В зарубежной историографии можно выделить работы П. Балакшина, Дж. Стефана, Нисихара Юкио³. В отечественной историографии проблемы российской эмиграции в Китае и Маньчжурии долгое время почти не освещались. Лишь начиная с 1990-х годов к ним возник устойчивый интерес исследователей⁴.

В ходе боев у реки Халхин-гол погиб Михаил Натаров, один из военнослужащих отряда Асано, входившего в состав маньчжурских воинских формирований. Его имя стало использоваться прояпонскими эмигрантскими организациями в пропагандистских целях — для нагнетания антисоветских, антикоммунистических, антикоминтерновских настроений в среде российских эмигрантов. Анализ того, как использовали имя Натарова в антисоветской пропаганде, позволяет понять, в каком информационном поле жили российские эмигранты, что требовали от них японо-маньчжурские власти, а также общую обстановку в Харбине того времени. Особенно важный вопрос: насколько эта пропаганда была эффективной и позволяла японской администрации рассчитывать на существенный приток русских добровольцев в ряды маньчжурской армии.

Яковкин Евгений Васильевич, аспирант Пермского государственного национально исследовательского университета; преподаватель истории (ГБПОУ Колледж олимпийского резерва Пермского края). E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru.

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке в 1922 г. часть бывших подданных Российской империи осела в Китае. Основным местом расселения российских эмигрантов была Маньчжурия — северо-восточный регион Китая. Здесь со времен строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) проживала значительная русская диаспора. Неофициальной столицей российской эмиграции был город Харбин. В 1931 г. в Маньчжурию вторглись японские войска, и в 1932 г. на этой территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, находившееся под полным контролем японских военных властей. В то время в Маньчжурии проживало 110 тыс. русских эмигрантов, к 1938 г. их численность снизилась до 58 тыс. человек⁵. Это во многом было связано с нежеланием эмигрантов подчиняться тем правилам, которые были установлены новыми властями. Большинство эмигрантов уехали в Шанхай и другие города Китая, которые были не подконтрольны японским властям. Вся деятельность российских эмигрантов в Маньчжурии контролировалась органами Японской военной миссии (ЯВМ). В 1934 г. по распоряжению ЯВМ в Харбине было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-го (БРЭМ)⁶, которое должно было контролировать и управлять русской диаспорой в регионе. В конце 1935 г. на учете в Бюро состояли 23 500 человек и 163 эмигрантские организации⁷.

В среде российских эмигрантов в начале 1930-х годов преобладали в основном антисоветские настроения, чем и воспользовались японские власти. При содействии БРЭМ российские эмигранты стали привлекаться на службу в различные военизированные подразделения. Вначале это была горно-лесная и железнодорожная полиция, а в 1938 г. таким формированием стал отряд Асано. Свое название отряд получил по имени командира — майора японской армии Асано Макото. Служба в этих военизированных формированиях была добровольной, но отбор проводили сотрудники БРЭМ. Военнослужащие получали денежное содержание. Так, у офицеров был довольно высокий оклад: обер-офицеры — от 1400 тыс. до 2160 тыс. гоби (денежная единица Маньчжоу-го. 1 гоби равнялся 1 нене. — *Е.Я.*) в год, штабные офицеры — от 2760 тыс. до 4580 тыс. гоби в год⁸. Отряд Асано был создан для проведения диверсионной и разведывательной деятельности на границе между Маньчжоу-го и СССР, местом расположения отряда стали казармы вблизи железнодорожной станции Сунгари-2⁹. Именно с этим отрядом и связал свою судьбу Михаил Натаров.

Михаил Александрович Натаров родился 18 февраля 1918 г. в Китае, на железнодорожной станции Бухэду. Родители Натарова были служащими КВЖД. Еще ребенком он потерял родителей и остался сиротой на попечении родственников. В 1931 г. Михаил поступил в 1-ю железнодорожную гимназию, но из-за финансовых трудностей вынужден был бросить учебу. В 1934 г. он поступил и через год окончил 1-е русское реальное училище. Там он вступил в спортивное общество «Витязь». Родившись и живя вне своей исторической родины, Михаил, тем не менее, был воспитан патриотом России, настроенным решительно антикоммунистически. В политическом отношении Михаил Натаров называл себя монархистом¹⁰. Надеясь найти какую-то работу или пойти на военную службу, Натаров прошел краткосрочные радиотехнические курсы в Харбине. В 1937 г. он поступил на службу в горно-лесную полицию, а уже оттуда попал в разведывательно-диверсионный отряд Асано, где дослужился до чина младшего унтер-офицера. Во время тяжелых боев у Номонхана¹¹ группу асановцев-связистов направили на опасный участок. Согласно советским документальным источникам в те дни это был район Номон-Хан-Бурд Обо. Именно в этом районе шли тяжелые бои на земле и в воздухе¹². Связистами отряда Асано командовал майор Нинмура Мацунти¹³. Кроме Натарова в группу асановцев, действовавших на фронте, вошли подполковник Н.Б. Коссов, рядовые и унтер-офицеры В. Тырсин, А. Поротников, Г. Ефимов, С. Козловский, Б. Цыганков¹⁴. В ходе боев был ранен и контужен Н.Б. Коссов, которого отправили на лечение в Японию¹⁵.

22 июля 1939 г. русские асановцы понесли единственную потерю среди личного состава — в бою был убит Михаил Натаров¹⁶. На личной книжке Натарова написано: «Убит под Номонханом»¹⁷.

Сразу после гибели началась героизация образа Михаила Натарова. Вот как спустя несколько лет возвышенно описывал его гибель подполковник армии Маньчжоу-го Гурген Наголен¹⁸: «Юноша-воин пал смертью храбрых на боевом посту, во время исполнения им ответственного задания. Он мог спасти свою жизнь, перейдя во время бомбардировки в безопасное место, но не счел для себя это возможным. На предложение уйти из сферы огня Михаил Натаров ответил: “Моё место здесь”, и продолжал выполнять свои обязанности под градом бомб. Несколько минут спустя одна из бомб прервала жизнь юного рыцаря долга и чести»¹⁹. Имя Натарова на протяжении последующих лет БРЭМ использовало для проведения как мемориальных, так и антисоветских агитационно-пропагандистских мероприятий среди российских эмигрантов.

27 августа 1939 г. состоялось торжественное захоронение праха М.А. Натарова. При значительном скоплении русских эмигрантов была устроена пышная церемония с выносом гроба и траурным шествием. Впереди процессии один из асановцев нес посмертную награду Натарова — японский Орден Восходящего Солнца 8-й степени, которую очень редко получали иностранцы. Отпевание усопшего совершили священники Русской православной церкви за границей архиепископы Мелетий и Нестор, епископ Ювеналий. Архиепископ Мелетий призвал молиться за душу убиенного воина. Натаров был захоронен в ограде Свято-Николаевского собора в Харбине. На похоронах присутствовали кроме сослуживцев представители ЯВМ во главе с генералом Хата Хикасибуро, высшие чины маньчжурской армии, представитель «Общества согласия», общественной организации созданной в Маньчжоу-го, Р. Като, руководство БРЭМ во главе с генералом В.А. Кислицыным. Натаров был объявлен героем, павшим в борьбе с Коминтерном. Като заявил, «что кровь пролитая Натаровым, крепит единение всех народов Маньчжу-Дун-Го»²⁰. 3 сентября 1939 г. в своем обращении к российской эмиграции Кислицин объявил день похорон Натарова «днем памяти героев». Следующим этапом стал сбор денег для памятника борцам с Коминтерном²¹.

Сбором средств на памятник занимались активистки Русского сектора созданного в 1939 г. Женского общества обороны Маньчжоу-Го, которое было призвано оказывать содействие маньчжурской армии. Руководительницей Русского сектора была О.В. Кислицина²², супруга начальника БРЭМ. 7 ноября 1940 г., в отмечаемый русской эмиграцией «день скорби и непримиримости»²³ состоялась закладка памятника, а 8 июня 1941 г. он был открыт. Авторами памятника стали архитекторы Н.И. Захаров и П.С. Свиридов. Памятник представлял небольшую часовню в русском стиле и располагался на Соборной площади напротив Свято-Николаевского собора в Харбине. Внутри часовни-памятника был помещен саркофаг, в котором находились списки «героев, павших в борьбе с коммунизмом». Кроме имени Натарова в нем были имена знаменитых военачальников Белого движения — адмирала А.В. Колчака, генералов Л.Г. Корнилова, В.О. Каппеля и др.²⁴ На торжественном открытии памятника присутствовали начальник ЯВМ в Харбине генерал Янагита Гэндзо, все руководство БРЭМ во главе с генералом В.А. Кислицыным, который выступил с речью. В ней он почтил память последнего российского императора Николая II, всей царской семьи, воинов Белого движения и японских солдат, сражавшихся в Особом маньчжурском отряде атамана Г.М. Семенова. Кислицин особо отметил гибель Натарова: «Мы вспоминаем сегодня русского юношу-героя Михаила Натарова, жизнью своей заплатившего долг благодарности приютившей нас стране за всех нас»²⁵. Памятник стал центром проведения антикоммунистических манифестаций, панихид. Так, 7 ноября 1941 г. в Свято-Николаевском соборе и у памятника была проведена торжественная панихида по всем жертвам Русской смуты²⁶. Такие панихиды устраивались ежегодно, 8 июня, в день открытия па-

мятника и 7 ноября, в «день скорби и непримиримости»²⁷. Могила Натарова также не была забыта. Еще до открытия памятника, 21 апреля 1941 г., русские курсанты добровольческих отрядов «Общества согласия», государственной организации Маньчжоу-Го, посетили могилу «героя Номонхана» и возложили венок. Курсантов сопровождали инструктор по военной подготовке подполковник Н.Б. Коссов, его помощник Е.А. Юрин, чиновники особого отдела «Общества согласия» Онака, Мияма, В.С. Абрамов, Л.В. Ващута, В.С. Барышников и др.²⁸

Ежегодно ко дню гибели Натарова в русскоязычной эмигрантской прессе выходили посвященные ему заметки и статьи. В первую годовщину была опубликована статья начальника БРЭМ генерала В.А. Кислицина, в которой он называл Натарова примером высшей доблести и служения долгу. Возвеличивание и создание культа Натарова среди российских эмигрантов в Маньчжурии не прекратилось и после заключенного в апреле 1941 г. Пакта о нейтралитете между Японией и СССР. В связи с этим событием начальник ЯВМ генерал Янагита заверил, что отношение к русской эмиграции останется неизменным, призвав сплотиться вокруг ЯВМ²⁹. В 1941 г. в главном печатном органе БРЭМ, газете «Голос эмигрантов», вышла статья К. Воеводина «Светлой памяти героя. К 2-летию гибели М. Натарова». Автор напомнил, с какой искренней скорбью эмиграция прощалась с героем. Он подчеркнул, что образ Натарова «...стал для русской эмигрантской молодежи символом самоотвержения и доблести». В заключение Воеводин писал: «Два года истекло, но скорбь наша, вызванная этой потерей не заглохнет, пока русская эмиграция будет свято следовать отцовскому принципу своей идеологии — борьбе с коминтерном. Тень Михаила Натарова будет незримо вставать над нами и в те славные дни, когда мы втянемся в последний бой, который сокрушит коминтерн»³⁰.

В действительности же «отцовский принцип» в среде русской молодежи постепенно стал забываться. Как сообщал внедренный в ЯВМ агент ИНО ГУГБ И.С. Ильин³¹, молодое поколение всё больше сочувствовало своей исторической родине, на которую напал грозный враг³². В третью годовщину гибели Натарова, в июле 1942 г., в газете «Голос эмигрантов» вышла новая заметка «Памяти героя М. Натарова». Автор отметил, что Натаров, будучи большим, не покинул поля боя и пожертвовал своей жизнью ради борьбы с Коминтерном и своей второй родины. Пытаясь связать смерть Натарова с текущими событиями, он писал: «Для нашей молодежи он стал примером того, как надо любить Россию и отдавать за нее всё — вплоть до жизни. Теперь, под ударами молотов войны, Россия воскресает для новой жизни. Ей будут нужны Натаровы и наша эмигрантская молодежь должна знать это... Вместе с героями Армии Ниппон (Японии. — *Прим. ред.*) он сражался за общие идеалы и завещал эмиграции продолжить борьбу за великое дело — устройства Восточной Азии, и всего мира на началах справедливости и добра»³³. По свидетельству агента И.С. Ильина, пропаганда «героя» Номонхана Натарова никак не повлияла на умы большинства эмигрантов. Антисоветский настрой в среде российской эмиграции постепенно ослабевал³⁴. Представители ЯВМ, понимая это, еще более усилили пропагандистскую обработку эмигрантов, в том числе продолжая использовать имя Натарова.

В конце 1943 г. М.А. Натаров был посмертно награжден правительством Маньчжоу-го еще одной медалью «За участие в пограничных инцидентах»³⁵. Медаль³⁶ была учреждена императорским эдиктом № 310 от 25 ноября 1940 года³⁷, т.е. уже после его гибели. Эту награду вручали в основном военнослужащим Японской императорской армии и армии Маньчжоу-го, принимавшим участие в сражениях у реки Халхин-Гол в мае—августе 1939 г.³⁸ Медаль была передана руководству БРЭМ, которое вручило ее ближайшей родственнице Натарова, его старшей сестре Людмиле Александровне Котеговой-Македонской. Торжественную церемонию 16 декабря 1943 г. провел новый начальник БРЭМ генерал Л.Ф. Власьевский. В своей краткой речи он сказал, что «герой

Михаил Натаров будет всегда служить примером для российской эмигрантской молодежи»³⁹. Котегова-Македонская в дальнейшем постоянно подчеркивала, что она сестра героя, пытаясь таким образом получить хоть какие-то выгоды от этого родства. Ей удалось устроиться на работу в БРЭМ машинисткой, а затем она перешла работать в Союз русских резервистов армии Маньчжоу-го⁴⁰.

Одно из последних упоминаний о Натарове относится к 1944 г. В пятую годовщину со дня гибели Натарова, 22 июля 1944 г., прошла очередная панихида. Около могилы Натарова собрались начальник Союза русских резервистов армии Маньчжоу-го подполковник Г. Наголен, бывший командир отряда, на тот момент советник Союза русских резервистов⁴¹ полковник Асано, сами резервисты, а также православное духовенство. Панихиду совершили настоятель Свято-Николаевского собора протоирей Л. Викторов, протоиерей О. Светлов и протоиерей С. Коростель. В харбинской газете «Время» по этому поводу было напечатано: «Имя Михаила Натарова лучшего представителя эмигрантской молодежи, навсегда запечатлелось в русских сердцах и вписано в историю борьбы с коммунизмом. Героическая смерть юноши-воина на фронте под Номонханом при исполнении им ответственного задания, окружила его имя ореолом славы»⁴². Больше никаких упоминаний о Натарове как примере для молодого поколения в эмигрантской прессе нами не было выявлено. Хотя о российском воинском формировании армии Маньчжоу-го (преемнике отряда «Асано». — Е.Я.) писали на протяжении 1944–1945 гг.⁴³

Памятник борцам с Коминтерном, а также могила Натарова просуществовали до августа 1945 г. В ходе скоротечной августовской войны между Японией и Советским Союзом части Квантунской армии были разгромлены, и 19 августа 1945 г. в Харбин вступили солдаты Красной армии. Для них Натаров был врагом, поэтому памятник взорвали, а могилу уничтожили⁴⁴. На месте бывшего памятника поставили новый — советским воинам, павшим при освобождении города⁴⁵.

Таким образом, японская военная миссия на территории Маньчжоу-го, являясь проводником милитаристской государственной политики, стремилась настроить все население фактически оккупированной Маньчжурии против СССР, создать надежную базу для формирования и пополнения вспомогательных военизированных отрядов маньчжурской армии и обеспечить лояльность жителей в случае развязывания боевых действий. Для разных групп населения — китайцев, корейцев, русских и др. — использовались отдельные, специально созданные агитационно-пропагандистские структуры, в своей работе учитывавшие национальную самобытность и отличия — религиозные, культурно-языковые, бытовые и др.

В пропагандистской деятельности среди русского населения Маньчжурии японская администрация опиралась на Бюро русской эмиграции (БРЭМ), Женское общество обороны и священнослужителей Русской православной церкви. Но пропагандистская «машина» испытывала явный недостаток в конкретных примерах, которые могли бы стимулировать антисоветские настроения в эмигрантской среде. Поэтому японские власти так активно принялись «раскручивать» русских участников боевых действий в Монголии в 1939 г., прежде всего погибшего на поле боя М. Натарова: началось создание культа юного героя, павшего в борьбе с коммунизмом. Но со временем поддерживать слабеющий интерес к этим людям и этим событиям становилось все труднее. Гибель М. Натарова стала забываться, особенно на фоне развернувшихся грандиозных сражений и проявлений массового героизма русского народа в Великой Отечественной войне.

Попытки мобилизации эмигрантской среды на поддержку Японии особым успехом не увенчались, так как апеллировали к ценностям, не разделявшимся эмигрантской средой. Большинство русских эмигрантов искренне переживали за свою историческую родину, ведущую справедливую освободительную войну, и вовсе не хотели сражаться

и умирать за Японию, союзника фашистской Германии. Что и проявилось в конце войны, когда вооруженные формирования из русских эмигрантов — русские воинские отряды армии Маньчжоу-го разбежались, а часть офицерского состава перешла на сторону Красной армии. Гражданское же население, в том числе и русские жители, приветствовали советских воинов как освободителей.

1. Ур Вл. Русский Харбин торжественно предал земле прах своего героя // Рубеж. 02.09.1939. № 36 (605). С. 14–15; Луч Азии. 1939. № 8 (60) С. 1.
2. Государственный архив Хабаровского края (г. Хабаровск). Коллекция БРЭМ; материалы личных дел Государственного архива административных органов Свердловской области (г. Екатеринбург).
3. Балакишин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Книгоиздательство Сириус, 1958; *Stephan J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile. 1925–1945. London: Hamish Hamilton, 1978; *Nishihara Yukio.* Дзэн кироку харубин токуму кикан: Кантогун дзёхобу-но кисэки: [Материалы информационного отдела Квантунской армии: Харбинское управление]. Токио: Майнити симбунся, 1980.
4. См.: *Кайгородов А.* Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–103; *Балмасов С.С.* Белоземляне на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007; *Бужков А.М., Смирнов С.В.* Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015.
5. *Мешков Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 15–16; Что такое Кио-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой). Харбин, 1938. С. 3.
6. 1 июня 1940 г. БРЭМ было преобразовано в Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.
7. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 50–51.
8. ГАХК. Ф.Р. 831. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
9. Балакишин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 244; Из ориентировки 1-го управления НКГБ СССР за 1943 год о школе Асано (Асано Бутай) // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 8: Противостояние 1927–1941 гг. М., 2016. С. 760.
10. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 32795. Л. 1–5.
11. В японской историографии военный конфликт 1939 г. у реки Халхин-гол именуется «Номон-ханский инцидент» по монгольскому названию участка местности, где велись бои — *Номон-хан Бурд Обо*.
12. Оперативная сводка штаба 1-й Армейской группы о результатах действий частей группы и авиации. 23 июля 1939 г. // Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май—сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014. С. 222.
13. *Свойский Ю.М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014. С. 42–46.
14. *Егоров Н.А.* Десять лет иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоземлянской эмиграции в 1922–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 11. С. 53.
15. ГАХК. Р. 830. Оп. 3. Д. 23284. Л. 10.
16. Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 321.
17. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 32795. Л. 8.
18. Одновременно, с конца 1930-х годов он был агентом ИНО НКВД.
19. 5 лет со дня героической смерти Михаила Натарова. Панихида на могиле доблестного воина // Время. 24.07.1944. № 200 (4501). С. 2.
20. Ур Вл. Указ.соч.
21. Памятник героям, павшим в борьбе с Коминтерном. Харбин, 1941. С. 7.
22. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 32795. Л. 3.

23. По призыву митрополита Антония Храповицкого, день прихода к власти большевиков в 1917 г. стал отмечаться российскими эмигрантами как «день скорби и непримиримости».
24. Памятник героям, павшим в борьбе... С. 32.
25. Открытие памятника павшим в борьбе с Коминтерном // Луч Азии. 1941. № 6 (82). С. 29–32.
26. Российская эмиграция Харбина в мрачную годовщину Октябрьской революции // Заря. 08.11.1941. № 302. С. 5.
27. Сегодня — панихида у памятника борцам с коминтерном! // Время. 08.07.1944. № 1 55 (4456). С. 3.
28. Курсанты Киова-Кай в гостях у военных инвалидов. Поклонение у памятника Чурейто. Возложение венка на могилу М. Натарова // Заря. 24.04.1944. № 105. С. 5.
29. Отношение властей к эмиграции неизменно // Заря. 25.04.1941. № 106. С. 5.
30. *Воеводин К.* Светлой памяти Героя. К 2-летию со дня гибели Михаила Натарова // Голос эмигрантов. 20.07.1941. № 30 (166). С. 15.
31. ИНО ГУГБ — 5-й отдел (Иностранский) Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел — занимался разведывательной деятельностью, в том числе среди русских эмигрантских организаций.
32. *Ильин И.С.* История российской эмиграции в Маньчжурин [Рукопись] // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь: 1920–1928 гг. М., 2015. С. 833–836.
33. *В.Г.* Памяти героя М. Натарова // Голос эмигрантов. 19.07.1942. № 30 (218). С. 15.
34. *Ильин И.С.* Указ. соч.
35. Посмертная награда юноше-герою М. Натарову // Время. 17.12.1943. № 341 (4287). С. 1.
36. Официальное название награды «Знак отличия пограничной службы».
37. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 25 ноября 1940.
38. *Розанов О.Н.* Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. М., 2008. С. 151.
39. Посмертная награда юноше-герою...
40. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 23469. Л. 14, 29.
41. Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. АСД П-97686. Т. 2. Приложение № 1. Л. 1–2.
42. 5 лет со дня геройской смерти Михаила Натарова. Панихида на могиле доблестного воина // Время. 24.07.1944. № 200 (4501). С. 2.
43. См. например: Молодые русские воины — гордость российской эмиграции. Торжественные проводы новобранцев, призванных в российские воинские отряды // Луч Азии. 1944. № 2 (113). С. 27–29; Праздник Сунгарийского Российского воинского отряда армии Маньчжоу-Го. Торжества на Сунгари 2-ая // Время. 08.05.1944. № 124 (4425). С. 1,3; Российская эмигрантская молодежь — под воинские знамена // Луч Азии. 1945. № 3 (29). С. 18–20.
44. *Кайгородов А.* Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 95.
45. *Ермолаева Н.* 70 лет назад советские войска вошли в Харбин // Российская газета. 19.08.2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/19/harbin-site-anons.html> (дата обращения: 05.08.2018).

Культура

Путунхуа: от «языка чиновников» к языку среднего класса

© 2019

О.И. Завьялова

В знании и использовании официального китайского языка *путунхуа* заинтересована уже большая часть жителей современного Китая. Создавая «общество средней зажиточности», китайское государство распространяет официальный китайский язык среди малообразованных бедных слоев населения. Параллельно прилагаются усилия по сохранению богатейшего языкового наследия и языкового разнообразия многонациональной и многодиалектной страны.

Ключевые слова: языковая политика, распространение *путунхуа*, китайские диалекты, «общество средней зажиточности», ликвидация бедности.

DOI: 10.31857/S013128120004649-4

Языковая политика должна способствовать укреплению внутренней и внешней мощи страны. Об этом шла речь на Всекитайском совещании по работе в области языка и письменности, состоявшемся в 2018 г. по результатам XIX съезда КПК¹. Важнейшей составляющей языковой политики в современном Китае остается распространение официального китайского языка — «общеупотребительного в государстве» *путунхуа*, в основе которого лежит пекинский и отчасти другие северные диалекты. Среди факторов, способствующих распространению *путунхуа*, не последнее место занимает растущая мобильность населения и его рост в городах². Важнейший фактор — совершенствование системы образования, о котором, в частности, подробно говорилось в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК³. Уже к 2015 г. те, кто в той или иной степени выучили *путунхуа*, — имеется в виду, прежде всего, его устная форма со стандартным пекинским произношением, — составляли 73% населения, хотя еще совсем недавно, в начале нового столетия, эта цифра не превышала 53%. Достаточно сложной иероглифической письменностью, которая неожиданно легко вошла в мир современных информационных технологий, владеют 95% жителей недавно отсталого и малограмотного Китая. Официальной латинской системой *ханьюй пиньинь*, введенной в 1958 г. и употребляющейся параллельно с иероглифами, в том числе в системе образования и при вводе иероглифов на компьютерах и мобильных устройствах, пользуются 68%⁴. Распространению устной формы *путунхуа* способствует стремительное развитие Интернета с его «звучащими» передачами и сайтами. В 1994 г.

в КНР был введен обязательный для претендентов на государственную службу тест на уровень знания *путунхуа* (*Путунхуа шуйтин цзини*), при проверке результатов которого внедряются новейшие технологии, связанные с искусственным интеллектом. К началу 2018 г. тест сдали уже более 70 млн жителей континентального Китая, только в течение 2017 г. в сдаче этого теста приняли участие 6 млн 665 тыс. человек⁵.

На протяжении тысячелетий сравнительно немногочисленные образованные люди в Китае пользовались единой иероглифической письменностью и единым письменным языком *вэньянем*, который был основан на древнекитайской лексике и грамматике. Образованными при этом были преимущественно чиновники, сдававшие официальные, в значительной степени филологические экзамены *кэцзюй*. Чиновники были также самой мобильной частью общества — перемещались по стране при назначении на новые должности разного уровня и тем самым нуждались в едином устном средстве общения в многодиалектном и многоязычном Китае. С XII—XIII вв. единый устный язык, к которому восходит *путунхуа*, сложился на основе северных китайских диалектов. В Китае его так и называли — «язык чиновников», *гуаньхуа*. В работах западных миссионеров — португальцев и испанцев — он получил название «мандаринский язык» (*lingoa mandarina*, *lengua Mandarin*, предположительно от малайского слова со значением «официальное лицо, чиновник»). В современном китайском языке термин *гуаньхуа* употребляется только в качестве названия северных диалектов; сравним также в современном английском *Mandarin dialects* для тех же северных диалектов и *Standard Mandarin* для *путунхуа*.

В своем исходном значении термин *гуаньхуа* был впервые зафиксирован в письменных памятниках эпохи Мин (1368–1644)⁶. Тем не менее начало формирования этой устной наддиалектной формы китайского языка, по-видимому, относится к еще более раннему периоду правления некитайских династий — киданьской Ляо (916–1125) и чжурчэньской Цзинь (1115–1234) на севере страны и монгольской Юань (1271–1368). При Ляо и Цзинь было несколько столичных городов, один из которых располагался на месте современного Пекина. При династии Юань Пекин (Даду) в 1267 г. впервые стал столицей всего Китая. Определенное влияние на *гуаньхуа* оказало перемещение столицы в Нанкин (Интянь) в начале правления династии Мин и позже, при той же династии, обратно в Пекин. В результате в Пекин переселилось много образованных людей из Нанкина, диалект которого входит в южный ареал распространения современных северных диалектов, и в речи пекинцев образовался слой заимствованных «литературных» вариантов произношения морфем. Эти же так называемые литературные чтения иероглифов наряду с исконно пекинскими «разговорными» присутствуют в современном *путунхуа*.

Уже при династии Цин (1644–1911) появилось понимание того, что стихийно возникший единый устный язык важно распространять также на государственном уровне. В 1728 г. император Шицзун, правивший под девизом Юнчжэн, приказал ввести в провинциях Гуандун и Фуцзянь с их наиболее далеко отстоящими от пекинского диалектами преподавание «правильного произношения». В Фуцзяни были учреждены специальные учебные заведения и подготовлены соответствующие пособия. Местные чиновники допускались к сдаче официальных экзаменов только после того, как они могли продемонстрировать определенное знание пекинского чтения иероглифов⁷.

Недавно китайские официальные лица, ведающие языковыми проблемами, вспомнили про другие важные даты в истории распространения единого устного языка. В 1907 г. цинское Министерство образования разработало программу преподавания *гуаньхуа* в школе. В 1909 г. член Советательной палаты при императорском правительстве Цян Цзянь официально предложил переименовать *гуаньхуа* в «государственный язык» — *гоюй*, это заимствованное у японцев название употреблялось в Китайской Республике и до сих пор сохраняется на Тайване. В 1956 г. *гоюй* был официально переименован в *путунхуа*. Указ Госсовета КНР о распространении *путунхуа* гласил: «Основы для единства китайского языка уже существуют. Это *путунхуа*, фонетической нормой которого являет-

ся пекинское произношение, лексической основой — северные диалекты. Грамматические стандарты *путунхуа* отражены в образцовых произведениях, написанных на современном варианте письменного языка *байхуа*. И наконец 1 января 2001 г. вступил в силу первый в истории страны Закон об общеупотребительных в государстве языке и письменности, иначе говоря, закон о *путунхуа* и стандартном иероглифическом письме с включением упрощенных знаков, введенных в КНР⁸.

В прошлом уровень распространения *путунхуа* зависел от того, насколько далеко тот или иной диалект в регионе отстоит от официального языка. Не случайно поэтому, что по материалам проведенного в 1950-х — 1960-х годах общекитайского обследования диалектов были подготовлены брошюры, которые должны были помочь жителям разных районов изучать *путунхуа* с учетом местных языковых особенностей. В современном Китае важным условием успешного распространения общего языка впервые становится не столько близость к нему тех или иных диалектов, сколько уровень экономического развития региона и как следствие социальный статус и уровень образования большей части его жителей. Даже постоянно находясь в одном и том же месте, образованные люди хотят и имеют возможность — благодаря, в частности, мобильной связи и Интернету, число пользователей которого достигло в 2018 г. 802 млн человек⁹, — общаться с большим количеством людей, слушать передачи на *путунхуа*, при необходимости готовиться к сдаче теста на уровень официального языка, используя специальные сайты. В результате в числе лидеров по уровню знания и использования *путунхуа* в последнее время оказались мегаполисы, которые находятся в ареале распространения южных диалектных групп.

Так, в Шанхае уже к 2006 г. *путунхуа* владели 70% жителей, он стал базовым языком партийных и правительственных учреждений, школ, общественных мест. В то же время употребление шанхайского диалекта, который относится к группе У, насчитывающей до 80 млн носителей, и всегда являлся *lingua franca* в соответствующем регионе, был ограничен только неофициальными ситуациями. Предпочтительным средством общения *путунхуа* считали 70% шанхайских студентов и 37% учеников начальной школы¹⁰. Точно так же позиции местного кантонского диалекта, который всегда был престижным средством общения в ареале распространения диалектов группы Юэ, начинают в определенной степени ослабевать в Гуанчжоу (Кантон — традиционное европейское название этого мегаполиса). Еще совсем недавно, летом 2010 г., жители Гуанчжоу, обеспокоенные слухами о намерениях властей сократить или даже упразднить диалектное телевидение, которое было введено здесь после возвращения Китая Гонконга и Макао в 1997 г., вышли в центр города с протестами. Сейчас ситуация явно начинает меняться — некоторые гуанчжоусцы старшего и среднего возраста вынуждены говорить на *путунхуа* не только в официальных ситуациях или при общении с приезжими, но также дома со своими молодыми родственниками¹¹. Более того, в соседней специальной экономической зоне Шэньчжэнь, население которой выросло с нескольких тысяч в 1980 г. до более 12 млн человек в настоящее время за счет приезжих из разных провинций Китая, *путунхуа* доминирует и повсеместно звучит на улицах.

Число людей, знающих *путунхуа*, растет даже в Гонконге с его особой языковой ситуацией и особым языковым законодательством. Письменный кантонский с его давней развитой традицией употреблялся и по-прежнему широко употребляется здесь в неофициальных текстах, устный является одним из трех официальных языков наряду с *путунхуа* и английским. После возвращения Гонконга КНР только четверть его жителей знали в той или иной степени *путунхуа*. Тем не менее уже к 2011 г. число владеющих *путунхуа* гонконгцев практически удвоилось и выросло до 47,8%, в 1996–2016 гг. 120 тыс. гонконгцев приняли участие в сдаче теста на уровень знания *путунхуа*¹². И это несмотря на то, что кантонский по-прежнему остается языком домашнего общения у 88,9% жителей Гонконга старше пяти лет. На этом диалекте проводятся заседания органов власти,

вещает крупнейший телеканал TVB, кантонский первым звучит в объявлениях на общественном транспорте¹³.

Примечательно, что до недавнего времени в отношении *путунхуа* в официальных документах употребляли термин, который можно перевести не только как «распространять», но скорее как «продвигать» — вне зависимости от желания носителей тех или иных диалектов изучать «общеупотребительный» вариант языка. В новейших документах параллельно появился гораздо более мягкий термин — популяризировать. Так, в 2017 г. Министерством образования и Комитетом по работе в области языка и письменности был обнародован «Проект осуществления интенсивной программы популяризации общегосударственного языка и письменности»¹⁴. Пожалуй, еще более существенно то, что программу распространения *путунхуа* планируется сейчас осуществлять в тесной связи с еще одной важнейшей программой — ликвидации бедности, которая, в частности, рассматривается руководством КПК как необходимая часть работы по обеспечению социальной стабильности в стране¹⁵. В январе 2018 г. Министерство образования, Канцелярия по оказанию помощи бедным при Госсовете КНР и Государственный рабочий комитет по языку и письменности разработали совместный «План действий по распространению *путунхуа* в рамках программы борьбы с бедностью на 2018–2020 гг.»¹⁶.

Обе программы — ликвидации бедности и распространения *путунхуа* — связывают, в свою очередь, с ликвидацией сохраняющейся демографической неоднородности страны. Китайские лингвисты и чиновники, отвечающие за языковую политику, вспоминают знаменитую линию от Хэйхэ на северо-востоке в провинции Хэйлуцзян до Тэнчуна в юго-западной провинции Юньнань, открытую еще в 1935 г. демографом Ху Хуаньюном и разделяющую всю страну на две части. Территория к востоку от этой линии составляет 36% от территории страны, население в 1935 г. было равно 96% от общего числа жителей Китая¹⁷. Это соотношение мало изменилось к настоящему времени: 90% населения живет лишь на одной пятой территории на востоке и юге страны. Обширные пространства на севере и западе заселены очень слабо либо вообще безлюдны¹⁸, и именно эти территории должны стать приоритетными при осуществлении двух программ — ликвидации бедности и тесно связанной с ней программы распространения *путунхуа*.

В знании и изучении *путунхуа*, таким образом, заинтересована уже большая часть жителей современного Китая. Китайское государство считает необходимым создавать «общество средней зажиточности» со сравнительно однородным социальным составом населения и с единым наддиалектным китайским языком. Параллельно перед чиновниками и лингвистами ставится задача изучения и сохранения разнообразного языкового наследия страны — письменных памятников, языков и традиционных письменных систем народов КНР в реальном употреблении и в информационном пространстве, многочисленных китайских диалектов, различия которых сопоставимы с различиями между отдельными европейскими языками. Языковая политика явно остается в числе приоритетов современного китайского государства.

1. Ду Чжаньюань. Шэньжу сюэси гунчаньдан дэ шицзюда цзиньшэи, туйдун синь шидай юйвэнь вэньцзы шиэ чуаньсинь фачжань. Цзай 2018 нянь цюаньго юйянь вэньцзы гуицзо хуэйи шан дэ цзянхуа: [Углубленно изучать идеи XIX съезда КПК, способствовать инновационному развитию языка и письменности новой эпохи. Выступление на Всекитайском совещании по работе в области языка и письменности в 2018 г.]. URL: http://www.china-language.gov.cn/yw/gjywx/201802/t20180202_29857.html.
2. Баженова Е.С. Новые тенденции миграции населения и урбанизации в КНР // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2014. С. 160–169.
3. Полный текст доклада Си Цзиньпина на XIX съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.

4. Юйянь вэньцзы ши фачжань баогао шоуцы фабу: [Опубликован первый выпуск доклада о развитии языка и письменности]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb_20170718/170718mtd/201707/t20170719_309583.html.
5. Во го дэ туйгуан путунхуа чжэньцэ: [Государственная политика распространения *путунхуа*] // Чжунго юйянь вэньцзы ши фачжань баогао (2018): [Доклад о развитии языка и письменности в Китае (2018)]. Пекин, 2018. С. 002; Гоця тунъюн юйянь вэньцзы шуйпин цэши: [Тест на уровень знания общегосударственных языка и письменности] // Там же. С. 015.
6. *Чжан Юйлай*. Цзиньдай ханьюй гуаньхуа юйинь яньцзю цзяодянь вэньти: [Основные проблемы исследования фонетики *гуаньхуа* новокитайского периода] // Цзиньдай гуаньхуа юйинь яньцзю: [Исследования фонетики *гуаньхуа* нового времени]. Пекин, 2007.
7. *Завьялова О.И.* Большой мир китайского языка. М., 2014. С. 38–40.
8. *Ли Юймин*. Туйгуан путунхуа: пуцзи юй тигао бинсин: [Распространение *путунхуа*: популяризировать и повышать уровень] // Юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2017): [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2017 г.] Пекин, 2017. С. 003.
9. China Focus: China has 802 million internet users. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/21/c_137405424.htm.
10. *Завьялова О.И.* *Путунхуа* и диалекты: новые реалии китайского мира // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 6. С. 132.
11. *He Huifeng*. Why has Cantonese fallen out of favour with Guangzhou youngsters? // URL: http://www.scmp.com/news/china/society/article/2136237/why-has-cantonese-fallen-out-favour-guangzhou-youngsters?utm_source=emarsys&utm_medium=email&utm_content=20180312&utm_campaign=scmp_china&aid=190131336&sc_src=email_2178311&sc_lid=15523&sc_tid=149818754&sc_uid=YYPzI5TbdE&utm_source=emarsys&utm_medium=email.
12. *Тянь Сяолин*, *Чэнь Цянь*. Гоця путунхуа шуйпин цэши цзай Сянган (1996–2016): [Государственный тест на уровень знания *путунхуа* в Гонконге (1996–2016)] // Юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2017): [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2017 г.] Пекин, 2017. С. 231, 236; Hongkongers discuss the prevalence of Putonghua usage since 1997. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1114065.shtml>.
13. *Гутин И.Ю.* Языковая ситуация в Специальном административном районе Гонконг КНР и политика властей в сфере языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 2 (68). С. 79–83.
14. *Ли Юймин*. Туйгуан путунхуа: пуцзи юй тигао бинсин: [Распространять *путунхуа*: популяризировать и усиливать параллельность] // Юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2017): [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2017 г.] Пекин, 2017. С. 003–006; *Ван Линин*. Цзяоюйбу гоця юйвэй гуаньюй иньфа «Гоця тунъюн юйянь вэньцзы пуцзи гуньцзянь гунчэн шиши фаньянь» дэ тунчжи: [Министерство образования и Комитет по работе в области языка и письменности о публикации «Проекта реализации интенсивной программы популяризации общегосударственного языка и письменности»] // Чжунго юйянь вэньцзы ши фачжань баогао (2018): [Доклад о развитии языка и письменности в Китае в 2018 г.]. С. 155–160.
15. *Баженова Е.С.* Проблемы жизненного уровня и бедности в КНР: последние тенденции // Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 153–163.
16. *Ли Юймин*. Сючжу фупин топин дэ юйянь дадао: [Проложить языковой путь для поддержки нуждающихся и ликвидации бедности] // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2018): [Доклад о языковой ситуации в Китае в 2018 г.]. Пекин, 2018. С. 002–004.
17. Там же.
18. *Баженова Е.С.* Раздел 3.1. Плотность и распределение населения по территории страны // КНР. Экономика регионов / отв. ред. А.В. Островский; ИДВ РАН. М.: ООО «Издательство МБА», 2015. С. 430–434.

Сотрудничество Китая с СССР и Россией в области кинематографии (1949–2019 гг.)

© 2019

А.С. Исаев

В статье прослеживаются и анализируются основные этапы, направления, формы и тенденции развития двустороннего сотрудничества в области кино между СССР/Россией и КНР на протяжении последних 70 лет. Отмечается, что каждый из его периодов привносил качественно новые элементы в культурное взаимодействие двух стран с использованием возможностей кинематографа — самого массового из искусств. Сотрудничество двух стран в кинематографии опирается сегодня на накопленный за это длительное время опыт и создает прочную основу для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, культурные связи, сотрудничество в области кинематографии, совместное кинопроизводство, прокат, современные технологии в кино, гуманитарное общение.

DOI: 10.31857/S013128120004650-6

Российско-китайское гуманитарное сотрудничество охватывает сегодня почти все сферы культуры. Общеизвестно, что современный кинематограф стал важным и эффективным средством коммуникаций и международного общения. Более того, кинематограф сегодня — это важнейшая составляющая новых медиа, которые, используя цифровые технологии, сочетают в себе и развивают текстовые, аудиовизуальные и фотопреимущества традиционных СМИ. С развитием интернета и внедрением в цифровом пространстве методов потокового вещания неограниченно расширились возможности влияния кинематографа на формирование культурных, политико-идеологических и социальных психотипов индивидуумов, общественных групп, национальных и наднациональных сообществ, способных при определенных условиях играть заметную политическую роль в обществе и государстве.

Организаторы российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере в полной мере осознают возрастающую роль кинематографа в современном социуме. Кинематограф способен оказать воздействие на формирование общественного мнения по проблемам двусторонних и многосторонних международных отношений, а также стать серьезным инструментом для укрепления взаимопонимания между государствами и народами.

Активные контакты в области кино начались между нашими странами сразу после образования Китайской Народной Республики и продолжают до настоящего времени.

Интерес к китайскому кино в СССР стали проявлять еще в 20-е годы прошлого столетия. Как писал историк китайского кинематографа С.А. Торопцев, этот интерес возник как часть общего внимания к Китаю, где в начале 1920-х годов развернулось активное революционное движение. Но в те давние времена дело ограничивалось отдельными

публикациями о развитии китайского кино либо о появлении интересных, с точки зрения авторов, художественных фильмов.

В 1941 г. известный советский кинодокументалист и оператор Роман Кармен, снявший в 1938 г. фильм «Китай в борьбе» и продолживший эту тему в 1942 г. лентой «В Китае», издал в виде книги свои записки о работе в Поднебесной, которые содержали некоторые сведения о китайском кинематографе.

После образования КНР сотрудничество между нашими странами в области кинематографии очень быстро наполнилось конкретикой, пройдя ряд этапов, которые можно разделить на три условных временных периода: первый этап — 1950-е — начало 1960-х годов, второй — 1990-е — начало 2000-х годов, и третий — с начала 2000-х по настоящее время.

Для первого периода характерно то, что наше сотрудничество развивалось в условиях изоляции КНР от западного мира, экономического, политического и культурного бойкота коммунистического Китая со стороны США и западноевропейских стран. В этой ситуации основными партнерами КНР были СССР, страны Восточной Европы, Вьетнам, КНДР, Монголия, ряд других стран Азии. При этом следует отметить, что к 1952 г. частное кинопроизводство в КНР было прекращено, киноиндустрия перешла под контроль государства, демонстрация на континенте национальных ответвлений китайского кинематографа, например, гонконгского кино, была ограничена.

Сотрудничество между Советским Союзом и Китаем в области кино развивалось по двум направлениям: образовательное, включающее подготовку кинематографических кадров для КНР, техническое оснащение китайской киноиндустрии, а также обмен кинофильмами и их прокат в обеих странах. Советские специалисты приняли участие в формировании творческой и материальной базы китайского кинематографа. В результате в 1950-е годы была создана хорошая основа для взаимодействия кинематографистов двух стран.

Совместное производство кинолент в тот период было развито слабо и сводилось преимущественно к оказанию содействия при организации киносъемок на территории КНР. Тем не менее тогда было снято несколько документальных кинолент, в том числе «Победа китайского народа» и «Освобождённый Китай». Создатели последней получили Сталинскую премию первой степени. 13 июля 1951 г. посол СССР в КНР Н.В. Рошин вручил эту премию Лю Байюю и еще семи работникам китайского кинематографа, участвовавшим в создании картины. В тот же период Сергей Юткевич снял киноленту «Пржевальский», часть съемок которой проходила на территории КНР.

Для того времени было характерно значительное влияние советского кино на китайскую зрительскую аудиторию и кинематографические круги. Благодаря этому влиянию советская киношкола в течение нескольких десятилетий сохраняла воздействие на творческие процессы в КНР, хотя ныне с учетом роста влияния Голливуда на развитие мирового кинематографа авторитет этой школы в Китае заметно ослаб.

В 1950-е годы советские фильмы пользовались в Китае огромной популярностью. Первые киноленты дублировались на Чанчуньской киностудии. В течение десяти лет в КНР было дублировано свыше 600 советских фильмов. Среди них такие известные картины, как «Судьба человека», «Поэма о море», «Хождение за три моря», «Восемнадцатый год», «Добровольцы», «Идиот»¹. Кроме художественных, демонстрировались также советские научно-популярные фильмы. Показательным для того времени было и то, что в советских кинотеатрах регулярно показывали китайские художественные киноленты и мультипликационные фильмы на русском языке. Среди них — «Седая девушка», «Дочери Китая», «Смелый как тигр», «Арсенал» и др.

В те же годы советский кинематограф играл важную роль в сближении народов двух стран, знакомил китайских зрителей с жизнью и достижениями СССР. Считается, что советские фильмы имели высокий агитационно-пропагандистский эффект и широко использовались для «воспитания масс», прежде всего в молодежной среде и в Народно-освободительной армии Китая. Китайские и российские историки, в частности, отмечали

большую воспитательную роль в китайском обществе таких кинолент, как «Александр Матросов», «Повесть о настоящем человеке», «Великий перелом», «Зоя Космодемьянская», «Молодая гвардия». Популярностью среди крестьян пользовались фильмы «Сельская учительница», «Кубанские казаки», «Трактористы»².

Безусловно, двусторонние кинематографические связи того периода опирались преимущественно на идеологический фундамент, поскольку обе страны ставили своей целью строительство социалистического общества. Поэтому распространение советского кино и влияние советской кинематографической школы поощрялись руководством Китая.

Однако в 1960-е годы в связи с обострением политико-идеологических противоречий между СССР и КНР и постепенным сворачиванием двусторонних контактов в различных областях кинематографические связи к началу «культурной революции» (1966–1976 гг.) были сведены к нулю. Возникшая пауза, тем не менее, не вычеркнула советские кинофильмы из жизни китайского общества. Фильмы из СССР, прежде всего на революционную тематику, продолжали демонстрироваться в китайских кинотеатрах, а с распространением телевидения их показ переместился на голубые экраны и приурочивался, как правило, к знаменательным революционным датам и пролетарским праздникам.

Даже в сложные для двусторонних отношений годы «культурной революции» в кинематографических кругах СССР тоже сохранялся интерес к китайской теме. Так, в знаменитом фильме «Офицеры» (1971) режиссера Владимира Рогова были эпизоды об участии советских добровольцев в антияпонской борьбе китайского народа, а один из главных героев картины в исполнении Василия Ланового даже говорил на китайском языке. Позднее этой же теме, а также разгрому японской Квантунской группировки и освобождению Северо-Восточного Китая был посвящен двухсерийный советский фильм «Через Гоби и Хинган» (1981) режиссера Василия Ордынского.

Однако понадобилось почти 20 лет, чтобы постепенно восстановить в полном объеме культурные и кинематографические контакты двух стран.

Когда произошла нормализация советско-китайских отношений и возобновились культурные связи двух стран (1989 г.), были восстановлены и контакты в области кинематографа. На экранах китайских кинотеатров, на телевидении стали чаще появляться советские патриотические ленты, фильмы о Великой Отечественной войне, снятые в СССР в период охлаждения двусторонних отношений. Первым современным, по меркам того времени, сериалом, показанным по Центральному телевидению КНР, стали знаменитые «Семнадцать мгновений весны» Татьяны Лиозновой. Показ был приурочен к визиту в КНР Президента СССР М.С. Горбачева, в ходе которого было объявлено о восстановлении межгосударственных отношений между двумя странами в полном объеме. Телесериал произвел фурор в Поднебесной, а исполнитель главной роли Вячеслав Тихонов стал самым популярным советским киноактером у китайских телезрителей.

Полюбились китайцам и герои художественной ленты «А зори здесь тихие» режиссера Станислава Росточкина. Эта кинокартина стала первой, которую Китай приобрел в 1980-е годы для внутреннего проката. Ленту высоко оценил «архитектор китайских экономических реформ» Дэн Сяопин. В 2005 г. китайские кинематографисты при участии российских кинодеятелей сняли свой 19-серийный телевизионный сериал «А зори здесь тихие». Выход фильма на китайские телеэкраны был приурочен к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Пользовавшийся в Китае всенародной любовью фильм «Как закалялась сталь» Марка Донского закономерно привлек внимание к одноименному мини-сериалу Николая Машенко, снятому в 1973 г. Любовь к главному герою романа Николая Островского, ставшему настоящим кумиром десятков тысяч молодых китайцев, была настолько сильной, что образ Павки Корчагина не остался без внимания китайских кинематографистов. В 2000 г. в КНР был показан снятый на китайские деньги 20-серийный телевизионный фильм по произведению Николая Островского. Его снимали на Украине при участии украинских кинодеятелей, в местах, где происходили реальные события романа. Поставил

его известный китайский режиссер телефильмов Хань Ган. После демонстрации сериала по национальному телевидению киноэпопея о гражданской войне в России была признана лучшим сериалом 2000 года.

Российско-китайское сотрудничество в области кинематографа, начавшее свое развитие в 1990-е годы, активно стимулировалось на государственном уровне после подписания в 1992 г. первого межправительственного соглашения России и Китая о сотрудничестве в области культуры. Этот документ стал важной вехой в восстановлении российско-китайских культурных связей и сотрудничества в гуманитарных областях.

Нормализация двусторонних отношений вызвала энтузиазм в рядах китайских кинодеятелей, которые испытывали определенные ностальгические чувства о прошлых отношениях между СССР и Китаем в 1940-е и 1950-е годы. Китай пытался с помощью кинематографических средств понять новую Россию. С одной стороны, это выразилось в новом витке популярности революционно-героических советских кинолент, а с другой — в возросшем внимании современных кинодеятелей КНР к советской и российской теме. Китайские режиссеры с удовольствием начали снимать художественные и телевизионные фильмы о нашей стране.

По региональному и центральному телевидению промаршировали и забылись многочисленные романтические телесериалы типа «Русские девушки в Харбине», «Любовь России», «Любовь в Санкт-Петербурге», «Любовь в Москве». На деньги китайских предпринимателей из торгового района Ябаолу в Пекине был даже снят весьма показательный сериал «Возвращение в Москву» — о любви китайки и российского дипломата. Картины финансировались самими китайцами, к работе привлекались профессиональные российские актеры, актеры-любители, и, естественно, в них закладывалось несколько странное понимание русских и их поступков, которые порой выглядели карикатурно и смешно.

Параллельно с телесериалами снимались художественные ленты с российской или советской тематикой для большого экрана. Среди них такие, как «Жаркий поцелуй России», «Багряный закат», «Взорвать небо — выйти в мир», «Скорый на Москву» и другие. Как и в истории с сериалами, применялась обычная для китайцев схема: «русская основа — китайские деньги — русские актеры — китайские артисты — китайская съемочная группа».

Энтузиазм китайских кинематографистов вполне объясним, ибо многие маститые китайские режиссеры и актеры учились делать кино по советским учебникам, а актеры в 1950-е годы активно осваивали актерское мастерство по системе Станиславского.

Первой «ласточкой» среди подобных лент стал «Жаркий поцелуй России». Снятый в первой половине 1990-х по горячим следам освоения китайскими «челночными торговцами» бескрайних просторов бывшего Советского Союза, фильм рассказывает драматическую историю китайских интеллигентов, пытающихся приспособиться к жизни в коммерциализирующемся обществе. У главного героя не складывается личная жизнь, и он, пытаясь доказать самому себе, что еще не все потеряно, отправляется через Амур в Благовещенск торговать одеждой. Фильм не понравился российским региональным властям, хотя был сделан с самоиронией, желанием понять соседа, с определенным сожалением по поводу 20-летней паузы в контактах между русскими и китайцами.

Российские кинематографисты также не прошли мимо темы российско-китайской любовной истории. В 2006 г. режиссер Антон Сиверс завершил работу над криминальной лентой «Поцелуй бабочки», главные роли в которой сыграли Сергей Безруков и молодая шанхайская актриса Лань Янь. Это лента о том, как российский бизнесмен берет под защиту китайскую девушку, которую преследуют китайские мафиози.

«Багряный закат» режиссера Фэн Сянина — фильм о войне, о коротком периоде освобождения Северо-Восточного Китая от японских оккупантов. Красивая лента, рассказывающая историю небольшой группы русских и китайцев, вступивших на путь борьбы с японскими солдатами. События фильма разворачиваются в августе 1945, когда война с Японией близится к завершению. Советские войска, осуществив переход через

хребет Великий Хинган, ударили с тыла по войскам Квантунской группировки. В результате одного из боев небольшая группа, в которой были советская медсестра Надежда, китайский беженец Ян и японка Акиёга, оказалась в тылу японцев. Вместе им предстояло пройти через лесные чащи, горную местность, пробиться через взаимное непонимание, социальные и культурные преграды, чтобы обрести спасение и веру в жизнь.

Интересным представляется упомянутый выше фильм «Взорвать небо — выйти в мир» (2004), в котором рассказывается история изобретения и испытания китайцами атомной бомбы. В ленте есть немало эпизодов о роли СССР в процессе получения Китаем атомного оружия. Это — киноповесть о напряжении всех сил в интересах страны даже тогда, когда люди сильно страдают. Фильм стал заметным идеологическим явлением в начале 2000-х годов. Название фильма навеяно известным стихотворением Мао Цзэдуна³. Но этот фильм интересен не только своей историей и событиями, которые длительное время были сокрыты от посторонних глаз. В ленте участвуют первоклассные китайские актеры, и в то же время в нем сыграли непрофессиональные российские артисты — журналисты, специалисты, которые в период работы над фильмом трудились в КНР.

Примечательно, что российские кинематографисты проделали к китайской теме более длительный путь, чем их коллеги из Поднебесной к русской теме. Произошло это не потому, что российские кинематографисты не хотели этого, а просто сначала надо было преодолеть тяжелейшие кризисные последствия развала советской системы производства и проката кинофильмов.

Вместе с тем в этот период активно развивалась такая форма сотрудничества, как оказание взаимной помощи в съемках художественных лент. Еще в 1991 г. кинорежиссер Никита Михалков поставил фильм «Урга — территория любви», часть эпизодов которого была снята в КНР, во Внутренней Монголии. Позднее, в 2005 г., китайские кинематографисты оказывали содействие в съемках фильма «Монгол» российского режиссера Сергея Бодрова.

Параллельно с взаимным содействием друг другу кинематографистов двух стран стала развиваться тенденция к созданию совместных художественных кинофильмов. Во второй половине 1990-х годов возобновились обмены делегациями кинематографистов, регулярными стали кинонедели национального кино: китайского — в России, российского — в КНР. Во второй половине 1990-х годов российские и китайские официальные структуры договорились о необходимости стимулировать практическое взаимодействие кинематографистов обеих стран несмотря на то, что в этот период кино как в России, так и в Китае переживало кризисные явления.

В 1997 г. был выпущен первый совместный художественный фильм «Волшебный портрет», рассчитанный на детскую аудиторию, режиссером которого стал Геннадий Васильев. Продюсировали ленту китаец Чжэнь Чжуанчан и россиянин Виталий Сидоренко. Сценарий был написан российскими и китайскими сценаристами, а в съемках приняли участие актеры двух стран. Выбор детской сказки был не случайным: создатели фильма сознательно решили не обременять первый кинопроект идеологическими рисками и сориентировались на семейный фильм. В прокате он прошел незамеченным, впрочем, в этом нет ничего удивительного. Обе страны в тот период заново выстраивали кинематографическую политику с учетом экономических факторов и новых технологий, в том числе цифровых.

В последующие 15 лет кинодеятели двух стран не сумели реализовать ни одного совместного полноценного кинематографического проекта. Тем не менее, удалось наработать весьма значительный опыт взаимодействия, наладить регулярные обмены, расширить участие в национальных и региональных кинофестивалях обеих стран.

К началу 2010-х годов сложились условия для перехода к качественно новому сотрудничеству. Это был период определения приоритетов сотрудничества в области кинематографа, обсуждения возможностей и потенциала кинопроизводства, попыток расширить прокатные возможности китайских лент на российском кинорынке, а российских —

на китайском. В 2003 г. в рамках Межправительственной комиссии по гуманитарному сотрудничеству была создана Рабочая группа по сотрудничеству в области кинематографии, которая вскоре расширила свои полномочия и приобрела статус Подкомиссии.

В начале 2010-х годов к стимулированию кинематографических связей подключилась еще одна двусторонняя межправительственная структура — российско-китайская Подкомиссия по сотрудничеству СМИ. К этому времени стала совершенно очевидна возрастающая роль кинематографа в формировании различных форм деятельности новых медиа, прежде всего в силу разработки новых ресурсов и сервисов в Интернете и усиления воздействия на умонастроения людей «потокowego вещания» в кибернетическом пространстве.

Следует отметить, что в 2000-х годах российским и китайским кинопроизводителям в целом удалось преодолеть застой в национальном кинематографе. В обеих странах оживился кинорынок, активнее стали развиваться прокатные сети. Китайская киноиндустрия приступила к расширению своего присутствия на мировом кинорынке путем увеличения прокатных сетей за счет приобретения зарубежных, финансирования коммерческих проектов мировых кинопроизводителей, в первую очередь голливудских киностудий, расширения двустороннего сотрудничества в производстве кинопродукции.

В этот период наблюдается одинаковая для кинематографа КНР и России тенденция: дальнейшее его развитие в обеих странах, несмотря на государственную поддержку, становилось все более зависимым от коммерческой составляющей, от бизнес-интересов кинопроизводителей, источников финансирования и прокатных возможностей.

Одновременно выявилось серьезное воздействие на российский и китайский прокат голливудских производителей, поскольку блокбастеры из США делали основную кассу владельцам кинопрокатных сетей. В итоге, несмотря на появление хорошего и умного кино, кассовые сборы и, соответственно, прибыли прокатных сетей все более зависят от показа американских кинофильмов, а приоритеты китайских кинопроизводителей и инвесторов во все большей степени сосредоточиваются в США и Азии, где Китай не только финансирует производство кинофильмов, но и скупает кинопрокатные сети.

Вместе с тем с развитием диалога в области кинематографа постепенно стали возникать новые сферы сотрудничества, в том числе затрагивающие коммерческие направления. Оказывали влияние и иные факторы, например, интерес китайских зрителей к военному кино. В октябре-ноябре 2013 г. в 7100 кинотеатрах Китая был организован прокат российского фильма «Сталинград», кассовые сборы которого в КНР составили почти 8,5 млн долл. — рекордная сумма для российского фильма, побывавшего в зарубежном прокате. Во многом благодаря выходу на китайские экраны художественная лента Федора Бондарчука была признана в тот период самым коммерчески успешным фильмом России.

Успех «Сталинграда» создал хорошие предпосылки для появления во всекитайском прокате и других российских кинофильмов. Так, в январе 2014 г. в КНР состоялась широкая премьера фильма «Метро» Антона Мегердичева. Китайские прокатчики заинтересовались ремейком одной из самых популярных в КНР советских кинолент «А зори здесь тихие». Дистрибьюторы российского кино стали смелее выходить на китайский кинорынок и предлагать новые фильмы российских режиссеров. Китайские кинопрокатчики, в свою очередь, обратили внимание на такие ленты, как новый «Экипаж» режиссера Николая Лебедева, спортивный триллер «Боец», военная драма «Битва за Севастополь» и др.

Китайские ленты стали чаще появляться в российских кинотеатрах. 9 мая 2013 г. — в День Победы — впервые состоялась премьера зарубежного кинофильма, посвященного Второй мировой войне. Этой картиной стала военная драма известного китайского кинорежиссера Фэн Сяогана «1942». В российском прокате лента называлась «Вспоминая 1942 год».

Более успешным стало оказание взаимного содействия в съемках фильмов на территории друг друга.

Российские фильмы несколько раз входили в топ-10 по итогам прокатной недели. Среди них: «Он — дракон», «Вий», «Метро», «Викинг», «Время первых», «Сталинград», «Салют 7» и другие, в том числе совместная военная драма «Балет в пламени войны». Показательно, что прокатный старт российских лент происходит в весьма внушительных масштабах. Так, «Викинг», о демонстрации которого в КНР в 2017 г. договорилась кинокомпания «Централ Партнершип» и дистрибьюторские фирмы Flame Node Entertainment и Beijing United Film Artists Co. Ltd, вышел одновременно на 10 000 экранов. За первые три дня он принес почти 2 млн долл. «Салют 7» демонстрировался в течение недели в начале января 2018 г. и все это время твердо сохранял за собой 7-е место в десятке самых кассовых фильмов китайского кинопроката, заработав около 3 млн долл.⁴

Тем не менее российских фильмов на китайском прокатном рынке пока немного: в 2016 г. в прокат вышло только четыре картины из России, еще пять появились в 2017 г. За три месяца 2018 г. в Китае уже были показаны две художественные киноленты и одна совместная российско-китайская мультипликационная картина. Вместе с тем, как подсчитали специалисты, за последние пять лет в КНР были показаны 18 российских кинолент, собравших в китайском прокате 65 млн долл.⁵ Важно при этом понимать, что Китай самостоятельно производит ежегодно почти 700 фильмов, и конкуренция за попадание в национальную прокатную сеть даже среди китайских производителей чрезвычайно велика, не говоря уже о присутствии иностранных лент в китайских кинотеатрах.

В ближайшее десятилетие китайский прокатный рынок будет привлекать кинопроизводителей всего мира. По оценкам специалистов, Китай сегодня прочно удерживает репутацию второго по величине мирового прокатного рынка после США и Канады. К тому же некоторые кинопрокатные сети в США, Японии и Австралии перекуплены или финансируются китайским бизнесом, что усиливает позиции КНР в мировой прокатной сети. По данным исследовательской компании Deloitte, к 2020 г. китайский прокатный рынок превысит суммарные киносети всей Северной Америки⁶.

Китайские кинопроизводители начали вкладываться в российский кинематограф и совместные с нашими кинематографистами проекты. Предполагается, что две страны будут снимать по две-три картины ежегодно. Китайские партнеры, как сообщали СМИ КНР, планируют инвестировать до 50 млн долл. в совместное кинопроизводство с Россией. Конечно, эта цифра не очень велика и составляет примерно одну пятую часть объема китайских киноинвестиций в голливудские компании, но очень важно, что российско-китайское сотрудничество перестроилось на деловой лад и ориентируется теперь на конкретный результат. Такой подход представляется приемлемым, поскольку гарантирует совместным лентам почти автоматическое попадание в китайскую прокатную сеть, а также в российскую, где китайские фильмы пока еще не частое явление.

Развитие активного сотрудничества кинематографистов двух стран в прокатной сфере, и не только в ней, имеет две мотивации. Во-первых, неплохо срабатывает административный ресурс. Но сегодня он перестает быть главным и определяющим фактором.

Второй мотивацией все больше становится то, что российские и китайские кинопроизводители и прокатчики сумели проложить прямой путь к сотрудничеству друг с другом. Более того, кинематографический кризис в России ушел в прошлое, и наш кинематограф начал делать качественное художественное кино самых различных жанров, в том числе наиболее прибыльные в коммерческом отношении фантастические ленты, военное кино, отличные мультфильмы. Все это не могло не привлечь внимания китайских кинобизнесменов.

Заканчивается работа над «Вием-2», бюджет которого составил 50 млн долл. Фильм получил название «Путешествие в Китай. Тайна печати дракона». Он снят в формате 3D, и его премьера намечена одновременно в обеих странах, а также в Малайзии. В силу затянувшегося производственного периода она неоднократно откладывалась и была перенесена на вторую половину 2019 г.

Российский мультфильм «Снежная королева 3: Огонь и лед», в создании которого принимал участие Китай, вышел на экраны 5 апреля 2018 г. По сообщениям российского информационного агентства Sputnik, за 4 дня показа кассовые сборы достигли 43 млн юаней. Это вторая по величине кассовых сборов в Китае российская лента. «Снежная королева-2» также была показана в Китае в 2016 г. на правах киноленты совместного российско-китайского производства.

2019 год подтвердил курс на сотрудничество кинематографистов двух стран. В начале года в России и Китае почти одновременно состоялась премьера комедийной ленты «Как я стал русским». Это совместный проект российских кинокомпаний All Media Company, «Небо» и «Централ Партнершип» и китайских U.Lan Media Xuzhou Ltd., Zhejiang Huace Film&TV Co. Ltd. Продюсерами фильма выступают Резо Гигинеишвили, Георгий Шабанов, Павел Степанов и Фан Цяньли. Режиссер — Акакий Сахелашвили. Показательно, что в Китае премьера комедии состоялась в канун праздника Весны — китайского Нового года по лунному календарю. Как подчеркнули его создатели, впервые китайские и российские кинодеятели попытались «создать продукт, который работал бы на оба рынка»⁷.

Вместе с тем приоритетом в прокате КНР остаются отечественные фильмы. Выход в прокат китайских лент за последние три-четыре года происходил примерно в одних и тех же солидных количественных показателях. Национальная Гильдия китайских кинематографистов обращает внимание уже не на количественный рост отечественных фильмов, а на качественную подготовку и реализацию кинопроизводства, последовательное расширение прокатных рынков внутри страны и за рубежом. Расширение прокатной сети остается одной из важнейших задач для китайской киноиндустрии. Причем ее значение будет возрастать не только применительно к континентальному Китаю, Гонконгу, Макао и Тайваню, но и для всей Восточной Азии в целом и тех стран АТР, где ряд киносетей оказался под контролем китайских финансовых групп и медиакомпаний.

В настоящее время количество кинозалов в Китае превысило 50 тысяч. Китайские кинобизнесмены продолжают финансировать и эксплуатировать зарубежные киносети, в том числе в США, Австралии, Японии, постепенно расширяя присутствие своих фильмов и на других прокатных рынках. В национальном масштабе Китай продолжает увеличивать число киноэкранов и усиливать влияние отечественного кино на своего зрителя. По данным инвестиционного банка UBS Securities Co., Ltd, китайские кинозрители стали с большим доверием относиться к отечественному кино. Опросы 2017 г. показали: 68% респондентов нравятся отечественные фильмы, что свидетельствует о приросте на 8% числа любителей китайского кино по сравнению с 2016 г. Число поклонников голливудского кино за тот же период сократилось на 6%⁸. Причем в малых городах кинозрители предпочитают больше смотреть отечественные фильмы и отказываются от американских блокбастеров. Учитывая эту тенденцию, китайские прокатчики намерены расширять количество киноэкранов за счет провинциальных и уездных киносетей.

Новые возможности и дополнительные стимулы для модернизации кинопроизводства предоставило бурное развитие информационных технологий и расширение интернет-пространства в КНР за счет мобильных ресурсов и новых сервисов. Следует добавить, что китайская киноиндустрия имеет большой потенциал с учетом цифровых кинодистрибуций. В этих условиях лидирующие компании намерены расширить свои «онлайн-овые» кинорынки за счет слияния и вовлечения в кинопоказы как можно большего круга интернет-зрителей. Тщательный анализ мировых рынков и внедрение новинок в стране позволяют Китаю двигаться дальше по этому пути. Причем он все чаще заимствует за рубежом только идеи. Техническое обеспечение функционирования этого сегмента китайского информационного пространства КНР стремится осуществлять самостоятельно и независимо.

Рассматривая кинематограф как неотъемлемую часть высокотехнологичной «мягкой силы», которая оказывает серьезное влияние на умонастроения людей внутри страны и за рубежом, Китай активно развивает взаимодействие между ведущими IT-ком-

паниями страны и кинематографическими конгломератами. Сотрудничество развивается по нескольким направлениям. Среди них — использование новых цифровых технологий и компьютерной графики, электронная торговля билетами, сетевая и мобильная пропаганда и реклама современных киноновинок, изучение общественного мнения и реакции зрителей на кинопроизведения через легальные онлайн-кинотеатры. Кинематограф все активнее вторгается в интернет-пространство и использует возможности информационно-телекоммуникационных технологий.

Более того, новые сервисы в Интернете способствуют продвижению кино в большие кинозалы. Сегодня широкое применение получили так называемые стриминговые сервисы — службы по организации потокового вещания. Возникли специализированные компании, к услугам которых все чаще прибегают российские и китайские кинопроизводители.

О важности сотрудничества с интернет-корпорациями и владельцами онлайн-кинотеатров свидетельствует история с фильмом «Он — дракон». Фантастическая драма, снятая режиссером Игорем Цаем и спродюсированная Тимуром Бекмамбетовым, стала известна в КНР благодаря китайскому сегменту Интернета, куда он попал пиратским способом. В Интернете его посмотрели 40 миллионов китайцев.

Прокатчики обратили внимание на популярность ленты среди интернет-зрителей и купили ее. Фильм вышел в прокат и собрал неплохую кассу, подтвердив успех в больших кинотеатрах. Фактически история с лентой сегодня стала примером успешной и результативной работы популярного ныне потокового вещания. Появилась информация о совместной съемке российско-китайского продолжения ленты «Он — дракон-2».

Присутствие китайского кинематографа на российском прокатном рынке пока ограничено одним-двумя фильмами в год. Однако его участие в формировании видеоконтента в российских сетевых ресурсах и онлайн-кинотеатрах постепенно увеличивается в основном за счет пиратского сегмента, в котором ежегодно появляется до 100 новых китайских кинолент, прежде всего, коммерчески успешных и востребованных кинозрителями, предпочитающими популярные и развлекательные киножанры.

В Китае, в свою очередь, формирование видеоконтента в цифровом пространстве приобрело огромное значение. В настоящее время число пользователей китайского сегмента Интернета перевалило за 738 млн человек. Визуализация и виртуализация киберпространства, расширение технических возможностей для погружения в виртуальный мир создали дополнительное поле для деятельности кинематографистов и выпуска визуальных продуктов с применением новой техники. Сращивание новых технологий и новых кинематографических методик в сочетании с растущим творческим потенциалом молодых китайских кинодеятелей создают благоприятную почву для модернизации кинопроизводства в КНР.

Китайский интернет-гигант Tencent в сотрудничестве с Пекинской киноакадемией организовал тренировочную площадку, на которой ведется подготовка специалистов с «глобальным мышлением в сфере культурного и креативного сектора». Слияние образовательных ресурсов Пекинской киноакадемии и IT-разработок компании Tencent имеет целью подготовку высококвалифицированных специалистов в новых IT-областях, понимающих и пользующихся возможностями растущей цифровизации социума и экономики страны. Пекинская киноакадемия, созданная в мае 1950 г., является самым крупным в Азии учебным заведением по подготовке киноспециалистов различного профиля. Основная часть профессионалов китайского кинорынка — ее выпускники. Более того, по состоянию на 2017 г., здесь также обучались 166 иностранных студентов, в том числе 30 — из США, 7 — из России, 15 — из Южной Кореи⁹. В свою очередь корпорация Tencent — разработчик популярных в КНР социальных сетей и мобильного приложения WeChat, число пользователей которого превысило 1 млрд, сегодня располагает крупнейшей в Китае и третьей в мире после Facebook и YouTube социальной сетью Qzone. Кор-

порация активно инвестирует в культурный и креативный секторы. Все это в комплексе стимулирует интерес российских кинопроизводителей к сетевым ресурсам Китая.

Российские кинематографисты стали постоянными гостями китайских международных и национальных кинофестивалей. Китай, в свою очередь, регулярно участвует в МКФ, а в последние годы проявляет интерес к российскому региональному кинематографу.

Наиболее интересное авторское кино сегодня снимается в России на региональных киностудиях. Достойное кино делают в Якутии. Такие ленты, как «Тропа смерти», «Наахара», «Призрак», «Паранормальный Якутск», сразу после появления на экранах завоевали зрительский и финансовый успех. А детективная лента «Мой убийца» вошла в число претендентов 2016 года на голливудский «Золотой глобус». Казанские кинематографисты снимают кино по произведениям Лавкрафта — американского мастера прозы в жанре ужасов.

Весьма показательна история появления российского мультипликационного фильма «Снежная королева», который был снят в Воронеже и вышел на год раньше диснеевской ленты «Холодное сердце». При затратах в 7 млн долл. он заработал более 25 млн долл. Многие части последовавших после успеха продолжений рисовались в китайских студиях компьютерной графики и отчасти финансировались китайцами.

Сегодня практически каждая область, край или республика на обширном географическом пространстве за Уралом проводит собственные международные кинофестивали, налаживает контакты с зарубежными кинопроизводителями. Здесь таятся неплохие перспективы для развития всего многообразия российского кино и сотрудничества с зарубежным Дальним Востоком. Китай, Япония, Южная Корея, Тайвань, Вьетнам имеют достаточно развитый кинематограф и сильную прокатную базу. Поэтому кинематографическое сотрудничество открывает неплохие перспективы, и российско-китайские киносвязи подтверждают это. Китайские кинопродюсеры внимательно относятся к российским режиссерам, чьи имена вызывают повышенный интерес у зарубежных критиков и кинодеятелей. Речь идет как о маститых художниках, так и о молодых.

Кино — это не только самый массовый вид искусства, но и широкое поле для предпринимательской деятельности. Понятие «кинобизнес» прочно вошло в обиход кинематографистов, выстраивающих свою политику на принципах окупаемости производимой продукции. Китайские кинодеятели научились этому лет 15 назад, российские только учатся. Главное — никто не подгоняет российско-китайское кинематографическое сотрудничество. Его развитие должно идти естественным путем, хотя и нуждается в стимулировании. В нем уже выявились признаки определенной системности. Обе стороны во время переговоров на официальном уровне подчеркивают идею о том, что современный кинематограф является важным средством межцивилизационной коммуникации, которая позволяет расширить потенциал взаимопонимания и эффективность межкультурного общения.

* * *

Таким образом, следует отметить, что в кинематографической среде двух стран возникли тенденции, свидетельствующие о возрастающем взаимном интересе кинопроизводителей друг к другу. В двустороннем кинематографическом сотрудничестве одновременно проявились несколько направлений, которые начали закрепляться во взаимоотношениях кинодеятелей и административных структур двух стран, ведающих вопросами кинематографии.

Идеологически ориентированное направление формируется и регулируется административными учреждениями двух стран, отвечающими за развитие кинематографа, в первую очередь в рамках соответствующей российско-китайской Подкомиссии, которая ежегодно определяет основные направления взаимодействия. Это проявляется, к примеру, в использовании киновозможностей для осуществления совместных проектов, посвященных общественно значимым акциям, подобным празднованию 70-летия Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом в 2015 г.

Производственное и техническое направление учитывает новые технологические возможности КНР и стремительно развивающийся потенциал российского кинематографа, материально-технологическая база которого пока отстает от уровня развития производственной базы Китая, но создает серьезную творческую основу для взаимодействия двух стран в кинопроизводстве. Это направление предполагает также использование материально-технической базы Китая при техническом оформлении кинолент с применением компьютерной графики, спецэффектов, в том числе в мультипликации.

Коммерческое направление включает как технологические и компьютерные возможности, так и финансирование кинопроизводства, совместные кино съемки, оказание содействия при съемках, взаимное приглашение актеров, режиссеров, монтажеров, операторов, организацию съемочных процессов на территории каждой из стран.

Взаимное использование кинопрокатного потенциала также играет важную роль в сотрудничестве двух стран, поскольку одним из главных критериев успешности кинопроекта сегодня стали кассовые сборы. Следует признать, что это направление прежде всего интересно российским кинематографистам, небезосновательно полагающим, что попадание в гигантскую прокатную сеть Китая, а через китайские партнерские связи — в прокат других стран Восточной Азии, США, Австралии, может укрепить коммерческий потенциал кинопроекта.

Возрастает роль кинематографического сотрудничества России и Китая в Интернете. Эта задача тем более актуальна в условиях расширения стриминговых сервисов, благодаря которым многие художественные ленты активно продвигаются на большие экраны прокатных сетей. Это направление потенциального сотрудничества пока находится в зачаточном состоянии, а репертуар двух стран в интернет-кинотеатрах формируется главным образом за счет пиратских ресурсов.

И, наконец, важным фактором является возрастание возможностей при подготовке специалистов в области производства кино. Причем у каждой страны есть своя сильная сторона: у российских кинематографистов — исторически мощная кинематографическая школа и творческий потенциал, у китайской — современная материально-техническая база и новые высокотехнологичные специальности для кинопроизводства.

Иными словами, потенциал продвижения сотрудничества — весомый, и многое будет зависеть от того, как он будет использоваться.

1. См.: Дружба. 1959. № 45. С. 34.
2. Россия и АТР. 2010. № 2. С. 136.
3. Подробно с историей формирования российско-китайского сотрудничества и развитием китайского кинематографа можно ознакомиться в монографии автора: *Исаев А.С. Китайский кинематограф нового тысячелетия*. М.: ИДВ РАН, 2016. 274 с.
4. Более подробно о развитии китайского кинематографа и российско-китайского сотрудничества в период 2016–2017 гг. см.: Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017–2018: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. С. 374–383.
5. *Богданова К.* В России и Китае покажут первую совместную комедию «Как я стал русским». Комсомольская правда. 29.11.2018. URL: <https://www.kp.ru/daily/26914/3960450/>
6. Там же.
7. Прокатчик рассказал об ожиданиях от премьеры «Как я стал русским в Китае». URL: <https://ria.ru/20190111/1549234693.html> (дата обращения: 11.01.2019)
8. См.: China box office to grow 12 pct annually. URL: <http://www.cens.cn/business/2018/01-24/289666.shtml>.
9. Данные сайта Пекинской киноакадемии. URL: <http://eng.bfa.edu.cn/en/pages?cid=5>.

Значение традиционной китайской каллиграфии в современном обществе

© 2019

А.И. Донченко

Искусство китайской каллиграфии имеет долгую и непрерывную историю развития и по-прежнему является важной частью культуры Китая. В статье затрагиваются некоторые вопросы, связанные с местом и ролью каллиграфии в современном китайском обществе.

Ключевые слова: Китай, каллиграфия, традиционная культура, изобразительное искусство.

DOI: 10.31857/S013128120004651-7

Сохранение традиционной культуры и ее лучших достижений является одним из приоритетных направлений внутренней политики в современном Китае. Особое место в китайской культуре занимает каллиграфия, имеющая долгую и непрерывную историю развития, продолжающуюся по сей день.

В традиции каллиграфии можно выделить два основных аспекта:

Первый — это внешняя красота каллиграфического произведения. В процессе развития китайской письменности каллиграфия трансформировалась в благороднейшее из всех искусств и стала главной составляющей традиционной культуры Китая. Написание любых текстов — писем, замстоек, объявлений, перепись канонических текстов, рукописи стихов и т.д. стало не только записью и передачей информации, но в то же время превратилось в занятие, приносящее высокое эстетическое удовольствие.

Второй — духовная красота каллиграфии, ее внутренний смысл и содержание. Каллиграфия не только дает человеку эстетические ощущения, но и благодаря слиянию различных компонентов, таких, как мастерство владения кистью и тушью, строения иероглифа и композиции текста передает заложенные в работу глубокое внутреннее содержание и эмоции. Эта духовная красота каллиграфического произведения отражает характер личности каллиграфа, его переживания, знания и чувства. Каллиграфия выступает как зеркало душевного состояния человека¹.

Эти два аспекта взаимодействуют и дополняют друг друга. Как единство традиции каллиграфии, они были унаследованы с древних времен и продолжают изменяться и развиваться.

От узелкового письма и почерка *да-чжуань* китайская письменность постепенно, шаг за шагом, эволюционировала до нынешнего вида. Выделяют шесть категорий иероглифов: пиктограммы, символы, идеограммы, фонограммы, заимствования и видоизменённые иероглифы².

Создавая иероглифы, древние китайцы осмысливали и использовали законы природы, при этом сложились некоторые дуальные категории для создания гармонично-

го иероглифа, такие, как открытое-закрытое, разъединяюще-соединяющее, пустое-заполненное, длинное-короткое, легкое-тяжелое, жирное-тощее, кривое-прямое и др.³ В способности комбинировать и удерживать эти категории в состоянии равновесия заключается мастерство каллиграфа. Отражение личностных качеств, темперамента и эстетических идеалов каллиграфов в их произведениях создавало особые индивидуальные стили, отличные друг от друга и обладающие ярко выраженной идентичностью, что имеет большую эстетическую ценность. В XX веке в результате крупных политических потрясений в китайском обществе возникли идеи реформирования письменности. Культурные элиты «Движения 4 мая» призывали отказаться от традиционной письменности и использования китайских иероглифов, заменив их алфавитом. Они ошибочно полагали, что иероглифическая письменность тормозит прогресс китайского общества, однако подобные идеи не нашли поддержки большинства, и проект не был реализован.

Последующее развитие Китая, его успехи в политике, экономике и культуре доказали, что иероглифическая письменность не препятствует прогрессу страны. На самом деле она не только служит практическим инструментом для выражения и обмена информацией, но и поддерживает чувство единства китайской нации. Эмигрировавшие из страны китайцы сохраняют и передают последующим поколениям традиционную культуру и иероглифическую письменность. Посредством каллиграфии сохраняются устойчивая связь с историческими корнями и национальная самоидентификация.

Отсюда следует, что каллиграфия существует воспитанию высокоморальной личности и всестороннему образованию. Существует такое выражение: если сердце правильное, тогда и кисть правильная. Это свойство каллиграфии имеет положительную социальную значимость, поскольку способствует построению сегодняшней социальной морали и культивированию всеобщих ценностей — истины, добра и красоты.

Одна из проблем развития каллиграфии в современном Китае — все больше проявляющийся «соревновательный» характер. Увеличение проводимых в последние годы выставок и всевозможных конкурсов по каллиграфии привело к обеднению внутреннего содержания каллиграфических произведений. Чрезмерное сосредоточение на внешней форме ведет к тому, что каллиграфы пренебрегают совершенствованием своих моральных и этических качеств, зачастую оправдывая это нехваткой времени. Это может вызвать вырождение истинной сущности искусства каллиграфии.

Также существует большая проблема, связанная с подделками. Есть случаи, когда ради достижения высоких наград, повышения статуса или получения должности на выставки или конкурсы представляются работы, которые написаны за участника другим человеком или являются копией чужой работы. Такие действия вызывают неприязнь в китайском обществе и беспокойство о будущем каллиграфической традиции. На всем протяжении развития каллиграфия была искусством, которое сочетало в себе внешнюю и духовную красоту. Если же развитие каллиграфии продолжит идти путем соревнования, это может привести к плачевным результатам. Этой тенденции также способствует современный механизм оценки выставок и конкурсов. В ряде случаев, чтобы получить высокие оценки и выиграть призы, молодые каллиграфы вынуждены создавать произведения, отвечающие эстетическим предпочтениям и каллиграфическому стилю судей. Подобная практика существует повсеместно, и это серьезная угроза обесценивания духовной составляющей каллиграфии⁴.

В последние 30 лет развитие каллиграфии в Китае происходило особенно бурно. Глобализация и поиски новых форм приводят ко все большей абстракции. Зачастую это вызывает появление произведений, чрезвычайно далеких от традиционной каллиграфии и вызывающих недоумение и непонимание зрителей. В стремлении поиска новых форм необходимо соблюдать тонкую грань между новаторством и разрывом с традицией. При этом пластичность китайской культуры и открытость всему новому даст большие воз-

возможности для развития и открывает новое пространство для традиционной каллиграфии, она также обеспечивает уникальную перспективу для абстрактного искусства⁵.

Также существует направление в современной китайской каллиграфии, где искусство создается ради искусства. Такая форма современной каллиграфии пытается прорваться сквозь традиционную каллиграфию, но по-прежнему связана иероглифической основой. Она не обращает внимания на содержание, навыки и окончательные результаты написания.

Степень человеческого совершенствования определяет эстетическую высоту каллиграфической работы. Изящество, красота и элегантность надписи опирается на длительный процесс самосовершенствования каллиграфа, поэтому поспешность и торопливость не дает положительных результатов. Попытки заменить длительный процесс внутренней работы красивой внешней формой подобны подделке, которую специалист определит с первого взгляда. Поэтому интеллигенция, деятели искусства, ученые и люди, обладающие чувством исторической ответственности, должны уделять особое внимание этому вопросу. Необходимо сохранять и продолжать традицию каллиграфии в ее истинном предназначении. Участие в различных конкурсах не способствует самосовершенствованию. Фундаментальной целью каллиграфии является развитие художественного вкуса и высоких моральных качеств: если заниматься ею с таким намерением, то можно достигнуть больших успехов не только в искусстве каллиграфии, но и в своем духовном развитии.

Например, к почерку некоторых поэтов и писателей, не являющихся каллиграфами, могут быть нарекания с точки зрения методов и способов написания иероглифов, но их образование и богатый духовный мир делают каллиграфическую надпись произведением искусства. Их жизненный опыт, чувства и переживания отражаются в туши и кисти, что вызывает интерес и особые эмоции. Об этом стоит подумать многим каллиграфам, которые уделяют основное внимание внешним формам, а не внутреннему содержанию. Таким образом, изящный вкус в каллиграфии достигается путем всестороннего самосовершенствования, а не только за счет практики. Это длительный процесс, требующий многих лет сознательной работы.

Говоря о практическом применении каллиграфии и ее месте в современном обществе, можно сказать, что сохранение традиции каллиграфии имеет важное практическое значение. В нынешнюю эпоху китайская каллиграфия выполняет четыре функции: культурную, гуманистическую, социальную и международную. Каллиграфия является носителем культурной памяти китайского народа, несет многовековую мудрость и способствует развитию правильного эстетического восприятия.

В прежние времена практические занятия каллиграфией были неотъемлемой частью обучения чиновников: считалось, что человек, занимающийся каллиграфией, имеет высокий уровень образования и культуры, а также обладает высокими моральными качествами, поэтому каллиграфия всегда ценилась в их среде. По мнению многих китайских ученых и деятелей культуры, сегодня наследование и развитие традиции каллиграфии также может положительно влиять на качество обучения государственных служащих: через «правильные слова» происходит исправление мыслей и поведения; обогащение культурных знаний и всестороннее совершенствование; повышение уровня грамотности и расширение словарного запаса; появление друзей из всех слоев общества, противодействие плохим увлечениям: уравновешенный характер, спокойствие, здоровье и долголетие. Практика каллиграфии может исправить характер чиновников, установить модель социальной морали и улучшить деловые способности⁶.

Занятия каллиграфией способствуют воспитанию высоких моральных качеств в человеке, помогают раскрывать лучшие стороны человеческой души — доброту, стремление к истине. В каллиграфии внешняя форма произведения является носителем и выражением внутреннего содержания, в которое автором вкладывается понимание и стремление к истине, доброте и красоте.

Каллиграфия благотворно влияет на здоровье человека, что особенно актуально в современном стареющем обществе Китая. Занятия каллиграфией являются удобной формой для самосовершенствования, проведения досуга и укрепления здоровья, они популярны среди всех слоев населения.

Опираясь на многолетнюю практику, директор Пекинской центральной школы района Хайдянь Юй Вэнь считает, что в результате занятий живописью и каллиграфией у детей с аутизмом стабилизируется эмоциональное состояние и развивается координация. Это позволяет им легче интегрироваться в общество⁷.

В своей статье о влиянии каллиграфии на здоровье человека преподаватель живописи Пекинской центральной школы района Хайдянь Ху Бинь, который имеет богатый опыт работы с «особенными» детьми, пишет о том, что в связи со специфическим процессом двигательной активности во время занятий каллиграфией в течении длительного времени улучшается физическое и психическое состояние человека. В подтверждение этого приводятся результаты исследования продолжительности жизни известных каллиграфов времен династий Тан, Сун, Юань, Мин и Цин (табл. 1)⁸.

Таблица 1

Продолжительность жизни 132-х известных каллиграфов, живших во времена династий Тан, Сун, Юань, Мин и Цин

Продолжительность жизни	Количество человек	% от общего количества человек
40–50 лет	3	2,3
50–60 лет	22	16,7
60–70 лет	41	31,1
70–80 лет	39	29,5
80–90 лет	25	18,9
Свыше 90 лет	2	1,5

Составлено автором.

Согласно табл. 1 средняя продолжительность жизни в данной группе составила 69,4 года.

Также проведенные в настоящее время статистические исследования продолжительности жизни 140 каллиграфов и писателей современного периода показали, что средняя продолжительность жизни этой категории граждан превышает среднюю продолжительность жизни на 11,9 лет⁹.

Для того чтобы выразить свои мысли и чувства в каллиграфическом произведении, автор должен быть высоко и всесторонне образованным.

Красота искусства каллиграфии и ее глубокие культурные традиции способны развивать в человеке благородные качества, такие, как честность и добросовестность. С каллиграфией тесно связано изучение традиционной китайской классической поэзии, что повышает эрудицию в национальной культуре. В процессе овладения искусством каллиграфии улучшается эстетический вкус и приобретаются новые знания, к тому же каллиграфия способствует укреплению физического и психического здоровья.

В настоящее время в Китае широко распространены социальные занятия каллиграфией для населения, по всей стране в программу начальной и средней школы снова введены уроки каллиграфии. Этот вид изобразительного искусства становится все более популярным среди всех слоев населения.

Правительство Китая уделяет большое внимание сохранению, изучению и развитию традиционной китайской культуры. В программу обучения школьников вводятся обязательные занятия по традиционному искусству. Принят целый ряд документов,

направленных на обеспечение качественного преподавания традиционной живописи и каллиграфии.

В июле 2002 г. Министерством образования КНР были приняты «Правила работы в области художественного образования в школах», действующие до сих пор. В этом документе говорится, что художественное образование способствует эстетическому воспитанию учащихся и является неотъемлемой частью качественного образования, поэтому каждый школьник должен получить знания в области искусства в надлежащем объеме и принять участие хотя бы в одном художественном мероприятии. Для этого в школах необходимо создавать художественные кружки для всех учащихся. Особое внимание должно уделяться внеклассной работе, включающей в себя формирование культуры и художественной среды в школе, а также деятельность по художественному образованию за пределами учебного заведения¹⁰.

В июле 2010 г. ЦК КПК и Госсовет КНР опубликовали «Национальный среднесрочный и долгосрочный план реформирования и развития образования на период 2010–2020 гг.». Согласно этому плану во всех школах в расписание должны быть введены уроки каллиграфии¹¹.

В феврале 2011 г. Министерство образования КНР ввело в действие «Руководство по преподаванию каллиграфии в начальных и средних школах», требующее включить обучение каллиграфии в систему начального и среднего образования. Согласно этому документу учащиеся должны разделяться на возрастные и фазовые уровни, что позволит применять в процессе обучения дифференцированный подход. В каждой школе необходимо создать специальные классы по обучению каллиграфии и обеспечить качественное и высококвалифицированное преподавание.

В продолжение принятой на XIX съезде КПК основной линии развития КНР под лозунгом «великое возрождение китайской нации» в рамках реализации «Национального плана развития и реформирования образования в среднесрочном и долгосрочном периоде (2010–2020)» Министерством образования КНР принят «Пятилетний план развития преподавания каллиграфии (2018–2022)»¹².

В этом плане говорится о важности преподавания каллиграфии в начальной и средней школе, подчеркивается, что уроки каллиграфии будут стимулировать изучение традиционной китайской культуры и способствовать непрерывному процессу передачи традиционной письменности.

Для продвижения обучения каллиграфии среди молодежи проводятся выставки и конкурсы на различных уровнях. Ежегодно проводится Всекитайский конкурс для учащихся начальных и средних школ¹³.

Во многих высших учебных заведениях Китая проводят бесплатные мастер-классы по каллиграфии для пожилых людей. Например, в январе 2018 г. в одном из университетов известный каллиграф Сянь Чжицзян провел такой урок по каллиграфии для пожилых кадровых работников¹⁴.

Также многие известные каллиграфы часто проводят в своих мастерских социальные занятия для пенсионеров на безвозмездной основе либо за символическую плату¹⁵.

В конце 2018 г. Национальным управлением по делам пожилых людей был организован Национальный конкурс каллиграфии и живописи среди людей, чей возраст превышает 60 лет¹⁶.

Можно сказать, что значение традиции каллиграфии в Китае в настоящее время заключается прежде всего в ее положительной роли в улучшении всего общества в целом. Кроме того, более глубокое изучение письменной культуры будет способствовать улучшению и развитию духовного мира человека, изменит его характер в лучшую сторону.

1. *Соколов-Ремизов С.Н.* Литература — каллиграфия — живопись. К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. М.: Наука, 1985. С. 178.
2. *Соколов-Ремизов С.Н.* Каллиграфия // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том / гл.ред.М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Востлит, 2006 [Т.6 (дополнительный):] Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. 2010. С. 121.
3. *Белозёрова В.Г.* Искусство китайской каллиграфии. М.: Российск. гос. гуманит.ун-т, 2007. С. 105–110.
4. *Ван Наньмин.* Сяньдай шуфа сюйяо хуэйгу: [Современной каллиграфии необходимо обращаться к прошлому] // Мэйшубао. URL: http://msb.zjol.com.cn/html/2017-06/24/content_3537030.htm?div=-1
5. Сяньдай шуфа: Жухэ цун чуаньтун чжун чжуаньхуаньчу синьи: [Современная каллиграфия: как трансформировать новые идеи из традиции / Мэйшубао. 24.06.2017] URL: http://msb.zjol.com.cn/html/2017-06/24/content_3536025.htm?div=-1
6. Там же.
7. *Ван Чжэньхун.* Бэйцзин Хайдянь пэйчжи чжунсинь сюэсюэ сюэшэн шухуа цзопинь хунбогуань кайчжань:[В реабилитационном центре для особых детей пекинского района Хайдянь открылась выставка работ школьников]. URL: http://news.china.com.cn/2016-01/08/content_37533411.htm
8. *Ху Бинь.* Шуфа ишу юй шэньсинь цзянькан: [Искусство каллиграфии и физическое и психическое здоровье]. URL: http://www.sohu.com/a/207933918_100014621
9. Там же.
10. URL: <https://max.book118.com/html/2018/1019/8073111106001127.shtm>
11. Гоця чжунчанци цзяоюй гайгэ хэ фачжань гуйхуа ганьяо (2010–2020 нянь): [Национальный среднесрочный и долгосрочный план реформирования и развития образования на период 2010–2020 гг.]. URL: http://www.hprc.org.cn/gsgl/zggk/guijiajg/xiangguanwenjian/201007/t20100730_56482.html
12. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-08/25/content_2473508.htm
13. URL: <http://www.eshufa.com/html/2/category-catid-2.html>
14. *Чэнь Цинли, Ван Юэ.* И тан бекай шэньмяндэ лаонянь шуфа кэ—ци чжимин шуфацзя Сянь Чжицзян лай лао ганьбу дасюэ гуньи шоукэ: [Урок каллиграфии для пожилых людей по-новому—известный каллиграф Сянь Чжицзян дает уроки каллиграфии для пожилых кадровых работников]. URL: <http://www.crt.com.cn/news2007/News/tgjx/2018/1/181261418387DD1JF40CD2J1C5GF1A3.html>
15. *Ли Фань.* Лаожэнь туйсю хоу кай гуицзоши мяньфэй цзяо шуфа цзяньши ши нянь: [Мастерская для пенсионеров—10 лет бесплатного преподавания каллиграфии]. URL: <http://www.cncaprc.gov.cn/contents/31/15830.html>
16. URL: <http://www.shgcw.com.cn/html/2018106421.htm>

Научная жизнь

«Восточная Азия в меняющемся мире» VI Международная научная конференция молодых востоковедов

29–30 ноября 2018 г. в Институте Дальнего Востока РАН состоялась VI ежегодная научная конференция молодых востоковедов «Восточная Азия в меняющемся мире», организованная и проводимая Советом молодых ученых ИДВ РАН. Конференцию открыл директор ИДВ РАН проф. С.Г. Лузянин, который обозначил основные тренды развития международной обстановки в регионе, отметил актуальность вынесенных на обсуждение вопросов и подчеркнул важность участия в международных конференциях для профессионального развития ученого.

В работе конференции приняли участие более 50 молодых ученых и магистрантов, представляющих различные академические и учебные институты, а также государственные учреждения, коммерческие и некоммерческие организации. На форум приехали молодые востоковеды из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Челябинска, Екатеринбургa, Читы, Владивостока, а также Китая, Польши и Таиланда. Были заслушаны и обсуждены более 40 докладов, посвященных актуальным вопросам сотрудничества в Восточной Азии и проблемам развития государств региона.

Заседания конференции проходили в двух секциях: «*Политика*» и «*Экономика*». Все доклады вызвали интерес и живую дискуссию, показав, что затронутые темы актуальны и интересны для молодых востоковедов.

На заседаниях секции «*Политика*» было заслушано и обсуждено 25 докладов.

В докладе А.Ч. Мокрецкого (ИДВ РАН) были представлены «новые пространства сотрудничества» в китайской внешней политике. Автор подтвердил тезис о том, что китайская дипломатия становится «всевекторной», «многослойной» и «объемной», а само государство вступило в «новую эпоху», для которой характерны новые области сотрудничества: интернет-пространство, космос, глубоководные моря и др.

Е.В. Журавлева (РУДН) рассмотрела популярную в последние годы в Китае теорию международного симбиоза, основным разработчиком которой является профессор Фуданьского университета Жэнь Сяо. С помощью этой теории поясняются не только принципы современной внешней политики КНР, но и предлагается модель будущей системы международных отношений, которая основана на реляционизме и имеет многополярную структуру.

В докладе А.В. Цвыка (РУДН) была поднята актуальная проблема прав человека в Китае. В последние десятилетия эта проблема стала одной из наиболее спорных и противоречивых тем в отношениях между КНР и Западом. Китай, традиционно зани-

мавший в данном вопросе оборонительную позицию, начал продвигать собственную концепцию прав человека на международном уровне. В докладе анализируется место Китая в современной системе защиты прав человека, а также цели, задачи и механизмы реализации «дипломатии прав человека» Китая.

В.А. Скосырев (ИСАА МГУ) посвятил выступление китайским «мозговым центрам». В последние годы партийные и государственные учреждения, университеты, исследовательские институты и СМИ приступили к строительству собственных аналитических центров. Автор задает риторический вопрос: будут ли новые «мозговые центры с китайской спецификой» выдавать аналитическую продукцию более высокого класса, либо же будет иметь место лишь количественный, а не качественный рост «мозговых центров».

В докладе **А.А. Киреевой** (МГИМО МИД РФ) рассматривалась политика Японии по отношению к конфликту в Южно-Китайском море в контексте трансформации ее политики в сфере безопасности и стратегического соперничества с Китаем. Администрация Синдзо Абэ позиционирует действия КНР как угрожающие безопасности и направленные на нарушение статус-кво. В связи с этим Япония усиливает свое участие в делах региона и наращивает сотрудничество в сфере безопасности как с государствами, непосредственно вовлеченными в территориальные споры (Вьетнам и Филиппины), так и со странами ЮВА, которые озабочены обострением конфликта (Малайзия, Индонезия), а также с внешними игроками (США, Австралия, Индия, Великобритания).

В.В. Нелидов (МГИМО МИД РФ) осветил некоторые черты японского механизма принятия решений в сфере национальной безопасности с точки зрения концепции «реактивного государства», предложенной американским политологом К. Калдером и подразумевающей, что японское государство зачастую предпочитает не проявлять инициативы, но лишь реагировать на уже складывающуюся ситуацию. В докладе были представлены международные и внутривластные факторы, способствующие подобной «реактивности» политического курса, отмечены выгоды и потери подобного подхода, а также показано, что «реактивность» до сих пор является существенной чертой курса японского государства в сфере национальной безопасности (хотя в последние годы и проявляются отдельные признаки отхода от подобного курса).

Матеуш Данелевски (Варшавский университет) оценил приоритеты внешней политики КНДР и РК. По мнению польского ученого, вся северокорейская дипломатия служит для того, чтобы как можно дольше удержать режим на международной арене. При этом ядерное оружие является гарантией безопасности Пхеньяна, а военные действия, в том числе ракетные и ядерные испытания, — важнейшим инструментом. Основные приоритеты внешней политики Республики Корея следуют из собственной геостратегической позиции и экономического влияния, к ним относятся отношения с крупными державами (США, КНР, Япония и РФ), а также проблема Северной Кореи.

И.А. Курашова (ИСАА МГУ) проанализировала реформу силовых структур Республики Корея в период президентства Мун Чжэ Ина и ее перспективы. Автор отмечает, что несмотря на объективные предпосылки для реформы, как необходимость усовершенствования армейского вооружения и техники, неэффективность служб гражданской и военной разведок и их замешанность в скандалах, такие масштабные внутривластные изменения направлены также и на усиление позиций действующего президента и правящей партии. При этом успешное проведение реформы находится под вопросом — несмотря на популярность в обществе отдельных ее положений, низкий рейтинг президента может привести к тому, что любые его инициативы будут восприняты негативно.

Тема Северной Кореи была продолжена в выступлении **Н.С. Степановой** (Пятый канал, Санкт-Петербург), которая рассмотрела вопрос национализма как элемента идеологии КНДР. Северокорейская пропаганда призывает бережно хранить наследие национальной культуры, возрождать традиции. Для этого регулярно делается акцент на преимуществах национальной кухни и одежды, подчеркивается «самобытность»

и «превосходство» корейской нации, отсутствуют какие-либо упоминания о китайском влиянии, в том числе, конфуцианстве. Хотя при этом упор делается на особенности азиатского менталитета: для консолидации нации на этнокультурной основе идет постоянная отсылка к традиции уважения старших. В рамках северокорейской государственности это означает и безусловное почитание лидера страны. Докладчик отметил, что возведение в ранг национализма внутренней самобытности и самостоятельности во внешней политике Пхеньян объясняет необходимостью противостоять навязываемой «империалистами» глобализации, которую в КНДР воспринимают как попытку Запада, и в первую очередь США, навязать всему остальному миру свои ценности, образ жизни, политическое устройство и экономическую систему.

Е.Л. Логиновский (НИУ ВШЭ) представил участникам конференции анализ малоизвестной работы Ким Ир Сена «Социализм — это идея народных масс, выступающих в защиту будущего человечества», появившейся после холодной войны и не включенной в первое «Полное собрание сочинений». Лидер КНДР беседовал с людьми, большинство которых были этническими корейцами, проживавшими в странах СНГ, и вместе с ним принимали участие в вооруженной борьбе 1930–1950-х годов. В указанном труде Ким Ир Сена затрагивается международная и местная проблематика, при этом акцент делается на вопросы идеологии и политики в России. Работа публиковалась трижды: в 2000, 2006 и 2011 г. По мнению докладчика, переиздания этих бесед лидера КНДР являются важным сигналом Пхеньяна о стремлении улучшить связи с Москвой в XXI веке.

Особый интерес участников конференции вызвал доклад И.В. Дьячкова (МГИМО МИД РФ), посвященный анализу современных ракетно-ядерных возможностей КНДР. Нехватка информации о Северной Корее и идеологизированность проблемы усложняют оценку ядерного потенциала Пхеньяна. Эксперт отметил, что атомный проект является для КНДР привлекательной альтернативой модернизации конвенциональных вооружений с точки зрения соотношения расходов и производимого эффекта. Главным «узким местом» военной ядерной программы КНДР являются тесно связанные вопросы вепонизации и создания средств доставки, где одна из основных сложностей заключается в создании миниатюрной ядерной боевой части. До сих пор не ясно, удалось ли КНДР ее разработать. Значительный скачок в области ракетных технологий был совершен Пхеньяном в 2017 г., во время испытаний твердотопливных ракет «Пуккыксон-2», а также линейки новых «Хвасонов», обладающих большей дальностью, чем демонстрировавшиеся ранее северокорейские изделия. По мнению автора, широкое и подробное освещение Пхеньяном своих технологических достижений свидетельствует о стремлении КНДР привлечь к себе внимание мирового сообщества и воспользоваться испытанной тактикой: обменять ограниченные уступки в реализации ракетно-ядерной программы на экономические и политические дивиденды.

Проблемы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии были подняты в выступлении М.А. Козыревой (МГИМО МИД РФ). Докладчик отметила, что при совпадении формулируемых интересов и неконфликтной политике РФ и КНР в странах Центральной Азии тем не менее не возникает полноценного сотрудничества двух стран в регионе, так как Россия и Китай в широком контексте своей внешней политики по-разному воспринимают указанный регион. В связи с этим отличаются и мотивы действий Москвы и Пекина. Для России очевидным приоритетом стало создание сплоченной региональной экономической группы благодаря механизмам интеграции. Китай же опирается на идею глобализации, подчеркивает необходимость сохранения и укрепления институтов глобального управления.

Выступление Ю.В. Кулинецва (ИДВ РАН) было посвящено анализу условий формирования нового состава ПК Политбюро ЦК КПК по итогам XIX съезда Компартии Китая. Автор показывает политические механизмы консолидации власти в руках Си Цзиньпина и выделяет отличительные характеристики формирования новой внешнепо-

литической стратегии КНР, которая в той или иной степени затронет мировую экономику и систему международной торговли. А решения эти направлены на то, чтобы «развернуть экономику страны с экспортных рельсов» на путь развития и реализации собственных товаров в своей стране.

Г.А. Кочешков (ИСАА МГУ) охарактеризовал влияние внутривнутриполитических изменений «новой эпохи» Си Цзиньпина на действия Китая в условиях конфронтации с США. Было отмечено, что в период между XIX съездом КПК в октябре 2017 г. и 1-й сессией 13-го созыва ВСНП в марте 2018 г. произошла фиксация трансформации политической системы КНР. Она выражается в переходе от коллективного управления к единоличному правлению Си Цзиньпина и официально объявленном им начале «новой эпохи». Также в марте 2018 г. началась открытая конфронтация между КНР и США в форме торговой войны. Докладчик предпринял попытку анализа характера данной политической трансформации, действительного уровня власти Си Цзиньпина и возможного влияния этих изменений на характер действий Китая в условиях конфронтации с США.

Ряд докладов был посвящен анализу американо-китайских отношений. **А.В. Волошина** (ИДВ РАН) остановилась на роли Китая в тихоокеанском «повороте» Америки. После выдвижения Б. Обамой в 2011 г. геополитической инициативы «поворота» или «перебалансировки», призванной гарантировать сохранение доминирующего положения США в АТР, выстраивание конструктивных отношений с Китаем стало важнейшим элементом этой стратегии. Докладчик отметила, что изменения в относительной мощи Америки и Китая, а также стремление КНР утвердиться в качестве ведущей азиатской державы и предложить странам АТР свою модель региональной архитектуры стали вызовом для американской политики в Азии. В ходе анализа был сделан вывод об изменениях, которые претерпел «поворот» со сменой американской администрации, а также ставится вопрос об эффективности данной стратегии с точки зрения реализации поставленных США целей.

М.В. Баганец (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина) посвятила свое выступление изучению тайваньского вопроса в диалоге между Пекином и Вашингтоном. Неурегулированный политический статус Китайской Республики является одной из ключевых проблем в китайско-американских отношениях. В докладе были рассмотрены тайваньская политика США, а также отношение к ней материкового Китая. Докладчик подготовила свое выступление на основе анализа ведущих международных СМИ, включая онлайн-версию «Жэньминь жибао» и портал «Новости Тайваня».

В выступлении **А.М. Хайзниковой** (МГИМО МИД РФ) рассматривалось неформальное объединение, в которое входят США, Япония, Австралия и Индия, что может привести к созданию индо-тихоокеанского альянса. Автор обращает внимание на то, что основной причиной формирования «ромба безопасности» стал Китай, он же стал и главным препятствием на пути сближения четырех стран. Дальнейшее сближение Вашингтона, Токио, Канберры и Нью-Дели в военно-политической сфере может привести к протесту со стороны Пекина, а также к усилению напряженности в регионе и потенциальной гонке вооружений. Автор полагает, что вероятность создания формального объединения невелика, хотя США, Япония, Австралия и Индия будут продолжать усиливать сотрудничество в двустороннем формате.

В.С. Гончаров (РАНХиГС, Москва) обратил внимание на сближение трех стран в АТР — Вьетнама, Индии и Японии — не только в вопросах торговли, но и в сфере безопасности. Автор отмечает, что формирование коалиции Нью-Дели — Токио — Ханой должно повысить вовлеченность России в политические и экономические процессы в АТР. В то же время Москва не может усилить политическое сотрудничество с Ханоем из-за конфликта Вьетнама и КНР. Определенные перспективы открываются в 2019 году, объявленном двумя странами перекрестным годом. Докладчик отметил также важность

усиления деятельности Российского экспортного центра и Российского фонда прямых инвестиций в сотрудничестве с вьетнамскими деловыми кругами.

В. Срисанит (МГИМО МИД РФ) в своем докладе исследовала концепцию внешней политики Таиланда, его отношения с США, Китаем и Россией. Эксперт указала факторы, способствующие и препятствующие отношениям между странами, проанализировала будущие направления внешней политики Таиланда.

В докладе **В.В. Вершининой** (МГИМО МИД РФ) было отмечено, что с началом 2000-х годов Вьетнам еще больше активизировал свою политику в АСЕАН, что выразилось в организации и проведении им ряда встреч на высшем уровне и различных международных мероприятий в рамках этой организации. В 2000-е годы динамично развивались многоплановые отношения Вьетнама с Индонезией, Малайзией, Филиппинами. СРВ стремится поддерживать стабильный курс на дальнейшее расширение торгово-инвестиционного и научно-технического сотрудничества со всеми странами АСЕАН.

А.М. Харитонова (СПбГУ) выступила с докладом, посвященном отношениям Королевства Камбоджа и США в период с 1953 по 1960 г., где отметила, что после окончания первой Индокитайской войны (1945–1954 гг.) и проведения Женевской конференции в 1954 г. произошла масштабная перестановка международных сил, связанная с подготовкой ко второй войне и усилением влияния США в регионе. Докладчик проанализировала камбоджийско-американские отношения того периода, основываясь на изучении материалов архивов ГАРФ и РГАСПИ, а также Департамента истории (США) и статей Н. Сианука.

Формирование международного имиджа КНР в XX—XXI вв. стало темой доклада **Д.А. Архиповой** (Челябинский госуниверситет). Исследуя внешнеполитический курс Китая с момента образования КНР, автор показала процесс формирования международного имиджа Поднебесной и проанализировала причины возникновения различных, иногда диаметрально противоположных, мнений о внешнеполитической деятельности Китая.

К.И. Бикмаева (ИСАА МГУ) рассмотрела тему кочевых школ в Монголии. Они создаются преимущественно или по инициативе местного населения, или при поддержке международных организаций. Современная сеть кочевых школ и детских садов еще не так широко распространена по стране. Однако ее развитие может решить ряд серьезных проблем, в частности получения более качественного образования, а также предоставления одинакового стандарта грамотности всем учащимся, в том числе и тем, кто отстал от школьной программы. Система кочевых детских садов, особенно широко действующая в летние месяцы, может позволить родителям уделять больше времени хозяйству, а детям получать систематизированную подготовку к школе.

В докладе **Е.В. Яковкина** (Колледж олимпийского резерва, Пермь) сравнивались восприятие Японии русскими эмигрантами и советскими гражданами на основе двух книг, выпущенных в 1943 и 1958 г. Между этими датами события Второй мировой войны, атомные бомбардировки Японии, оккупация страны и послевоенное восстановление. Докладчик указал, что и русские эмигранты, и советские граждане одинаково пишут о сочетании современности и традиций в Японии, отмечают трудолюбие народа, восхищаются японской культурой. Рассматриваемые книги, в которых ощущается дух эпохи, по мнению докладчика, являются ценным источником по изучению русско-японских отношений.

На секции «Экономика» рассматривались различные аспекты экономического развития государств Северо-Восточной Азии и их сотрудничества, в том числе с Россией. Выступление **Е.О. Заклязьминской** (ИДВ РАН) было посвящено внутренней системе классификации туристских объектов в Китае, проблемам и перспективам ее функционирования. Докладчик предприняла попытку проследить, как получение статуса объекта 3А, 4А, 5А и включение в списки ЮНЕСКО влияют на развитие северо-восточных, центральных и западных районов страны, выявив каким образом внутрикитайская класси-

фикация сопрягается с ключевыми программами развития сектора, особенно программой «кластерного» туризма.

Л.Д. Перфильева (Забайкальский государственный университет) представила доклад о международном сотрудничестве КНР с арктическими странами с целью расширения китайского влияния в Арктике. Отдельное внимание было уделено совместным российско-китайским проектам по разработке полезных ископаемых и использованию транспортного потенциала региона. **К.С. Муратшина** и **Д.Е. Начинов** (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина) проанализировали основные направления межрегиональных связей Свердловской области с китайской провинцией Хэйлуцзянь, классифицировав сферы партнерства двух регионов, а также оценив эффективность этих связей для экономики Свердловской области.

Доклад **Е.О. Нахатакян** (МГИМО МИД РФ) был посвящен развитию экономического сотрудничества между Китаем и Тайванем, вызвавшего формирование комплексной экономической взаимозависимости между странами. Было показано, как «асимметричная взаимозависимость» позволяет Китаю использовать различные экономические инструменты для продавливания своих национальных интересов, а также проанализированы основные экономические меры, которые используются Китаем в отношении Тайваня, особенно после прихода к власти администрации Цай Инвэнь.

В своем выступлении **Цююй Гаоянь** (НИУ ВШЭ) рассмотрел политические риски при осуществлении прямых иностранных инвестиций КНР. Используя новый индекс политического риска (индекс PRI) при анализе, автор пришел к выводу, что подавляющее большинство китайских ПИИ в период с 2006 по 2017 г. сосредоточено в странах с умеренным и низким уровнем риска, даже на секторальном уровне.

А.А. Игнатов (РАНХиГС) представил доклад об опыте Японии в имплементации Целей устойчивого развития ООН (ЦУР), принятых в 2015 г. Показав концептуальную основу и институциональные механизмы реализации поставленных задач, автор выделил аспекты, в которых опыт Японии может стать моделью для работы по продвижению ЦУР в России.

Несколько выступлений было посвящено экономическому развитию государств Корейского полуострова и их сотрудничеству с Россией. **Н.П. Лешакова** (ИСАА МГУ) проанализировала опыт Республики Корея в создании «умных городов», показав их преимущества и выделив ключевые проблемы и препятствия на пути развития. **П.П. Эм** (Институт географии РАН) охарактеризовал демографические проблемы «сжимающихся», то есть теряющих большую часть населения за короткий промежуток времени, городов Южной Кореи. Докладчик пришел к выводу, что существенный отток молодежи из этих городов послужил причиной быстрой трансформации половозрастной структуры населения в сторону его значительного старения. **Х.Т. Атабекова** (УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина) рассмотрела экологические аспекты деятельности южнокорейских ТНК в России через анализ экологических стандартов, которых они придерживаются на своих производствах, и инициатив экологического волонтерства. Особенности современной экономической системы КНДР было посвящено выступление **Л.В. Захаровой** (ИДВ РАН), где были указаны истоки формирования экономической системы КНДР, ее изменения в исторической ретроспективе под влиянием внешних и внутренних факторов, а также современное состояние в таких областях, как государственное управление экономикой, отношения собственности, государственная структурная политика, внешнеэкономические связи.

Отдельного внимания заслуживают доклады о региональном и трансрегиональном экономическом сотрудничестве в различных сферах. Современное состояние и перспективы проекта Азиатского энергокольца, призванного объединить энергетические системы России, КНР, Монголии, КНДР, Республики Корея и Японии, были рассмотрены в выступлении **А.Ф. Синяковой** (МГИМО МИД РФ). Докладчик пришла к выводу, что

проект такого масштаба если и может быть реализован, то лишь поэтапно через изначальное развитие двустороннего сотрудничества в экспорте-импорте электроэнергии. Доклад А.В. Куприянова (ИМЭМО РАН) был посвящен анализу инвестиционной и экономической активности Китая, Японии и Южной Кореи в северо-восточных штатах Индии. Докладчик отметил принципиально разный подход трех стран к ведению бизнеса в этом регионе, выделил причины, приведшие к такой ситуации, и сделал прогноз на будущее. В частности было указано, что Япония целенаправленно пытается закрепиться в прежде закрытом регионе, КНР рассчитывает на формирование инфраструктурных проектов с участием как местных, так и центральных индийских властей, а РК в перспективе может использовать факт увлечения местного населения корейской культурой. А.А. Назина (МГИМО МИД РФ) оценила преимущества и недостатки участия Монголии в проектах Пояса и Пути с точки зрения Китая и России. На основе анализа наиболее перспективных трехсторонних инициатив был сделан вывод о том, что наиболее жизнеспособными являются проекты обновления УБЖД, строительства железных дорог в западной части Монголии, наращивания автомобильного сообщения и строительства новых автотрасс, создания трансграничной сети ЛЭП и развития сферы туризма.

На основе представленных материалов организаторами конференции будет подготовлен для публикации сборник докладов.

© 2019

*Л.В. Захарова, к.э.н., старший научный сотрудник,
К.А. Чирков, старший научный сотрудник,
Ю.В. Кулинцев, научный сотрудник,
А.Ч. Мокрецкий, старший научный сотрудник (ИДВ РАН)*

Рецензии

Мэнцзы: в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исслед., пер. с кит., примеч., прил. И.И. Семененко; МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСАА МГУ. М.: Наука — Востлит, 2016. 901 с.

В конкурсе переводов китайской литературы «Вдумчиво всматриваемся в Китай» 2018 г. в категории «Древнекитайская литература» победителем стала книга И.И. Семененко, включающая новый перевод «Мэнцзы» и двух впервые переведенных на иностранный язык классических комментариев: комментария Чжао Ци (108–201) «Мэнцзы в главах и фразах» («Мэнцзы чжанцзюй»), вошедшего в состав «Тринадцатиканония», и комментария Чжу Си (1130–1200) «Мэнцзы со сводными комментариями» («Мэнцзы цзичжу»), вошедшего в состав «Четверокнижия». В вышедшей книге они составили Отдел II, озаглавленный «Перевод и комментарии» (с. 149–812). Перевод «Мэнцзы» разбит на 7 традиционных книг, каждая состоит из двух частей. При этом каждая из 14 частей получает собственный номер. Эти части уже в свою очередь делятся на 260 небольших глав, представляющих собой диалоги или высказывания Мэнцзы. Параллельная нумерация удобна, так как дает однозначное указание на искомый отрывок текста и позволяет соотнести его с принятой в китайских изданиях нумерацией. Так, раздел 7 будет соответствовать части 1 книги 4. Все переводы снабжены достаточно подробными собственными примечаниями переводчика, за текстами всех глав «Мэнцзы» дается еще и сделанный И.И. Семененко разбор реализованных в них логической структуры и риторических приемов.

Победа во всероссийском конкурсе — лучшая рекомендация большой и весьма квалифицированной работе по переводу одного из важнейших конфуцианских памятников, проделанной И.И. Семененко. У нас нет никакого сомнения, что данному переводу «Мэнцзы» уготована долгая жизнь и высокая востребованность у читателя. При всей важности качества перевода на его популярность будут работать также указанные выше логические разборы текстов. Во-первых, стилистическую окрашен-

ность китайского оригинала иногда непросто однозначно отразить в ином по строю русском предложении. Разбор может в этом помочь. Вторых, такие разборы — готовый учебный материал, который найдет применение в различных гуманитарных курсах от формальной логики и литературы до китайской философии и истории. Их чтение пойдет на пользу и зрелому Китаеведу, так как заставит его кое-что освежить в своих знаниях о построении силлогизмов и о системе доказательств тезиса.

Указанные разборы не ставили себе учебные цели. На самом деле это материал, изъятый из первого исследовательского очерка «Парадоксы доброты» в составе Отдела I (с. 15–75) и умело распределенный в качестве своеобразных послесловий к переводам всех глав «Мэнцзы». Таким образом были достигнуты две цели — исследовательский очерк стал лаконичнее и более ориентирован на освещение общих вопросов, а послесловия при главах стали звучать конкретнее и более доказательно в соседстве с текстом, который они иллюстрируют. Отдельного и особого внимания заслуживает сам очерк «Парадоксы доброты».

Хорошо известен общепринятый подход к философии Мэнцзы как к этико-политическому учению. На врожденной «доброй природе» человека основывается конфуцианское «гуманное правление», путь к которому лежит через «человеколюбивое сердце» правителя. Исследователи китайской философии убедительно показали важность учения о «сердце» в средневековом и более позднем неоконфуцианстве, в формировании которого если не важнейшую, то уж точно не последнюю роль сыграли идеи Мэнцзы. В то же время в обширном вступном предисловии к известной всем двухтомной антологии «Древнекитайская философия» гносеологии Мэнцзы отведена пара строк, в которых сообщается лишь, что предполагаемое Мэнцзы единство «Неба» и человеческого

«сердца» открывало возможность познания мира через самопознание. И.И. Семененко в своем очерке, по сути, впервые в нашем китаеведении поставил и детально рассмотрел проблему теории познания Мэнцзы. Естественно, что здесь нашло свое отражение и этическое учение. Для этого исследователю пришлось обратиться к космолого-онтологическим взглядам Мэнцзы, которые в его изложении оказались оригинальными и перспективными для дальнейших исследований. О том, в насколько «систематическом и обобщенном виде» (с. 12) было представлено учение Мэнцзы, судить читателям, но совершенно очевидно, например, что идея темпоральности Неба, как и некоторые другие, впервые рассмотрены И.И. Семененко в данном исследовании. По-новому анализируются сама преемственность важнейших письменных памятников конфуцианства, а также трансформация в них архетипов китайской культуры.

Исследователь показал, что «разумность» в познании понималась Мэнцзы как набор правил и приемов рассуждения, которые и были воплощены в его книге (с. 58). Опираясь «метафорами как понятиями», Мэнцзы был способен выйти лишь на уровень логики риторической аргументации, формальная логика осталась для него недоступной. И.И. Семененко показывает многообразие логических приемов Мэнцзы, выделяет преобладание дедуктивных силлогизмов. При этом индукция в форме аналогии выступает у Мэнцзы «главной основой аргументации» (с. 59). Исследователь, по-видимому, первым обратил внимание на неполноту логического вывода в аргументации Мэнцзы, основанной на несовместимости понятий, когда основная тема рассуждения как бы уходит в подтекст (с. 165). Отдавая должное наблюдательности исследователя, в большую заслугу ему стоит поставить то, что он смог и доказать это с помощью традиционных китайских комментариев к книге «Мэнцзы».

Показывая риторическую направленность аргументации Мэнцзы, И.И. Семененко, по-видимому, говорит о риторике и ораторском искусстве в одном и том же смысле, употребляя эти термины как синонимы. Тем не менее у читателя иногда возникает неуверенность относительно того, хотел ли автор как-то особенно выделить или подчеркнуть значение звучащей речи и исполнительского мастерства для оратора и его искусства убеждения. Отметим, что терминология — это вопрос не только русской стилистики, но и содержания. Например, в случае устного ораторства и письменной риторики

речь идет о заведомо меньшей логичности устного выступления, что необходимо учитывать при оценке рассматриваемого текста.

Если логика Мэнцзы, как показал И.И. Семененко, не была совершенной, то стройная логика самого исследователя в организации своей книги вполне очевидна. Рассмотренный выше очерк вместе со вторым очерком «В диалоге с Мэнцзы (герменевтические аспекты изучения Мэнцзы)» (с. 76–148) (курсивом без кавычек у Семененко по всей книге выделено заглавие книги «Мэнцзы») составляют исследовательский Отдел I «Мэнцзы и китайская экзегеза». Это не оставляет сомнения, что «гносеологический» очерк служит введением к обсуждению другой столь же важной и столь же новой для нашего китаеведения темы китайской герменевтики.

За исключением нескольких древних канонических памятников, традиционная китайская философия в большей своей части существовала в форме комментариев к классике. Изучение собственно комментаторской традиции (т.е. правил, приемов, установок и т.п.) в научном китаеведении началось только в 80-х годах XX века (с. 76). Общие вопросы древней и средневековой китайской герменевтики рассмотрены в главах I–V очерка (с. 76–102). Главы VI–IX (с. 102–148) посвящены непосредственно комментариям Чжао Ци и Чжу Си, переводы которых помещены в Отдел II. И.И. Семененко выделяет «объяснительную» и «метафорическую» тенденции в китайской герменевтике. Первую представляет Чжао Ци, вторую — Чжу Си.

Приходится отметить, что и в этой части работы И.И. Семененко не поясняет, насколько важна (или неважна) его избирательность в употреблении терминов экзегетики (экзегеза) и герменевтики в применении к «Мэнцзы». Он упоминает «типологический подход», который, как известно, относит экзегетику к священным (религиозным) текстам, тогда как философская герменевтика занимается изучением толкований всего и вся. Остается непонятным, происходило ли постепенное перерастание герменевтики «Мэнцзы» в ее экзегетику. Если учесть довольно беспокойную политическую историю Китая и активное участие в ней конфуцианского каноноведения, то вызывает некоторые сомнения утверждение, что в Китае на «каноничности» (под ней понимается как «неформальная», так и «политическая» каноничность) уже с древности «лежала печать святости, еще более утвердившаяся в Средние века» (с. 80). Об отношении Мэнцзы, по крайней мере, к одному из «священных канонов» в дос-

таточной мере свидетельствует его изречение 14.3: «Лучше быть без «Книги» [«Шуцзин» — *Рец.*], чем всецело вскричь ей» (с. 760). И.И. Семеновко дает подробный обзор дискуссий о китайской герменевтике и экзегетике в зарубежной литературе, отмечает и, по-видимому, разделяет подход по уравниванию (разумеется, только с точки зрения методов толкования текстов) религии и идеологической ортодоксии. Обзор будет интересен и полезен для многих читателей, потому что содержит много нового материала по малоизученной отечественными учеными теме. Здесь, думается, также можно было бы сообщить об обсуждении вопроса природы учения конфуцианства и в нашем Китаеведении (работы А.И. Кобзева и др.)

Хорошая новая книга всегда побуждает читателей к размышлениям о предметах, которые не обязательно волновали или занимали ее автора. В центре внимания автора вполне оправданно остается древнее и средневековое конфуцианство. В то же время он неоднократно сообщает о нестрогости древней конфуцианской ортодоксии. В отношении «Мэнцзы» этот вопрос мог бы получить дальнейшее развитие. Важность категории *ци* (в переводе И.И. Семеновко *порыв*) у Мэнцзы явным образом роднит его с даосизмом. В свое время на это обратил внимание В.В. Малявин («вскармливание *ци*»). На это мнение работает и тот факт, что книга «Мэнцзы» некоторое время включалась в даосский «Дао цзан» (см. главу Л.Н. Меньшикова в «Рукописной книге в культуре народов Востока»). Сомнительны основания для отнесения изначального текста «Мэнцзы» к ханьской традиции «древних писем». И.И. Семеновко ци-

тирует сообщение М. Найлан, которое она сделала в сноске, не подтвердив его ни в своих «списках», ни где-то еще в статье. В источниках таких сведений мы не встречали. На редких, но неизбежных в книге такой сложности и объема описках мы останавливаться не будем. Однако транскрипцию *Цзычэ* второго личного имени Мэнцзы (с. 157) в предисловии Чжу Си стоило бы поменять в соответствии с древним произношением второго иероглифа (значение *повозка*) на *цзюй*. Конечно, мы не знаем, как именно Чжу Си произносил второй иероглиф, но известная двойная фамилия, а также другие средневековые и более поздние варианты написания второго иероглифа в этом имени Мэнцзы говорят, что его, скорее всего, следует читать *Цзыцзюй*.

Нам остается повторить, что представленная многолетняя работа И. И. Семеновко заслуживает самых высоких похвал. Ее стоит прочитать не только специалистам по древнекитайской философии, но и всем, кто занимается или интересуется Китаем и китайской культурой. Для классического Китаеведения книга важна не только своим непосредственным вкладом в новые для нас области исследования. Она дает нам чувство перспективы. Молодому ученому на ее примере должно быть понятно, что даже многократно исследованный и, казалось бы, досконально изученный текст китайской классики все еще таит в себе неизведанные глубины, ожидающие своего открытия. Обратившись к китайской герменевтике и переводам комментариев, И.И. Семеновко открыл для российского классического Китаеведения обширное поле деятельности, которому не видно конца.

© 2019

А.Е. Лукьянов, д. филос. н., проф.,
руководитель Центра изучения
китайской культуры ИДВ РАН
(e-mail: lukyanov48@mail.ru)

Л.В. Стеженская, к. филол. н.,
старший преподаватель Института
классического Востока и античности НИУ ВШЭ
(e-mail: stezh@rambler.ru)

Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 344 с.; Транспорт КНР: место и роль в развитии региональной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 432 с.

Транспорт Китая является одной из крупнейших базовых отраслей и важнейшей инфраструктурной опорой народного хозяйства КНР, гарантирующей стабильность производственного процесса. Будучи необходимым условием территориальной целостности КНР, связанности единства ее экономического пространства, транспортные коммуникации объединяют все административные единицы провинциального уровня и связывают страну с мировым сообществом, являясь материальной основой обеспечения внешнеэкономических связей КНР и ее интеграции в глобальную экономическую систему. Благодаря транспортным сетям возникают определенные межотраслевые связи, которые занимают значительный удельный вес в системе производственных отношений экономики страны. Транспортный комплекс КНР во многих своих аспектах достаточно специфичен, поэтому проведенный автором специальный анализ экономических отношений, связанных с его функционированием, сегодня крайне актуален и необходим.

Монография «Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики» состоит из 3 глав: «Становление и развитие транспортного комплекса КНР», «Современное состояние отраслевой инфраструктуры» и «Транспорт КНР превращается в один из основных драйверов социально-экономического развития страны»; в ней рассматриваются основные этапы развития инфраструктуры транспортного комплекса, современное состояние и приоритетные направления реформы отрасли.

В главе 1 монографии дан анализ причин, обусловивших возникновение транспортной проблемы и ее обострения к концу 1990-х годов. Автор отмечает, что прошлом в силу политических и иных причин китайское руководство недооценивало роль транспорта в социально-экономическом развитии КНР. Начиная с 1960-х годов было нарушено оптимальное распределение капитальных вложений между производством и транспортом, недостаточные бюджетные инвестиции в отрасль привели к диспропорции между техническими возможностями транспорта и развитием народного хозяйства. В результате производственные мощ-

ности транспорта развивались медленнее, чем материально-техническая база потребителей его услуг, а межотраслевые диспропорции привели к многочисленным случаям работы отдельных видов транспорта в сфере, им не свойственной. Автор показывает, как труден был переход отрасли к рыночной экономике: жестко контролируемый государством, весьма капиталоемкий транспортный комплекс оказался малопривлекательным для инвестирования. Это привело к торможению его развития, катастрофическому старению основных фондов и, как следствие, к нарастанию напряженности в работе комплекса. При этом макроэкономические потери были существенно выше, чем потери доходов отрасли — транспорт превратился в «узкое место» в экономике КНР, а общий ущерб из-за несовершенного транспортного обслуживания исчислялся десятками млрд юаней (с. 13).

Хронологические рамки главы 2 охватывают начало XXI в., наиболее динамичный в эволюционном отношении период развития транспортного комплекса КНР, непосредственно связанный с проведением интерактивной модернизации отрасли на основе инновационного прорыва. Внутриотраслевые и макроэкономические диспропорции вынудили китайское руководство энергично приступить к реформированию важнейшей инфраструктурной опоры экономики КНР, которая требовала включения механизма планово-централизованной концентрации финансовых ресурсов на приоритетных направлениях технологического прорыва в развитии транспортного комплекса КНР. Новая программа базировалась на понимании, что достижение скорейшей сбалансированности отраслевой структуры экономики возможно лишь на основе приоритетного направления государственных капиталовложений в развитие транспортного комплекса. Стремительное развитие транспортного комплекса КНР с начала XXI в. обеспечивалось в основном за счет бюджетных инвестиций: их объем за 18 лет превысил объем капиталовложений в отрасль за период 1949–2000 гг. С начала реформы отрасли ежегодный объем капиталовложений, учитывая различные источники финансирования, составил более 5% ВВП, а в период 12-й пятилетки

(2010–2015) превысил 8,1% ВВП, что явилось самым высоким показателем в мире (с. 33). Автор подчеркивает, что стремительный экономический рост КНР в начале XXI в. в значительной мере был обеспечен благодаря масштабным бюджетным инвестициям в развитие транспортной инфраструктуры, однако при этом правительство взяло курс и на диверсификацию источников финансирования отрасли, активно привлекая прямые иностранные инвестиции и поощряя сделки по «слиянию и поглощению». Это создавало благоприятные условия для полноценного участия отечественного и зарубежного частного капитала, обеспечивающего на начальном этапе модернизации привлечение передовых западных технологий, а на втором — производство и экспорт национального инновационного и конкурентоспособного транспортного продукта с высокой добавленной стоимостью. Автором проведен исчерпывающий анализ форм и методов государственно-частного партнерства, применяемых в области развития транспортного комплекса КНР, которые отличаются большим разнообразием и направлены на реформирование инфраструктурной отрасли в целях ее более органичного включения в систему рыночных отношений. Таким образом создается альтернатива приватизации жизненно важных, имеющих стратегическое значение инфраструктурных объектов государственной собственности. При оценке степени развития всех видов транспорта КНР, автор проанализировал внутриотраслевые и структурные параметры транспортного комплекса Китая, соответствие его инновационного и пространственного развития запросам технологически зависимых от него отраслей экономики и всего народного хозяйства КНР в целом. Основное внимание уделено определению отраслевых приоритетов — ключевых для укрепления и развития китайской экономики. Это такие факторы, как мультипликативный и экстернативный эффекты, генерируемые в смежных отраслях промышленности, расширение занятости, активизация как внутреннего спроса, так и спроса на внешних рынках на китайскую транспортную продукцию. Автором сделан вывод, что к началу 13-й пятилетки по большинству показателей транспортный комплекс КНР превратился в мирового лидера, а транспортная проблема страны была в значительной мере снята.

В главе 3 автор указывает, что руководство Китая придает огромное значение развитию транспортной сети, особенно высокоскоростных магистралей, благодаря чему ускоряется пространственное развитие и укрепляется

региональная связанность страны, активизируются процессы внутренней миграции, возрастает скорость движения, что приводит к сокращению сроков оборачиваемости грузов. Масштабные капиталовложения в развитие автодорожной инфраструктуры Китая производят мультипликативный эффект в различных отраслях промышленности, увеличение ВРП и, как следствие, ускоряют процессы интеграции и конвергенции социально-экономического развития административных единиц провинциального уровня. Создание разветвленной автодорожной сети способствует доступу местных производителей на ранее недоступные региональные рынки, обеспечивая рост конкуренции, стимулируя снижение себестоимости продукции, что неизбежно ведет к повышению уровня жизни населения. Автор справедливо отмечает, что экстернативные эффекты от расширения высокоскоростной транспортной сети включают мультипликативные эффекты, генерирующие прирост макроэкономических показателей (рост ВВП и объемов валовой продукции промышленности, увеличение бюджетных доходов). Происходит распространение по системе межотраслевых связей первоначального стимула прироста спроса, связанного с увеличением объемов пассажирских и грузовых перевозок и инвестиций в развитие инфраструктурной сети. В процессе строительства инфраструктурной сети генерируется дополнительный спрос, как на продукцию фондообразующих отраслей, так и на материалы и сырье, необходимые для функционирования транспортной сети. В свою очередь, доходы, полученные в рамках реализации проекта, также стимулируют прирост потребительского спроса и, как следствие, спроса на индуцированные инвестиции, причем краткосрочный эффект от инвестиций генерируется в процессе строительства объектов инфраструктуры, а долгосрочные экстернативные эффекты вызывают спрос в смежных отраслях экономики. Автор приводит яркий пример: согласно расчетам китайских экономистов, 1 млрд юаней, вложенный в развитие высокоскоростных железных дорог, создает более 25 тыс. новых рабочих мест в железнодорожной отрасли и в 2 раза больше рабочих мест в смежных отраслях; инвестирование 700 млрд юаней (108,5 млрд долл.) капиталовложений в железнодорожное строительство обеспечивает спрос на 30 млн т стали и 140 млн т цемента; увеличение объема капиталовложений в развитие высокоскоростной железнодорожной инфраструктуры на 1% способствует росту ВВП КНР на 1,5% (с. 143–144).

Сегодня основная цель экономического развития КНР базируется на новой модели экономического роста, ориентированной на стимулирование роста китайских зарубежных инвестиций и увеличении экспорта инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью. В решении этой приоритетной национальной задачи транспортному комплексу КНР, являющемуся мощным мультипликатором экономического развития, отводится главная роль.

Монография «Транспорт КНР: место и роль в развитии региональной экономики» состоит из 3-х глав: «Современное состояние российско-китайской интеграции в области транспорта», «Евразийская инфраструктурная интеграция РФ — КНР: проблемы и перспективы» и «Основные континентальные евразийские транспортные коридоры КНР» и представляет расширенный анализ планов создания китайской системы континентальных грузовых транспортных маршрутов, способных обеспечить доминирование Китая на рынке евразийских транзитных перевозок. Автор отмечает, что в настоящее время пространственная геополитика Китая, ставшего центральным инфраструктурным звеном евразийского транзита, превратилась в многовариантную транспортную парадигму. В монографии анализируются транспортные аспекты взаимоотношений РФ и КНР, расположенных на пересечении основных транзитных магистралей двух полюсов экономического развития АТР и Европы.

В главе I указывается, что сегодня Дальний Восток РФ является ключевым звеном интеграционных процессов России в АТР, а его динамичное развитие невозможно без объединения транспортных сетей РФ и КНР. Для этого, по мнению автора, необходима реализация совместных российско-китайских инфраструктурных проектов, направленных на развитие приграничного транспортного взаимодействия в складывающейся парадигме евразийской инфраструктурной интеграции. От возможности присоединения к ней и использования ее синергетического эффекта потенциальную выгоду смогут получить не только РФ и КНР, но и все участники будущего евроазиатского транзитно-транспортного проекта (с. 53–54). В главе рассмотрены основные транспортные маршруты двусторонних грузовых перевозок между РФ и КНР, проведен анализ логистических систем, форм и методов приграничной передачи транзитных экспортных грузов на российско-китайских пограничных переходах.

В главе 2 автор рассмотрел возможные способы и пути интеграции РФ в междуна-

родную транспортную систему с целью повышения доли России в международных перевозках между странами АТР и Европы, выявил и проанализировал внешние и внутренние факторы, препятствующие встраиванию российской транспортной сети в систему международных транзитных коридоров. В главе изложены основные экономические и пространственные преимущества сухопутного транзита через территорию РФ, формирующие ее значительный потенциал в обеспечении евразийских интеграционных процессов и развитии экономических связей между двумя крупными полюсами — Европой и АТР (с. 55–56). Однако отмечается, что перспективы полноценного включения РФ в экономические и интеграционные процессы АТР в первую очередь обуславливаются созданием национальной высокотехнологичной транспортной системы и использованием того минимума возможностей, которые не утрачены окончательно (с. 68). Реализация конкретных предложений по развитию транспортной сети ДФО РФ и формированию новых конфигураций совместной российско-китайской приграничной инфраструктурной интеграции, по мнению автора, позволит увеличить уровень надежности транспортного сообщения между РФ и КНР, заинтересовать и побудить Китай к императивному транзиту грузов из стран АТР в Европу по российским транспортным маршрутам. Автор указывает, что России следует стремиться реализовать совместные с КНР инфраструктурные проекты и определять оптимальные варианты встраивания приграничного российско-китайского инфраструктурного взаимодействия в складывающуюся парадигму евразийской транспортно-транзитной интеграции, не упуская при этом своей выгоды и не попускаясь собственными интересами.

В главе 3 представлены китайские проекты создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» («пояс и путь»), всесторонне анализируются их основные маршруты, а также внутреннее содержание проектов, включая финансово-экономическую, транспортную и инвестиционную составляющую. Автором проведен анализ деятельности специальных финансовых институтов — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Фондов финансирования создания «пояса и пути», призванных обеспечить приток инвестиций в строительство транспортных путей в западных провинциях КНР и в странах, прилегающих к маршрутам «пояса и пути» (с. 113–117). Это строительство позволит ускорить конвергенцию социально-экономического

развития западных провинций Китая, которые в логистическом отношении становятся важнейшим звеном маршрутов «пояса и пути», и укрепит связность единого экономического пространства страны. Прокладка зарубежных сетей и поставка китайского подвижного состава для новых зарубежных магистралей позволит обеспечить заказами многие отрасли китайской промышленности, испытывающие сегодня острый кризис перепроизводства, а увеличение объемов экспорта высокотехнологичной транспортной продукции с высокой добавленной стоимостью обеспечит Китаю возможность выхода на новые рынки сбыта, что будет стимулировать рост объемов китайской внешней торговли.

Автор резюмирует, что на фоне создания нескольких альтернативных маршрутов транзитных перевозок в направлении Азия — Европа российскому руководству необходимо отказаться от упования на мифические географические, транспортные и иные преимущества, которые способны автоматически гарантировать ей место среди стран, обеспечивающих наполняемость своих транспортных сетей евроазиатским транзитным потоком грузов. В силу дезинтеграционных процессов последних десятилетий Россия потеряла большинство из этих преимуществ, либо они утратили свое определяющее значение. Стремительное превращение КНР в ключевое звено евразийских перевозок должно побудить российское руководство активизировать развитие российско-китайской инфраструктурной интеграции, которая, в первую очередь, связана с реализацией регионального транспортного сотрудничества Дальнего Востока РФ и провинций Северо-Востока Китая. Отсутствие прямого выхода к морским портам побуждает промышленно развитые провинции СВК к ис-

пользованию континентальной транспортной сети и морских портов ДФО РФ для вывоза своей экспортной продукции. В дальнейшем с опорой на российские порты Зарубино (в рамках международного транспортного коридора «Приморье-2») и Сабетта часть транзитного грузопотока может транспортироваться по маршруту «МШП-21» и по российскому Северному морскому пути. Заинтересованность китайской стороны в сотрудничестве с Россией подтверждается желанием провинциальных властей Северо-Восточного Китая инвестировать значительные средства в развитие транспортного комплекса ДФО РФ — строительство приграничных железных дорог, модернизация пограничных КПП и морского порта Зарубино (с. 188). Если Россия с помощью Китая сумеет обеспечить повышение пропускной способности восточного полигона Транссиба, дальневосточных портов и Северного морского пути, то у нее появится реальный шанс обеспечить превращение ДФО РФ в значимое звено транзитных перевозок из Северо-Восточного Китая в страны АТР и Европы, а наличие такого партнера, как КНР, в этом стратегически важном проекте может оказаться самым ценным преимуществом.

Автором проделана большая исследовательская работа по анализу современного состояния, проблем развития и перспектив транспортного комплекса КНР. Несомненно, положительный китайский опыт реформирования важнейшей инфраструктурной отрасли экономики может быть использован при составлении российских программ развития отечественного транспорта. Монографии С.Л. Сазонова, по нашему мнению, будут полезны как исследователям экономики Китая, так и практическим специалистам транспортной отрасли России.

Contents

POLITICS

- K. Asmolov.* Relationship in the Sino-Korean «Triangle»
B. Kondorsky. Historical, Economic, Political and Ideological Backgrounds for the Chinese Project of “Silk Road Economic Belt”

THE 40TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE PRC AND THE USA

- Yu. Dubinin.* On the History of the Establishment of Modern US-China Relations
A. Davydov. Ideology and Pragmatism in Establishing and Strengthening Sino-American Relations
A. Voloshina. China in the “Pacific Pivot” of the United States
V. Petrovsky. US-China Trade Wars: Economy or Geopolitics?
Ya. Leksyutina. «Trade Wars» and the Struggle for Renewal of World Economic Order
S. Trush. D. Trump and China: Intermediate Results

ECONOMY

- A. Ostrovsky.* The PRC Law on Individual Income Tax
A. Shurubovich. Economic Relations between Belarus and China: Status, Trends, Problems
L. Zakharova. Modern DPRK Economy and Prospects for Its Transformation
Ya. Mishchenko. Trade and Economic Cooperation between Japan and the ASEAN Countries: Bilateral and Multilateral Formats

THEORY AND METHODOLOGY

- N. Bedareva.* Partnership Diplomacy of China: Levels of Partnerships

ROUND TABLE IN THE IFES RAS

- Vietnam-China Relations: a Difficult Search for Consent

HISTORY

- G. Romanova.* The «Opening» of China by the Capitalist World and the Beginning of Modernization of the Country (the Second Half of the XIX Century)
Ye. Yakovkin. «Killed at Nomonhan»: Creation of the Hero Cult as an Example of Anti-Soviet Propaganda among the Russian Far Eastern Emigration (1939–1945)

CULTURE

O. Zavyalova. Putonghua: from the «Language of Officials» to the Language of the Middle Class

A. Isaev. China's Cooperation with the USSR and Russia in the Field of Cinematography (1949–2019)

A. Donchenko. The Importance of Traditional Chinese Calligraphy in Modern Society

SCIENTIFIC EVENTS

L. Zakharova, K. Chirkov, Yu. Kulintsev, A. Mokretsky. «East Asia in Changing World». (The VI International Conference of Young Orientalists)

BOOK REVIEW

A. Lukyanov, L. Stezhenskaya. Mengzi: the New Translation with the Classic Comments by Zhao Qi and Zhu Xi

N. Koledenkova. Sazonov S.L. China's Transport: Place and Role in National Economic Development

Contents

Summary

Summary

K. Asmolov. Relationship in the Sino-Korean "Triangle"

Beijing's policy in respect of the two Koreas may be called "equally oriented": the improvement of Chinese relations with the North Korea doesn't lead to the decline of cooperation with the South.

The relationship between China and the DPRK demonstrate a high level of contacts in both the political and economic spheres. But in the case of further strengthening of the US-PRC confrontation, China will reduce the interaction with ROK and the USA on the issues of denuclearization and weaken the sanctions pressure on North, trying to control the speed of rapprochement with America. Pyongyang is trying to ensure its freedom of maneuvering.

Relations between China and South Korea now returned to the level of interaction that was reached before the deployment of the US THAAD missile defense system in South Korea.

Key words: PRC, DPRK, ROK, Sino-Korean relations, international security, denuclearization of the Korean Peninsula.

B. Kondorsky. Historical, Economic, Political and Ideological Backgrounds for the Chinese Project of "Silk Road Economic Belt"

To analyze the concept of the "Silk Road Economic Belt" implemented by China, a systematic, integrated approach was used. Special attention is paid to the historical background. The basic provisions of the theory of revolutionary period were applied. China (as well as Russia) belongs to the third generation countries, in which the nature of political and economic development is markedly different from that in Western countries. These countries are characterized by relapses of the past, especially in China. In modern China this was manifested, first of all, in the Renaissance of Confucianism. The role of such phenomena in the formation of the "Silk Road Economic Belt" project is shown.

Key words: Silk Road Economic Belt, domestic and foreign policy of modern China, «Chinese dream», geopolitical space, revolutionary period.

Yu. Dubinin. On the History of the Establishment of Modern US-China Relations

US-China relations suffered serious changes in the XX Century. They were developing from America's protests against Japan's aggressive actions in China based on the principle of "Open door" policy in 1930s, through the close US-China alliance in the war in the Pacific and a great power status for China in 1940s and finally terminated with US refusal to recognize the PRC and proclaiming the "containment and isolation" policy. The impasse in US-China relations was resolved after President Nixon's visit to China in 1972.

Key words: USA, China, US-China relations, Shanghai communique, R. Nixon.

A. Davydov. Ideology and Pragmatism in Establishing and Strengthening Sino-American Relations

The article presents an overview of the main stages of rapprochement between China and the United States and the establishment of relations between the two countries after long years of alienation and hostility. An attempt is made to analyze the relationship between pragmatic and ideological motivations in the process of this rapprochement, which ended in 1979 with the establishment of diplomatic relations between the United States of America and the People's Republic of China. The main reasons of the American-Chinese disagreements at the present stage are described. The prospects for the future development of relations between the two countries are briefly analyzed.

Key words: USA, China, pragmatism, ideology, diplomatic relations, bilateral relations, development prospects.

A. Voloshina. China in the “Pacific Pivot” of the United States

In 2011, the President Obama’s administration officially put forward a geopolitical initiative, which is known under the name of “Pivot” or “Rebalancing”. The most important element of this strategy, designed to guarantee America’s dominant position in the Asia-Pacific region, was the forging of constructive relations with China. In this article the author attempts to reveal how America’s policy towards China has been developed and implemented in the context of “Pivot”. The analysis allows to make conclusions about the transformation of “Pivot” due to the change of American administrations. The question whether the strategy has been effective in terms of the achieving of the US goals is raised.

Key words: the US, China, “Pivot”, the Asia-Pacific region, the Indo-Pacific region, the Obama administration, D. Trump.

V. Petrovsky. US-China Trade Wars: Economy or Geopolitics?

Trade and economic disputes between China and the USA have a long history, but now it became evident that the protectionist policy of Donald Trump contrasts the consistent policy of China in favor of the free trade principles based on the WTO rules. Washington views Beijing as its main strategic competitor in all spheres, including trade and economy. The US unleashed the trade war against China also to weaken a growing competitor in the high-tech sphere by non-economic means.

Key words: trade and economic relations, the WTO rules and principles, protectionism, trade wars, strategic competition, dialectics of competition and cooperation.

Ya. Leksyutina. «Trade Wars» and the Struggle for Renewal of World Economic Order

In August 2017 the US President D. Trump launched under the Section 301 of the Trade Act of 1974 an investigation of China’s policies on intellectual property, technology transfer, and innovation. Since July 2018, the United States has unilaterally implemented three rounds of tariff increases under Section 301 on a total of \$250 billion worth of Chinese products and restricted China’s investments in US economy. The article explains the logic of D. Trump’s trade policy, his motivation behind the initiation of “trade wars”, and his vision of the desired world economic order.

Key words: China, US, “trade war”, China’s rise, international economic system, protectionism, D. Trump, US-China relations.

S. Trush. D. Trump and China: Intermediate Results

China, the US-China relations have become the special topic for the Trump administration, combining the factors of domestic and international political agenda. The US Security Strategy in 2017 for the first time characterized China as the «strategic competitor». Amidst the «trade war» China has the right to secure the basic principles of national economic order, those not contradicting to the rules of the WTO. China is not ready yet to adjust the model and structure of its economy to fit into the international value chains and dominate in such chains the way America does. The symptom of the “cold war” is gaining momentum in the US –China relations. Their differences in values, ideology, historical experience are becoming more visible.

Key words: US-China relations, trade war, Trump administration, globalization.

A. Ostrovsky. The PRC Law on Individual Income Tax

On August 31, 2018 amendments to the PRC Law on individual income tax were adopted. The amendments propose the increase of progressive income tax for individuals with incomes higher than the average. At the same time the minimal non-taxable yearly income increased and the individuals with incomes below 60000 yuan per year (about 5000 yuan per month) were given tax-free status.

Key words: The PRC Law on individual income tax, progressive income tax, population living standard, wages, income tax rate, privileges for different population strata, aggregate yearly income.

A. Shurubovich. Economic Relations between Belarus and China: Status, Trends, Problems

The article presents condition, trends and problems of the Belorussian-Chinese economic relations. The prospects of their development are evaluated. Importance of mutual cooperation for both countries is revealed. Considerable progress achieved in their development during the last years is noted. Particular attention is devoted to participation of Belarus in the project of “Silk Road Economic Belt” (SREB), where it is supposed to become an important transportation and logistic hub. Difficulties in eco-

conomic relationship are marked, including raw materials character of Belorussian export to China and not favourable investment climate in Belarus.

Key words: Belarus, China, economic relations, mutual trade, investment, transit, the Silk Road Economic Belt.

L. Zakharova. Modern DPRK Economy and Prospects for Its Transformation

The article analyzes the key trends in the development of the North Korean economy and the main principles of its operation. The prospects of further transformation of the country's economic structure are revealed. Applying the system approach and modeling methods the author constructs a model of the modern DPRK economy which consists of different sectors depending on key management principles and coordination mechanism. Prospects of the system's transformation are considered within four suggested scenarios based on the combination of the main internal and external factors.

Key words: DPRK, economy, model, economy structure, sanctions, socialism, market economy.

Ya. Mishchenko. Trade and Economic Cooperation between Japan and the ASEAN Countries: Bilateral and Multilateral Formats

The article analyzes the current state of trade and economic relations between Japan and the ASEAN countries. The author conducted the comprehensive analysis of main forms of economic relations between two sides — trade, investment, official development assistance — during the first two decades of the XXI Century. The latest statistics for 2017 from the original Japanese sources are used. Among the ASEAN countries key partners of Japan in each of main three areas of economic cooperation are singled out, the latest trends of its current state of development are recorded. An analysis of the most relevant and effective formats of multilateral cooperation between Japan and ASEAN in the XXI Century is carried out.

Key words: Japan, ASEAN, Southeast Asia, trade, official development assistance, investment.

N. Bedareva. Partnership Diplomacy of China: Levels of Partnerships

Nowadays China pursues the construction of broad partnership network on international level. The article analyses the partnership system, level structure of it and its character features. By means of the linguistic analysis method the level-forming components defining hierarchy of the levels of partnership system are revealed. Their classification reflects current state of the partnership system of the People's Republic of China with other countries in 2018.

Key words: diplomacy of partnership, levels of partnership, network of partnership, Chinese foreign policy, comprehensive partnership and strategic cooperation.

G. Romanova. The "Opening" of China by the Capitalist World and the Beginning of Modernization of the Country (the Second Half of the XIX Century)

The article deals with the first stage of Chinese modernization, which began in the second half of the XIX Century under the influence of an external factor as a result of the forced "opening" of the country by the leading Western powers. The exogenous type of economic modernization of China is emphasized. The article stresses recent changes in the scientific assessments related to the process of "China opening", which had an impact on the accelerated development of the country along the capitalist path and was a stimulus for its modernization.

Key words: economic modernization of China, colonial policy, capitalist Powers, foreign trade, industrial revolution, foreign capital, traditional society.

Ye. Yakovkin. "Killed at Nomonhan": Creation of the Hero Cult as an Example of Anti-Soviet Propaganda among the Russian Far Eastern Emigration (1939–1945)

The article describes the death of the Russian emigrant M. Natarov in the military conflict of 1939 near the Khalkhin-Gol River, in which representatives of emigration participated on the side of Japan. The example of creation of the hero cult of a person who died in battles with the Soviet troops, the methods and effectiveness of propaganda activities of emigrant organizations and Japanese military-administrative bodies in the territory of Manchuria are analyzed.

Key words: Russian emigration, Asano detachment, Manchukuo, military conflict on the Khalkhin-Gol River, Kwantung army, Harbin.

O. Zavyalova. *Putonghua*: from the “Language of Officials” to the Language of the Middle Class

Knowledge and usage of the official Chinese language — Mandarin — is an aspiration of most of the residents in contemporary China. By creating a “middle-income society” the Chinese State spreads the official Chinese language among the less educated poor. In parallel, efforts are being made to preserve the rich linguistic heritage and linguistic diversity of the multi-ethnic and multi-dialect country.

Key words: language policy, spread of Putonghua, Chinese dialects, “society of average prosperity”, poverty eradication.

A. Isaev. China’s Cooperation with the USSR and Russia in the Field of Cinematography (1949–2019)

The article analyses the main stages, forms and development trends of bilateral cooperation between the USSR/Russia and China in cinema industry over the last 70 years. The author demonstrates that each of these periods introduced brand new elements into the cultural interaction of the two countries using the capabilities of film-making as the most popular art form. Nowadays the cooperation of the two countries in the field of cinema relies upon the experience gained over a long period of time that forms a solid foundation for its further development.

Key words: Russian-Chinese cooperation, cultural ties, cinematic cooperation, joint film production, film distribution, modern technologies in cinema, humanitarian communication.

A. Donchenko. The Importance of Traditional Chinese Calligraphy in Modern Society

The art of Chinese calligraphy has a long and continuous history of development and is still an important part of Chinese culture. The article touches upon some issues related to the place and role of calligraphy in modern Chinese society.

Key words: China, calligraphy, traditional culture, fine arts.

Поправка

В № 1 журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2019 г. на с. 191 заголовков некролога следует читать:

<p>Анатолий Алексеевич Козлов 15.06.1940 — 14.01.2019</p>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

БАКАЛАВРИАТ
Востоковедение и
африканистика

МАГИСТРАТУРА
Экспертно-аналитическое
востоковедение

АСПИРАНТУРА
Обучение в Институте
востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение восточным и английским языком. Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

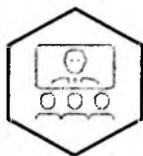
Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК РФ. В нем публикуются основные научные результаты исследований по следующим отраслям науки (согласно Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени) – экономические, исторические, политические науки.

Издание входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) <http://www.elibrary.ru>.

В соответствии с издательскими требованиями все научные статьи, поступающие в журнал, проходят предварительное рецензирование с целью их экспертной оценки.

Подробная информация о правилах направления, рецензирования и опубликования статей размещена на официальном сайте журнала: <http://www.ifes-ras.ru/pdv>.

Подписной индекс издания в каталоге «Пресса России» – 70 758.

Возможно оформление льготной подписки в редакции.

По вопросам подписки обращайтесь к заведующей редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной (тел.: 8 (499) 124–02–15).

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Тел.: 8 (495) 935–01–01. С условиями подписки можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал «Проблемы Дальнего Востока» обязательна.

Мнение автора необязательно совпадает с точкой зрения редакции.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научный журнал Российской академии наук

(свидетельство о СМИ № 0110158 от 05.02.1993 г.)

Адрес редакции : 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32;

тел. (499) 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2019 г. Дмитрий Славинский

Подписано к печати 08.03.0319 г. Формат 70×100 1/16 Уч.-изд. л. 14,6
Тираж 410 экз., включая 5 экз. бесплатно. Зак. 14/2а. Цена свободная.

Учредители: Российская академия наук; Институт Дальнего Востока РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+